

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

112
113

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 112-113

TRIMESTRIEL

II-III 1974

№ 112-113

II-III-1974

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, прот. Алексей Князев, И. В. Морозов.

Америка: Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Кирилл Фотиев, М. Гизетти, О. Раевская.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на

Во Франции
с целью поддержки

1974 г.	1975 г.
50 Фр.	60 Фр.
100 Фр.	120 Фр.
13 долл.	15 долл.
25 долл.	30 долл.

К/х

..... 50 F
 ..... 20 F
 ..... 5 долл.

ТЬ ТОЛЬКО НА ПОЧТОВЫЙ
 les Etudiants Russes,
 Paris-15*

анского Движения.

des Etudiants Russes,
 ace. Tél. 250-53-66

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

112
113

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
 РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
 РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
 МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
 9 4001450

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 112-113

TRIMESTRIEL

II-III 1974

ОТ РЕДАКЦИИ

I

ЕЩЕ О НАПРАВЛЕНИИ ЖУРНАЛА

112-й номер ВЕСТНИКА появляется с незначительным на первый взгляд, но на самом деле существенным изменением на обложке и на титульном листе. Вверху, в названии журнала, одно слово опускается; внизу, в обозначении места издания, одно слово прибавляется. Опускание и прибавка взаимосвязаны и друг друга поясняют.

Как мы писали в предыдущем выпуске, за последние годы, в частности начиная с 97-го номера, ВЕСТНИК перестал быть органом Русского Студенческого Христианского Движения в прямом и узком смысле, если понимать под Движением не направление, не идею, не духовную семью, а организацию. В юбилейном сотом номере 9/10 статей ещё были написаны на Западе старыми эмигрантами или их отпрысками; в 111-ом номере пропорция ровно обратная: 9/10 статей написаны в России или совсем недавними выходцами из неё. Это обстоятельство побудило Редакционную коллегию расширить наименование ВЕСТНИКА, не меняя его, но выкинув ограничивающее определение „студенческий“. Многие старые движенцы вероятно с грустью воспримут это изменение как измену, как отход от изначального призвания. Столько светлых воспоминаний связано именно с РСХД, для стольких именно РСХД позволило войти в Церковь, приобщиться к её богатствам, что само название как бы сакрализовалось. Но опускание слова „студенческий“ отнюдь не означает, что ВЕСТНИК в какой бы то мере отходит от РСХД и его идеалов: по-прежнему РСХД будет его издавать, направлять, вдохновлять. Однако в буквальном смысле журнал является *вестником* чего-то большего, чем заслуженной религиозной организации, *вестником* неоформленного „русского христианского движения“ с особой силой развивающегося в России. „У нас сейчас, пишет свящ. Димитрий Дудко, происходит такой религиозный процесс, которого может быть ещё не знала

история, во всяком случае Россия". Опуская ограничительное слово, ВЕСТНИК даёт имя этому процессу (отчасти пришедшему на смену Демократическому Движению), и как бы обязуется быть его выразителем. Вот почему к двум указаниям ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК мы дерзновенно прибавляем МОСКВА, хотя по условиям сегодняшнего дня никакой постоянной и организованной связи с Россией быть не может. Каждый из этих городов имеет определённое своё значение. Париж был местом расцвета русского религиозно-философского возрождения, и поныне остаётся значительным, хотя и немногочисленным православным центром. В Нью-Йорк переместилось наиболее динамическое крыло Парижского Православия и в новых условиях молодой, уже не русской, а американской Церкви, деятельно применяет к жизни заветы русского богословия. Наконец Москва (в символическом значении) — место стихийного религиозного возрождения, метущегося в условиях несвободы, ищущего общения с Западом, и уже этому же Западу свидетельствующего о своей напряжённой вере и жажде подлинной духовности.

Так ВЕСТНИК, идя навстречу пожеланиям из России, одновременно расширяет и определяет своё направление: опираясь на славные Парижские традиции, на динамизм Американской Церкви, он будет отражать духовное возрождение в России, и, по мере сил, ему помогать.

II

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА А. СОЛЖЕНИЦЫНА „ЗАРУБЕЖНОМУ СОБОРУ“

Письмо А. Солженицына „Зарубежному Собору“, как и ответ на него митр. Филарета*, без сомнения вызовут многочисленные комментарии и бесконечные споры. Здесь мы можем коснуться лишь самого главного.

В своём письме А. Солженицын ярко и выпукло свидетельствует о том, что „Церковь в России плененная, угне-

* См. тексты письма и ответа на стр. 99-111 настоящего номера.

тенная, придавленная, но отнюдь не падшая“, что именно она, эта видимая Церковь, возглавляемая не всегда достойным епископатом, окормляет сегодня русский народ, а не какая-то вымышленная катакомба „таинственная, безгрешная, но и бестелесная“.

На это краугольное утверждение митр. Филарет не дал сколько-нибудь определенного ответа, так как оно идёт в разрез со всеми установками „Зарубежной Церкви“. Принять свидетельство Солженицына означало бы отказаться от той идеи, которая определяет самостоятельность „Зарубежной Церкви“ и обособляет её от всего Православного мира. Считая Московскую Патриархию „падшей“ безвозвратно, „Зарубежная Церковь“ склонна распространить эту падшесть и на всех тех, кто в каком-либо общении с Москвой. Отсюда проистекает её самозамкнутость и отчуждение.

Нельзя не приветствовать призыва А. Солженицына к объединению разубежных русских юрисдикций. Будем надеяться, что оно послужит хотя бы к ослаблению розни и вражды. Но, как нам кажется, этот призыв должен быть расширен. Больше полвека пребывания в рассеянии не могло не пройти бесследно. Теперь уже — впрочем к тому склонялся ещё в 1926 году митр. Сергей Страгородский, когда высказывал свои мысли свободно — церковное объединение на Западе должно охватить *всех* православных (а не одних только русских) и вылиться в создание поместных церквей (чему положено начало в Америке).

В ответе митр. Филарета (помимо исторических неточностей, в частности в том, что касается митр. Евлогия) поражает нечеткость эkkлезиологических установок. Что первичнее в Церкви — Христос или национальное служение? В чем задача Церкви? Нести свет Христов всем людям или только одной этнической группе? Неужели в Церкви, вопреки апостолу Павлу, может быть разделение между Эллином и Иудеем? Если бы православная Церковь за полвека своего рассеяния не укоренилась на Западе, то не уподобилась бы ли она бесплодной смоковнице?

И как горделиво звучит совершенно неверное утверждение, что без „Зарубежной Церкви“ на Западе не осталось бы ничего русского! Как ни парадоксально, но именно та

часть русской Церкви в рассеянии, что „ушла к грекам“ или „стала американской“, именно она продолжила на Западе великую русскую духовную культуру, не зарыла свой талант в землю, а приумножила его. К творчеству этой Церкви обращается теперь возрождающееся в России религиозное движение, ибо другого религиозно-духовного творчества за рубежом и не было.

„Уход к грекам“ и „укоренение на Западе“ не измена России, а наоборот, подтвержденное опытом, необходимое условие, чтобы спасти Церковь от ограничивающих и парализующих её национализма и политики, чтобы воплотить в жизни лучшие заветы русской Церкви и русской духовной традиции.

Никита Струве

Богословие, Философия

Свящ. Дмитрий ДУДКО

Из книги «О нашем уповании» *

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Видимо, в связи с тем, что наступает Рождество Христово, поступило много вопросов о Самой личности Иисуса Христа, о христианстве. Эти вопросы можно разделить на три группы.

Первая — это собственно даже не вопросы: люди пишут о своей вере в Христа. Я так понял, что им хочется поделиться той радостью, которая пришла к ним с приходом веры. Для меня эти свидетельства очень интересны.

Вторая группа — уже вопросы, задают их верующие. Многие спрашивают: какие есть научные данные, что Христос в самом деле жил. Ответ нужен не столько для них, сколько для тех, кто в свою очередь им задает вопросы. Пишут, что литературу, эти вопросы освещающую, не достать. Издающийся журнал «Наука и религия» никого не удовлетворяет — ни верующих, ни неверующих. Пишут, что там нет ни науки, ни религии. «Журнал Московской Патриархии» тоже не дает ответа на эти вопросы, хотя журнал религиозный. Да если бы и давал ответы, его невозможно достать, потому что на него нет открытой подписки. Хочу сразу же заметить: вы все-таки постарайтесь осуществить подписку через «Союзпечать», а если откажут, то обратитесь за разъяснением к уполномоченному по делам Церкви. А то говорят, что нет нужды, потому что журнал не пользуется спросом.

Третья группа вопросов происходит, повидимому, от сомневающихся или от неверующих. Потому что такие выражения, как «странно говорить о Христе, как об исторической личности,

* Как читателям Вестника уже известно, свящ. Дмитрий Дудко провел в своем Московском приходе (а затем, после запрета и на дому) одиннадцать открытых бесед с прихожанами. Беседы были записаны и составили книгу, которая, под заглавием *О нашем уповании*, в скором времени выйдет в издательстве YMCA-PRESS. О всех событиях, вызванных беседами, см. в этом номере отдел: «Судьбы России».

если наука доказала, что Его не существовало», или: «Священное Писание состоит из противоречий», говорят сами за себя. Но я не возмущаюсь безапелляционности этих мнений, каждый волен думать, что ему угодно. Я скорее радуюсь: значит и неверующих теперь привлекает храм, и они, пусть не прямо, но ищут разъяснений, задумываются, это еще больше меня укрепляет в том, что не напрасно затеял я эти беседы. Хорошо было бы, чтобы и другие священники подхватили это начинание. Ведь антирелигиозным пропагандистам выгодно религиозное невежество, потому что они его своим журналом и усугубляют, а мы — священники, не стараемся его рассеять. За религиозное просвещение! — под такой рубрикой открыть бы целый цикл лекций. Думаю, что без слушателей не остались бы. Хотя по секрету скажу, что меня уже предупреждают: смотрите, как бы чего не вышло! — Ох, уж это беликовское «как бы чего не вышло!» — как оно парализует нашу деятельность. Сразу же отвечаю на это предупреждение. Как бы чего не вышло! — такое предупреждение позорит священника, священник должен дерзать. Он должен быть пастырем, который готов положить душу свою за овец своих. Священник крестом доказывает то, чего не может доказать словом и делом. Пострадать за убеждения, за веру, за дело Божие — что может быть выше и что может быть более убедительным аргументом? Так что не надо пугать.

Это во-первых.

А во-вторых, я делаю то, что необходимо для всех, ибо вижу, что без христианства многие, особенно молодежь, зашли в тупик. Отсюда и пьянство, и хулиганство. Моя деятельность направлена на то, чтобы помочь людям выбраться из тупика. Мне кажется, что деятельность священников сейчас одна из необходимейших. Вот я и решил дерзать. Бог мне помощник, и не убоюсь, что делает мне человек. Это моя вера и в ней смысл моей деятельности.

Но это все между прочим.

Обратимся к вопросам. Как видите, вопросы большие и насущные. Им бы посвятить несколько трехчасовых лекций, тогда можно было бы ответить полно. А я ограничусь очень краткими ответами. Но вначале просто зачитаю выдержки из некоторых записок.

1. «У меня недавно умер муж. Если бы я не обратилась к Церкви, ко Христу, я наверное сошла бы с ума. Спасибо Церкви!»

Что это? Это потрясающий документ. Вот и пусть говорят, что Церковь в наше время не нужна. Эта женщина, у которой

случилось горе, прежде может быть отвергала Церковь, но теперь она нашла здесь утешение и своим ответом, да и всей, вероятно, своей жизнью утверждает полезность Церкви.

Спасибо тебе, женщина, за эти слова от лица всей Церкви.

2. «У меня есть сын. Я его воспитывала в атеистическом духе. Потом он стал пить, хулиганить. Я не знала, что делать. Потому, как известно, женщина слабое существо. А муж меня покинул, ушел к другой. Он тоже был атеист, как и я.

И вдруг случилось чудо. Сын как-то уверовал в Бога, стал посещать церковь. Этого я сначала не знала. Я только удивлялась, откуда такая перемена? И признаться, боялась заговорить с сыном на эту тему, потому что у нас с ним было полное несогласие. Я только тайком радовалась за него и всегда боялась, как бы он снова не запил и не захулиганил. А он с каждым днем все делался лучше и лучше. Даже внешне изменился, как-то весь засветился. Наконец я не выдержала и спросила:

— Сынок, скажи мне, что с тобой? Ты такой стал хороший...

А он мне говорит:

— Мама, я уверовал в Бога, хожу в Церковь.

Этот ответ меня потряс. Я стояла как будто пораженная громом и не знала, что сказать. Потом выяснилось, что у сына неприятности на работе. Сначала были в связи с его пьянкой, а потом и по другой причине. Его даже понизили в должности, стал меньше получать. Но он не унывал. Я много думала, глядя на перемену в моем сыне, стала задумываться и над собой. И пришла к выводу, что мне нужно креститься. К сожалению, мои родители-атеисты этого не сделали раньше, пришлось в сорок лет креститься. Недавно крестилась. Теперь хожу в церковь и смело заявляю: вера в Христа — единственное, что нам нужно. В наше время она необходима, как никогда. Это мое твердое убеждение».

3. «Меня долгое время одолевала тоска. Такая тоска, что я не знал, что делать. К кому я ни обращался, никто не давал совета, откуда такая тоска. Я пытался пить, напиваться до бессознания, чтоб забыться, но после пьянки тоска еще более усиливалась. Пытался я увлечься работой, старался быть общественником. Скажу, что на какое-то время даже забывался, но тоска как будто дразнила меня: «Что, пытаешься скрыться? Нет, я тут как тут», — и настолько усиливалась, что всё у меня валилось из рук, я с остервенением бросал работу и по целым неделям не

выходил на производство, лежал и думал, отчего такая тоска? Хотелось грызть себя. Пытался покончить с собой. Не знаю, почему не покончил. Обратился к врачу-психиатру. Тот сначала давал мне снотворное, я в самом деле спал плохо, но проснувшись после снотворных, я чувствовал себя совершенно разбитым, и тоска еще больше усиливалась. Скажу прямо, что я был на грани сумасшествия. Но сумасшедшим, конечно, я не был, я, как говорится, здраво рассуждал, поступки мои были вполне осознанными, я во всем отдавал себе отчет. К сожалению, должен сознаться, что я рад был бы сойти с ума, чтоб забыться и не знать пожирающей меня тоски. Хотелось пойти и наговорить на себя, чтобы меня посадили в сумасшедший дом. К счастью, это не случилось. К счастью, случилось лучшее. Попалась мне в руки маленькая книжица, меньше всех книг, которые издаются теперь. **НОВЫЙ ЗАВЕТ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА**. Я стал читать, мне открылся совершенно другой мир. Мир радостный, счастливый. Я читал и не мог начитаться. Каждое слово этой Святой Книжицы ложилось на мою душу, и случилось величайшее счастье — тоска прошла. Только тот меня может понять, как следует, кто в какой-то степени страдает от тоски. Тоска совершенно прошла. Я уверовал в Христа, крестился, теперь хожу в храм, иногда пытаюсь петь на клиросе. Хотя неприятностей у меня теперь больше, чем было: меня по сокращению штатов прогнали с работы, отец пытается посадить меня в сумасшедший дом, ибо моя вера — укор для его убеждения. А я радостен. Из комсомола я выбыл как-то автоматически. Пытались предложить мне что-то, какую-то интересную работу, я от всего отказываюсь, боюсь, как бы снова не пришла тоска. Со Христом мне хорошо и радостно. Я пытался поступить в Духовную Семинарию, но пока не удастся по независящим от меня причинам. Я согласен выполнять самую незначительную, самую черную работу, работать хотя бы уборщиком или сторожем в храме, только бы быть поближе ко Христу».

4. «Несколько лет подряд меня мучил страшный вопрос. Для чего все это? Для чего мы живем? Все эти наши земные восторги рано или поздно прихлопнутся гробовой крышкой. И если это так, то выходит, что мы смешные люди. Смешон наш оптимизм, смешна вся деятельность, мы как бы стараемся обмануть себя. Зная заранее, что окончится все ничем, мы как-то бодримся. Как говорится, «все в порядке, идем ко дну». Если есть смерть, все становится бессмысленным. И однажды я осознал бессмысленность

всего, осознал остро, до пожирающей тоски, до сумасшествия. И я решил покончить с собой. Не знаю, кто меня спас, ангел ли мой хранитель, или молитвы покойной матери. Как-то я стал задумываться, что такое религия, может быть она даст ответ на мой страшный вопрос. Но кто мне это объяснит? Вот бы почитать Библию, думаю я. Но где достать? Был как-то в букинистическом магазине и обрадовался, смотрю лежит «Библия для верующих и неверующих». Я попросил у продавщицы показать мне ее. Она показала, а оказывается, там все иронически объясняется. Мне как-то жутко стало. Как можно смеяться над лучшими чувствами человеческими? Религиозные чувства мне тогда показались самыми лучшими чувствами. И я почувствовал, как будто мне в ту минуту кто-то наплевал в душу. Я вспыхнул, хотелось раздраженно что-то сказать продавщице, но сдержал себя и тихо сказал: «Если уважаете людей, никому не предлагайте этой книги». Она так грустно посмотрела на меня, ничего не спросила и не сказала, но вероятно поняла, положила ее под прилавок. С того момента у меня появилось большее желание узнать: что же такое религия? Я почему-то думал, что религия обязательно ответит на мой вопрос.

Рядом со мною жила пожилая женщина. Не знаю, верующая она или нет, но думаю, раз пожилая, должно быть верующая. И я так осторожно спрашиваю у нее. Вот я, дескать, окончил Университет, знаю и исторический и диалектический материализм, но мне кажется, там чего-то нехватает, а чего? — не знаю. Женщина смотрит на меня испытующе. Чувствую, что-то хочет сказать и думаю, наверное боится. Потом я спрашиваю у нее: нет ли у вас какого знакомого священника?

— Подождите, поговорю...

Через несколько дней она познакомила меня со священником. Я впервые увидел живого священника. Говорю «живого», потому что нам всегда представляли священника мертвым, суеверным, невежественным, обманщиком, жадным к деньгам и т. д. А это оказался молодой человек лет 33-35. Разговорились мы с ним. И я чувствую, что мне с ним интересно говорить. Я, окончивший Университет, оказался перед ним профаном. Он и материализм знает не хуже меня, и в любой науке ориентируется, хотя его когда-то за религиозные убеждения отчислили из института, не дали окончить. Поговорили мы с ним, дал он мне на первый случай почитать Новый Завет и с этим мы расстались. Я иду и думаю. У меня есть жена, тоже с университетским образованием, есть ребенок, которого мы воспитываем в антирелигиозном духе, и к тому же

она еще читает лекции в Институте марксизма-ленинизма. Что, если она увидит у меня эту книгу? Но как бы ни было, думаю, надо почитать. Пришел — спрятал. И надо же случиться такому, — она отыскала эту книгу и тайком от меня стала читать. Я от нее читаю тайком и она тайком, и кладем в потаенное место. Потом узнаю, что жена крестилась и крестила ребенка. Что мне остается делать? Я не только заинтересовался этой книгой, я уже уверовал. И мне осталось креститься открыто. Пришел в церковь, как это следует, говорю, хочу креститься. У меня почему-то спрашивают паспорт, куда-то записывают. Что это, думаю, не доносами ли занимается церковь? Я тогда еще не знал, что это советскими властями установлена такая процедура. Ну, думаю, как бы ни было, а креститься буду. Крестился, узнали на работе. Устроили суд общественности. И тут они, наконец, поставили все точки над «и». «Если б мы знали, сказали они, мы бы не дали тебе квартиру». А я в это время только получил квартиру. Всё, думаю. Никаких убеждений у вас нет, все сводится к квартирному вопросу. И тогда мне стало ясно: атеизм — это квартирный вопрос в наше время. Теперь я глубоко верующий, мысль о самоубийстве давно прошла. Работаю на прежней работе, но более честно, порядочно. Если раньше мог допустить какой-нибудь брак, увильнуть, то теперь христианская совесть подсказывает: так нельзя».

Я зачитал лишь незначительную часть подобных писем. Судите сами, насколько они красноречивы.

(А теперь поговорим) о том, какие есть научные данные о земной жизни Христа. Вероятно, здесь в первую очередь нужно будет сказать об исторических свидетельствах того, что Христос не миф, не вымысел, а в самом деле существовавшая личность.

Как известно, вплоть до последнего времени в нашей атеистической литературе утверждали, что исторически, мол, не доказано, был ли Христос, хотя изредка раздавались все же и иные голоса. Вот что мы читаем, например, в № 9 «Нового мира» за 1969 год в рецензии на книгу М. М. Кубланова «Новый Завет. Поиски и находки» (изд. Наука, Москва, 1918). Пишет профессор А. Немировский. Называется статья «Новые данные к старому спору». «Отсутствие археологических памятников, современных Новому Завету и относящихся к сфере описываемых в нем событий, открывало простор для создания ученых мифов и легенд, не менее фантастичных, чем древние... Эти методы принято называть гиперкритикой. Но пробил час и для Нового Завета. В конце сороковых годов появились первые сообщения о находках памятни-

ков письменности в тех районах, где появилось христианство. А в наши дни уже существует целая отрасль науки, изучающая эти памятники, современные христианству или несколько более древние, но во всяком случае возникшие в той же социальной среде. Находки в районе Мертвого моря нанесли сокрушительный удар по построениям гиперкритиков, находивших в Новом Завете то, что им хотелось. Книга М. М. Кубланова живо, остроумно и в то же время основательно знакомит нас с теориями, которые стали благодаря археологии вчерашним днем науки. Особенно впечатляет разбор научных свидетельств о Христе, объявлявшихся интерполяцией, вставкой позднейших христианских переписчиков. Сторонников мифологических теорий не смущало, что Тацит, сообщая о преследовании христиан Нероном в 64 г. н. э., дает христианам и христианству такую характеристику, которая немыслима для благочестивого переписчика. Тацит в своем пассаже о христианстве упоминает прокуратора Понтия Пилата, при котором в Иерусалиме был казнен основатель новой религии. Это упоминание гиперкритики считали несомненным свидетельством подложности всего пассажа. Тацит, рассуждали они, едва ли мог знать имя столь незначительного чиновника, неизвестного другим римским авторам, стало быть, Понтий Пилат лицо мифическое и упоминание о нем могло появиться лишь с легкой руки христианского переписчика. И вот в 1961 г. в административном центре римской провинции Кесарии Иудейской найдена латинская надпись с именем Понтия Пилата, рессеявшая все сомнения в личности этого римлянина. Одним из доводов неисторичности Иисуса служило молчание о Нем римских писателей I века. Но, как убедительно показывает М. М. Кубланов, это молчание само является мифом. Тацит, Иосиф Флавий, Светоний, Плиний Младший — разве этого мало для лица и явления, в общем ничтожного с точки зрения современников Нерона».

Я зачитал выдержку из статьи современного ученого. Как видим, историчность Христа признается. Хотя кто-то еще и сейчас продолжает вопить о мифичности Христа.

Но и то, что мало исторических свидетельств, это говорит не против, а за Христа. Потому что Христос перерастает историю, не вмещается в ее рамки. Кто больше Христа привлекает внимание всех народов и умов? Вокруг Христа, как говорит русский философ Бердяев, вся история вертится. Христос — центр всего. Разве этого мало, чтобы Христос был действительно всяких исторических личностей? О Христе вот уже двадцать веков не устают го-

ворить. Многие, жившие в XVIII, XIX, даже XX веках короли и политики забыты, а Христос, родившийся почти 2 тысячи лет назад, не забыт. Это самое убедительное доказательство!

Сами посудите: христианство — разве это не свидетельство существования Христа? Или что же: христианство есть, а Христа не было? Сейчас уже только невежды могут утверждать, что Христа не было. После недавних научных открытий, отвергая Христа, нужно ссылаться уже не на науку, а на собственное невежество.

Интересно здесь привести полемику поэта И. Сельвинского с поэтом Озеровым. Поэт пишет: «Я живу после Эйнштейна, Циолковского, Винера. Поэтому вы не смеете говорить, а что если я не верю? Не верите — уходите в 19 век». Науку 19 века он называет «трезвой, беспощадной и лишенной романтики... наукой Базаровых». (Полемика напечатана в «Литературной России», пятница 23 сентября 1966 г.).

Но признавая историчность Христа, подобные защитники христианства не признают во Христе Бога. Ну что ж, вполне понятно, есть такое суеверие — научное. Первый признак такого суеверия — слепая вера в науку, которой, дескать, всё объясняется. Но у науки есть своя сфера компетенции. А то, что Христос — Бог, может сказать только тот, кто верит, кто имеет религиозный опыт. Вот многие из нас, воспитанные в атеистических семьях, а сейчас ставшие верующими, и являются лучшим доказательством того, что Христос — Бог. И только мы это можем знать, вовсе не наука. Наука может говорить об историчности Христа, а о том, что Христос — Бог, может сказать только верующий в Него, только на основании собственного религиозного опыта. Это, конечно, не значит, что люди науки не могут веровать. Таких как раз много и даже в наше время. И многие ученые пишут о Христе. Наверное, из присутствующих кто-то читал такие неизданные, к сожалению, рукописи. Христос — Бог. Это можем сказать все мы — ученые и неученые — уверовавшие и нашедшие Его. Веровать во Христа стало сейчас, выражаясь языком науки, прогрессивным явлением. А безбожники довольствуются «научными данными», мягко выражаясь, двухсотлетней давности.

Приведу и еще одну любопытную выдержку из статьи «Наука — источник знаний и суеверий», напечатанной в десятом номере «Нового мира» за 1969 г. «Типичное суеверие — это убежденность в непогрешимости науки, в неопределимости научных истин. Каждый ученый на собственном опыте, на собственной шкуре почувствовал, как сложно убедиться в истине, сколько ложных

фактов казалось истинными, сколько ошибок сделал он сам, прежде чем добыл крупицу истины. Но эта внутренняя кухня мало кому известна. Для широкого читателя выводы науки носят характер бесспорности, особенно после того, как они освещены (и тем самым как бы освящены) широкой прессой. Опасный парадокс состоит в том, что наука из инструмента критического анализа, из метода проверки разумом и осмысления факта поразительно легко становится источником ходячих мнений».

Неплохо сказано. Так вот, если мы перестаем доверяться этим «ходячим мнениям» и станем самостоятельно рассуждать, то мы придем к признанию Христа не только как исторической личности, но и как Бога. Это большое счастье — обрести веру в Бога!

Что могу посоветовать прочесть о Христе.

Ренан «Жизнь Иисуса Христа». Книга написана давно, может быть кому-то в чем-то покажется устаревшей, хотя читается с интересом.

А. Боголюбов «Сын человеческий». Написана в наше время с приведением последних научных данных. Автор — молодой, полон сил, живет в нашей стране.

Карл Адам, профессор Тюбингенского университета, «Иисус Христос». Наверное будет трудно достать, но достать можно. Издана не у нас.

О третьей группе вопросов — вопросов неверующих — теперь нечего говорить много. Ибо право смешно читать, что «странно говорить о Христе как исторической личности, если наука доказала, что Его не существовало?» Какая наука? Наука столетней давности?

Или: «Священное Писание состоит из противоречий». А я скажу, что именно эти противоречия и служат доказательством подлинности Евангелий, подтверждением того, что пишут живые свидетели. Ведь только сговорившиеся, списывающие друг у друга будут повторяться во всем. Как и в жизни: свидетели одного и того же события о главном будут говорить одинаково, в деталях же разойдутся. Атеисты часто наирают на эти второстепенные расхождения и сбивают людей с толку. О них хорошо сказал Христос: «Отцеживающие комара и проглатывающие верблюда».

На этом, видимо, закончим сегодня.

Храни вас всех Рождающийся Христос.

С наступающим праздником!

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕСЯТОЙ *

Прихожанин: О. Дмитрий, мы очень просим Вас все-таки поговорить с нами и ответить на наши вопросы. Нас очень интересует, как Вы на них ответите. Кроме того, распространяются всякие слухи о том, что следующие намеченные Вами беседы будут, дескать, носить совсем нецерковный и даже антисоветский характер. Мы этим слухам не верим, потому что присутствовали на предыдущих Ваших беседах и знаем, как далеки Вы от подобных настроений. Но слухи ходят, и хотелось бы...

Священник: Я вас понимаю. И готов удовлетворить вашу просьбу и побеседовать с вами, так сказать, в частном порядке. Этого никто, кажется пока не запрещал. Что же касается антисоветского характера наших бесед, то могу сказать, что такого мнения может придерживаться лишь тот, кто очень бы хотел всякую христианскую проповедь обвинить в антисоветизме. Это, конечно, просто выверт. Но ведь известно, что при желании антисоветчину можно обнаружить и в агрономии, и в строительном деле — было бы желание.

Итак начнем нашу на этот раз домашнюю беседу. Я очень рад с Вами встретиться, хотя бы и в таком узком кругу. Я ваш приход воспринимаю, как свидетельство возникшей между нами в результате бесед дружбы, а это большая радость — дружба священника с приходом.

Прежде чем перейти к основной теме нашей сегодняшней беседы, я хочу ответить на заданный кем-то вопрос о прелести. Спрашивают: что такое прелесть вообще и в частности духовная прелесть. Видимо, вопрос поставлен неслучайно. Некоторые из церковных людей, очевидно считают, что я впал в прелесть, затеяв беседы, собирая народ вокруг себя.

Прелесть — это очень опасное состояние, в котором все человеку представляется в искаженном свете. Или он прельстится ложной идеей или обольстится собственными качествами, достоин-

*) Эта беседа, назначенная на 4 мая 1974 г., в храме не состоялась. После всенощной о. Дмитрий объявил присутствующим о запрещении Патриарха проводить беседы вплоть до разговора с ним. Группа прихожан попросила о. Дмитрия все же провести эту беседу в частном порядке, на дому, дабы получить ответы на волнующие их вопросы. О. Дмитрий внял просьбе прихожан. Беседа публикуется по записям слушателей.

ствами. О себе трудно человеку судить, особенно если он впал в прелесть. И мне трудно о себе судить. Вот и давайте вместе с вами здесь определим, что же такое прелесть. Среди вас есть и не совсем еще церковные люди, так что я постараюсь говорить на общедоступном языке. Прелесть — это самообольщение тем, чего нет на самом деле, что существует только в воображении. Вот я и хочу спросить у тех, кто обвиняет меня в прельщении: то, о чем я говорю, что здесь проповедую, есть правда или это мои выдумки? Мне могут поставить встречный вопрос, сказав, что так, мол, никто не делает (это о беседах), неужели ты думаешь все переделать? Собственно, в это и упирается обвинение меня в прелести. Ты, дескать, стремишься выделиться. Ну, что на это ответить? Одно скажу: когда гибель грозит, то обо всем постороннем забудешь и станешь действовать. Пусть мне помогут те, в ком живо чувство христианской правды, я с благодарностью приму помощь. Каких-либо личных тщеславных соображений у меня нет.

Ну, а теперь об основной теме нашей сегодняшней беседы.

Вот уже прошло девять бесед. Но это была только подготовка. Главное впереди. Прошедшие беседы кое-что наметили, вырисовалась основная линия — воскресение из мертвых (Христос воскрес!) и Царство Небесное. Это основные темы. Без их понимания в христианстве ничего невозможно понять.

На наши беседы ходят в основном христиане, но бывают и верующие других исповеданий, приходят и атеисты. Я уже говорил, что, помимо всего прочего, моей задачей было собрать людей, дабы наполнился дом Божий, призвать в Церковь живые силы. Ведь не секрет, что многие, так называемые, церковные люди превращаются в обрядоверцев, теряют живость веры, ее дух. И вот людей стало приходиться так много, что храм не вмещает. А стены ведь не раздвинешь. Это я к тому говорю, чтобы призвать вас к поддержанию порядка в храме во время бесед. Впрочем, до сих пор все, слава Богу, шло хорошо.

Я рад каждому человеку, приходящему в храм, и со всеми хотел бы найти общий язык. Сил противоборствующих много, а у нас мало сил. Но это лишь по человечески. На самом же деле у нас сил больше, чем кажется человеческому глазу. Бог, Христос, Небесные Силы, Все Святые, особенно русские мученики — вот наши силы. Эти силы невидимы, сокровенны и действуют лишь через нашу веру. По вере нашей и будет нам. Очень важно поэтому укрепить нашу веру, собрать ее, закалить и дерзать.

Сегодня мы и попробуем дерзнуть.

Девять бесед было — три по три. Как бы образ Святой Троицы.

Скажу несколько слов о Троице. Образ Святой Троицы проглядывал еще в Ветхом Завете, правда, неясно, прикровенно. Когда Бог говорил: «Сотворим», говорил во множественном числе, Святые Отцы видели в этом указание на Троицу, но открыто образ Троицы был явлен только в Новом Завете. Христос явил нам Троицу. Он Сам — второе Лицо Святой Троицы. Христос принес нам полноту Откровения о Боге. И теперь мы смотрим на все глазами Христа, Он — наш Путь и Истина.

Наверное, это не для всех присутствующих ясно, даже для христиан. Сейчас, когда религиозные вопросы многих заинтересовали, после многих лет атеистического блуждания, некоторые стали разрешать эти вопросы по-своему, возникла даже мысль о создании всеобщей религии. И тут я хочу сразу же ответить на два вопроса.

В о п р о с : Отец Дмитрий, задумывались ли Вы над той мыслью, что все религии несут в себе что-то истинное и в то же время претендуют на всемирное абсолютное значение, разжигая тем самым вражду между собою? Как Вы смотрите на идею всеобщей религии?

О т в е т : В этом вопросе, на мой взгляд, содержится три вопроса. Отвечаю по порядку.

1. Все религии действительно несут в себе истину — одна больше, другая меньше. Поэтому я приветствую все религии и хотел бы найти с ними общий язык. Это, однако, нисколько не исключает того, что я сам только христианство считаю единственной религией, удовлетворяющей всем запросам человеческой души, и более того — христианство в православном понимании.

2. Претензии религий на всемирность и абсолютность, вражда между религиями — это привнесение в религию человеческих страстей. Настоящая религия чужда враждебности. Враждуют люди, но не религии.

3. Создание всеобщей религии, соединяющей в себе достоинства различных религий — это человеческая дерзость, неосуществимая претензия. Истинная религия может быть только откровенной Богом. Религия не откровенная — это лишь религиозная философия, но не религия в истинном значении этого слова.

Создание всеобщей религии — это человеческая фантазия. Я над этим не задумывался и не хочу задумываться. Для меня христианство есть полная религия, все дающая человеку, удовлетворяющая всем его запросам. Если же кого-то христианство не удовлетворяет, то это дело его совести, пусть его Бог судит, а я не сужу. А мое мнение о таких людях следующее: Бог им еще не открылся с христианской стороны. Ищите и найдете, только не пытайтесь сами создавать религию. Кстати замечу, что в подобных вопросах нужно быть предельно искренним и чуждым гордости, самомнения.

В о п р о с : Расскажите о Боговоплощении и о перевоплощении.

О т в е т : Бог стал человеком. Это Боговоплощение. Он стал не мнимым, призрачным человеком, а самым настоящим — с плотью, костями, немощами. Принял на себя все человеческое, кроме греха. В соединении Бога и человека, когда одно другого не уничтожает, есть величайший смысл. Спасти человека и победить грех и смерть может только Богочеловек. Просто человек не в состоянии это сделать. Соединение Бога и человека вызывает активность той и другой стороны.

А вот перевоплощение зачеркивает человека, как личность. Зачеркивает человеческую активность. Идея перевоплощения ведет человека к пассивности, превращает в какую-то игрушку стихий. Эта идея — не христианская.

Надо сказать, что эти вопросы довольно трудны для понимания и боюсь, что не все уловили смысл моих ответов. Но главное, надо вот что запомнить: воплощение Бога, воплощение Христа вызывает к человеческой активности. Мы, верующие в Христа, должны быть активны. Атеисты хотят изобразить нас пассивными людьми, примирившимися со злом, покорившимися судьбе. Но это их понимание. Напротив, мы активны. Часто эта активность христианская приводит к страданиям и смерти. Атеисты выводят из этого пессимизм и пораженчество, как, якобы, черты христианства. Но и это неверное понимание. Страдание и смерть — это ведь вовсе не поражение. После распятия Христа на кресте последовало воскресение. Страданием и смертью Христос побеждает все мучения и смерть. Есть вечность, есть Царство Небесное. Атеисты при этих словах улыбаются: ну, мол, вечность и Царство Небесное — это отвлеченные понятия, а на самом деле люди хотят жить сегодняшним реальным днем. Но вечность и Царство Небесное — это как раз не отвлеченные понятия, это как раз реальность и

есть, а вот сегодняшний день, если серьезно говорить, — это понятие отвлеченное, это вода, утекающая между пальцами, тень, мелькающая и исчезающая.

И вот что хочется тут отметить. Нацеленность на сегодняшний день, а точнее на земные блага развратила нас. Если беспристрастно, открытыми глазами взглянуть, то и увидим, что стремление к земным благам сделало нас эгоистами и себялюбцами. Все для себя, ничего для других. А если иногда и ратуют вроде бы за других, то и это ради собственного же устройства. О нравственности, как таковой, в истинном ее понимании, не приходится и говорить. Прислушаемся хотя бы к языку, с помощью которого мы друг с другом общаемся. Ведь это сплошь и рядом жаргон, пересыпанный матерщиной. И на таком языке стали говорить, казалось бы, высококультурные люди, на нем даже создается литература. Неискушенному человеку или, допустим, человеку из XVIII века стыдно было бы читать, что мы пишем. Хвалимся реализмом, забывая о том, что фиксируем внимание на паталогии, на ненормальности человеческой и превозносим их, эстетизируем. Присмотримся, как мы одеваемся. Погоня за модой — это показатель опустошения нашей души.

Но язык и одежда — это лишь внешняя сторона человека. Гораздо печальнее, что и внутренне люди стали циниками, развращенными, недоверчивыми, стали бояться друг друга. Кричим о коллективизме, а сами, как никогда, одиноки. Это называется — одиночество в толпе. Некому стало доверить и довериться. А отсюда и моровая язва доноительства. Это ведь страшное зло, но мы к нему привыкли, так что уж и не кажется таким страшным. Некоторые с его помощью даже строят себе карьеру, устраиваются в жизни. Вот эти поистине несчастны, они несчастнее всех, гораздо несчастнее тех, кто из-за них страдает, хотя они могут и не понимать своего несчастья. От этого зла разрушается наша нравственность. Зло это древнее. Но если прежде оно было явлением единичным (Иуда — один среди двенадцати апостолов), то теперь среди трех один Иуда, как принято говорить.

Может быть, из-за этого и вера наша обременена сомнениями. Всё под подозрением, а поэтому нет ни к кому доверия, нет и любви. Нередко это зло поощряется руководством, за это получают даже плату. Это разъединяющее нас зло нужно осудить с церковного амвона. Но нередко боятся его обличать, потому что считают его всемогущим. Завтра же тайком будет красться Иуда, и очередная жертва повиснет на кресте.

Может быть, я кажусь наивным ребенком, говоря об этом открыто. Но не сказать не могу.

Зло подслушивания, зло доноительства, зло осведомительства — это мягко выражаясь, а если грубее — стукачества. До тех пор, пока это будет среди нас, мы не научимся понимать друг друга, не поймут, может быть, и меня, не поверят, что, обличая это зло, я никому зла не желаю. Наверное, где-то уже вороха бумаги написаны обо мне, как о злом, о недоброжелателе. Господи, спаси нас от этого зла! Неужто не страшно нам взирать на распятого на Голгофе Невинного и на жалкую фигуру болтающегося на осине удавленника, возненавидевшего и предавшего всех и себя самого. Всмотримся внимательнее — и не убоимся Голгофы, от нее воссияет свет воскресения. Только пройдя через Голгофу, можно стереть голову Левиафана и с жалостью и любовью снять труп с осины и вздохнуть над ним — сколь страшна участь предателя.

Я потому так сосредоточился на этом зле, что в нем, как в фокусе, сосредоточились многие дурные черты современного человека. И это не только у нас происходит, а повсюду в мире.

Мы достигли большого прогресса, ведем титаническую борьбу, что-бы сохранить мир и отсрочить гибель. Но прогресс стоил нам многого. Развалилась семья, процветает разврат, пьянство, преступность. Часто преступники одеваются в приличную одежду и занимают начальнические кресла. А к какой катастрофе привел прогресс природу! Она мстит за варварское отношение к ней. А раковое заболевание! Ведь оно стало теперь так же обычно, как грипп. Вот охватишь это все мыслью и ужаснешься — гибель, хаос!

Кто-то может сказать, что я сгущаю краски, что есть еще добро. Дай Бог!

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водой. И сказал Бог: да будет свет», — читаем мы в Библии.

Земля безвидна и пуста, тьма над бездною. Но Дух Божий есть, и слышится голос: да будет свет!

Я хотел бы, чтоб каждый из вас почувствовал бы себя как в начале творения мира. Мы все призваны к творчеству. С чего же начать? Что делать?

Земля безвидна, тьма над бездною. Неустройство в семье, в обществе, в мире. Нужно отчетливо осознать, что мы призваны Богом творить вместе с Ним новый мир.

Да будет свет! О, если бы стало так!

Чтобы что-то сделать серьезное, нужно, чтобы свет, настоящий свет просветил нас. При творении мира Бог прежде всего произносит: да будет свет! Если же не будет света в душе, если не поставим перед собою задачи, во имя которой трудимся, то ничего не выйдет из нашего труда, просто будем блуждать во тьме. А кто ходит во тьме, тот не знает, куда идет, сказано в Евангелии.

Часто труд человеческий подобен такому блужданию во тьме. Такой труд без большой цели нуждается в понуканиях и поощрениях, но все равно часто исполняется спустя рукава. Видит понукающий — будем работать, не видит — можно баклуши бить. Чего же можно достичь при таком делании? Все силы уходят на устройство отдельных людей, причем одни жиреют, другие нуждаются. Но вот случается какая-то катастрофа, и вдруг все видят: ничего нет, все их труды по устройству себя пошли прахом. Чем жить? Что делать? Бодриться и в бодром настроении идти ко дну? Вымученно, по приказу улыбаться? Ведь ни труд сам по себе, ни земные блага сами по себе ничего человеку не дают. Недавно в «Литературной газете» была напечатана статья о том, как вещи поглощают людей, о том, как некоторые люди за вещами ничего не видят. Там в частности рассказывалось о том, как один человек, наживавшийся на горе других во время ленинградской блокады, пришел однажды домой и видит, что дома нет, снесло его бомбой вместе со всем его нажитым богатством. Он тогда опустился на землю и больше уже не встал.

Ни сам по себе труд, ни блага земные сами по себе ничего не значат. Есть рабский труд — это проклятие. Есть такие земные блага, которые делают человека отвратительным для окружающих. Нужно, чтобы свет был в нашем делании, нужно знать, во имя чего мы трудимся.

Я сейчас никого не хочу критиковать, прошу понять меня правильно. Я приветствую людей, ставящих перед собой большие истинные цели. Сам же я, как христианин, как священник, ставлю перед собой цель. Моя цель — нести людям свет Христов и звать в Царство Небесное. Я вижу, что без этой цели все у нас рушится, гибнет и все достижения пусты. Это не значит, что я вообще против достижений прогресса. Но их нужно наполнить подлинным светом.

Да будет свет! Да придет Царствие Твое! — вот что должно сегодня быть нашим девизом.

Да будет Свет во всех наших делах и поступках, Свет Христов!

Да придет Царствие Твое, Господи, как на Небе, так и на земле! Царствие Божие не приходит заметным образом. Оно внутри нас есть, как сказано в Евангелии. О, если бы так было! Как бы мы стали счастливы! Счастливы во всех превратностях жизни, даже когда смерть приблизится. Мы переходили бы тогда не в небытие, а из временной жизни в вечную. Жизнь всюду — и там, и здесь.

В о п р о с : По-Вашему выходит, что верующий делает добро, надеясь на загробное воздаяние. Не находите ли Вы, что в этом есть что-то отвратительное, корыстное и, в конце концов, антихристианское? Какая-то торговля добром, замаскированный эгоизм? Не заповедал ли Христос творить добро так, чтобы правая рука не знала, что делает левая, то есть бескорыстно? Истинное добро — само себе награда и цель, оно не нуждается в кнуте и прянике. А столь вульгарно, обиходно понятая идея добра не вносит ли в христианскую нравственность некое разложение, не ведет ли к столь распространенному ханжеству?

О т в е т : Вопрос поставлен серьезно, хотя, судя по нему, спрашивающий не имеет отчетливого христианского понятия о добре, в частности и мои слова на эту тему понимал неправильно. Негодование его против «корыстолюбия», «замаскированного эгоизма», нравственного разложения, ханжества мне понятно; понятно и честное его стремление разобраться в этих вещах, вижу его искренность и благородство, но при этом хочу заметить, что в вопросе много надуманного и слишком все заострено без снисхождения к слабостям других.

Делай так, чтобы левая рука не знала, что делает правая. Верно, так сказал Христос. Но Он же сказал: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на Небесах.

Впрочем давайте немного остынем и подумаем, какая разница между наградой здесь и там. От неясности в этом вопросе часто происходят недоразумения. Да, награда здесь развивает корыстолюбие, жадность, эгоизм, ханжество. Награда там, в силу того, что мы ее не видим и не ощущаем, не может развивать этих дурных чувств. Разве сделает кого-нибудь корыстолюбивым мысль о том, что в Царстве Небесном не вознаграждается жадность? Не станет же эгоистом тот, кто верит, что в Царстве Небесном эгоизм не вознаграждается. Там вознаграждается бескорыстие, самоотверженность, скромность. Награда в Царстве Не-

бесном — это совершенно иная, нежели здесь награда, награда там — это развитие добрых качеств человека. Делать что-то в надежде на награду в Царстве Небесном — это и значит делать бескорыстно, самоотверженно, скромно, делать, не помышляя о награде. По христианским понятиям, если ты представил себе себя добрым — это уже знак того, что ты не добр. Мы, христиане, когда делаем, то знаем, что дело наше не умрет не только, например, в памяти потомков, но вечно будет живо самым реальным образом, потому что есть Царство Небесное. Это награда? Да, награда, потому что добро не исчезает. И правильно говорит спрашивающий, что истинное добро само себе награда. Но Царство Божие — это не вульгарно понятая идея воздаяния, а это именно вечность, неуничтожимость добра.

Приведу пример из жизни. Вот недавно мне рассказали про одну женщину, работавшую санитаркой в больнице. Был там всеми покинутый восьмилетний мальчик. Родители от него отказались, жил он в каком-то приюте. Он был не по-детски озлоблен на всё. Болезнь его была безнадежная, лечили его формально, знали, что всеравно умрет. И он это понимал. Все люди его раздражали, никому он не верил. А вот эта санитарка, в силу своей веры, прониклась жалостью к нему. Вначале он и ей не верил и на нее раздражался. Но потом как-то увидел, что она искренне и совершенно бескорыстно его жалеет и расположился к ней. Одной ей он радовался, от одной нее все принимал. Начал успокаиваться, стал ровнее характером. Женщина эта его крестила, и он умер примиренный со всеми, радостный. А потом она бегала по всем церквям и подавала записочки о его упокоении. Мальчик этот стал ей родным и близким. Так вот эта санитарка в обыденной жизни может кому-то показаться ханжой, потому что она все время говорит о «наградах» в Царстве Небесном. Но, задумайтесь, кто она в действительности.

Или вот мать семерых детей ходит и обслуживает больных и престарелых. Она думает о наградах в Царстве Небесном. Так что же, будем считать ее ханжой?

Еще пример. Врач лечит больных и, в то же время, напоминает им, чтобы они задумались о Боге, проверили бы свою совесть, ведь в жизни не происходит ничего случайного, может быть, говорит, есть у вас какие-то неисповеданные грехи, так постарайтесь очистить свою душу. Врача за эти разговоры не награждают, ничего, разумеется, не платят за это, а многие, наоборот, — считают ее эгоисткой, ханжой. А она все-таки делает свое

дело — не за плату, а под улюлюканье и насмешки чьи-то, потому что знает, что в Царство Божие войдут только употребляющие усилие, те, кого осмеивают и ненавидят здесь. «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на Небесах». Те люди, о которых я говорил, радуются о наградах, ожидающих их там. Но неужели в их христианскую нравственность это вносит некое разложение, делает их ханжами? Или для нравственности в этих случаях было бы полезнее, если бы они получали зарплату за эти свои дела?

Царство Небесное и награда в Нем — это не то, что земная награда, она ничего не дает иного, кроме того, что развивает в нас добрые и бескорыстные чувства и подвигает на добрую бескорыстную деятельность. И сделки тут никакой нет. С Богом не заключают сделок. Царство Небесное — это то, что добро не есть фикция, что оно не погибнет, что каждый добрый вздох видит Бог, и ничто Им не забудется. Царство Божие — не кнут и пряник, а уверенность в том что добро не погибнет и не забудется, даже если его и не заметили люди.

Вопрос: Что такое земля безвидная и пустая, тьма над бездной и Дух Божий над водой?

Ответ: Земля безвидная и пустая — это первобытная масса, тьма, беспорядок, это состояние полного хаоса, в котором элементы будущего света — как говорится в Толковании на Библию — воздуха, земли и воды, а также всех зародышей растительной и животной жизни не поддавались еще никакому различению и были как бы перемешаны между собою.

Ученые же говорят о неостывшей массе, из которой потом всё образуется.

Как видите, это место Библии не расходится с научными представлениями. Да и вообще, строго говоря, Библия не расходится с наукой, вот только науки иногда пытаются расходиться с Библией, пока вновь не сойдутся.

Тьма над бездной была — как говорится в Толковании — естественным следствием отсутствия света, который еще не существовал в качестве отдельной самостоятельной стихии, будучи выделен из первобытного хаоса лишь впоследствии.

Дух Божий над водой. Здесь толкователи расходятся. Одни (Тертуллиан, Ефрем Сирий, Феодорит) видят здесь простое указание на обыкновенный ветер, ниспосланный Богом для осушения земли. Другие (Златоуст) говорят об Ангеле — особой умной

силе. Некоторые (Василий Великий, Афанасий, Иероним) считают, что речь идет об Ипостасном Духе Божиим, то есть о третьем Лице Святой Троицы. Последнее толкование кажется мне более убедительным, оно указывает на участие в деле творения Духа Божия. Самое действие Святого Духа на хаос, как указывается в этом толковании, подобно действию птицы на высиживаемые яйца, которые она согревает своим теплом, пробуждая в них жизнь. «Этим самым, — говорится в толковании, — с одной стороны позволяет усматривать в хаосе и некоторое действие естественных сил, аналогичное процессу постепенного образования в яйце зародыша; с другой — как эти самые силы, так и результаты их поставляются в прямую зависимость от Бога».

Мы часто библейское повествование понимаем упрощенно, поэтому и говорим, что в Библии одни сказки. Но вот по толкованию, которое я сейчас изложил, выходит, что Бог, творя мир, допускал свободное развитие всему происходящему. И если так посмотреть, то Библейский рассказ вовсе не противоречит научным представлениям.

Вопрос: Почему именно нужно думать, что Бог творил мир, а не сам мир творился?

Ответ: Потому что допустить самотворение мира — это значит допустить всеислие хаоса. Это все равно что допустить, будто азбука сама составляет прекрасные художественные произведения. Допуская Бога, как Творца, мы допускаем участие во всем высшего Разума. Оттого мир и прекрасен, что его сотворил Бог. Самотворящийся мир бесконечно варился бы в собственном соку. Атеисты, отвергая Бога, как Творца, вынуждены свои теории высасывать из пальца. Сколько их было! И где они?

Вопрос: О каком свете идет речь, когда Бог говорит: да будет свет! Ведь светила сотворены в четвертый день.

Ответ: Вот как говорится об этом в толковании. «Этот первозданный свет не был обычным светом в совершенном значении этого слова, ... был тем светоносным эфиром, который находясь в колебательном состоянии, разгонял первобытную тьму и тем самым создавал необходимые условия для будущего появления всякой органической жизни на земле».

Вопрос: Отражается ли творение мира в православном богослужении?

Ответ: Да, отражается. Когда на вечерне поется «Благослови, душе моя, Господа, Господи Боже мой, возвеличился еси зело»,

то тем самым выражается радость о сотворенном Богом мире. Когда поется «Свете тихий», то это о свете, который просвещает всякого человека, грядущего в мир. Это свет Христа. Он имелся уже ввиду и при творении первого света. И еще надо обратить внимание, что православное богослужение начинается с вечера, и творение мира начинается тоже с вечера. «И был вечер, и было утро, день один,» — говорится в Библии. Если вдуматься, то Библия и богослужение как бы объединяются. Отметим, что творение продолжается и сейчас — это творение нового человека. В этом творении и мы с вами непосредственно участвуем.

Вопрос: Как могла прийти человеку мысль, что нет Бога?

Ответ: Вопрос серьезен. В самом деле, как могла возникнуть такая мысль, если все говорит о Боге, о сотворении Им мира, если вся литература, искусство возросли на почве религии. Ведь на антирелигиозной основе ничего значительного в этой области не создано. Божбожие — это ведь приживал, не имеющий самостоятельного значения. Если, например, перестать говорить о Боге, то прекратит свое существование и атеизм.

Но давайте немного пофилософствуем, тем более, что и вопрос поставлен философский.

Бога мы называем Отцом всех людей. Вот и давайте проведем параллель между Богом и отцом в земном понимании. Ну вот представим, например, человека, который говорит, что у него отца не было. Не то, чтоб он умер или, допустим, бросил семью, как это часто сейчас бывает, а вообще не было. Сам, дескать, появился на свет, без отца. Как мы посмотрим на такого человека? Ну, двухлетний ребенок еще может сказать, что его купили в магазине, но уже семилетний понимает, что это не так, хотя и не знает как и, может быть, не видел никогда своего отца. Значит, во-первых, несмышленный ребенок может сказать, что у него нет отца. Так и человек, заявляющий, что нет Бога, — это человек с детским еще умом, человек несознательный, и заявление его можно расценивать лишь как курьез.

Во-вторых, сказать, что у него никогда не было никакого отца, может человек, потерявший рассудок, сумасшедший. В таком состоянии он может сказать, что и Бога тоже нет. Об этом говорит и псалмопевец: сказал безумный в сердце своем: нет Бога.

Во всех остальных случаях невозможно представить себе, что человек отрицает бытие своего отца, а значит, и бытие Бога.

Бывают еще и конфликтные случаи. Кто-то, допустим, в

обиде на своего отца, не хочет его знать и говорит, что у него нет отца. Но это отрицание лишь в переносном смысле.

Так как же возникла дьявольская мысль, что Бога нет? Как мы, русские люди, допустили произрастание этой мысли на нашей родной почве? Вся русская история зиждется на вере в Бога, на православии. Вся литература наша внутренне религиозна. А вот на антирелигиозной основе возникли лишь руины прекрасных храмов, не даром говорят, что безбожие прокатилось по нашей земле, как ураган. Ведь нравственность от Бога, жизнь — от Бога. Так что же мы, страха ради, повторяем эту столь чужую нам мысль, что Бога нет? Когда-нибудь мы будем стыдиться, что когда-то так говорили.

Философы говорят, что само появление мысли, что нет Бога, уже свидетельствует, что есть Бог, давший человеку свободу даже отвергать Его бытие.

Отвергаем Бога, потому что захотели сами стать богами — другого объяснения безбожия нет. Но пора понять, что обожествление самих себя ведет в тупик, выйти из которого можно только обратившись к Богу. Иначе — гибель.

Наше новое творение мы должны начать со слов: да будет свет! Свет Божий, Свет Христов!

В о п р о с : Отец Дмитрий, Вы придаете большое значение Церкви. Но почему же Церковь так мало участвует в общественной жизни? Куда деваются те деньги, которые несут верующие? Вот, например, известны случаи, когда у одного архимандрита вдруг обнаружили 15 тысяч рублей, у одного священника (не будем называть имени) тоже запас не меньше. Неужели же деньги идут на нужды священникам и, может быть, старостам?

О т в е т : Если поверхностно взглянуть, то это вопрос убийственный. Приканчивает совсем Церковь, выходит, что она не нужна вовсе. И на этом часто спекулируют антирелигиозные пропагандисты. Но давайте посмотрим внимательнее.

Церковь в самом деле располагает большими деньгами, пожертвования от верующих идут огромные. Вы, наверное, читали в газетах, как Патриарх Пимен пожертвовал в фонд мира, если не ошибаюсь, пять миллионов рублей. Частые приемы иностранных делегаций устраиваются тоже на церковные деньги. Греют на них руки и всякие жулики и проходимцы — будь то священники или старосты. Но все-таки и остается много. Каждая церковь хранит в сберкассе значительные суммы. И спрашивается: почему бы не

использовать эти искренние пожертвования верующих на добрые дела? Почему Церковь не может создать, например, общество трезвости, которое что-то делало бы полезное, лечило бы, например, пьяниц? Или создать приют для престарелых, для детей, оставленных родителями? Наконец, просто можно было бы помогать больным и нуждающимся. Или создать показательную школу, где дети воспитывались бы в религиозном духе. Можно было бы использовать эти церковные средства для лечения храмов от тех ран, что нанесли им в свое время безбожники — ведь сколько дивных неповторимых храмов было повреждено в безбожном рвении! Да мало ли что можно было бы сделать!

Но... нельзя. Наверное, не все знают, что безбожники запретили Церкви заниматься благотворительной деятельностью. В результате Церковь не может собственными средствами употреблять на добрые дела. Ведь тогда все увидели бы, что Церковь несет пользу, а этого-то безбожники и не хотят.

Об этом обычно избегают говорить, Это считается крамолой. Может быть завтра и меня за эти слова поведут на распятие. Но раз уж начал дерзать, то надо быть до конца искренним и сказать все.

Еще раз подчеркиваю, что говорю это не для «политики», не для того, чтобы чей-то авторитет подорвать. Я говорю для того, чтобы предостеречь, вижу нашу общую опасность, болезнь — вот и говорю правду. Никакая это не политика. Почему же говорить с амвона о мире, о разоружении — это не политика, а указать на внутренние наши болезни, обличить неправду и вражду, портящие жизнь в нашем общем русском доме — это политика?

Я знаю, что некоторые обвиняют меня в самочинии, не взял, дескать, разрешения на беседы. Но разве для того, чтобы выхватить ребенка из пожара, нужно непременно получить чье-то разрешение? Когда пожар, а начальство, допустим, стоит в сторонке, любясь пожаром, а ребенок в смертельной опасности, то что, по-вашему, нужно делать? Неужели бежать за разрешением?

Скажут, что я преувеличиваю. Дай Бог, чтоб это было так. Но мне кажется, что я не преувеличиваю, а напротив, сглаживаю многое. Кричу о том, что заметил, но заметил-то я мало. Но лучше, на мой взгляд, это малое ясно видеть, чем на все закрывать глаза, ограничиваясь своими узкими интересами.

В о п р о с : На каком основании, по каким каноническим правилам настоятель может запрещать говорить проповеди, поучения при крестинах, проповеди при отпевании покойников? Имеет ли

он такое право? А если нет и все-таки запрещает, то как священник должен поступать в таком случае?

О т в е т : Сразу оговорюсь. Этот вопрос задан священником. До сих пор священники мне вопросов не задавали, может быть потому, что сами они в это время, когда мы беседуем в храме, заняты службой. Вопрос это жизненный, как говорится, актуальный. Может быть, не всем интересна будет эта тема, она все-таки касается больше нашей священнической практики. Но наберитесь терпения. Может быть вам понятнее станут наши заботы, ведь в конечном счете это наши общие церковные проблемы, мы все ответственны за Церковь — и священники, и миряне. Ведь в православии хранителем истины является весь народ, и иерархия с народом связана не авторитарным союзом, а любовным.

Итак, на каком основании настоятель может запрещать священнику говорить проповеди? Краткий ответ — ни на каком. А если запрещает, то делает это не на основании канонического закона, а по собственному произволу. И только. Никаких канонических прав на это у него нет.

Но тут могут сказать: как же не послушаться настоятеля? Давайте подумаем. Что такое вообще послушание и что такое послушание в данном случае? Послушание в христианском понимании — это активное выполнение воли Божьей. Христос сказал: «Идите проповедуйте!» Вот воля Божья. Апостолы говорят: настой во время и не во время. И это воля Божья, хотя выраженная и через апостольское наставление. Согласно каноническим правилам, первая обязанность священника — проповедовать, даже если он и не служит. Всюду проповедовать — в разговорах, беседах... Горе мне, если не проповедую. И вдруг, допустим, настоятель запрещает. Чью же волю он выполняет в этом случае? Конечно, не Божью. Если кого здесь и нужно обвинять в непослушании, то настоятеля. В этом случае настоятель настаивает на непогрешимости собственного человеческого авторитета, хочет на нем построить Церковь. В этом случае можно не послушать настоятеля, это не будет нарушением заповеди послушания. Ибо не послушать здесь настоятеля — это значит не послушать человека, а послушать Бога. Когда апостолам сказали: «Не запретили ли вам говорить об этом Имени?» — что они ответили? «Сначала Бога послушайся, а потом человека.» Мы все — и священники, и епископы — должны слушаться прежде всего Бога. А в повседневной практике мы часто подменяем послушание воле Божьей послушанию человеческому произволу. Этого не должно быть. На таком не-

верно понятом послушании часто играют безбожники, заставляя христиан делать то, что совсем не от Бога, а если прямо говорить — от дьявола. Часто дьявольскую линию проводят в церковном деле — это результат усилий безбожников, стремящихся подчинить себе Церковь. Сказано: испытывайте духов, от кого они, от Бога, или от кого-то другого. Мы испытывать должны, прежде чем слушаться чьего-либо приказа. А в практике нередко так получается, что можно не послушаться воли Божьей, исполняя приказы настоятеля, епископа. Как же так? Есть над чем поразмыслить. Не получается ли нередко так, что отдающее приказание церковное начальство руководствуется не Божьими заветами, а трусливым житейским соображением не тревожить сильных мира сего? Бог, дескать, невидим, а вот безбожники видимы, да еще и угрожают. Вот и выходит нередко, что в приказаниях этих звучит не Божья воля, а воля безбожников. Это результат спутанности нашего церковного сознания. Часто мы формально только служим в церкви, а в сущности проводим антицерковную линию. А в результате становимся плохими христианами, теряем нравственное и духовное лицо, разваливаем Церковь. Полагаем, что выполняем Божью волю, а на деле служим орудием разрушительной воли дьявола. Цель Церкви — усовершенствовать людей, вести их к Царству Небесному. А безбожники хотят превратить Церковь во что-то вроде музея, куда ходят пение послушать, полюбоваться иконами. Они и к верующим-то относятся, как к каким-то музейным экспонатам, а не к живым современным людям. А Церковь должна спасать, а не развлекать. Спасать от безбожия, от нравственного разложения, протягивать руку всем труждающимся и обремененным. Вот ее высокое назначение. И другого нет. Запрещение же настоятелей проповедовать — результат нецерковного понимания сущности дела Церкви.

Говорят иногда, что мы должны как-то выстоять, а дело, мол, само поправится. Но в народе недаром говорят, что под лежащий камень вода не течет. Это во-первых. А во-вторых, мы не чурбаны бессловесные, а живые люди, призванные Христом к подвигу. Церковное дело исправиться может только нашими же руками. Бог помогает тем, кто стремится к деланию, а не выжидает, когда все само сделается. Ничто само не делается, само может только разрушиться.

И вот мне хочется сказать дорогому моему собрату, приславшему эту записку: Бог вам в помощь, говорите и не умолкайте, на то вас и Бог послал в мир и благословил. А тех, кто пытается

сбить вас с этого пути, навязать какой-то иной, нужно обличать в их неправде, какое бы звание они ни носили.

Вопрос: О. Дмитрий, у нас официально Церковь отделена от государства. Но вот иногда приходится читать в газетах, что отделение это означает государственное регулирование религии...

(Сразу же прерываю вопрос, просто вскрикнуть хочется: государственное регулирование религии — что это? Как это можно? Вот с таким-то вопросом обратиться бы к гражданину Куроедову — министру по религии! Далее вопрос.)

...В «Журнале Московской Патриархии» профессор Заболотский пишет, что православная Церковь стремится к «симфонии» между Церковью и государством, как это было, якобы, в древности в Византии. Как все это понимать?

Ответ: Византия была религиозной страной, и в тех условиях «симфония» имела под собой почву. В нашей стране господствующей идеологией является безбожие. Какая же тут может быть «симфония»? Это ни что иное, как просто красное словцо. Нельзя соединить веру и неверие, тем более на основе подавления веры неверием. Никакой «симфонии» не получится. Получится какофония, что мы и видим в жизни. Впрочем, советую вам обратиться с этим вопросом к профессору Заболотскому, может быть, он в самом деле сделал какое-то невиданное открытие?

Вопрос: Что такое соборность, в чем ее отличие от вселенскости? Папа римский на Западе и соборы на Востоке решают ли вопрос соборности?

Ответ: Вопрос этот очень актуален, сложен и волнующ. Мы часто соборность смешиваем с вселенскостью или с соборами, а еще чаще это для нас просто ничего не значащее слово. Между тем, как соборность — это основной принцип строения нашей Церкви.

По принципу соборности Церковь строится на камне — Христе. А мы все — кирпичики. Или еще иначе можно сказать: Христос — лоза, а мы — ветви. Церковь может быть вселенской и не быть соборной. Может иметь папу и соборы, но не быть при этом соборной. Почему? Да потому, что если она абсолютизирует что-то одно (папу, соборы), а не развивает одновременно всех своих ветвей, если каждый человек в Церкви не чувствует своей личной ответственности за церковную истину, то она не соборная. Каждый член Церкви (а не только соборы, Папа, Патриарх) должен водиться Духом Святым, жить по заветам Христовым. Кто

не живет этим, тот лишь формально принадлежит к Церкви. Все могут погрешать, в том числе и соборы. Не погрешает лишь Дух Святой, действующий через праведников. И знаем из истории примеры тому. Вспомним хотя бы, как диакон Афанасий Великий отстаивал истину, а все остальные, в том числе и епископы, заблуждались.

Соборность — это не юридическое понятие и понять его смысл способен лишь тот, кто живет полнокровной христианской жизнью. Без этого все ссылки на постановления соборов — пустой звук. Церковные каноны существуют не ради самих себя, а для того, чтобы, руководясь ими, мы жили христианской жизнью. Без этого соблюдение буквы канона подчас мертвит жизнь. Как сказал апостол: буква убивает, дух животворит. На букве канонов часто играют безбожники, убивая естественную церковную жизнь. Нашими же руками нас душат, говорят в народе. Пора опомниться. В нашей церковной практике часто бывает, что обычный епископ или даже настоятель ставит себя выше Папы римского. Но Папа римский в своих энцикликах хоть на Христа ссылается. А у нас, принимая внутрицерковные решения ссылаются иной раз на такое... Не хочу и говорить.

Нам всем надо помнить, что мы все христиане, члены Соборной Церкви. И каждый по-своему должен делать дело Божье. В этом суть соборности.

Вопрос: Какова роль смирения в христианской жизни, в частности в православной? Мы все знаем, что Христос был смирен и призывал к смирению. Но Он же называл фарисеев «змеями, торждениями ехидны» и, сплетя бич из воловьих жил, изгонял торгующих из храма, опрокидывая их столы. Не путаем ли мы иногда смирение (такое, как у Христа в Гефсиманском саду) с рабьей покорностью сильным мира сего, со стремлением уйти в сторонку, лишь бы нас не трогали, в ущерб большим духовным интересам. У некоторых православных складывается тенденция, что на всякий чих нужно благословения испросить, а вообще-то следует сидеть тихо, не обращая ни на что внимания. На Западе, в Римской Церкви, такая установка была осуждена под названием «квие-тизма» еще в XVII веке. А как у нас на этот счет?

Ответ: А как у нас вообще насчет всего? — хочется задать встречный вопрос. Смирение мы действительно часто понимаем, как покорность вышестоящим людям, но не стоящему над всеми нами Богу. Все, что выходит за рамки чьего-то человеческого

понимания склонны считать не церковным. И то, что подчас торговля в храме ведется гораздо более худшая, нежели в Иерусалимском храме, нас не трогает, а уж сделать бич для прогнания всех, присосавшихся к храму, которым нужен не Бог, а что-то свое, выгодное, и помыслить не смеем. Может быть, многие даже думают, что этот эпизод Евангелия нужно понимать, как некое иносказание, ведь не может же, мол, быть, чтобы кроткий и смиренный Христос в самом деле бичом гнал кого-то из храма. И того, кто поднимает голос против наших настроений, считают гордецом и смутьяном и стараются поскорее избавиться от такого.

Смирение — это покорность правде Божией. Это праведный гнев против всякой неправды. Смирение — это любовь к добру и ненависть к злу. Смирение, мирящееся со злом, — это напускное, фарисейское смирение, которому все безразлично, кроме своего личного интереса.

Я очень рад, что стали поступать такие острые, углубленные вопросы. Спасибо тому, кто его задал.

В о п р о с : Отец Дмитрий, я знаю, что в других православных странах (Румынии, Сербии) строят новые храмы (по 10-15 в год), а в Румынии создано даже восемь новых монастырей. Скажите, возможно ли, по-вашему, у нас что-нибудь подобное, ну хотя бы открытие тех храмов, которые сейчас используются не по назначению. Ведь население растет, верующих становится все больше, храмы уже сейчас не вмещают всех желающих там быть.

О т в е т : Верно, в других странах, в том числе и в социалистических, строят храмы, а у нас закрывают храмы. Вот на наших глазах был взорван храм Преображения на Преображенской площади. На наших глазах закрыли семинарии (их осталось лишь две, да две Академии на такую огромную страну). И это случилось недавно, когда минули уже революции и войны. Атеисты стали в самом прямом смысле разрушать, бомбить народные святыни. Но не только атеисты за это в ответе. Виноваты и мы с нашей терпимостью к этому произволу, в том числе и некоторые иерархи. При этом цинично заявляют, что храмы закрывают и разрушают по желанию народа. Вот я предлагаю тем, кого это возмущает, послать протест нашим иерархам и атеистам, пусть они прислушаются к голосу народа. А то ведь и в самом деле получается, что мы согласны. Или, например, потребовать открыть какой-то ныне не действующий храм. Это будет настоящее христианское дерзание. Никто ведь не лишил нас права выразить

свою волю, верующие у нас по закону полноправные граждане. Почему в Румынии и Сербии это возможно а у нас нет?

Многие, наверное, слышали о епископе Ермогене, который сейчас заточен в Жировицком монастыре. Одна из причин его отстранения от епархии та, что он дерзнул построить в Ташкенте храм. Вот так! А кто скажет слово об этом, на того налетают с камнями и атеисты, и некоторые послушные им иерархи. Думают умиловить этим атеистов, забывая о том, что жизнь в конце концов подойдет к такому пределу, когда... Страшно подумать об этом... Как не понимают, что в результате всех этих безбожных усилий нам грозит моральная гибель. И весь весь колоссальный наш технический, научный, социальный прогресс превратится в пустую скорлупу. Мы часто закрываем на это глаза, на наш век, дескать, хватит. Потом одумаются, начнут силой загонять в храмы, да как бы не оказалось уже поздно.

В о п р о с : Что такое духовное руководство? Чем оно отличается от таинства исповеди? Является ли оно совершенно необходимым для христианина?

О т в е т : Духовное руководство. Таинство исповеди. Какие великие слова! И как все это важно для человека! Но чтобы духовно руководить, надо жить духовно. Да, где-то, может быть, есть великие подвижники, но кто их знает? А мы, живущие с мятущейся совестью, с оглядкой на то или это, как мы можем духовно руководить? Да и для того, чтобы принять таинство исповеди, тоже нужно быть достаточно подготовленным. А то мечемся, часто не доверяем священникам. И на это, впрочем, есть причины. Духовное же руководство нужно очень многим и многие его желают. Узнают, что где-то появился порядочный человек, так и тянутся к нему. Но большинству приходится спасаться своими духовными силами. И хорошо, если человек действительно идет к спасению. Древние подвижники предсказывали, что в последние времена духовное руководство иссякнет и люди будут спасаться страданиями, сновидениями вразумляемы будут, призыванием Имени Божьего.

Нужно быть искренними и стремиться к добру. Не оглядываться в стороны и на безбожников, тогда Господь Сам будет руководить нами. А если вы пройдете, как следует исповедь, да найдете духовного руководителя, то знайте, что вы очень счастливы. Таким можно позавидовать.

В о п р о с : Отец Дмитрий, не знаю, слышали ли вы, но вот есть в Москве один храм, не буду его называть, в котором настоятель (он к тому же еще и благочинный) делает все возможное, чтобы

отвратить верующих от Церкви. Во время каждения, например, позволяет себе непристойные шутки, к собратьям относится деспотически, смеется над их усердием в служении. Певчих разогнал, и вообще все бегут из этого храма. Как тут быть? Народ его не останавливает, он — полный хозяин положения. Что нам делать, ведь гибнет приход. А безбожникам все это наруку.

Ответ: Как быть?.. Подобных настоятелей мне хочется сравнить с теми полицейскими из своих, которые были в фашистском плену. Те тоже из кожи вон лезли, чтобы угодить новым хозяевам, выслужиться перед ними за счет своих. Такие настоятели спекулируют на бесправном положении Церкви. Они выгодны безбожникам. Один безбожник мне недавно так прямо и сказал: «Нам не выгодны настоящие священники». Кстати, такими «ненастоящими» бывают не только настоятели, но и епископы. Может быть кто-то из вас читал Открытое письмо епископа Ермогена, где он называет имя одного митрополита, который трижды женился, трижды рукополагался. И его держали на епархии. А вот епископа Ермогена сколько уже лет томят в Жировицком монастыре, не допускают к управлению епархией. Вывод один: многострадальная Церковь наша оккупирована безбожниками, ей зажали рот, все делают для того, чтобы ее опорочить. Кто это понимает и скорбит об этом, тот не должен молчать. Верующие очень многое могут сделать. Нужно требовать, чтобы таких служителей призвали, наконец, к порядку. Мы все ответственны за то, что делается в Церкви.

Прот. Георгий СЕРИКОВ

СЛОВО НА ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

«Днесь благоволения Божия предображение, и человекoв спасения проповедание: в храме Божии ясно Дева является, и Христа всем предвозвещает. Той и мы велегласно возопиим: радуйся, смотраения Зиждителява исполнении!» («Сегодня изображается Божье изволение. Сегодня проповедуется спасение людей: ибо Дева Мария открыто появляется в Храме и этим предвозвещает всем Христа. Ей и мы во всеуслышание воскликнем: Радуйся, Ты, которая являешься исполнением творческого замысла Божия!») — так поет Церковь в день Введения во Храм Пресвятой Богородицы.

В Евангелии ничего не говорится о Введении во Храм... Об этом событии из жизни Матери Божией, имеющем огромный религиозно-богословский смысл, лишь церковное Предание сохранило нам повествование.

Праздник Введения можно назвать богословским и мета-историческим. Его создала наша вера и наше почитание Богоматери как наивысшей святыни земли, как нерукотворного, всемирного Храма Божия, как «парадоксальнейшего» чуда из чудес (см. стихира на литии).

Богословский смысл Праздника в том, что ветхозаветная Святыня Храм Иерусалимский — бледнеет с появлением в мире Богородицы, и Пресвятая Дева, нарушая обветшалый Закон Моисеев (Лев. XVI,2 Евр. IX,7), вводится в недоступное «Святое Святых» иерусалимского Храма самим «Великим Первосвященником Захарией». «Писание мимотече, и оскуде Закон, якоже сень, и благодати лучи возсияша, в Храм Божий вшедшей Тебе, Дево Мати чистая, в нем благословенная.» (Писание прошло и Закон исчез, как тень; засияли же лучи благодати со вступлением Твоим в Храм Божий, чистая Дева Мать, в нем благословенная.» — 3-й троп. 1-го канона VII-й песни).

Это православное, мариологическое богословие лежит в основе сегодняшнего Праздника и делает его для нас бесспорным, религиозным, мета-историческим фактом, хотя его историчность, в обычном смысле слова, и не может быть доказана.

В службе Праздника Введения все внимание обращено на этот богословский факт: «Храм (т. е. Пресвятая Дева) вводится в Храм!» Отныне, в Новом Иерусалиме, Она есть настоящий Храм, заменивший собою Храм ветхозаветный. «Сегодня боговмещающий Храм Богородица, приводится в Храм Господень». «Одушевленный Храм святой Славы Христа Бога нашего, приводится в Храм законный». «Внутри в Храме Божиим боговместимый Храм — всевятая Дева — возлагается»... и так поется без числа в службе Введения.

На Деву Марию, согласно службе, все смотрят как на Невесту Бога, как на Суламиту из Песни Песней и воздают Ей должное внимание и похвалы. Служба Введения рисует нам событие не как скромное, семейное происшествие незамеченное соседями, но как всенародное, вселенское торжество. Никакого намека на возмущение благочестивого еврейского народа в связи с нарушением Закона и введением девочки во Свята Святых! Наоборот, все радуются и ликуют созерцая это, с ветхозаветной точки зрения святотатственное, нарушение Закона! — хотя потом этот народ, странным образом, и на многие годы, совершенно как бы забывает о событии Введения, о своей радости, и Божия Матерь всю свою долгую, шестидесятилетнюю жизнь будет проводить в полной безвестности и тени! Но это молчание мира, эта тишина «Честнейшей херувим», является для нас, может быть самым дорогим и благоуханным цветком в венце славы Богородицы!

Церковная служба Праздника характерна своей радостностью, ликованием и веселием. Нет ни намека на скорбь и будни: все убрано по праздничному. Даже в службе Рождества Богородицы нет столько радости и веселия, сколько мы слышим в службе Введения. Даже на Пасху, несмотря на преизобилующую радость воскресения, кой-где просвечивает тень побежденного страдания и смерти... Тут же один свет, одна лазурь, одно пение и игра. Хотя на дворе стоит зима, но по характеру своему Введение есть Праздник весенний. «Наступила концам вселенной весна!» — поется в VI-й песне канона. Это Праздник духовного цветения, невинного младенчества, небесной чистоты, вечной женственности в виде приснодевства Богородицы.

Праздник Введения во Храм является литургическим выражением христианской веры в то, что наступило время когда не на горе Гаризм (в Самарии) и не в Иерусалиме истинные поклонники будут поклоняться Отцу (Ио. IV,21), вера в то, что Духоносица

Дева Мария (Мт. 1,18,20) есть святейший храм новозаветного культа Богу «в духе и истине», ибо культ родившегося из Нее Богочеловека есть культ духовный, в основе которого лежит новое рождение от Духа (Ио. III,5) и открывающейся через Христа истины. «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине— (Ио. IV,23). Именно об этом говорится во всех песнопениях дня Введения: «Уневещения нарисуются божественная знамения, паче ума Рождества твоего, чистая Дево, днесь Духом Святым в Дому Божию». (4 троп. 5 песни 2 кан.). «Яко дом сущи благодати, в немже сокровища лежат неизреченнаго Божия строения, Всечистая, в Храме причастилася еси нетленныя сладости» (3 тр. 1. кан. 6 песни). «В Храм законный входы совершает Храм Божий, небесная Скиния, из неяже нам сущим во тьме свет возсия» (4 тр. 1 к. 6 песни). «Пречистый Храм Спасов, многоценный чертог и Дева, священное сокровище славы Божия, днесь вводится в дом Господень, благодать совводящи, яже в Дусе божественном, юже воспевают ангели Божии: сия есть селение небесное» (Кондак). «Херувим пребольши, и серафим вышши, и ширши небес явилася еси Дево, яко невместнаго всеми, во утробе вместиши Бога нашего, и рождши несказанно: Егоже моли прилежно о нас» (6 тр. 2 кан. IX песни). «Просим Тя — ороси же нас Владычица, каплями знания Твоего для всегдашнего воспевания Тебе!» (1 тр. 1 кан. I песни).

ТАИНСТВО СЛОВА

«Дух животворит, плоть не пользует нимало.
Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь»

(Ин. 6, 63)

1.

Чтение св. Писания, по единогласному свидетельству всех памятников, составляло изначала неотъемлемую часть «собраний в Церковь» и, в частности, евхаристического собрания. В первом же дошедшем до нас описании его мы читаем: «в так называемый день солнца, бывает у нас собрание в одно место всех живущих по городам и селам, и читаются, сколько позволит время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем все мы встаем и воссылаем молитвы. Когда же окончим молитвы, тогда... приносятся хлеб и вино и вода...» Здесь очевидна связь между чтением Писания и проповедью, с одной стороны, приношением евхаристических даров с другой. И о связи этой, повторяю, свидетельствуют все, без исключения, памятники христианской древности. О ней же свидетельствует и современный чин Евхаристии, в котором неразрывно связаны т. наз. «Литургия оглашенных», посвященная преимущественно Слову Божию, и «Литургия верных», состоящая в приношении и освящении Даров и в причастии им верующих.

Между тем, это единогласное свидетельство и церковного предания и богослужебной практики попросту игнорируется нашим школьным и «западническим» богословием. В жизни Церкви Евхаристия состоит из двух, неразрывно связанных между собою, частей. В богословской мысли она сведена только к одной, второй части, к тому, что совершается над хлебом и вином, причем так, как если бы эта часть была «самодовлеющая» и не была никоим образом связана с первой. Эта «редукция» объясняется, конечно, влиянием на наше школьное богословие западного, в котором Слово и Таинство давно уже «оторвались» одно от другого и стали

предметом самостоятельных определений и изучения. Но в том то все и дело, что разрыв этот составляет, по всей вероятности, один из главных дефектов западного богословия — как католического, так и протестантского, хотя наше рутинное «сравнительное» или «полемическое» богословие этого-то как раз и не замечает. Усвоенный *de facto* нашими школьными системами, он рано или поздно приводит к неправильному, одностороннему и искаженному пониманию и Слова, т. е. Писания и его места в Церкви, но также и Таинства. Рискую показаться голословным, я осмеливаюсь утверждать, что постепенное «разложение» Писания, растворение его во все более специальной, все более научной и «отрицательной» критике, является результатом отрыва его от Евхаристии, т. е. «собраний в Церковь», т. е., фактически, от самой Церкви, как живого опыта и духовной реальности. И этот же отрыв, в свою очередь, лишает таинство его «евангельского» содержания, превращая его в самостоятельный и самодовлеющий «способ освящения». Писание и Церковь низведены здесь в категорию двух формальных «авторитетов», причем речь идет только о том, какой авторитет «выше»: кто «толкует» кого. Но на деле подход этот, по самой своей логике, требует дальнейшего сужения и «отчуждения» понятия авторитета. Так, если «критерием», т. е. авторитетом Церкви, провозглашается Писание, то где критерий Писаний? Им, рано или поздно, становится «библейская наука», т. е., в конечном итоге, голый разум. Если же, наоборот, Церковь провозглашается критерием Писания, то кто или что в Церкви составляет и выражает этот критерий? И как бы ни отвечали на этот вопрос, орган этот тоже оказывается независимым от самого Писания, т. е. фактически стоящим над ним. Если, в первом случае, «авторитет» Писания растворяется в многообразии частных, но потому и лишенных авторитета, «научных теорий», то во втором случае Писание превращается в некое «сырье» для богословских определений и формулировок, в «библейский материал», приводимый в порядок дисциплинированным богословским разумом. Но не следует думать, что положение это характерно для одного Запада. То же самое, хотя, возможно, и по другому, происходит в Православной Церкви. Ибо, если православные богословы твердо держатся формального принципа, согласно которому толкование Писания принадлежит Церкви и совершается в свете Предания, то жизненное содержание этого принципа остается неясным и на деле приводит к некоему параличу или даже отмиранию «разумения Писания» в жизни Церкви. Наша библийская наука, поскольку она вообще существует, находится

*) Глава из книги об Евхаристии. См. Вестник №№ 106, 107, 108-110.

всецело во власти западных предпосылок и испуганно повторяет западные «зады» (держась, по возможности, «умеренных», т. е. на деле «предпоследних», теорий западных ученых). Наше школьное богословие стоит опять-таки на западном фундаменте, используя «библейский материал» в качестве подтверждений и иллюстраций («свидетельств») своих собственных формул. Что же касается, наконец, церковной проповеди и благочестия, то они давно уже перестали «питаться» Писанием, как своим источником.

Столь же пагубные последствия имеет этот разрыв, это противоположение Слова и Таинства и в учении о таинствах. Таинство перестает быть библейским, **евангельским**, в глубочайшем смысле этого слова. Не случайно, конечно, западное богословие сосредоточило почти весь свой интерес не на содержании таинства, а на условиях и признаках их «действенности». Так, истолкование Евхаристии сводится к вопросу о способе и времени превращения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, но почти ничего не говорит о смысле присутствия Христа в Евхаристии. Парадоксальным образом, «интерес» к Телу и Крови Христовым заменяет собою интерес ко Христу. Причастие воспринимается как один из «способов освящения», т. е. получения благодати, но перестает восприниматься как акт, **обрекающий** нас на участие в деле Его, как причастие **Его** чаше: «можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?» (Матф. 20, 22). Оторвавшись от Слова, которое есть всегда Слово о Христе — «исследуйте Писания, они свидетельствуют обо Мне» (Ин. 5, 39) — таинства, в каком-то смысле, отрываются от Христа. Он остается, конечно — и для богословия и для благочестия — их «установителем» и «законодателем», но перестает быть их **содержанием**. Так, прощение грехов в таинстве покаяния уже не переживается как «примирение и воссоединение с Церковью во Христе Иисусе», таинство брака как приобщение великой тайне Христа и Церкви и т. д.

На деле же в неразрывной связи Слова и Таинства исполняется сущность Церкви как воплощения Слова, как исполняющегося во времени и пространстве Боговоплощения, так что про саму Церковь можно сказать, как и сказано о ней в книге Деяний: «и Слово росло...» (12, 24). В Таинстве мы причащаемся Тому, Кто приходит и пребывает с нами в Слове, в провозглашении и явлении Кого и состоит назначение Церкви. Слово полагает Таинство, как свое исполнение, ибо через таинство Христос-Слово становится нашей жизнью. Слово собирает Церковь для Своего воплощения в ней. В

отрыве от Слова таинству всегда грозит превратиться в магию, без Таинства Слово всегда грозит превращение в «доктрину». И, наконец, через Таинство вся жизнь Церкви претворяется в толкование Слова, ибо толкование слова есть всегда свидетельство о том, как Слово становится Жизнью. «И Слово стало плотью и обитало с нами полное благодати и истины» (Ин. 1, 14). Свидетельство об этом и есть таинство и, потому, в нем источник и начало всякого **толкования** Писания, источник и живой критерий всякого подлинного богословия. Только в этой неразрывной соединенности Слова и Таинства можно понять смысл утверждения, что Церковь одна «хранит истинный смысл Писания». Потому и первая часть Литургии, посвященная чтению Писания и проповеди, составляет необходимое **начало** евхаристического священнодействия, то «таинство Слова», которое свое исполнение и завершение найдет в приношении, освящении и раздаче верным евхаристических даров.

2.

В некоторых, сравнительно ранних, рукописях малый вход называется «входом с Евангелием». Действительно, в современном его виде, центр тяжести в нем несомненно сосредоточен на книге Евангелия: она торжественно выносится диаконом северными вратами иконостаса и затем — через Царские врата — приносится к престолу и полагается на нем. Принимая во внимание сказанное выше о первоначальном смысле малого входа, как входа в храм предстоятеля и народа, очевидно, что мы имеем дело здесь — в этом вынесении Евангелия — с вторым смыслом. В древности за входом предстоятеля в храм следовало восхождение его и сослужащего ему духовенства на «свои места» для слушания Писания. Теперь же в виду того, что малый вход фактически перестал быть началом собрания, именно этот — второй — акт, начало «Литургии Слова», и стал главным содержанием той процессии, которую мы называем «малым входом». И для того чтобы понять смысл ее в евхаристическом чине, необходимо сначала сказать несколько слов о местопребывании духовенства во время богослужения.

В современной практике самоочевидным, — «естественным», местом духовенства считается алтарь, а местом предстоятеля — место перед престолом, лицом к нему и спиной к народу. В древности же было не так. Служение у престола, «предстояние» престолу, было ограничено исключительно Литургией верных, т. е. Евхаристией в собственном смысле этого слова. К престолу пред-

стоятель восходил только для приношения Даров. Во всех же других случаях место и его и сослужащего ему духовенства было на «виме» т. е. среди народа. Об этом до сих пор свидетельствует местоположение архиерейской кафедры — посредине церкви у русских, справа у амвона у греков. Кроме того, всякий, мало-мальски знакомый с православным богослужением, знает, что значительная и, притом, самая торжественная часть его, как, например, полиелей на всенощном бдении, совершается не в алтаре, а опять-таки посредине храма. Престол был, прежде всего и исключительно «трапезой», столом вечери Господней, Жертвенником, на котором приносится бескровная жертва. Богослужение имело, т. о., как бы два центра или средоточия: одно в самом собрании (епископская кафедра, «вима», «амвон»), другое у престола. Первая часть его, Литургия оглашенных, сосредоточена была в перовом «центре», а вторая — Литургия верных, во втором. Можно сказать, что за входом в храм (первый смысл «малого входа»), следовало восхождение предстоятеля на «свое место» для Литургии слова (второй смысл нашего «малого входа») и, наконец, восхождение его к престолу для приношения даров (теперешний «великий вход»). Этими тремя входами выражался основной «символизм» собрания Церкви как восхождения в Царство Божие.

Причиной, нарушившей и видоизменившей этот первоначальный порядок было, во-первых, исчезновение первого входа — в храм, о чем мы уже говорили выше, а, во-вторых, постепенное соединение в престоле — трапезы Господней вечери и «евангельского престола», т. е. места хранения книги Евангелия. В эпоху гонений Евангелие хранилось не в храме, а вне его, т. к. одной из главных форм гонения была, как раз, конфискация властями священных книг. Поэтому оно приносилось в собрание для чтения. С прекращением гонений и с появлением величественных христианских храмов, местом хранения Евангелия естественно стал храм а в нем — его «святая святых» — престол. Престол стал, таким образом, средоточием обоих основных частей евхаристического чина, хотя и по-разному. Так, в Литургии оглашенных и в других не-евхаристических службах, Евангелие выносится из алтаря и чтение его продолжается совершаться в собрании (с кафедры или с амвона), тогда как Евхаристия неизменно совершается у престола и на нем. Все эти технические подробности нужны нам только для того, чтобы показать, что малый вход соединил в себе постепенно три основные темы или **символа**: начала Евхаристии, как входа в собрание, служения народа Божьего, как входа в небесное святилище (молитва

и пение Трисвятого, приближение к престолу) и, наконец, начала Евхаристии в «таинстве слова» (принесение Евангелия).

Возвращаясь теперь к «входу Евангелия», мы можем сказать, что для понимания Литургии Слова и связи ее с Таинством, он не менее важен, чем основной акт чтения Писания. Тут есть параллелизм с Евхаристией, в которой **освящению** даров необходимо предшествует **приношение**. В этой связи уместно напомнить, что Евангелие в нашем богослужении «является» не только как чтение, но и как целый ряд обрядов, связанных с самой священной книгой. Этой последней воздается такое же литургическое почитание как престолу или иконе. Ее положено целовать и ей положено кадить. Ею благословляется народ. И, наконец, в некоторых священнодействиях, — как например, хиротония епископа, таинства елеосвящения и покаяния, присяга и т. д. — участвует именно **книга**, как таковая, а не тот или иной текст, заключенный в ней. Все это, вне всякого сомнения, означает, что книга Евангелия воспринимается Церковью как **символ Христа**, но в том смысле слова символ, о котором мы говорили выше: как образ реального присутствия Христа в Церкви, как словесная икона Его явления и пребывания с нами и Его действия в нас. Вход с Евангелием, поэтому, есть не «изображение», не священная инсценировка события прошлого: выхода Христа на проповедь в Галилее (в каком случае, между прочим, не диакон, а предстоятель, как образ Христа в собрании, должен был бы выносить священную книгу), а образ явления Господа в собрании Церкви, по слову Его: «где два или три собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 9, 20). Как освящению даров предшествует их приношение, так чтению или благоговению Слова предшествует Его **явление**. Ибо без этого явления, без радости и опыта этой действительной **встречи**, без опытного знания Того, Кто входит теперь в наше собрание, т. е. без всего того, что совершается через вынесение к нам этой единственной Книги всех книг, книги, всегда претворяемой в силу, в Жизнь и в спасение, «благоговение» было бы невозможным, оно осталось бы только «чтением текста», и не было бы таинством Слова. Но, вот, этот вход совершился. И предстоятель взшел на «свое место». И первым актом его, на этом восхождении, будет преподавание мира.

3.

«Мир всем» — приветствует предстоятель собрание и оно отвечает ему: — «и духови Твоему». Мы говорили уже выше, что

Мир — это литургическое имя Самого Господа. Западная форма того же приветствия: «Господь с вами...» Господь здесь, среди нас, мы вошли в Его присутствие, мы созерцаем Его в единстве предстоятеля и народа и в этой единственной книге, через которую Он Сам здесь, сегодня — говорит нам. Мы опытно познаем Его в том мире и любви которые, по слову Апостола, «превосходят разумение».

Затем возглашается **прокимен**. Словом этим, означающем по-гречески «предлежащее», т. е. то, что «предшествует», называются теперь два или три стиха из различных псалмов, поющиеся антифонно — чтецом и народом или хором. В древности название это относилось к целому псалму, который предшествовал чтению отрывков из Св. Писания. Для понимания его места в богослужении и его нарочитой связи с чтением Писания, нужно в двух словах напомнить о совершенно исключительном значении **псалмов** в ранней Церкви. Можно без всякого преувеличения сказать, что для всего раннего предания псалмы суть не только одна из пророческих и молитвенных «вершин» Ветхого Завета, но и как бы особое откровение внутри откровения. Если все Писание, по убеждению св. Отцов, говорит и пророчествует о Христе, то исключительное значение псалмов в том, что в них Христос нам явлен как бы «изнутри», в Своем сознании и самосознании. Это **Его** слова, **Его** молитва, это Он сам: «...*ipse Dominus Jesus Christus loquitur*» (бл. Августин). Но будучи Его словами, Его молитвой, псалмы являются в силу этого молитвой и словами Тела Его — Церкви. Суммируя отеческую экзегезу псалмов, один ее исследователь пишет: «в этой книге говорят, молятся и плачут только Иисус Христос и Его Церковь». «Эти многие члены — пишет еще бл. Августин — соединенные связью любви и мира, под единой главой — Спасителем нашим, составляют, как вы знаете и как мы неоднократно говорили, одного человека. И в псалмах, большей частью, их голос звучит, как голос одного человека. Один умоляет за всех потому что все едино в единственном». Вот это понимание или, вернее, этот опыт псалмов, и лежат в основе их употребления в богослужении. Так, например, нельзя понять действительно центрального и решающего значения псалма 118 («Блаженны непорочные») в утрени Великой Субботы, если не знать, что в этом длинном, непрерывном вопле любви к «оправданиям», т. е. к закону Божьему, к Его воле, к Его замыслу о мире и о человеке, Церковь слышит как бы «внутренний голос» самого Господа, лежащего во гробе и открывающего нам смысл Своей животворной смерти. Псалмы,

т. о., являются не только боговдохновенной «экзегезой», объяснением Писания и событий священной истории в самом Писании заключенными, но в них выражена и воплощена, и ими нам передается, та духовная реальность, которая одна позволяет нам уразуметь подлинный смысл и священных текстов и священных обрядов.

«Предлежащий псалом» (прокимен) **вводит** нас в таинство Слова. Ибо Слово обращено не к разуму одному, а к всему человеку, к той его глубине или, на языке Отцов, «сердцу», которая и является органом религиозного познания в отличие от неполного и нецелостного, «падшего» познания — дискурсивного и рационального. Слышанию и пониманию Слова предшествует «открытие» ума: — «Тогда отверз им ум к уразумению Писаний» (Лк. 24, 45); можно сказать, что радостное повторное возглашение прокимна, его сообщение собранию певцом, его принятие собранием от певца, и выражает в богослужении этот момент «отвержения ума», соединения его с «сердцем», в котором слова Писания мы слышим как слова Господа.

За прокимном следует чтение **Апостола** — т. е. отрывка из второй части книги Нового Завета; есть основания думать, что в древности литургическое чтение Писания включало в себе также и отрывок из Ветхого Завета. Подробное изучение **лекционария**, т. е. принципов, на которых основано распределение чтения Писаний относится к части литургического богословия занимающейся «богослужением времени» и потому мы опустим его здесь. Скажем только, что лекционарий этот пережил довольно длинную и сложную эволюцию и одна из насущных задач нашего времени состоит в его пересмотре в свете нашей современной литургической «ситуации». Чтобы понять серьезность этого вопроса, достаточно напомнить, что теперешний лекционарий, во-первых, исключает из богослужебного чтения большую часть Ветхого Завета, а, во-вторых, в том, что касается Нового Завета, будучи построен на предпосылке ежедневного «собрания в Церковь», опять-таки доводит до слуха и сознания верующих сравнительно небольшую часть и новозаветных текстов. Отсюда — поразительное незнание Писания у подавляющего большинства православных и, вытекающее из этого незнания, отсутствие интереса к нему, постепенное отвыкание от него, как главного, ни с чем несравнимого, источника духовного просвещения и духовной жизни. В нашей Церкви «акафист» неизмеримо «популярнее» Св. Писания. Поскольку же все наше богослужение построено, прежде всего, в «библейском ключе» все это приводит, в конечном итоге, к непониманию богослужения,

к отрыву литургического благочестия от подлинного смысла «закона молитвы».

Следующему за Апостолом чтению Евангелия предшествует пение **Аллилуия** и **каждение**. В современной практике пение это ограничено двумя-тремя минутами, дающими возможность диакону принять от предстоятеля книгу Евангелия и проследовать на амвон. Что же касается каждения, то оно, ввиду этого сокращения «Аллилуия», совершается теперь во время чтения Апостола. Наконец, молитва предстоятеля перед чтением Евангелия читается им тайно и вообще не доходит до слуха верующих. Все это, вместе взятое, затмило первоначальный смысл этого литургического перехода от Апостола к Евангелию, сделало его скорее некоторым «аккомпанементом» к выносу Евангелия, чем введением к его провозглашению. Поэтому необходимо кратко напомнить о первоначальном смысле перечисленных выше песнопений и обрядов.

На первом месте здесь стоит пение **Аллилуия**, составлявшее в древности очень важную часть богослужения. Унаследованное христианством от еврейского богослужения Храма и синагоги, Аллилуия принадлежит к типу т. наз. «мелизматических» песнопений. Мелизматическими, в отличие от «псалмодических», называются в истории церковного пения, те его формы, в которых мелодия превентствует над словом, в которых слово (хотя мелизматическая песнь может быть и бессловесной) получает весь свой смысл **только** в своем воплощении в мелодии. Можно думать, что до возникновения в Церкви более «ученой» гимнографии: тропарей, кондаков, стихир и т. д. — в которых музыка и текст взаимно определяют друг друга, Церковь знала только два типа пения, соответствовавших двум основным аспектам христианского понимания и восприятия богослужения. Пение «псалмодическое» — т. е. **певучее**, ритмически музыкальное чтение псалмов, Писания, молитв, выражало «словесную» природу христианского богослужения, т. е. внутреннюю подчиненность его Слову: — писанию, апостольскому учению, преданию веры. Пение же «мелизматическое», как, возможно и таинственный «дар языков» или «глассолалия», выражали опыт богослужения, как реального соприкосновения с «трансцендентным», вхождения в надмирную реальность Царства. Каковы бы ни были истоки мелизматического пения, а о происхождении его существует несколько научных теорий, не подлежит сомнению, что в ранне-христианском богослужении оно занимало значительное место и что одним из главных его выражений было как раз пение Аллилуия. Ибо само слово «Аллилуия» есть не столько слово,

сколько мелодическое восклицание. Его «логическое» содержание можно, конечно, передать словами «хвала Богу», но этим содержанием оно не только не исчерпывается, но фактически и не «передается», потому что оно само и **есть** тот порыв радости и хвалы перед явлением Господа, который оно выражает. «Схваченный присутствием Бога человек восклицает, — пишет проф. Ван дер Лееув. — Он «поднимает» голос. А это и есть хвала, песнь хвалы...» Аллилуия есть т. о. «приветствие» — в глубочайшем смысле этого слова. Но подлинное приветствие, по словам того же ученого, есть «всегда подтверждение факта». Оно предполагает явление, реакцией или рефлексией на которое, оно является. Пение Аллилуия предшествует чтению Евангелия потому что, как уже сказано выше, явление Господа в «собрании Церкви» и отвержение Им «ума» верующих предшествует «слышанию». До нас дошли древние мелодии Аллилуия — эта, в звуке и мелодии выраженная (и иначе не могущая быть выраженной), радость и хвала и опыт **Присутствия**, которое выше и реальнее всех слов, всех объяснений...

И одновременно с пением Аллилуия (а не во время чтения Апостола, как это теперь обычно делается) совершается **каждение** Евангелия и собрания. Этот древнейший религиозный обряд, общий почти всем религиям, не сразу был принят Церковью из-за его связи с языческим культом. В эпоху гонений от христиан требовали, чтобы они совершали **каждение** перед изображением Императора, воздавая ему тем самым Божеское поклонение. Но впоследствии он вошел в церковное богослужение, был принят Церковью, как именно самый «естественный» обряд, в котором все: и горящий уголь и ладан, претворяемый в благоухание и восходящий к небу дым — все «выражает» поклонение твари Творцу и таинственную святость Бога, присутствующего среди людей.

Предстоятель читает «молитву перед Евангелием», в которой он просит у Бога, чтобы Он послал «нетленный свет Своего богоразумия и отверз наши мысленные очи для разумения евангельских проповеданий». Молитва эта, читаемая теперь «тайно» и не слышная собранию, занимает в таинстве Слова то же место, что в евхаристической молитве над Св. Дарами занимает «эпиклеза», призвание Св. Духа. Как и освящение Даров, принятие и уразумение Слова зависит не от нас, не от нашего внимания и желания только, но, прежде всего, от таинственного претворения наших «мысленных очей», от пришествия к нам Духа Святого. Об этом же сви-

детельствует и благословение диакону, читающему Евангелие и преподаваемое предстоятелем — «благовествовать с силою мною во исполнение Евангелия...»

4.

Свидетельство о слышании Слова Божия, о принятии и разумении Его, является проповедь, которая, поэтому органически связана с чтением Писания и в ранней Церкви составляла необходимую часть церковного собрания, существенный и именно литургический акт Церкви. Этот акт есть вечное самосвидетельство Духа Св. живущего в ней и наставляющего ее на всякую истину (Ин. 16, 13). Духом Истины, «которого мир не может принять, потому что не видит Его и не янает Его» («а вы знаете... ибо Он с вами пребывает и в вас будет» Ин. 14, 17), Церковь услышала и узнала в этих «текстах» Слово Божие и продолжает всегда узнавать, слышать и благовествовать Его. Только потому и «миру сему» может она подлинно благовествовать Христа, свидетельствовать о Нем, а не только излагать свою «доктрину», что сама она всегда слышит Слово Божие, им живет, так что сама жизнь ее есть рост Слова: «и слово Божие росло и число учеников весьма умножалось». (Деян. 6, 7); «с такую силою возросло и возмогало слово Господне» (Деян. 19. 20).

В современной церковной жизни наблюдается несомненный упадок или даже кризис проповеди. И сущность его — не в неумении говорить, не в утере «стиля», не в умственной неподготовленности проповедников, а в чем-то гораздо более глубоком: в забвении того, что есть проповедь в собрании Церкви. Проповедь может быть — и она часто бывает и сейчас — умной, интересной, поучительной, утешительной, но не в этих ее качествах, позволяющих отличать «хороших» проповедников от «плохих», ее настоящая сущность. Сущность эта — в живой ее связи с Евангелием, читаемым в собрании Церкви. Ибо подлинная проповедь не есть ни просто объяснение прочитанного знающим и компетентным лицом, ни передача слушающим личного духовного опыта или богословских знаний проповедника, ни размышления «по поводу» текста, она вообще не есть проповедь об Евангелии («на евангельскую тему»), а проповедь самого Евангелия. Кризис проповеди, м. б. больше всего в том и состоит, что она стала как бы «личным» делом проповедника, про которого мы и говорим, что у него есть или отсутствует «дар слова», тогда как подлинный «дар слова», дар благовествования, не

есть «имманентный» дар проповедника, а харизма Духа Св. подаваемая Церкви и в Церкви. Подлинного «благовествования» нет без веры в то, что «собрание в Церковь» есть действительно собрание в Духе Св., где тот же единый Дух отверзает уста и отверзает умы к принятию Слова... Но потому условием подлинной проповеди и должно быть полное самоотречение проповедника, полный отказ от всего только своего, даже от «своего» дара и таланта. Тайна церковного благовествования, в отличие от всякого чисто человеческого «дара слова», совершается, по словам ап. Павла, «не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего кроме Иисуса Христа и притом распятого. И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении Духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (I Кор. 2, 1 — 5). Свидетельство об Иисусе Христе Духом Святым — вот содержание Слова Божия и оно, только оно, может быть содержанием проповеди: «и Дух свидетельствует о Нем потому что Дух есть Истина» (Ин. 1, 5-6). Церковный амвон есть место, где совершается таинство Слова и потому он никогда не должен превращаться в трибуну для возвещения пускай самых возвышенных, самых положительных, но только человеческих истин, только человеческой мудрости. «Мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего предержавших, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую Бог предназначил прежде веков к славе нашей» (I Кор. 2, 6-7).

Вот почему из собрания Церкви, из этого таинства благовествования выросло все церковное богословие, все Предание Церкви, вот почему в нем постигается жизненный, а не отвлеченный, смысл классического православного утверждения, что только Церкви вручено хранение Писания и его толкование. Ибо предание не есть другой — «дополнительный» по отношению к Писанию — источник веры, но тот же источник: Живое Слово Божие, всегда слышимое и принимаемое Церковью. Оно и есть в подлинном смысле толкование Слова Божьего, как источника самой Жизни, а не тех или иных «построений» и «выводов». Когда св. Афанасий Великий говорил, что «святые и боговдохновенные писания достаточны для изложения истины», он не отрицал Предания, еще меньше проповедывал какой-нибудь специфически «библейский» метод богословия, как формальной, словесной верности «тексту» Писания, ибо он сам в «изложение истины» дерзновенно ввел небиблейский термин «единосушие». Он утверждал именно живую

(а не формально-терминологическую) связь Предания и Писания в Церкви, Предание как «уразумение» Писания Духом Св. Потому только Церковь знает и хранит смысл Писания, что в таинстве Слова, совершаемом в собрании Церкви, Св. Дух вечно животворит плоть Писания, претворяя его в «Дух и Жизнь». Всякое богословствование укоренено в этом таинстве Слова, укоренено в собрании Церкви, в котором Дух Божий наставляет саму Церковь (а не отдельных людей в Церкви) на всякую истину. Потому и всякое «частное» чтение Писания должно быть укоренено в церковном: вне церковного разума, вне богочеловеческой жизни Церкви, он не может быть «услышано» и истинно истолковано. Так, совершаемое в собрании Церкви, таинство Слова, в двуедином акте чтения и благоговействования, есть источник всякого богомыслия и возрастания каждого и всех вместе в полноту разума Истины.

И, наконец, в таинстве Слова раскрывается соотношение и «сотрудничество» иерархии и мирян в хранении Истины, каковое, по известному определению Послания Восточных Патриархов 1869 г., «вручено всему народу церковному». В церковной проповеди осуществляется дар учительства (*magisterium*), данный предстоятелю как его **служение** в собрании Церкви. Но, как раз потому, что проповедь не есть «личный» дар, но харизма, данная Церкви и осуществляемая в собрании Церкви, учительное служение иерархии неотрываемо от собрания, но в нем имеет свой благодатный источник. Дух Св. почивает на всей Церкви во всей ее целостности. И если служение предстоятеля есть проповедь и учительство, то служение народа — принятие проповеди и учения. И оба эти служения **духовны** и исполняются одним и тем же Духом Святым. Ни возвещать Истину, ни принять ее, нельзя без дара Духа Св., дар же этот дан всему собранию и только в единстве собрания может быть исполнен. Вся Церковь, а не один «класс» в ней — «получила не духа мира сего, но Духа от Бога, дабы знать дарованное от Бога». «Божьего никто не знает, кроме Духа Божьего» — потому и учащий «возвещает не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным», потому и принимающий учение, принимает его только Духом Святым — «ибо душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием и не может разуметь» (I Кор. 2, 11-14). Епископу и иерархии дан дар учительства в Церкви, но епископ есть учитель в Церкви потому, что он, прежде всего, есть свидетель веры Церкви, потому что учение его — не его, а Церкви, и он учит как свидетель и носитель еди-

ного разума Церкви, единства любви и веры всей Церкви. Только вся Церковь, явленная и осуществленная в «собрании в Церковь», имеет ум Христов, только в собрании Церкви все дары, все служения раскрываются в своем единстве и нераздельности — как явление единого Духа, наполняющего все Тело — и потому, наконец, каждый член Церкви, каков бы ни был его «ранг» и «место» в ней, может перед лицом мира сего быть свидетелем всей полноты Церкви, а не только «своего» понимания ее или «своего» места в ней.

В древности на проповедь предстоятеля собрание отвечало громким и торжественным **Аминь**, свидетельствуя этим о принятии Слова, запечатлевая свое единство в Духе с предстоятелем и свое единство веры с ним. И тут, в этом **Аминь** народа Божьего — источник и начало той «рецепции» учения церковным сознанием, о которой так часто говорят православные богословы, противопоставляя ее римскому разделению Церкви на «учащую» и «учимую» с одной стороны, протестантскому «индивидуализму» с другой. Но может быть, потому нам и так трудно объяснить в чем состоит эта «рецепция» и как она осуществляется, что в нашем собственном сознании почти совсем исчезла память об укорененности ее в «собрании Церкви», в совершающемся в нем — таинстве Слова.

НАСЛЕДСТВО РУССКОЙ КАНОНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Период конца девятнадцатого и начала двадцатого столетия в истории русской богословской мысли вообще, и канонического или церковного права в частности, по своему высокому научному стандарту со всей справедливостью может считаться единственным и уникальным не только в истории Русской церкви, но и церкви вселенской. Это был настоящий «золотой век» русского богословия. Ничего подобного со времени святоотеческой литературы IV-VIII веков история Православной церкви не знала.

О необыкновенном расцвете русской богословской науки дореволюционного периода, о «Путиях русского богословия», подробно написано в замечательной книге проф. прот. Г. Флоровского, а об историческом развитии русской богословской школы написал доктор богословия проф. Н. Н. Глубоковский. Насколько высок был научный уровень русского богословия, каждый может убедиться, взяв для просмотра хотя бы журналы четырех духовных академий: «Труды Киевской Академии», «Богословский Вестник», «Христианское Чтение» или «Православный Собеседник», в которых чуть ли не каждая статья может быть кандидатской или магистерской диссертацией по стандартам настоящего времени.

И тем более отраднo видеть огромные плоды научной богословской мысли именно сейчас, когда в русской общественной мысли неуклонно возрастает равнодушие к интересам религии, особенно к ее специфической отрасли — церковному или каноническому праву. Именно в области церковного права постоянно употребляются и повторяются только казенные, стереотипные фразы, вносящие недоверие не только к истинному религиозному чувству пишущего, но и вообще подрывающие структурный фундамент самой Церкви. Как относиться, к примеру, благочестивому верующему человеку, не искушенному в тонкостях научной терминологии, к таким выражениям, как «неблагодатная церковь», «неканонический епископ, патриарх, собор»? И это говорится о Православных церквях, не инославных. Часто слова «канон» и «каноничность» склоняются по всем падежам с такой смелостью, что невольно позавидуешь человеку, взявшему на себя право решать последние судьбы церкви Христовой. Поле деятельности русской канонической школы было многообразным и многогран-

ным, но одного она не вносила — внутреннего противоречия самой себе.

Научно-плодотворное направление в изучении и разработке церковного права началось в XIX веке под влиянием исторической школы в области юриспруденции. Православное церковное право многим обязано западным канонистам лучшими изданиями памятников церковного права и византийского законодательства и работами по истории церковного права. Достаточно упомянуть исследования братьев Петра и Иеронима Баллерини, коллекции канонов Бинера, труды о греческих номоканонах знаменитого Цахариэ, историю источников церковного права Маасена, историю Вселенских соборов Хефеле и др. Русские исследователи церковного и византийского права не отставали от Запада. Так, М. Н. Бенешевич издал канонический сборник 14 титулов, синагогу в 50 титулов и другие юридические сборники; В. Нарбеков написал введение к номоканону патр. Фотия; прот. Соколовский — о значении и смысле Эпаногогии; А. С. Павлов — о 50-ой главе Кормчей книги, М. Скабалланович — о византийском государстве и церкви, Азаревич о византийском церковном праве.

В 1835 году преподавание церковного права было введено в русских университетах, пока еще как часть общей догматики. По уставу 1863 года церковное право становится особой от богословия самостоятельной юридической наукой. Такой же характер под именем церковного права она сохранила и в университетском преподавании по уставу 1894 года. Несмотря на такое позднее научное признание, именно этот предмет может похвалиться большим количеством законченных специальных пособий, хотя их авторы не всегда соглашались между собой в некоторых основных вопросах.

Первая система по церковному праву в Русской церкви была составлена в 1848 году профессором богословия Киевского университета протоиереем Скворцовым под названием «Заметки по церковному законоведению». В 1859 году вышла первая часть книги «Опыт курса церковного права» создателя русской канонической науки Смоленского епископа Иоанна (Соколов). Профессор Московского университета Н. Соколов в 1874 году издал свои лекции по церковному праву. Лучшим учебником можно считать «Курс церковного права» А. С. Павлова. Из других учебников следует отметить «Краткий курс церковного права» И. С. Бердникова, «Очерк православного церковного права» М. Остроумова, «Православное церковное право» епископа Никодима,

«Учебник церковного права» П. С. Суворова, «Церковное право» М. И. Горчакова. Вопросами церковной дисциплины, сущности церковного права, свободы совести и права занимались митрополит Филарет (Дроздов), епископ Антоний (Храповицкий), иеромонах Михаил, священник Альбин, профессора Ф. А. Курганов, В. Кипарисов, Н. Д. Заозерский. В. И. Мысцын, П. А. Лашкарев, И. И. Соколов, П. В. Гидулянов, М. Е. Красножен, Алмазов, П. П. Понамарев, С. В. Троицкий и многие другие.

Церковное или каноническое право обязано своим происхождением факту появления и распространения в мире того христианского союза, которому исключительно принадлежит название церкви. Каноническое право происходит от греческого слова «канон», которое в первоначальном смысле означало орудие для проведения прямых линий; получило позднее название образца, правила; наконец, в церковной терминологии слово стало означать правила христианской веры и жизни, и в особенности дисциплинарные постановления церковных соборов, в отличие, с одной стороны, от догматических определений, а с другой — от законов гражданских по отношению к церкви. Каноническое право ограничивается областью церковных по происхождению и природе правил, относящихся всецело к самой церкви и ее членам. Церковное право в более широком объеме представляет собой всю совокупность церковных законов, какими церковь обладает; как своими собственными (канонами), так и государственными, относящимися к церкви. Можно сказать, что каноны и каноническое право являются защитниками и охранителями самой церкви, ее существенных свойств — единства, святости, кафоличности, апостоличности.

Церковь, реализуясь в мире, создает и свои нормы, посредством которых управляет и регулирует типически христианскую жизнь, отличную от всякой другой по своему устройству. Задачей науки церковного права является поэтому составление или построение на основании собственных церковных начал и источников такого церковного общества, семьи и даже государства, которые были бы способны водворять на земле правду подлинной христианской жизни.

Дореволюционная русская каноническая наука была немедленно поставлена в ближайшее соотношение с запросами жизни, и она доказала, что церковное право — это не казуистическое соединение случайно выдуманных дисциплинарных правил и предписаний, а норма жизни для верующих в церковь, а также уложе-

ние необходимых законов для легального развития церковного общества в государстве. Область действия каноники оказалась необъятной, но в девятнадцатом веке в русской канонической науке можно различить три основных темы: вопрос права и свободы воли, вопрос об отношениях между церковью и государством, вопрос об изменяемости самих канонов. Эти вопросы, и многие другие, и пыталась разрешить русская каноническая наука.

Уже сам по себе термин «церковное право» привел ученых к большим разногласиям. Ведь Церковь и право — противоположны и взаимно друг друга исключают, говорили одни. Право — это политика силы, основной принцип его — принуждение. Основа Церкви и ее принцип — любовь. Область Церкви — «внутренняя сфера духа», поэтому Церковь, будучи «организацией свободы и любви», чужда принуждению. За основу принималась та идея протестантского богослова Рудольфа Зомма, что право абсолютно несовместимо с духовной природой Церкви, причем Зомма знает только невидимую церковь, смешивая ее с еkkлесией (земной церковью). У Зомма земная церковь развоплощалась. Русским ученым поэтому стало необходимо установить ясную и точную терминологию относительно сущности Церкви, как богоучрежденного общества.

О сущности Церкви было написано много книг. Из более известных трудов можно указать на книгу Е. Аквилонова о научных определениях Церкви; книгу епископа Сильвестра о Церкви в первые века христианства, книгу о разностях православного и католического учения о Церкви протоиерея А. Лебедева, книгу о разностях протестантского и православного учения о Церкви епископа Иллариона (Троицкий). Толкования на послание апостола Павла к Ефесеям в свете учения о Церкви были сделаны Д. И. Богашевским и епископом Феофаном (Говоров). Отвечая на протестантскую идею невидимой церкви, замечательный церковный историк В. В. Болотов писал в истории Вселенских соборов: «В понятии «еkkлесия» заключается сильный элемент видимости. Никакой невидимой церкви быть не может. В невидимом можно участвовать только духовно, в еkkлeсии не иначе, как телесно... Участие в невидимой церкви походило бы на невидимое участие в воинской повинности».

А вот как один из лучших русских канонистов ответил на вопрос о свободе воли и праве: «Церковь для верующих в Иисуса Христа есть непосредственно божественное учреждение, в котором и через которое осуществляется в роде человеческого идея

Царствия Божия на земле». В этом догматическом понятии о Церкви, проф. Павлов указывает как на внутреннее, невидимое существо Церкви, так и на внешнее, видимое. «Как союз, основанный на религиозной вере, действие которого обращено на внутреннюю сторону человека, на его душу, Церковь представляется невидимым, духовным союзом верующих во Иисуса Христа. Но в то же время Церковь как союз человеческий есть Царство Божие в мире сем, значит, видимое явление во внешней светской жизни человека. Внешней стороной своего существа Церковь поставлена в общие условия человеческой жизни. Внешняя жизнь Церкви как организованного целого необходимо предполагает существование в ней известного порядка, согласного с ее внутренним существом и жизненным назначением. С этим порядком Церковь и вступает в область права как носительница тех норм своей жизни, которые имеют свое основание в самом существе Церкви и которыми определяются ее внутренние правоотношения. Конечно, Церковь сама по себе не может принуждать физически, как это делает государство. Тем не менее, в распоряжении Церкви находятся известные права и блага, которые она же может и отнять: например, право каждого члена Церкви на совершение для него известных церковных актов, причем это нисколько не противоречит христианскому учению о свободе воли, так как признающий себя членом Церкви тем самым и добровольно принимает на себя обязанность повиноваться ее законам и соблюдать существующий в ней порядок».

Вопрос отношений между церковью и государством стар, но он не потерял своей актуальности и в настоящее время, так как это вопрос не теоретический, а жизненный. Государств много, и каждое из них имеет свой индивидуальный исторически сложившийся характер, а церковь Христова одна, и ее существенные основания жизни и деятельности неизменны. Христос в отношении государства учит воздавать кесарево кесарю, а Божье Богу. Смысл этих слов тот, что у христианина сверх обязанностей к государству есть отношение к Богу, составляющее особую сферу нравственных отношений, где исключительно господствует закон Божий, не человеческий, не государственный. Так все христианское вероучение и нравственность, все относящееся к богочитанию, священнослужению и внутренней церковной дисциплине, насколько она вытекает из существа самой церкви и необходима для достижения церковью своей задачи — все это ведается безраздельно церковной властью. Если же государство насильно

вторгается в эту область и действует при этом против духа и учения церкви, то верующим во Христа остается только страдать. Это церковь и делала в первые три века существования, до той поры, пока она не соединилась с государством при Константине Великом. С тех пор именно и возникает вопрос об отношении церкви к государству.

Русская каноника много писала о симфонии императора Юстиниана, византийской идее, регулировавшей взаимоотношения церкви и государства, в которой существенная часть императорской власти состояла в том, чтобы покровительствовать церкви, предохранять церковную жизнь от опасностей расколов законодательством и на этом же основании приводить церковь в гармонию с государственным порядком.

Русская церковь в этом отношении пережила три периода: период свободы и самостоятельности, находясь в иерархической зависимости от Константинопольского патриарха; период от начала московского единодержавия до Петра Великого, характеризуемый решительным стремлением правительства подчинить церковь своему влиянию; период от Петра Великого до революции, когда было полное политическое господство государства над церковью. Тогда церковь определялась как служебная сила государства. Вопросам согласования отношений церкви и государства каноническая наука посвятила много сил и энергии, но нужно признать, положительного полного синтеза в этом направлении так и не добилась. Пламенным, хотя и одиноким защитником главенства монарха и вообще государственной власти в церкви явился проф. Н. С. Суворов. Большинство канонистов считало, что «религия составляет абсолютно запретную область для государственного властвования» (порф. Е. Н. Темниковский), и что «любое верховенство государственной власти в церковной сфере — это всегда было и будет узурпацией натурально присущей церкви божественной власти» (порф. А. С. Павлов).

Конец 19 и начало 20 века в России прошли под флагом общего и единогласного желания реформ церковного строя управления и церковной жизни. Как общество, так и духовенство согласно требовали восстановления в России КАНОНИЧЕСКОГО строя после двухсотлетия синодального управления. Казалось, стоит лишь взять в руки Книгу правил, перестроить по ней жизнь русской церкви, и тогда получится идеально-канонический строй. Задача предстоящего церковного собора как будто была совершенно проста. Вышло совсем не так. Одной Книги правил оказа-

лось недостаточно для проведения церковных реформ. Были написаны еще целые тома отзывов, мнений, рефератов по самым различным областям церковного управления и церковной жизни, начиная с организации прихода и кончая восстановлением патриарха.

В отношениях к самим канонам выяснились две точки зрения. Одни ученые, как А. Чирецкий и епископ Антоний (Храповицкий), основываясь на 2 каноне VI-го Вселенского собора, отождествляли православие с точным соблюдением канонов. Канонам, таким образом, придавалось догматическое значение. Другие ученые показали, что в прошлом различия в характере времени, нации, нравов и особенности политического устройства страны вносили разнообразие и в самые каноны. Одни каноны отменяли или заменяли другие. Нашли немало канонов, которые, не будучи отменены соборами, оставлены однако церковной практикой последующих времен как неприменяемые. Профессор В. В. Болотов рассуждал следующим образом: «Каноническое» в обычном словоупотреблении есть равнозначное: согласное с позднейшей практикою Константинопольской церкви. Этому «каноническому» предшествовал древний строй иного типа; древняя церковь не боялась и таких реформ, которые были очень радикальны... Суббота ради бысть, а не человек субботы» (Церк. Вед. 1906, № 3, стр. 100). Митрополит Филарет так писал об обязательности соборных определений: «Если эти определения не суть непременныя следствия правил св. писания, но только некоторые применения оных к известным обстоятельствам, то таковыя определения подобно сим обстоятельствам не суть неизменяемы» (Собр. отз. и мн. т. I, 163). Каноническая наука и занялась вопросом: где же предел изменяемости канонов?

Профессор Кипарисов первым поднял вопрос об изменяемости канонов, и он же стал различать в канонах два элемента — один догматический, неизменяемый, другой — исторический, изменяемый. В том же духе писал и проф. Мысцын: «Безусловно обязательны на все времена и неизменяемы лишь те каноны, которые стоят в неразрывной связи, как следствие и причина, с истинами веры и нравственности, данными в св. писании. Все прочие каноны, не связанные неразрывно с догматическими истинами откровения, могут подлежать изменению». Другими словами, говорит проф. Мысцын, «каноны неизменны постольку, поскольку служат выражением обязательных для верующих истин веры и нрав-

ственности; поскольку же они являются приспособлениями этих истин к условиям времени и места, они изменяемы».

Как при этом избежать произвольных толкований об изменяемости канонов? На этот вопрос отвечает проф. Павлов, предлагая применять к канонам историко-догматический метод: «Мы обязаны, — говорит проф. Павлов, — постоянно иметь в виду связь церковного права с самым существом церкви, с догматическими основаниями церковно-юридических институтов. С точки зрения этих оснований открывается, что составляет существенное зерно каждого церковно-юридического института, а что есть только внешняя его оболочка, изменяющаяся со временем и не требующая одного постоянного и твердого вида». Такой же исторический и вместе рациональный метод в изучении канонов предлагает и проф. Бердников: «Чтобы иметь ясное и точное представление об изменяемости церковных правил, следует обратиться к изучению самой дисциплины и представить ее в ее постепенном развитии, изложить историю развития в первые три века, в период вселенских соборов — до настоящего времени. Тогда могут быть выяснены сами собой и законы развития, и изменения церковной дисциплины, определились бы и точные границы ее изменяемости, и можно было бы узнать, какие из древних правил являются действующими, а какие утратили практическое значение». Церковь всегда должна стремиться к более совершенному устройству своей внутренней и внешней жизни. Чтобы найти такой идеал устройства, русская каноническая наука и стремилась подвергнуть древние каноны тщательному пересмотру, старалась найти из ряда канонов такие, которые служат выражением положительных, обязательных норм и идеального церковного порядка для всей вселенской Церкви. Церковь нуждалась в квалификации церковных канонов на существенные, неизменяемые, и на исторические, изменяемые. Революция помешала этому процессу.

После революции наука в России фактически перестала существовать. С тех пор церковь там жила и продолжает жить по милости советского богоборческого правительства, и только в малой части своей внутренней жизни она живет по своим существенным церковным законам, отказавшись от которых церковь перестала бы быть церковью. Только в вопросе о положении Константинопольского патриарха, о его «духовном» или «административном» главенстве во вселенской церкви, дискуссия не утихла. Русскую церковь в этом вопросе представлял недавно скончавшийся проф. В. С. Троицкий, напечатавший несколько статей о

реальном каноническом статусе Константинопольского патриарха, не представляя ему никаких особых административных прав, кроме как первого среди равных.

В эмиграции, однако, русские богословы и ученые не прекращали заниматься каноническими вопросами. Хотя это уже особая тема, отметим известных русских богословов, потрудившихся в этой области. Об участии мирян в церковной жизни и о канонах написал много проф. прот. Н. Афанасьев, о границах церкви, о соборности писал проф. прот. Г. Флоровский, о месте епископа в ранней церкви и о церковном устройстве писал проф. прот. А. Шмеман, о территориальном признаке и о сущности канонов писал проф. прот. И. Мейендорф. Профессор А. А. Боголепов составил учебник Канонического права, проф. В. С. Троицкий писал на различные церковно-канонические темы, проф. Н. Н. Глубоковский — толкование на 34 Ап. правило, проф. А. В. Карташов — о возможности созыва Вселенского собора, проф. С. С. Верховской — о высшей церковной власти. Кроме того, за последние тридцать лет в эмиграции было написано много канонических книг, но все они носят или апологетический или обвинительный характер — положительного материала в них очень мало.

Русская каноническая наука много внесла нового в церковную жизнь и церковное устройство вселенской церкви. Результатом этих работ было восстановление в России самого настоящего канонического строя — патриаршества. Жизнь, однако, сейчас же показала, насколько трудно существование церкви в богорборческом государстве: положение, в котором церковь находит себя все больше в мире. Так, в области взаимоотношений церкви и государства канонике предстоит много дела.

Часто и сейчас на страницах печати церкви отказывают в ее внутреннем праве. Снова происходит смешение понятий невидимой, духовной церкви с еkkлесией — церковью видимой и живущей в мире по своим законам и правилам. И в этой области канонисту предстоит много труда.

Будущий Вселенский собор обязательно займется вопросом изменяемости канонов, и вот сейчас в этой области открыта возможность для настоящей исторически-догматической квалификации канонов. Много и других областей открыто для канониста, так как идеал церковного устройства, к которому стремится вселенская церковь, но идеал еще далеко не осуществленный, это «единство и множественность, первенство и равенство, главенство и независимость, дисциплина и свобода».

ХРИСТИАНСТВО И ИУДАИЗМ

Гр. Н. З.

ОБ ОТНОШЕНИИ ХРИСТИАН К ИУДАИЗМУ

(полемические заметки)

Когда взглядываешь на христианскую жизнь в России, видишь как бы лампадку, на которую со всех сторон дуют враждебные ветры, стараясь как только можно загасить ее, но она все теплится и не гаснет, ибо «блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай» (Иов, 5. 17). Иное дело, когда глядишь на Запад: не малая теплющаяся лампадка видна там, но большой костер. Велик он, но не пылающим видится, а гаснущим. Знаю, конечно, что впечатление это во многом поверхностно и отдаленно, что и на Западе восстают новые подвижники Христовы, новые подвиги совершаются во славу Его Имени. Но ведь и не совсем пусто это впечатление: демократическая разногласица мнений заступает место истины, для просветительской понятности и привлекательности жертвуют благочестием. Вот пастыри, обращаясь к верующим, сравнивают Богоматерь с киноактрисами — и пусть говорят, что Она несоизмеримо их прекрасней, — разве легче от этого? Вот епископы, призванные охранять чистоту веры, просят папу позволить христианам употреблять противозачаточные средства, потому что заботит их демографическое благо будущего человечества. Вот, наконец, собирается конгресс под названием вроде «Вера и Аушвиц», собирается, чтобы обсудить, как сохраняется вера у заключенных в лагере смерти, и как вообще сохранять ее в таких условиях, при таком разгуле сил зла. Но, помилуйте, что же здесь обсуждать? Разве мучения не были уделом христиан во времена диоклетиановых гонений, разве христиане, жившие под турецкой властью, не видели испытаний столь же ужасных: деревни сжигали, младенцам разбивали головы о камни, стариков сажали на кол, вырезали младенцев из чрева матери. Или христиане забыли своих мучеников и не помнят, что страданиями укрепляется вера? Конечно, и фашизм как особый путь зла, как по-своему законченный венец безбожия, может быть предметом христианских размышлений. Но мученичество осталось тем же мученичеством: и раньше были не выдержившие этого пути и отпавшие, и Церковь раньше еще определила этот

грех как один из самых тяжелых (ср. Евр. 6. 4-6) и указала на возможность покаяния. И проблема зла в мире не в первый раз открылась христианской мысли. Зачем же нужен конгресс? Причину этого понять не трудно. Видимо, многие верующие задаются вопросом, как Бог попустил совершиться таким злодеяниям. Видимо, некоторые, не разрешив для себя этого вопроса, отпали от веры. Что же должно делаться при этом и что делается? Нужно, чтобы священники в своих проповедях и беседах с прихожанами уделяли больше внимания соотношению Промысла Божиего и свободы воли, чтобы Собор канонизировал новых мучеников за веру. Но вместо этих средств, столетиями укреплявших сомневающихся и обращавших разуверяющихся, придумывается новое — и какое! Пустота словоизлияний и тщета мнений! Вместо того, чтобы обратиться к верующим слова истины и слова обличения, слова Спасителя, Который не от мира, избирают самое мирское средство, чтобы быть более доступными. И в погоне за доступностью забывают об Истине.

Такое и вообще впечатление создается, что на Западе достаточно какому-нибудь вопросу сделаться предметом шумного публичного обсуждения у людей, даже далеких от христианства, как вот уже эту дискуссию подхватывают духовные и те, для кого религиозные размышления стали постоянным занятием. Причем, даже если на вопрос этот содержится ясный и недвусмысленный ответ в Писании, не довольствуются тем, чтобы этот ответ повторить (потому, верно, что не всех он привлечет — но разве не тесны врата спасения?), но повторяют мнения и суждения кем только ни высказанные. Такое желание со всеми сблизиться и всем быть понятными граничит с отступничеством, потому что должно, как наставляет ап. Павел, «не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе» (I Кор. 5. II). О пастыри, водимые овцами заблудшими, о ловцы душ, уловляемые душами слабыми и колеблющимися! Это ли заповедал вам Спаситель!

Именно такое впечатление ереси и отступничества производит Обращение французского епископата «Пастырская ориентация в сфере отношения христиан к иудаизму», русский перевод которого напечатал недавно «Вестник РСХД». К счастью, редакция журнала не согласна, видимо, с позицией авторов обращения, однако и собственная позиция журнала остается неясной. В качестве православного ответа она публикует статью о. Сергия

Булгакова; неясно, совпадает ли позиция редакции со взглядами о. Сергия, но представляется, что статья его никак не может служить православным ответом на Обращение. Нам здесь вряд ли под силу до конца выяснить, каково должно быть отношение христиан к иудаизму, мы постараемся лишь показать ниже, почему то, что предлагает французский епископат, никак не соответствует христианскому учению, и в чем взгляды С. Булгакова являются произвольным толкованием Писания.

ОБРАЩЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЕПИСКОПАТА

В своем Обращении французский епископат развивает и пытается обосновать следующие положения:

1. Еврейский народ, будучи привержен иудаизму, остается верен единому Богу. Его вера в Него являет нам целый ряд достоинств (они перечисляются), которые до сих пор были не совсем очевидны христианам, но на которые пришла пора взглянуть беспристрастно и даже кое-что из них усвоить.

2. История еврейской нации, остающейся верной закону, имеет для христиан особую духовную ценность. Жизнь христиан, равно как история и развитие их Церкви особо связаны с историей еврейской нации, и эта нация, поэтому, должна быть предметом особого участия христиан.

3. Из этого делается вывод, что нужно сближение христиан с иудеями, и что это сближение принесет христианству ряд духовных благ (не перечисляются).

Разберем эти положения последовательно и посмотрим, в чем они уклоняются от истины христианства, как она запечатлена прежде всего Св. Писанием (так же как и Св. Преданием, конечно, но и Св. Писания довольно, чтобы уяснить всю ложь сказанного, и мы такими аргументами и постараемся ограничиться).

1. О достоинствах еврейской нации.

Французские архипастыри прежде всего напоминают, что иудеи были богоизбранным народом, которому было дано обетование, что ветхозаветные пророки предсказывали Пришествие Христово, что Христос был еврей по Своей Матери Деве Марии, что иудеи были, по слову Апостола, «природными ветвями» (Рим. II. 21) той маслины, которая есть домостроительство Божие, и к которым

привились ветви дикой маслины, язычники. Все это бесспорно, но какое отношение имеет это к современному еврейству? Мы дальше будем подробно обсуждать этот вопрос, а сейчас заметим только, что иудеи, не принявшие Христа, определяются св. Павлом как «ветви отломившиеся» (Рим. II. 17,19). На них исполняется пророчество Исаии: «Когда ветви его засохнут, их обломают» (Ис. 27. II). Все сказанное, таким образом, безусловно может быть отнесено лишь к иудеям до Христа, которым «принадлежат усыновление и слава, и заветы и законоположение, и богослужение и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти» (Рим. 9. 4-5) 1).

Прежде чем описывать еврейские достоинства, авторы Обращения спешат разуверить читателя в еврейских недостатках. Они начинают с решительного осуждения антисемитизма и призывают христиан любить евреев. И с таким осуждением, и с таким призывом легко можно согласиться, ведь антисемитизм как одна из форм ненависти и вражды не может не разлагать христианского сознания — нужно помнить, что Господь учил любить своих врагов (врагами называет однажды евреев св. Павел — Рим. 11. 28). Можно согласиться и с тем, что было бы «ошибкой считать еврейский народ нераздельно виновным в страстях и смерти Иисуса Христа» (Обращение, § IVб), хотя, как мы увидим ниже, о. Сергей Булгаков придерживается другого мнения. Верно, конечно, и то, что «в результате греха всех людей Христос в Своей неизмеримой любви предал Себя Своим страстям и смерти, чтобы все достигли спасения» (там же). Но никак не верно, что грех иудеев, предавших Христа на распятие, был одинаков с этим общим грехом, потому что, хотя этому и предназначено было совершиться из-за того самого общего греха, но, по слову Спасителя, «горе тому человеку, которым Он предается» (Лк. 22. 22). Неверно, конечно, и то, что вина «за смерть Иисуса была в равной степени разделена между представителями иудейской и римской власти» (Обращение, там же) ~~и~~ римлянам, а иудеям пророки и Предтеча зовещали приход Спасителя.

1) В Обращении говорится: «Мы обязаны ему (еврейскому народу) пятью книгами Закона, Пророками и другими священными книгами, которые дополняют его весть. Собранные устным и записным преданием, эти поучения были восприняты христианами совсем не для того, чтобы быть экспропрированными у евреев» (§ III). А в Послании ап. Варнавы сказано, что грешат те, которые говорят: «завет иудеев есть и наш. Он только наш, потому что они потеряли навсегда то, что получил Моисей» (глава IV).

В Обращении говорится: «В противоположность утверждениям очень древней, но спорной экзегезы, нельзя вывести из Нового Завета, что еврейский народ был лишен своего избранничества. Наоборот, все Писание понуждает нас признать в заботе о верности еврейского народа к Закону и Завету знак верности Бога Своему народу» (§ IVб). Авторы Обращения действительно отвергают весьма древнюю экзегезу, но не говорят, — хотя бы кратко, — на каком основании они это делают. Они утверждают, что избранничество сохранилось за иудеями, и что Бог остался верен им. О том, что в этом утверждении верно, а что — нет, мы будем говорить ниже, здесь же отметим ложность единственного приводимого основания — «верности еврейского народа Закону и Завету». И верность эта, если бы действительно была, не есть достаточное основание, «ибо делами закона не оправдается никакая плоть» (Гал. 2.16), и спасенье дается благодатью, а не делами (Еф. 2.8-9). Но верности такой не было, а была, наоборот, неверность, как об этом неоднократно свидетельствует Писание как Ветхого, так и Нового Завета. Верным по благодати Божией сохранился лишь малый остаток избранных, прочие же, званые, не пришли и эту свою верность утеряли. Ведь сказано, что «и сами обрезывающиеся не соблюдают закона» (Гал. 6. 13) 2). Если же авторы Обращения, говоря о верности закону, имеют в виду не иудеев до Вознесения, но иудеев после Вознесения, то тут такая верность, когда бы и была, не имеет уже никакого значения, потому что Христос говорит: «Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него» (Лк. 16. 16).

По мнению французского епископата, особое внимание христиан должна привлекать жизненность еврейского народа. «Главными знаменами этой жизненности... являются: свидетельство его коллективной верности единому Богу, его ревность к исследованию Писания с целью раскрытия в свете Откровения смысла человеческой жизни, его поиск идентичности в среде других народов, его постоянное стремление воссоединиться в общину» (§ III). Если под «верностью единому Богу» подразумевается монотеизм, то вряд ли сохранение его евреями за последние две тысячи лет

2) Вспомним притчу о богаче и Лазаре. Ведь именно умудренный знанием иудей уподобляется здесь богачу, и про его братьев говорится: «Если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Л. 16.31).

можно объявить серьезным достоинством — кто же от монотеизма переходил к политеизму? Если же речь идет об истинной верности Богу, то об этом все уже сказано выше. Нельзя счесть особым достоинством и ревность к исследованию Писания. Что толку в этой ревности, когда она не приносит плодов и не ведет к спасению. За это-то бесплодие и обличает прежде всего Христос фарисеев, вспомним притчу о смоковнице (Лк. 13.6-9) и о рабе, хранившем в платке данную ему мину (Лк. 19.12-27). «Смысл человеческой жизни» для любого христианина, в том числе, надо думать, и для французских владык, есть Христос. Но Христа-то и отвергли фарисеи, и вслед за ними отвергают нынешние иудеисты, верные продолжатели и толкователи тех самых, о которых Спаситель сказал: «Вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Мф. 23.28). Какую же ценность видят французские епископы в этих бесплодных и лживых поисках смысла жизни, названных Апостолом «Иудейскими баснями» (Тит. 1.14)? 3). Неужели они забыли сказанное Христом: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (Мф. 23.14). Не в этом ли недопущении полагают авторы Обращения смысл жизни? Что же касается «поиска идентичности» и «стремления воссоединиться в общину», то нет в них ничего, что христианами почиталось бы особым достоинством или добродетелью, ведь именно для «сохранения идентичности» и «воссоединения в общину» Каиафа замысливает убить Спасителя (Ин. 11.50-53).

Чтобы приукрасить иудаизм в глазах христианского читателя, авторы обращения указывают на ряд сходств иудаистического учения с христианским (§ IVc) 4). В этой своей попытке они доходят до прямого богохульства (хотя бы в свете только что

3) При этом «в свете Откровения». Какое откровение имеют в виду авторы Обращения, когда наибольшее Откровение, Евангелие Христово, иудеисты отвергают.

4) Они пытаются даже затемнить основное различие между ветхой и новой верой, утверждая, что «ложно противопоставление иудаизма и христианства как религии страха и религии любви» (§ IVc). Быть может, в такой формулировке это и не верно, но противопоставление закона и благодати как характеризующих соответственно иудаизм, отвергший Христа, и христианство, противопоставление это, столь часто подчеркиваемое в Евангелии и апостольских посланиях, все равно остается. Св. Павел пишет: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати» (Гал. 5.4).

приведенных слов Спасителя), говоря, что «учение фарисеев не противно христианству»; и далее: «Впрочем вероятнее всего, что именно из-за того, что фарисеи и первые христиане были близки во многих взглядах, они с такой энергией спорили друг с другом относительно предания, принятого от Древних, и толкования Закона Моисея» (§ IVd). В каких же взглядах могли быть близки фарисеи и первые христиане, когда расходились они в основном, в вере в совершившийся приход Мессии, в Иисуса как Христа, Сына Божиего, пострадавшего за людей и воскресшего из мертвых. Этим основным расхождением определяются и все другие различия относительно соблюдения тех или иных предписаний закона, понимания пророчеств и форм богочитания. И фарисеи, и первые христиане куда лучше понимали свои отношения друг к другу, чем понимают их авторы Обращения. Неужто это пастыри духовные, которые подобно позитивистскому историку религий поглощены сопоставлением и классификацией внешних расхождений, забывая об единственности Истины, которая разделяет как острый меч. Поистине «вожди слепые, оцепивающие комара, а верблюда поглощающие!» (Мф. 23.24) 5).

Крайне безответственным представляется нам и утверждение авторов Обращения, будто миссия «освящения Имени» «делает из жизни и молитвы еврейского народа благословение для всех народов земли» (§ Vб). Благословение всех народов есть Христос и Церковь, которой Он Глава, и не может быть, кроме как по непостижимому Промыслу Божию, о котором рассуждать невозможно, благословением жизнь и молитва народа, отвергающего Христа и Его Церковь. Столь же ложна и мысль, что «через все испытания еврейский народ призван "святить Имя" среди других народов» (§ Vд), ведь как раз обратное сказано в Писании. Господь говорит Иезекиилю об иудеях: «И пришли они к народам, куда пошли, и обеславили святое имя Мое» (Иез. 36.20), а ап. Павел пишет: «Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников» (Рим. 2.24). Не ясно ли, что не иудеисты святят Имя, но христиане, которым Христом завещана молитва Господня.

5) Во всем этом подходе, предпочитающем Истине в ее исключительности внешние свидетельства праведности, ощущается протестантский морализм. Да, Каиафа мог оставаться добропорядочным евреем с точки зрения внешнего поведения, мог почитаться верным закону, но с точки зрения христианства — а она единственно правильная — он согрешил почти так же как Иуда, и преступил закон не меньше, чем поклонявшиеся Ваалу.

2. О смысле еврейской истории.

Об особом значении еврейской истории (как до, так и после Вознесения) много раз говорится в Обращении. Утверждается, что «Церковь, действующая от имени Иисуса Христа и через Него связанная с самого своего рождения и навеки с еврейским народом, видит в непрерывном существовании Израиля через века знак, который она должна понять во всей полноте» (§ 1). Аналогичные высказывания о «непрерывном существовании» и «знаке» с редкой настойчивостью повторяются почти в каждом параграфе Обращения, однако нигде не разъясняется, что же этот знак значит и как его нужно понимать «во всей полноте». Как Церковь связана с ветхозаветными иудеями, пророки которых предсказали Пришествие Христово, достаточно понятно, но почему и после Воскресения Церкви пришлось остаться «навсегда связанной» с той частью евреев, которая отвергла Христа, так и остается необъясненным. А потому и мы в ответ можем только недоумевать, а ни возразить, ни поверить не можем.

Это наше недоумение еще возрастает, когда мы читаем, что «в настоящее время труднее, чем когда бы то ни было, вынести спокойное богословское суждение о движении еврейского народа за возвращение на "свою" землю», и что христиане «должны учитывать то истолкование, которое дают сами евреи своему собранию вокруг Иерусалима, которое они во имя своей веры рассматривают как благословение» (§ Ve). Разве сейчас труднее, чем в какое-либо другое время, сказать, что человеческая мысль, не способная постичь Промысл Божий, не может найти ничего благословенного в собрании вокруг Святых мест, напоминающих нам о земном служении Спасителя, народов, отвергающих Христа. Какое провиденциальное значение может иметь скопление евреев в Иерусалиме, когда Господь сказал: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23.37-38). Христиане имеют обетование о Новом, Небесном Иерусалиме, который нисходит с неба от Бога (Евр. 12.22; Отк. 3.12; 21.10), земному же Иерусалиму предречена мерзость запустения, он «будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (Лк. 21,24) за то, что «не узнал времени посещения Твоего» (Лк. 19.43). И собрание нехристей вокруг Иерусалима не есть ли та самая мерзость запустения и знак,

что времена язычников еще не окончились? И зачем же нам для понимания происходящего учитывать еврейское его истолкование, «иудейские басни»?

Французский епископат не обходит молчанием и проблемы ближневосточного урегулирования, воздерживаясь, к счастью, от высказывания какого-либо определенного мнения. Если, по словам авторов Обращения, «в политическом плане происходит столкновение разных требований справедливости» (§ Ve), то это о том лишь свидетельствует, что христианская справедливость тут не при чем. А если так, то нельзя ждать от христианской совести никаких ответов на все эти политические вопросы, и лучше христианину — вопреки призывам французских пастырей — совсем их оставить б).

3. Общение христиан с иудаистами.

Авторы Обращения считают «основной и настоящей задачей, чтобы священники, верующие и все ответственные за образование, на разных уровнях, работали над тем, чтобы привести христианский народ к лучшему пониманию иудаизма, его предания, его обычаев и его истории» (§ VI). Конечно, лучшее понимание чего бы то ни было никогда не помешает, но может ли уразумение чужой религии быть для христиан «настоящей задачей»? Ведь вряд ли кто-нибудь станет спорить, что первейшая задача христианина есть уразумение христианства, это задача столь бесконечная и столь всепоглощающая, что она в принципе должна захватывать всю духовную жизнь христианина. Всякое другое понимание нужно христианину лишь постольку, поскольку оно помогает ему уразумевать истину христианства. Предельно напряженная духовная жизнь великих молитвенников и аскетов вообще, видимо, не оставляла времени для посторонних размышлений о чужой вере, а ведь именно они — образец для христианина. Поэтому понимание иудаизма — это дополнительная и

б) Католики, видимо, ничего не могут оставить без своего внимания, даже явных дел мира сего. И папа Павел счел почему-то необходимым для себя высказаться по этим политическим вопросам и выступил недавно — но только не в защиту еврейских прав, как французские епископы, а в поддержку прав арабского народа Палестины. Вот уж подлинно апокалиптическое видение: неверные делят ризы Христа, а пастыри овец Христовых следят за справедливостью дележа! Какой справедливостью?!

сторонняя задача для христианина, существенная для него лишь в силу его неотторванности от «жизни мира сего».

Впрочем, французские епископы полагают, что христианин может извлечь из понимания иудаизма нечто большее, чем негативное суждение о нем. Они думают, что христиане «впали бы в заблуждение, полагая, что сегодня нечего черпать из иудейской духовности» (§ IVc). Превратное мнение: стоило ли пить из колодца с мутной водой, когда рядом колодец с чистой? При некотором усилии нечто полезное можно почерпнуть из любой духовности — иудаистской, мусульманской, буддистской. Недаром Лев Толстой составлял свой «Круг чтения», вырывая цитаты из писателей всех вер и всех народов. Но эта книга, как и все прочие поверхностные попытки заимствовать из чужой мудрости, годится только для умственных развлечений, а не для духовного совершенствования, потому что истина, которой мы просвещаемся, должна быть внутри нас, а не заимствоваться нами извне. Ведь именно про такую внешнюю нашу мудрость сказано: «мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (I Кор. 3. 19). Только при глубокой духовности и абсолютной твердости в вере — а именно их сейчас и недостает, именно их проповедь есть основная и настоятельная задача — обращение к иноверной духовности может быть плодотворным. В синкретизирующем же всепонимании таится глубокий соблазн «осуеститься в умствованиях своих» (Рим. 1.21), потому что видимые сходства учений могут создать впечатление главенства нравственной проповеди и равнозначности ее в разных религиях, откуда уже прямой путь к догматическому релятивизму. Недаром ап. Павел — в противность французским епископам — советовал не внимать «иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины» (Тит. 1.14). И св. Игнатий Богоносец предостерегает вслед за Апостолом: «Не обольщайтесь чуждыми учениями, ни старыми бесполезными баснями. Ибо если мы доселе еще живем по закону иудейскому, то чрез это открыто признаем, что мы не получили благодати. И божественнейшие пророки жили о Христе Иисусе» (Послание Магнезианам, гл. VIII). Св. Игнатий прямо говорит о вреде слушания иудейской проповеди. Он пишет: «Но если кто будет проповедывать вам иудейство, не слушайте его. Ибо лучше от человека, имеющего обрезание, слышать христианство, нежели от необрезанного — иудейство... Если же ни тот, ни другой не говорит об Иисусе Христе, то они по мне столпы и гробы мертвых, на которых написаны только имена человеческие. Итак, убегайте коварств и

ухищрений князя века сего, чтобы вы, будучи подавлены его мыслями, не ослабели в любви» (Послание Филадельфийцам, гл. VI).

Предпосылки общения с иудаистами излагаются в странных и невразумительных выражениях. Оказывается, например, что евреи присутствуют «в качестве бескомпромиссного и требовательного партнера перед лицом христианства» (§ 1), что «еврейский народ и христианский народ находятся... в положении взаимного оспаривания, или, как говорит святой Павел, "ревности" в виду единства» (§ VIIб). Здесь все непонятно. Непонятно, почему и в чем именно иудаисты являются партнерами христиан; непонятно, что они от христиан могут требовать и на какие компромиссы не соглашаться. До последнего времени христиане обходились без всякого общего дела с иудаистами, да и иудаисты, кажется, не проявляли никакой охоты к соединенным действиям в сфере духовности. Если в этом их бескомпромиссность и требовательность, то ведь и христиане не могут не быть требовательными, и наше требование к иудаистам — единственное и бескомпромиссное — должно быть, чтобы они воскликнули: «благословен Грядый во имя Господне» (Лк. 13.35). Столь же невразумительно выражение о «ревности в виду единства». Св. Павел действительно говорит о ревности («Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них?» — Рим. 11.14), но нигде о единстве. Напротив, Апостол говорит о возбуждении у евреев ревности о Боге, которой у них нет, и об обращении их ко Христу; таким образом, покуда нет этой ревности, устремляющейся ко Христу, не может быть и единства.

На этих-то невразумительных основаниях и хотят французские пастыри установить новые отношения с иудаистами. Они утверждают: «Будучи далекой от того, чтобы стремиться к уничтожению иудейской общины, Церковь осознает себя пребывающей в поисках живых уз с нею» (§ VI). Удивительно, что Церковь не стремится к уничтожению иудейской общины как общины религиозной, т. е. не стремится к обращению евреев в христианство. Еще более удивительно, что Церковь, по мнению авторов Обращения, ищет «живых уз» с иудаистской общиной. Кажется, что французские пастыри налагают этим на Церковь «бремена неудобноносимые» — зачем нужны такие узы, как их поддерживать? Могут ли они быть «живыми», наконец? Ведь «живыми узами» Церковь может быть связана с кем бы то ни было только через Христа, Которого иудаисты как раз и отвергают.

Не ясна цель таких связей. Может быть, именно ее хотят разъяснить авторы Обращения, когда пишут: «Еврейский народ обладает сознанием, что он через свое особое призвание получил универсальную миссию по отношению к другим народам. Со своей стороны Церковь полагает, что ее собственная миссия может вписаться только в ту же самую вселенскую цель спасения» (§ VIIa). Но Церковь и иудаисты мыслят спасение по-разному, и в плане домостроительства спасения у Церкви и у иудаистов совершенно разные задачи, так как спасение только через Христа, ибо Он говорит: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14.6) и «Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3.36).

Ввиду всех этих причин весьма малоубедительным становится и пожелание авторов Обращения, чтобы евреи и христиане «наконец вступили на путь взаимного признания и понимания и чтобы, отвергнув свою древнюю вражду, они обратились к Отцу в едином порыве надежды, которая будет обетованием для всей земли» (§ VIIc). «Ибо, — как говорит Апостол, — какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмою?» (2 Кор. 6.14). Призывы к взаимопониманию и всемерпимости могут быть хороши в устах политика, но у него эти слова и имеют смысл мирской и преходящий. Именно потому, что духовная проповедь не должна иметь такого смысла, а в то же время не может влечь за собою ни вражды, ни ненависти (если она действительно исполнена духом Божиим), именно поэтому нельзя забывать о единственности Истины, не терпящей общения с ложью, «потому что Бог наш есть огонь поядающий» (Евр. 12.29).

СТАТЬЯ О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

Статья протоиерея Сергея Булгакова «Гонения на Израиль» представляет собой труд совсем иного рода, чем Обращение французского епископата. Как и многие другие работы о. Сергия, она характеризуется глубоким догматическим видением, особым даром догматического истолкования литургических свидетельств, но, как и ряд других работ этого автора, она отмечена в то же время несколько произвольной догматической фантазией. Основные положения этой статьи таковы:

1. Иудеи суть богоизбранный народ, причем это избранничество сохраняется и после их отпадения от Христа.

2. Родословная Христа, приводимая св. Лукой, свидетельствует нам об еврействе Адама, равно как и об еврействе Христа по Его человеческой природе, и указывает на еврейство как на ствол, от которого отходят ветви всех народов земли.

3. При Распятии Спасителя произошло разделение Израиля на две части: с одной стороны, отрекшихся от Христа и предавших Его, а с другой стороны, плакавших о Христе, позднее составивших первоначальную Церковь и благовествовавших Евангелие. Однако при этом разделении народ остается един и ему в его единстве принадлежит как вина предавших, так и благодать благовествовавших.

4. После замечательного описания исторических судеб Израиля ставится вопрос о связи еврейства с христианством. Указывается, что особая связь еврейства с Христом, проявившаяся в Его воплощении, продолжается и после Вознесения. Эта связь выражается в том, что Христос особо состраждет еврейскому народу, который продолжает гнать Его. Пророчество Господа о том, что Он не придет, пока иудеи не воскликнут «благословен Грядый во имя Господне», дает нам видеть особую связь еврейства и его будущего обращения ко Христу с судьбами Церкви.

Ниже мы постараемся определить, что в каждом из этих тезисов бесспорно, а для чего возможно другое толкование.

1. Избранничество еврейского народа.

Совершенно бесспорно, что ветхозаветное еврейство есть богоизбранный народ. Ап. Павел называет те основания, по которым это так, говоря об израильтянах, что им «принадлежит усыновление и слава, и заветы и законоположение, и богослужение и обетование; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий надо всем Бог, благословенный во веки, аминь» (Рим. 9.4-5).

Сложнее вопрос о продолжении этого избранничества. Его и решает С. Булгаков, говоря: «Оканчивается ли эта связь и это избранничество в Боговоплощении одним лишь пришествием Христа в мир и с основанием на земле церкви из всех языков? Отходит ли оно в прошлое, в Ветхий Завет уже упраздненный, или же сила его сохраняется, хотя уже в образе новозаветного, нового избранничества? Отменено и отменимо ли оно?» (стр. 68). Булга-

ков считает, что этот вопрос недвусмысленно решается в Писании в смысле сохранения избранничества. «На этот вопрос имеем прямой и категорический ответ у ап. Павла именно в том смысле, что "дары и избрание Божии непреложны" (Рим. 11.12). Именно такое соотношение сохраняется и теперь между избранным народом и всем христианским миром: "если начаток свят, то и целое, и если корень свят, то и ветви" (Рим. 11.16) и "не ты (говорит Апостол, обращаясь к церкви языков) корень держишь, но корень тебя" (Рим. 11.18). "Итак, спрашиваю: неужто Бог отверг народ Свой? Никак. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал" (Рим. 11.1-2). "Так и в нынешнее время, по избранию благодати сохранился остаток (11.5), через который и весь Израиль спасется" (11.26)» (стр. 68-69). «О такой непрерывности избрания Израилева свидетельствует Апостол, — пишет о. Сергей, и, понимая, что могут быть приведены противоречащие свидетельства Писания, продолжает, — в свете этого свидетельства надо понимать другие, как будто ему противоположные указания, говорящие об отвержении Израиля» (стр. 69).

Естественно, однако, что такое категорическое утверждение трудно принять на веру, ведь остается и другой путь — именно в свете этих других, противоположных указаний понять свидетельство Апостола, которое приводит о. Сергей. Эти противоположные указания Св. Писания можно разделить на две части: одни говорят об отвержении еврейства, не принявшего Христа, тогда как другие — о переходе избранничества к иному, новому народу — христианам. Рассмотрим прежде свидетельства первого рода.

Иисус говорит фарисеям: «Я отхожу, и будете искать Меня, и умрете во грехе вашем» (Ин. 8.21). Ясно, что такое пророчество об иудеях (их общая смерть во грехе, т. е. фарисеев и всех следующих за ними, а это и есть все современное еврейство) никак не может быть согласовано с сохранением избранничества. В Своем последнем наставлении ученикам, раскрывающем глубочайшие тайны Божиего Промысла, Христос говорит: «Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь; всякую у меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает... Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на Лозе, так и вы, если не будете во Мне... Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Ин. 15.1-6). О том, что эти слова относятся и к

иудеям, отвергающим Христа, ясно говорит сопоставление с Рим. 11.17, где неверовавшие иудеи уподобляются отломившимся ветвям. Это же следует и из многих притч, посвященных судьбе не приносящего плода, вспомним хотя бы притчу о лукавом рабе, зарывшем данный ему талант. Об этом же говорит и притча о смоковнице: «Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: Господин! Оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом: не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее» (Лк. 13.6-9). О том, сколь реальны и неотменны притчи, сказанные Христом, ясно свидетельствует чудо о смоковнице. О том, что иудеи, не принявшие Христа, так и оказались бесплодной смоковницей, говорит ап. Павел: «Но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верой слышавших» (Евр. 4.2). И за то они опоздали войти в покой Христов по обетованию (Евр. 4.1-2). Судьба отвергнувшихся недвусмысленно разъясняется в притче о злых виноградарях (Мф. 21.33-41; Лк. 20.9-16) — «придет и погубит виноградарей и отдаст виноградник другим» (Лк. 20.16) 7). Об этом же отнятии избранничества ясно говорит и притча о званых на вечерю: иудеи уподобляются званым, последовавшим за Господом — званым и избранным; место же не последовавших занимают другие — «нищие, увечные, хромы и слепые», «ибо, — говорит Спаситель, — никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных» (Лк. 14.24). И еще: «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царствии Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Еф. 8.11-12).

Итак, избранничество передается другим. Кто же эти другие, которые придут с востока и запада? Это уже не иудеи одни, «ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал. 5.6). Св. Павел говорит о Христе: «Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, дабы из двух создать в Себе Самом одного **нового человека**, устрояя мир» (Еф. 2.14-15). И

7) О такой же судьбе свидетельствует и ап. Варнава: «Праведно погибнет человек, имеющий путь истины — знание, но не уклоняющийся с пути темного» (Послание, гл. V); и еще «они (т. е. иудеи) потеряли навсегда то, что получил Моисей» (гл. IV).

о том же новом человеке говорит апостол языков в Послании Колоссянам: «И облекшись в нового (человека), который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (3.10-11). И ап. Варнава, спутник Св. Павла, говорит о том, что Христос пришел в мир приготовить для Себя новый народ (Послание, гл. V). И Исаия свидетельствует о слове Господа: «Я звал — и вы не отвечали, говорил — и вы не слушали... Рабы Мои будут веселиться, а вы будете в стыде; рабы Мои будут петь от сердечной радости, а вы будете кричать от сердечной скорби и рыдать от сокрушения духа. И оставите имя ваше избранным Моим для проклятия; и убьет тебя Господь Бог, а рабов Своих назовет иным именем» (Ис. 65.12-15). (Вспомним — «и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами» — Деян. 11.26).

Итак, если не истолковывать все свидетельства в смысле тех слов Апостола, которые приводит о. Сергей и к интерпретации которых мы обратимся ниже, а понимать их как они есть сами по себе, избранничество отнялось у еврейства и перешло к новому народу. В этой связи мы и рассмотрим проблему догматического значения родословной Христа, поставленную нашим знаменитым богословом, обращая особое внимание на вопрос об отношении «нового народа» к еврейству.

2. Родословная Христа и семья Авраамово.

С. Булгаков приходит к заключению, что «догматическая идея генеалогии Луки состоит в том, что все человечество происходит от еврейского корня, или, вернее, в себя его включает. В этом смысле приходится сказать, что и сам первочеловек, Адам (конечно, вместе с Евой) был еврей, не в смысле принадлежности к этому одному из многих других племен и народностей, но в смысле универсальной единственности своей: все народные ручьи и потоки вливаются в него или из него исходят. Адам есть всечеловек, но он же есть и еврей, каковое еврейство и раскрывается в его историческом бытии, уже в образе Авраама, отца народов, и царя Давида» (стр. 65). И далее: «Эта мысль, так сказать, об еврействе первоАдама, а вместе и всеАдама, всечеловека, совершенно и в точности соответствует христологическому догмату о Боговоплощении Христовом. Ибо человечество Христово исторически и конкретно и даже эмпирически соединяет Его именно с еврейством,

Христос во плоти, по человечеству Своему, согласно Евангелию, был иудей, а вместе с тем воистину всечеловек, который в человечестве Своем в Себе соединяет, в Себя включает все народности всего человечества. Таким образом, это говорит одинаково как о личном еврействе самого Христа, так, вместе с тем, и о со-еврействе всего человечества в Нем. Во Христе, как в Богочеловеке, иудее во плоти, несть эллин или скиф, но все соединены во Христе. Но она (историческая хронология) восходит у Луки (3.38) еще выше, к самому последнему основанию, именно, что Христос, как сын Адамов, есть сын "Божий". Иными словами, человеческая генеалогия возводится в небеса и утверждается в них. Бог, как Творец человека, творит его по образу и подобию Своему. А это есть Адам, который является в конкретном бытии своем как еврей. Отсюда необходимо заключить, что и полнота образа Божия в человеке дана в иудее, небесный первообраз человека на земле выражен в иудействе. Вот что содержит в себе генеалогия Христа и церковная догматика, в частности, и Халкидонский догмат» (стр. 65-66 — подчеркнуто о. Сергием).

Это рассуждение представляется нам совершенно правильным, однако — в контексте нашего разбора — нуждающимся в двух существенных оговорках. Одна относится к тому, как понимать еврейство (иудейство) — как национальное (родовое) или как религиозное единство; другая же к тому, как родословная Христа продолжается после Его земного служения.

Определить, какое из двух единств, национальное или религиозное, имеется в виду в каждом из упоминаний их в Писании — задача весьма сложная, а порой и явно неразрешимая. Источник этой сложности понятен — в громадном большинстве случаев эти два смысла вообще не различаются, что и естественно, поскольку евреи были тем народом (в смысле рода), которому открылся Бог и с которым Он поставил Свой завет, и который, таким образом, определился как единство религиозное (то же самое в истории религий описывается как национальный, т. е. родовой характер ветхозаветного иудаизма). Тем не менее, это два разных смысла, и в некоторых случаях они могут быть противопоставлены, а при наличии такого противопоставления возникает и вопрос: какая община (национальная или религиозная) обладала обетованием и особой миссией, полученной от Бога?

Нам представляется, что в качестве таковой Писанием утверждается именно община религиозная. Так, Св. Павел пишет:

«Не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренно таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога» (Рим. 2.28-29). Следовательно, границы Израиля духовного и Израиля по плоти не совпадают. Христос говорит фарисеям: «Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними, ибо они избили пророков, а вы строите им гробницы. Потому и премудрость Божия сказала: пошлю к ним пророков и апостолов, и из них одних убьют, а других изгонят, да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира, от крови Авеля до крови Захарии, убитого между жертвенником и храмом» (Лк. 11.47-51). Такие евреи, отступившие от Духа Божиего, не принадлежат Израиллю духовному, и потому остаются вне Израиля, вне обетований, а следовательно и вне родословной Христа, о которой рассуждает о. Сергий.

В разговоре с Христом иудеи указывают, что они суть «семя Авраамово и не были рабами никому никогда». Иисус же отвечает им: «Знаю, что вы семя Авраамово; однако ищите убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас; Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего. Сказали Ему в ответ: отец наш есть Авраам. Иисус сказал им: если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы; а теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал; вы делаете дела отца вашего. На это сказали ему: мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога. Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня... Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины» (Ин. 8.33-44). В этих свидетельствах Писания мы видим полное подтверждение того догматического истолкования родословной Христа, которую дает С. Булгаков. Евреи говорят, что они семя Авраамово, Иисус же отказывает им в этом, говоря, что они убийцы пророков и апостолов. Однако те евреи, которые не соучаствовали в этом, действительно суть семя Авраама. Евреи говорят, что они дети Бога, но Иисус вновь им в этом отказывает, говоря, что отец их диавол. Однако те евреи, которые не соучаствовали в злодеяниях, действительно суть дети Божии. Этим намечаются те самые основные моменты родословной, которые обозначает Булгаков. Подтверждение этому

находим и в том, что на отступивших от истины евреев возлагается вина за убийство Авеля, т. е. именно еврейство приемлет как грехи своих предков от Адама до Израиля, так и их благословение, но разные части еврейства приемлют разное (см. ниже). Эта мысль совершенно отчетливо выражена у ап. Павла: «Но не то, чтобы слово Божие не сбылось: ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его, но сказано: в Исааке наречется тебе семя. То-есть не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования признаются за семя» (Рим. 9.6-8).

Отсюда нам становится значительно более ясной (и более привычной) мысль об иудеях, как о «стволе» человечества, от Адама до Христа, об иудействе Адама (и Авраама) и об иудействе Христа по человечеству. Ствол этот потому и ствол, что избран Богом, устроен Им. Если еврейство понимать в смысле религиозном, а не родовом, то та прямая линия, которая соединяет ветхого Адама с Адамом Новым, и проходит через избранных по вере (см. Рим. 4), через тех, о ком сказывается особый Промысл Божий. Этот особый Промысл и формирует религиозное единство иудеев, к этому единству обращено обетование, ему сообщена благодать принять в себя по человечеству Слово Божие. Это особое призвание иудеев, увенчивающееся Боговоплощением, и определяет «причисление к лику христианских святых многочисленных ветхозаветных праведников от Адама: патриархов, пророков, судей и различных угодников Божиих» (Булгаков, стр. 67), в том числе и канонизацию в чине мученическом младенцев, убиенных Иродом.

Но если родословие это является кровным только постольку, поскольку оно же есть и родословие веры, то сыновство определяется в нем не только принадлежностью еврейской нации, но и верностью Богу. Распяв Христа, и, таким образом, нарушив верность Богу, евреи-нехристиане лишились своего сыновства, своей кровной связи с ветхозаветным верным еврейством, о чем и свидетельствует Господь, полагая им в отцы нарушителей верности Богу — от Каина до царя Иоаса (2 Пар. 24.22), убившего пророка Захарию. К тому, окончательно ли это лишение, или потенциальное сыновство у евреев сохраняется, мы вернемся ниже. Сыновство это, а следовательно и место в родословной переходит к принявшим Сына Божиего, к христианам. И Св. Павел говорит: «Посему он уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (Гал. 4.7). О том, что именно христи-

ане, а не евреи суть истинные наследники Завета, недвусмысленно говорится и в Послании ап. Варнавы (гл. XIII, XIV) 8).

Как же осуществляется это наследование? Ап. Павел пишет: «Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано "и потомкам", как бы о многих, но как об одном: "и семени твоему", которое есть Христос» (Гал. 3.16). Это полностью согласуется с тем, что говорит Богоматерь в Своем величании: «Восприял Израиля отрока Своего, вспомянув милость, как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века» (Лк. 1.54-55). Через Христа и все христиане суть наследники и семя Авраамово: «Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал. 3.29). Этим и исполняется обетование, данное Богом Аврааму: «Познайте же, что верующие суть сыны Авраама. И Писание, провидя, что Бог верою оправдывает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все народы» (Гал. 3.7-8).

Таким образом, в родословной Христа наследниками Его становятся христиане и занимают в ней место природных иудеев. Но что при этом становится с иудеями, принявшими Христа? Ведь они именно и должны прежде всего наследовать Христу, будучи предназначены к этому и по вере, и по природе. Это преимущественное наследование и осуществляется в первоначальной Иерусалимской Церкви; через нее распространяется христианство по всему миру, через нее благословляются все народы. Внимание богословов часто привлекает факт неизменного существования еврейства, но нам кажется, что не меньшего внимания заслуживает с догматической точки зрения факт растворения христианской Церкви иудеев, ее исчезновение. Собственно уже к III или IV веку иудеохристианская церковь перестает существовать, тогда как другие национальные церкви существуют веками; лишь остатки отколовшихся от первоначальной церкви сект сохраняют свое су-

8) Этот же смысл первенства родства духовного над родством плотским может быть усмотрен и в словах Спасителя, когда сказали Ему, что Его ждут Матерь и братья. Христос, «указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Мф. 12.49-50). Исходя из этого, слова Иисуса «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10.37; ср. Лк. 14.26) могут быть восприняты, в частности, как указание на возможную необходимость принести кровные связи в жертву связям духовным.

ществование вплоть до IV века, но затем и они погибают 9). Значит ли это, что в конечном счете Христу наследовала только Церковь языков? Конечно, нет. Первым наследником Христу была Апостольская Церковь, члены которой и были семенем Авраамовым, о которых сбылись обетования, данные иудеям. Из этой Церкви развилось христианство, она же сама умерла, потому что, «если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12.24). Эти слова, относящиеся ко Христу, могут быть применены и к Церкви иудеев, и из них нам уясняются слова Апостола об «остатке», к рассмотрению которых мы в перейдем.

3. Разделение Израиля и избранный остаток.

При земной жизни Спасителя совершается разделение Израиля. Нельзя сказать, чтобы его не было до того, и чтобы оно совершилось совсем внове. Когда Христос говорит фарисеям, что они «сыновья тех, которые избивали пророков», и что на них вина за «всю кровь праведную, пролитую на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии», Он ясно показывает, что разделение это было задолго до Боговоплощения (учитывая тезис об еврействе Адама, можно сказать, что разделение это случилось в тот час, когда Каин убил Авеля), но после явления Мессии это разделение оформилось и закрепилось. Как пишет о. Сергей: «Прежде всего здесь происходит в народе разделение и даже до противоположности: одни плачут и рыдают о Нем, другие неистовствуют: "кровь Его на нас и на детях наших"» (стр. 70).

С этого момента Израиль разделяется на две части, и каждая из частей следует своим путем, имеет собственную судьбу — своя судьба для плачущих и своя судьба для распинающих, а никак — как думает С. Булгаков — не одна судьба для всего еврейства. Одна часть отвергла Христа и идет по путям беззакония, другая же — осталась верной Богу, наследовала Христу, содеялась семенем Авраамовым. Для нее сохраняют силу и обетование, и призвание, и завет, она есть «малое стадо» избранных: «Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили, а прочие ожесточились» (Рим. 11.7). Бог «послал сынам Израилевым слово,

9) Этим, в частности, объясняется немногочисленность святоотеческой литературы по занимающему нас вопросу. За пределами писаний мужей апостольских вопрос о соотношении иудейства и христианства решается почти всегда как вопрос о соотношении иудаизма и христианства, потому что иудеи вне иудаизма актуально уже не мыслятся.

благовествуя мир, через Иисуса Христа; сей есть Господь всех» (Деян. 10.36). И избранные из сынов Израилевых не отвергли Сына Божиего, но уверовали в Него и последовали за Ним, и это вменилось им в праведность. Вот что пишет ап. Павел: «Итак спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильчанин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова» (Рим. 11.1). Этим Апостол языков свидетельствует, что и он принадлежит избранной части Израиля, малому стаду, и это эту часть Бог не отверг; через эту часть благословятся все народы, «им вверено слово Божие» (Рим. 3.2). Так и Христос, свидетельствуя о Себе и о верной части Израиля, которая Ему наследует, говорит самарянке: «Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев» (Ин. 4.22).

Теперь нам уясняются и слова ап. Павла об остатке, которые упоминает о. Сергий. Вот что говорит Апостол: «Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал. Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии? Как он жалуется Богу на Израиля, говоря: "Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут". Что же говорит ему Божеский ответ? "Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колена перед Ваалом". Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток». (Рим. 11.2-5). Итак, «остаток» это и есть избранная часть Израиля, «семя Авраамово», которое, растворяясь в Церкви языков, приносит спасение всему миру. В силу этого понимания «остатка» нельзя согласиться с о. Сергием, когда он утверждает об Израиле, что «в нем неизменно сохраняется "святой остаток", "силою коего весь Израиль спасется"» (стр. 74). Такое утверждение могло возникнуть только благодаря неправильной экзегезе. Но если это утверждение неверно, то под сомнением оказываются и все рассуждения С. Н. о судьбах единого Израиля, к рассмотрению которых мы теперь и перейдем.

4. Судьба Израиля.

Согласно концепции о. Сергия, разделение, происшедшее при Кресте Господнем, «простирается и на грядущую судьбу Израиля, которая для одних является неизбежным последствием принятой ими вины, как "строгости к отпавшим" (Рим. 11.22), а для других же судьбой печальной и страшной, хотя и спасительной. Это единые судьбы единого и избранного народа Божьего, "который

Он наперед знал", даже в его ожесточении» (стр. 70, подчеркнуто о. Сергием). «Если родословная Христа была предварением Боговоплощения, которое она собой предуготовляла, то каково же в нем участие Израиля после уже совершившегося, но и продолжающегося, пребывающего Боговоплощения? Здесь необходимо не только разделить, но и отождествить это участие всего единого Израиля. Он не стал чуждым и посторонним делу Христова воплощения, но сохраняет неопознанную и таинственную с Ним связь» (стр. 74).

Эти положения о. Сергия основаны на экзегезе двух свидетельств Св. Писания: свидетельства об остатке (и о неверности экзегезы этого свидетельства мы уже говорили) и на свидетельстве о том, что «дары и призвание Божие непреложны». Как мы помним, о. Сергий считает необходимым исходить из этого последнего свидетельства как основного и в его свете интерпретировать все остальные, в том числе и противоречащие ему свидетельства. Мы с самого начала усомнились в правомерности такого подхода и обратились к исследованию всех прочих свидетельств в надежде на то, что они прольют нам свет на значение и этого последнего. Перейдем теперь к уяснению этого значения.

Как мы уже говорили, у Креста Господня совершилось разделение Израиля на две части: на малое стадо избранных по благодати и на толпу отвергнувшихся. Мы уже рассмотрели судьбу избранного остатка, и не обнаружили в ней ничего, что бы связывало ее с судьбой остальной части Израиля — он растворился в Церкви языков, принеся благословение всем народам. И уже эта обособленность судьбы верной части еврейства делает крайне подозрительным тезис С. Булгакова о единстве (в том числе и в плане исторических судеб) обеих частей народа.

Какова же судьба второй части Израиля — распявших и отвергнувшихся Христа. Мнение о. Сергия о том, что «избранность избранного народа не отменяется всеми его падениями, единоличными и народными. Об этом свидетельствуют непрерываемо книги пророческие, с их беспощадными обличениями еврейскому народу, которые соединяются, однако, с неотменно данными ему обетованиями» (стр. 68), мнение это нельзя признать бесспорным. Вспомним еще раз притчу и чуде о смоковнице. Три раза терпел господин виноградника бесплодие смоковницы, а на четвертый решил уничтожить ее; виноградарь упрашивает его помедлить еще год, но следует ли из этого, что господин будет медлить еще и еще год? Это никак не очевидно. Более того, смоковница, не дав-

шая своего плода Сыну Божию, чудесно засохла — не знак ли это того, что еврейство, которое не послушалось Иоанна Предтечу и которому дан был еще срок для обращения, окончательно отвергается, когда не приносит плода и Сыну Божию?

Может ли отвержение неверной части Израиля пониматься как неверность Бога данным Им обетованиям? «Никак, — отвечает Апостол. — Бог верен, а всякий человек лжив, как написано: "Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем"» (Рим. 3.4). Все значение этих слов почти недоступно нашему разумению, как почти недоступно ему понимание того, как в исторических судьбах сочетается Промысл Божий о человеках и собственная воля этих людей. Что в данном случае речь идет именно о таком непостижимом сочетании, уясняется нам из свидетельства Евангелия, что «фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него» (Лк. 7.30), т. е. от Иоанна Крестителя 10).

Однако отвержение неверной части Израиля не является окончательным. Ап. Павел говорит христианам из язычников: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников, и так весь Израиль спасется, как написано: "приидет от Сиона Избавитель и отвратит нечестие от Иакова; и сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их"» (Рим. 11.25-27). Это пророчество о конечных судьбах Израиля, за которым непосредственно следует интересующее нас свидетельство, раскрывает нам смысл этого последнего. Израилю дано здесь обетование дожить до своего полного спасения, через обращение ко Христу всех к нему принадлежащих, которые суть «возлюбленные Божии ради отцев» (Рим. 11.28). Как раз в этом смысле и следует понимать разбираемое свидетельство: именно обещание конечного обращения и спасения всего Израиля и есть содержание того, что «дары и призвание Божие непреложны» (Рим. 11.29). Такой смысл согласуется со смыслом всех других свидетельств Писания, которые в случае принятия данной интерпретации уже нет надобности специально истолковывать.

10) Из этого следует, в частности, невозможность такого истолкования слов ап. Павла "Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал" (Рим. II.2), по которому отпадение части Израиля было предусмотрено Богом и не отменяет для этой части данные Им Израилю обетования. Такая интерпретация намечается, кажется, в статье о. Сергия (стр. 68-69).

Итак, «весь Израиль спасется», а для этого прежде обратится ко Христу. Но пока он к Христу не обратился, он обречен вести агасферическое существование, Христу же противоборствуя. В этом состоянии «дары и призвание Божие» даны ему только потенциально, а не актуально. Прежде чем Израиль обратится, ко Христу придет «полное число язычников». Когда же обратится и Израиль, когда воскликнет он «благословен Грядый во имя Господне», наступит и время Второго Пришествия Спасителя, когда уже «нет ни еллина, ни иудея» (Кол. 3.11). Таким образом, для реализации «даров и призвания» обратившегося Израиля как бы не остается места в историческом времени, и как осуществляются они — остается сокровенной тайной Израиля, подводящей нас к тайнам Промысла Божьего о человечестве 11). И тут нам остается только воскликнуть вслед за Апостолом: «О, бедна богатства и премудрости и верения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Рим. 11.33-36).

Резюмируем теперь предлагаемую нами концепцию:

1. Евреи есть богоизбранный народ, через который ветхий Адам соединяется с Христом по человечеству. Эта богоизбранность дается через кровное родство, но осуществляется только при условии верности Богу.

2. Со Христом очищение получают все ветхозаветные праведники, в то время как жившие по закону язычники спасаются, но не становятся святыми. Это также есть проявление богоизбранности еврейства. Однако по Христе наследниками Его становятся не все иудеи, но только принявшие Его, «остаток избранных по благодати». С этим остатком соединяются, и через него приходят ко Христу, обратившиеся язычники, которые и становятся, таким образом, «семенем Авраамовым». Через это исполняется обетование, данное Богом Аврааму.

3. Отвергшие Христа иудеи лишаются своего избранничества. Распяв Христа, они отвергли волю Божию о себе и сделались богоборческим народом. Однако, «ради отцев» для них потенци-

11) В этом смысле размышления об истории еврейского народа могут быть плодотворны, но такие размышления невозможно ни возбуждать, ни пропагандировать, и не их, видимо, имеет в виду французский епископат.

ально сохраняются «дары и призвание». Эта антиномия и определяет агасферическую судьбу еврейства после Христа. В последние времена весь Израиль спасется, и этим завершится обращение народов ко Христу.

**

Взглянем теперь еще раз на всю полемику в целом, посмотрим, каковы ее наиболее выразительные характеристики. Французский епископат, испытывая угрызения совести за все те гонения, которым в продолжении веков подвергалось еврейство со стороны христианских народов, видит корень зла в непримиримом отношении христиан к иудаизму. Однако вместо того, чтобы пойти по трудному пути сочетания любви и терпимости в жизни и отношениях (а проповедь этого действительно насущно необходима после веками накопившегося греха и ненависти), сочетания их с непримиримостью в вере, французский епископат предпочитает более легкий путь — поступиться чистотой веры и верностью Писанию. Истина приносится в жертву делам мира сего!

Редакция журнала «Вестник РСХД» не одобряет позиции французских архипастырей, но в качестве ответа печатает статью о. Сергия Булгакова, которая может быть хороша в любом другом контексте, но только не в качестве ответа. Потому что ответ должен быть прост: «Вы по своему произволу перетолковываете Писание, вы впадаете в ересь, ваши умствования суетны и противоречат духу христианского учения». Но Редакция считает, видимо, неудобным для себя так обличать французских братьев во Христе, потому что это показалось бы миру проявлением реакционной религиозной нетерпимости (а — не дай Бог — еще и антисемитизма), нетерпимости к тем самым братьям во Христе, которые проповедуют терпимость и сближение с христианами других исповеданий. И опять Истина приносится в жертву делам мира сего!

Но вспомним горькие сетования Спасителя: «И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех» (Лк. 17.26-27). За делами мира сего склоняемся мы забывать о единственности пути, ведущего ко Христу и к спасению, склоняемся подменить теплотой душевных отношений тот пламень духа, которым сияют истинные подвижники Христовы. Но вспомним, что говорит Господь Ангелу Лаодикийской церкви: «Знаю дела твои; ты ни холоден, ни горяч;

о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Отк. 3.15-16). Не нам ли сказано: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на погребение людям» (Мф. 5.13). Чем же мы будем, если возлюбим дела сего больше Христа, Который есть «Путь, Истина и Жизнь»!

Из письма к автору статьи «Об отношении христиан к иудаизму»

... Но вот, наконец, главное. Вы совсем обошли (так же, впрочем, как и французские архиереи и о. Сергей, самую удивительную, грозную, величественную, почти несказанную тайну Промысла и «икономии духовной истории», которая состоит в том, что Христос Бог пришел на добровольное страдание и смерть к тому самому единственному народу, где Его ждали из поколения в поколение; где от первосвященника до последнего мытаря и рыбака все **знали**, что Мессия придет. Где даже согрешавшие помнили, что они грешат, а были и мудрецы (ну, хоть Гамалиил) и святые монахи (ну, хоть Ессеи), где сам первосвященник сказал эти страшные обоюднo-осмысленные слова «...лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11.50), где уже при страстях Господних первый вопрос в синагогe был «Богом живым Тебя заклинаю, скажи кто Ты?».

И где на пути из Кесарии Галилейской, **после** того, как Петр исповедал Его Сыном Божиим, «многие от Него ушли», так что Он даже и к двенадцати обратился с вопросом «Не хотите ли и вы Меня покинуть?»

Все это вместе не умещается в человеческое понимание. За этим мы видим какое-то грозное Божественное смотрение, заставшее умственный взор людей, из которых, наверное, многие **по-человечески** до конца искренно, честно, преданно **хотели** служить Богу. Какое же сверхчеловечески тяжкое испытание и ответственность! Насколько же — по-человечески судя — легче и счастливее судьба многих высочайших христианских святых, за свои подвиги удостоивавшихся видеть Самого Христа! А мы знаем, что кого Бог любит, тем и посылает самые тяжкие страдания и испытания! И, кстати, чуть ли не единственный, кто мог понимать тяжесть этого испытания и ответственности, это ап. Павел, переживший путь в Дамаск. Поэтому к его словам о «природной мас-

лине» так и важно прислушиваться, как к свидетельству человека, лучше чувствовавшего эту страшную тайну.

Все Ваши выводы правильны, и не надо включать в тему и без того трудную и запутанную еще и эту тайну, перерастающую любую частную тему, в том числе и тему об Избранном Народe. Но тень этой тайны должна лежать на всем, о чем мы в этой связи осмеливаемся говорить и думать. Вы правильно совершенно отмечаете, что евреи народ метаисторический, а не исторический. Но вот мы, христиане, в исторических судьбах «каждый день пиршествуем блистательно» духовной пищей Слова Божия, а евреи, как нищий Лазарь, лежат на гноище, и «псы, приходя, лижут струпья его». Но — вместе с ап. Павлом и о. Сергием — я думаю, что по благодати и избранию «весь Израиль спасется» и Лазарь по-смертно будет отнесен ангелами на лоно Авраамово.

Я ясно вижу, как этот путь мысли может показаться соблазнительным. При прямолинейном продолжении он приводит чуть ли не к оправданию зла и к сатанизму. Разумеется, я не могу этого иметь в виду. Разве можно здесь быть прямолинейным!

Но все-таки, когда на протяжении двух тысячелетий мы видим это цепкое упорство самого таинственного и замечательного народа, не должны ли мы усмотреть здесь не только человеческую «жестоковость», но и тайну Божественной икономии. Напоминаю Вам слова Гамалиила «если это дело от человеков, то само разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5).

И еще — Вл. Соловьев где-то отмечает, что только четыре человека — Авраам, Сарра, Израиль и Петр — получили новые имена от Господа. Так вот Израиль, именно в жестокой борьбе узнавший и сам имя Сущего, и дал свое имя народу, пребывающему в таинственном богоборчестве.

«Берегитесь закваски фарисейской» сказано Им нам. Да не осмелимся осудить и попрекнуть, но только с замиранием сердца и со страхом Божиим следить за этой тайном, ужасаясь и уповая на Человеколюбца.

И хочется заключить опять все той же цитатой.

«Всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать. О бездна богатства, и премудрости, и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Рим. XI, 32-36).

Прот. Александр ШМЕМАН

ПО ПОВОДУ ДВУХ СТАТЕЙ

В наши дни, больше чем когда бы то ни было, христианскому богословию нужны та трезвость, та постоянная, глубокая проверка себя «правилом веры», без которых ему грозит растворение в человеческих страстях и пристрастиях, подчинение — изнутри — всевозможным мифам — политическим, расовым, культурным и т. д. Именно сейчас опасность эта становится, уже стала, реальностью. В Америке, например, в протестантских богословских школах повсеместно учреждаются кафедры «черного богословия», с высоты которых вся христианская вера пересматривается и перекраивается в свете «негритянской проблемы». Повсюду на Западе витрины книжных магазинов пестрят книгами, посвященными «богословию революции», «богословию освободительной борьбы», «богословским предпосылкам классовой борьбы» и т. п. А один православный епископ — араб недавно печатно заявил, что в современном мире единственным самоочевидным образом Христа является палестинский араб — фелдаин...»

Нужно ли доказывать, что все это глубоко нездоровые признаки трагической растерянности и раздробленности христианского сознания, утери им ясных критериев, подмены подлинного богословия — эмоционально — охраненным в ы б о р о м : «ересью» — в буквальном смысле этого греческого слова, означающего именно «выбор», подмену целого — частью. Вместо подвига вхождения в «разум истины», всегда трудного и ответственного, налицо — подчинение «стихиям мира сего», распад той целостности, той кафоличности, которой одной дано исцелять наши немощи и падения, претворять наши поражения в победы.

Должен признаться, что эти мысли пришли мне в голову и при чтении в последнем номере Вестника (107-110) «Обращение французского епископата и статьи О. С. Булгакова «Гонения на Израиль». Хотя и написанных в разное время, в разных психологических и политических обстановках и на разном уровне, оба документа, по моему мнению, грешат тем же искажением перспективы, о которой я только что говорил и из-за которого спорным, да и попросту неверным, оказывается все построение. И возразить на это необходимо потому что такого рода одностороннее, до крайности и преувеличений заостренное богословие на деле

очень часто приводит к реакциям обратным тем, которых искали его авторы.

Не имея возможность в этой краткой заметке разобрать все те утверждения, которые представляются мне либо спорными, либо двусмысленными, либо просто неверными, я остановлюсь на одном — центральном и именно богословском тезисе, составляющим и во французском обращении и у о. Сергия Булгакова основу всех их построений и выводов. Это тезис о смысле избранничества еврейского народа, и вытекающий из него тезис об отношении Церкви к еврейской религии. Оба документа утверждают, что призвание еврейского народа, которое, по словам ап. Павла, непреложно (Рим. 2,29) ставит еврейство в **особое** положение по отношению к христианству — положение «**особого** партнера перед лицом Христианства» (католич. док.), «**особого** знака», «который Церковь еще должна понять во всей своей полноте» (о. С. Б.). Отсюда — утверждение французских епископов о невозможности для христиан «рассматривать еврейскую религию просто как одну из религий», отсюда — утверждение о. С. Б., что «христианство без иудеохристианства себя до конца не осуществляет: остается не полным...».

Так вот, именно это настаивание на **особенности**, это выделение «еврейского вопроса» в особую, и притом центральную, тему христианского богословия (призываемого в католическом документе «порвать с позицией всего прошлого», а у о. С. Б. признать в «еврействе «онтологию человечества», укорененную в «еврействе перво-Адама, а вместе и все-Адама, всечеловека») и требуют, по моему глубокому убеждению, богословского возражения. Ибо, в сущности, таким же утверждением «особенности» — только с обратным знаком — питается и антисемитизм всех оттенков, включая и антисемитизм религиозный. Как всегда бывает, одна крайность, одно страшное искажение, приводит к другой — обратной — крайности, не только бессильной исцелить то зло, против которого она направлена, но, поскольку она — именно крайность, преувеличение и, следовательно, отступление от истины, способной только усугубить его.

Итак прежде всего, об **избрании**. Нужно ли доказывать, что по исконному, изначальному христианскому учению, избрание еврейского народа, столь ясно засвидетельствованное в Священном Писании, явлено в нем, как один из основоположных фактов **истории спасения**, приуготовление мира к пришествию и принятию Спасителя? Следовательно, как все в той, единственной по своему

значению, истории, избрание это «функционально», есть орудие Божественного домостроительства, ибо оно всецело направлено к собственному своему **исполнению** в пришествии Христа. И в том то и все дело, что по согласному утверждению Церкви, это свое — непреложное, ибо Божественное, а не человеческое — призвание: «уготовать путь Господу, прямым сделать стези Его» ветхозаветный Израиль **исполнил** в лице Божией Матери и Св. Иоанна Предтечи, высших и святейших плодов всей ветхозаветной праведности, послушания, пророчества, в лице Апостолов и, наконец, в лице всей первенствующей Церкви, Израиль принял Христа, в нем исполнил свое призвание, сделал возможной проповедь Благой Вести о спасении «даже до конец земли». Таково, повторяю, было всегда учение Церкви изначала прославлявшей Христа словами Св. Симеона Богоприимца — как «свет во откровение языков и славу людей Своих Израиля».

А если так, то основная ошибка как католического документа, так и статьи о. С. Б., заключается в том, что они как бы игнорируют коренное, и именно богословское, духовное, различие между историей спасения, что завершается, ибо исполняется во Христе, и тем **новым** временем, той историей, которые начинаются **после** Христа. Тогда значение этого различия действительно основоположное и им определяется христианское отношение к миру и ко всему совершающемуся в мире.

Упрощенно, схематически можно сказать, что различие это относится прежде всего, именно к **плоти и крови**, т. е. к месту и значению природных, земных «детерминизмов» во взаимоотношениях между Богом и людьми, в Божественном домостроительстве спасения. Ветхозаветная история спасения, и в этом ее абсолютная единственность, совершается посредством «плоти и крови». Она не только включена — через конкретную земную историю Богоизбранного народа — в саму ткань исторического процесса, но весь ее единственный и исключительный смысл, делающий ее, и только ее, **священной историей**, в том и состоит, что она сам исторический процесс претворяет в постепенное откровение и исполнение Божественного замысла о мире и человеке. Полнота этого замысла раскрывается и исполняется в пришествии Христа, к которому направлена история спасения и в котором потому и находит свое завершение. В жизни, смерти, воскресении и прославлении Христа и в ниспослании Им Духа Святого находят свое исполнение все события, все пророчества, все обетования ветхозаветной истории. Но потому то и то **время**, что начинается после

осуществления Христом Своего спасительного дела и в котором развертывается наша земная история, в христианской вере воспринимается как время совершенно **новое** и к нему уже не применимы категории священной ветхозаветной истории.

«Древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5.17). Но, ведь, новизна-то эта, как раз, и состоит в освобождении человека — во Христе — от порабощения «плоти и крови», всякому природному «детерминизму» и, в этом смысле, и «истории». Ведь и ветхозаветная история спасения для того и совершается посредством «плоти и крови», чтобы Сын Божий, став участником нашей плоти и крови, участником нашей истории, мог в Себе в Своем человечестве, освободить нас от рабской и смертной нашей от них зависимости, восстановить нас в царственной свободе сынов Божиих, **открыть** нас, а через нас — и мир и историю — Духу и Истине, свободе и подвигу, победе над всем, что **только** «плоть и кровь», **только** природа, **только** история. Ведь в том то и радостная новизна тайны «от века утаенной и Ангелам несведомой», но во Христе открытой нам, что в той **новой жизни**, которую дает Он верующим, нет уже «ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного» (Кол. 3.11), что во Христе «обрезание ничто, ни необрезание, но все в соблюдении заповедей Божиих» (1 Кор. 7.19), что в Нем «всякий рожденный от Бога побеждает мир» (1 Ин. 5.4).

Все это значит, что, в противоположность ветхозаветной, священной истории спасения, **новое время** не определено изнутри ничем, что само оно определяется «плотью и кровью», ничем «внешним», а только благодатной возможностью, данной человеку все в этом мире **относить** к последней и высшей реальности Царства Божьего, и тем самым освящать и преображать в «новое творение». С одной стороны, не зовет Евангелие Царства ни к развоплощению, ни к выходу из истории, ни к отречению от своего народа, ни к отказу от любви к нему, заботы о нем, ответственности за него, к равнодушию и пассивности. Но все это — и любовь, и заботу и ответственность видит не в «похвалении плотью и кровью», не в самоутверждении и самопревозношении, а в трудном подвиге просвещения народного сознания Духом и Истиной, принятия им добра, истины и красоты Божьих как единственного мерил жизни. С другой же стороны, в этом христианском понимании нового времени, новой истории, в них нет уже и не может быть места никаким «мессианским» народам или расам, ничему, чья цельность или значение выводятся из «плоти

и крови», как, по той же причине, нет в них места и народам «отверженным» или «пробклятым». Ибо Евангелие Царствия обращено не к народам или расам, а, прежде всего, к **человеку** — к каждому человеку и всем людям, без какого бы то ни было различия в них «плоти и крови». И не принадлежностью к народу спасается человек, а, напротив, судьба каждого народа зависит от человека, от его подвига или же духовного порабощения, от степени его принятия или отвержения Духа и Истины, от его выбора, верности, силы... Тот меч, который Христос принес на землю разделяет не народ от народа, не расу от расы, а праведность от греха, добро от зла, верность от измены, **внутри** каждого народа, как и внутри каждого человека. Поэтому в подлинном предании Церкви нет места мессианскому самопревозношению, «похвалению плотью и кровью», присущим, увы, почти всем народам. И не к историософским мечтаниям, не к гаданиям о «тайне истории» призваны мы, а к бесконечно трудному подвигу различения духов — от Бога ли они, борьбы с «плотью и кровью» ради их просветления и преобразования. Все всегда остается **открытым**. Никого не отверг Бог, все призваны, но не все принимают это призвание. Всем даровано спасение, но не все спасаются. На всех изливается любовь Христова, но не все открывают свое сердце ей. И никакой другой «тайны истории» не открыто нам, кроме, вот этой ее открытости: спасению и гибели, свободе, выбору, послушанию...

Всем сказанным, мне кажется и определяется, **должно**, во всяком случае, определяться христианское отношение к евреям и к еврейской религии. Я говорю должно, ибо если христиане так часто не поступали так, как должны, то это свидетельствует об их измене Христу и отпадению от Истины, а не о недостаточности или неполноте самой истины. Истина же эта **проста и светла**. В том, что касается евреев, как людей, она всецело заключена в применении к ним **новой** заповеди Христовой о **любви**. Не в выделении их в объект какой-то **особой** любви или **особой** ненависти, а в той любви Христовой, которая, по слову Апостола, «излилась в сердца наши Духом Св., данные нам» (Рим. 5.5) и благодаря которой в каждом человеке видим мы образ Христов, видим того, кого возлюбил Христос и за кого умер на Кресте, видим, иными словами, **ближнего**. Многим, я знаю, это покажется благочестивой прописью, заведомо «неадекватной» сложности и трагизму «еврейского вопроса». Я убежден, однако, что как добро, так и зло в мире неразделимы. В своей, полной падений и измен истории, христиане часто преследовали евреев, но также жгли на кострах еретиков, вели

религиозные войны, и сейчас в междоусобной, меж-христианской кровавой борьбе в Ирландии являют миру жуткий пример бессилия своей собственной веры. Но в том то и все дело, что пока мы не научимся мерить всякое зло единой мерой Христовой, видеть в нем одно и то же **зло**, одну и ту же измену Христу, одно и то же порабощение «плоти и крови», сама наша борьба со злом останется изнутри отравленной тем же злом, лукавым его оправданием и извинением. В том то и дело, что любви Божией **достаточно**, ибо выше ее и нет ничего и только она являет нам, что всякое гонение во имя «плоти и крови», как и всякое именованное их самопревозношение, есть грех против Духа и Истины.

В том же, что касается еврейской религии, то и тут, я убежден, должен действовать простой и светлый закон Христов. Мне кажется, невозможно сомневаться в том, что для христиан еврейская религия **после** Христа есть именно **одна** из религий и именно так воспринимают ее сами верующие евреи. Для всякого верующего его религия — истинная и само это убеждение заслуживает полного уважения, как безусловного осуждения требует всякое оскорбление религиозного чувства каждого человека. Христианство однако, не может, не изменив самому себе и своей сущности, не различать в каждой религии то, что в ней истина, что от Бога, от того что в ней ограничено и ущербно в свете полноты Истины, явленной во Христе. Не может христианство, не изменив самому себе, согласиться с тем, что Христос — для христиан, но не для евреев, мусульман, буддистов и т. д. Поэтому исконным, самоочевидным отношением христианства ко всем другим религиям всегда было, и не могло не быть, отношение **Миссии**, благовестия о Христе, как обращенного ко всем людям. И если нужно с отвержением отвергнуть применение к миссии какого бы то ни было насилия, обмана, хитрости, нечестности — всего того, что так часто отравляло эту миссию, и что абсолютно несовместимо (нужно ли это доказывать?) с самим духом Евангелия, то сама сущность христианства, как именно миссии, не подлежит сомнению.

На последней глубине Христианству нечего «предложить» другим религиям кроме Христа, у него нет другой «темы». Но это означает и то, что из отношений между христианством и другими религиями неустранима та напряженность, что заложена в самой сущности христианского благовестия, христианской веры, как именно **обращения ко Христу**, как переоценки всех ценностей, как преодоления во всем того, что только «плоть и кровь». Христос остается до скончания века «камнем преткновения и соблаз-

на», лежащим на «падение и на восстание» многих. И этого «соблазна», и из него вытекающей напряженности никто не вправе удалить из христианства. Только на деле в этой напряженности, в этом споре о главном, о последнем, больше подлинной любви, подлинной ответственности за людей, чем в том дешевом между-религиозном экуменизме который, в своем желании «сгладить все углы», приводит к «обесселиванию» всех религий, к подмене веры разведенным и бессильным гуманизмом, неприемлемым в сущности никакой настоящей религии.

Поэтому ненужными, надуманными, каким-то ложным гностицизмом отмеченными представляются мне и домыслы о С. Б. об **еврействе Адама** и об **иудеохристианстве**, как о грядущем еще исполнении Церкви. Для обличения и отвержения антисемитизма совсем не нужно впадать в некий «пансемитизм» чуждый Священному Писанию, как еврейскому, ветхозаветному, так и новозаветному. Напротив, если как всегда верила Церковь, во Христе — Новом Адаме «нет ни Эллина, ни Иудея», если смысл Его пришествия в том, чтобы воссоздать человека «по образу Создавшего Его», то нет никаких оснований переносить эти ограничительные категории «плоти и крови» на Первого человека, ограничивать его каким бы то ни было именованием, кроме данного ему Богом «человек». В христианской догматике иудейство Христа «по плоти» — от Матери делающее Его «единосущным нам по человечеству», всегда воспринимается в свете безмужного рождения Его от Бога, делающего Его Новым Адамом, родоначальником нового человечества, в котором уже ничто не значит, «ни обрезание, ни необрезание» но все новая тварь во Христе «Спасение от Иудеев» (Ин. 4,22), но не в том спасение, что все становятся Иудеями, а в том, что обетование данное одному человеку, одному племени, одному народу и во Христе исполненное — распространяется на всех людей, во Христе даровано всему человечеству, что кончается Закон, соотносительный «плоти и крови» и начинается царство Благодати... Также и об иудеохристианстве. Этим именованием называют обычно тот первый период в истории Церкви, когда большинство ее членов были евреями по плоти и весь смысл которого в том и состоит, что в нем Церковь явила и осознала себя как **исполнение Ветхого Завета**, как «Новый Израиль». Но период этот именно в **начале** Церкви, есть ее **начало**, от которого зависит, на котором основана вся ее жизнь. Вся ее миссия в мире — а не в конце, как нечто еще чаемое, еще имеющее наступить. Как страшную ересь осуждала всегда Церковь всякую попытку отделить

Новый Завет от Ветхого, отвергнуть исполнение одного в другом. Но осудила она и обратную ересь — самозамкнутое, самодовлеющее в себе «иудеохристианство», т. е. продолжение внутри Церкви какого бы то ни было различия, основанного на «плоти и крови». Поэтому для полноты Церкви не нужно никакого нового иудеохристианства, ибо вся вечная правда и смысл «иудеохристианства», уже вложены в эту полноту, являются ее основой.

Таковы, мне кажется, предпосылки подлинного христианского предания, необходимые, а потому, я убежден, и **достаточные**, для разрешения всех больных и наболевших вопросов. В конечном же итоге все зависит от нашей верности, во всем и всегда, освобождающей Истине Христовой.

Вопросы Церкви

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦИНА ТРЕТЬЕМУ СОБОРУ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ *)

Ваши Высокопреосвященства, Ваши Преосвященства, Досточтимые Отцы, Милостивые государи!

Высокопреосвященнейший митрополит Филарет выразил желание, чтобы я обратился к Вам со своими соображениями, как и чем может угнетенная часть Русской Православной Церкви помочь ее угнетенной плененной части. Сознывая свою неподготовленность к выступлению по церковному вопросу перед собранием священнослужителей и иерархов, посветивших служению Церкви всю свою жизнь, я однако и не смею уклониться от своего долга, лишь прошу о снисхождении к моим возможным ошибкам в терминологии или в самой сути суждений.

Скорбная картина подавления и уничтожения православной Церкви на территории нашей страны сопровождала всю мою жизнь от первых детских впечатлений: как вооруженная стража обрывает литургию, проходит в алтарь; как беснуются вокруг пасхальной службы, вырывая свечи и куличи; одноклассники рвут нателенный крестик с меня самого; как сбрасывают колокола на землю и долбят храмы на кирпичи. И хорошо я помню то предвоенное время, когда храмовая служба запрещена была уже почти повсюду в нашей стране, так что в моем полумиллионном городе не оставалось ни единого действующего храма. Это было через 13 лет после декларации митрополита Сергия, и так приходится признать, что та декларация не была спасением Церкви, но безоговорочной капитуляцией, облегчающей властям «плавное» глухое уничтожение ее. Возрождение церковного существования еще тремя годами позже отнюдь не было выполнением конкордата со стороны власти, но вызывалось бедственным положением последней: силой религиозной волны по стране, особенно от восстановления храмов в

*) Собор «Зарубежной» Церкви, именуемой еще «Синодальной» или «Карловацкой» имел место в Джорданвиле (США), в первых числах сентября 1974 г.

оккупированных областях, и необходимостью угодить западному общественному мнению. На самом же деле обманом были уступки и обещания 1943 года: вот прошло еще 30 лет — и все с той же несмирной атеистической злобой власть гнет и давит русскую Церковь и лишь в той мере терпит ее — **думает**, что в той мере! — как нуждается в ней для политической декорации и вмешательства в дела Церкви международной.

Однако, есть свой глубинный непредвидимый ход у многих явлений, тем более у духовных. Введенная Сталиным лишь как фишка в политической игре, Церковь — не как организация, но как духовное тело — стала набирать силу, не разрешенную властями и уже не полностью контролируемую. «Расплюхом города берут» — говорит пословица. Таким расплюхом была разгромлена и смята наша Церковь в 20-е годы — от сил, по своей лютой крайности слишком неожиданных тогдашнему благодушному населению. Правда, эта лютость преследований вызвала очищающую вспышку веры и жертвы, какой давно не знала русская Церковь, а может быть и мировая, — но те исповедники были уничтожены сплошь. Стойкое исповедание стоило свободы и жизни — и к разгару 30-х годов уже казалось, что на России навсегда изгнана не только храмовая служба с колоколами, но при последнем удушьи и затаенная шепчущая молитва. Однако то, что могло утешить с первого наскока, сорвалось со второго; оказалось, что церковная масса уже не дает разгромить себя также и во второй раз. Мы, население, в коммунистической атмосфере тоже изрядно закалились и приспособились, о чем вы можете судить, по многим общественным явлениям в нашей стране. Напротив, власть дряхлеет от года к году, все более возлюбив имущество. То, что в 30-х годах казалось духовно-обреченной пустыней, сегодня зеленеет во многих местах и направлениях. Еще со свежим недавним опытом могу свидетельствовать вам: островками, отдаленно не похожими на советскую повседневность, советскую психологию, теплятся православные храмы в современном Советском Союзе. Жестоко разрежены эти храмы по лику страны, иногда и двести километров надо ехать для церковной требы, на рядовую службу уже не поедешь, просят других за себя подать поминанье и поставить свечку. Но и праздничное переполнение уцелевших церквей оборачивается против гонителей: при нынешнем охолощении веры на Западе — может быть нигде на Земле нет сейчас таких переполненных христианских храмов, как в СССР: негде поставить земного поклона, перекреститься тесно, от этого ощущения вера отнюдь

не слабеет. Чувствуя плечи друг друга, мы утверждаемся против гонений. Круг верующих еще много шире, чем кому доступно и кто смеет посещать храмы. В Рязанской области, которую я наблюдал больше других, до 70% младенцев окрещивается, несмотря на все запреты и преследования, а на кладбищах кресты все больше вытесняют советские столбики со звездой и фотографией. Конечно, это еще далеко не разгорбленная Церковь: она пронизана доносителями на штатных должностях, ограничена во всех видах гражданских прав, ее священники — под произволом атеистических самодуров, реально не существует приход и приходская деятельность, отрезаны пути христианского воспитания отрочества и юности, — но уже молодость сама своими ногами все гуще приходит в храмы. И здесь не могу не сделать характернейшего сопоставления: 60 и 80 лет назад русская православная Церковь при полной поддержке могущественного государства, сама во всеисилии и красе, была избегаема и подвержена насмешкам именно со стороны молодежи и интеллигенции. Вспоминаю недавно умершего крупного деятеля советской культуры, который в юности на обязательном богослужении клал на сборные церковные блюда — окурки вместо монеток, вызывая восхищенный смех гимназисток. Сегодня, напротив, интеллигенция и молодежь в Союзе, даже не разделяя веры, относятся к ней с достойным уважением, все насмешки свои и презрительное свое уклонение перенесли на господствующую коммунистическую идеологию. И сколько пламенных последователей было у воинствующего атеизма в 20-е годы, это я хорошо помню, тех самых, кто бесновался, задувая свечи и рубя топорами иконы, — ныне они рассыпались в прах, как и их Союз Воинствующих Безбожников, самые ярые нашли свою гибель на том же Архипелаге, где и верное священство, другие переменялись, учение их лишилось всякой энергии, а Церковь пережила жестокости, которых, кажется, пережить невозможно, и вот стоит, хоть и далеко до своего естественного объема, и вот крепится — если не организацией своей, то духом верующих и новообращенных.

Вот т а к о й я вижу сегодняшнюю Русскую Церковь в нашей стране и хотел бы предостеречь деятелей Зарубежной Церкви от ошибки дальнего зрения: считать эту многомиллионную нашу Церковь — «падшей», а ей противопоставлять некую «истинную», «потаенную», «катакомбную». Первые 15-20 лет советской власти в разгул как будто побеждающих гонений подобие катакомбной Церкви было, да: в тайных укрытиях моления травимых священни-

ков и гонимых верующих. Но течет обычная жизнь, и большинство людей — не святые, а обычные. И вера и богослужение призваны сопровождать их обычную жизнь, а не требовать всякий раз сверх-подвига. И если храм оказывается рядом и свечи его зажжены — то люди естественно тянутся туда. Я и сам знаком с иными такими женщинами, кто в 30-е годы перепрыгивал батюшек и собирал тайные богослужения на квартирах, — сегодня эти женщины просто ходят в ближайший храм. А если где проявляется почитание молитвенных разоренных мест (у источника, на кладбище, тоже знаю такие под Рязанью) как бы взамен богослужения — то лишь по закрытости всех окружающих храмов и полному отсутствию пастырей. Заблуждение — выводить из таких случаев существование якобы «тайной церковной организации» как «всероссийского явления». Если власти вновь заколотят завтра все храмы до единого, катакомбные моления возникнут вновь, но на это и у власти уже энергии нет. Не надо сегодня воображаемым образом катакомбной церкви подменять реальный русский православный народ. Не надо, как я замечаю в некоторых ваших публикациях, игнорировать, обходить умозаключением — самовозникший и самокрепнувший в нашей стране православный мир. Задача ваша сегодня гораздо сложнее, многосоставней — но и РАДОСТНЕЙ! — чем солидаризоваться с таинственной, безгрешной, но и бестелесной катакомбой.

Нынешняя Церковь в нашей стране — плененная, угнетенная, придавленная, но отнюдь не падшая! Она восстала на духовных силах, которыми, как видим, Господь не обделил наш народ. Ее воскрешение и стояние я нисколько не приписываю, я уже сказал, верности программы митрополита Сергия Страгородского и его последователей. Не и х помрачительные расчеты укрепить Христа ношением на груди отчеканенного ордена антихриста; или заманиванием беженцев в лагеря родины на смерть; или любой агитпропской клеветой — о какой-нибудь «бактериологической войне, ведомой американцами»; — н е и х малодушной капитуляцией и н е и х преступлениями восстановился корпус Христовой Церкви, — но так потекли исторические силы, выражающие Промысл Божий. Грехи покорности и предательства, допущенные иерархами, легли земной и небесной ответственностью на этих водителей, однако не распространяются на церковное туловище, на многочисленное доброискреннее священство, на массу молящихся в храмах — и **никогда** не могут передаваться церковному народу, вся история христианства убеждает нас в этом. Если бы грехи

иерархов переключались на верующих, то не была бы вечна и непобедима Христова Церковь, а всецело зависела бы от случайностей характеров и поведений.

Но — и понять, и посочувствовать требует наша новейшая история. Я поклоняюсь памяти Патриарха Тихона. Какая новизна, неисследованность и тягота предождала все разнообразные и несхожие шаги его в те бурные годы, которым по бурности не было равных за тысячу лет России: и когда он руку подымал с амвона для анафемы большевистским комиссарам; и когда терзался сомнениями в клещах бесстыжей игры Ленина и Троцкого с церковными ценностями: милосердие приводило к разгрому, а стойкость выглядела противохристианской, и когда для одоления наглых «обновленцев» допускал тон примирения с атеистической властью; и когда взвешивал меру разрешимых уступок. На плечи его легла тяжесть, не только тех необычайных, еще никем тогда неосознанных лет, но и тогда ж проявившееся бремя грехов предыдущей церковной русской истории. Внезапная смерть Патриарха (с большой вероятностью — чекистское убийство) лишь подтверждает праведность его линии. Таким же смертным подтверждением в тюрьмах ГПУ, на Соловках, в других лагерях и ссылке была отмечена правота тысяч священников, монахов, епископов и патриаршего местоблюстителя Петра. И кто преклоняется перед твердостью их, тот не может не оплакать ложную линию угодничества, начатую митрополитом Сергием (однако тоже еще в обстановке, трудно постигаемой), а его последователями продленную и даже раскатанную по наклонной вниз. Но и им легко ли было освоить, что не от их подписи зависит неуклонное возрождение Церкви? Что, напротив, **отказав** большевикам во всех уступках, они славней и успешней восставили б ее? Э т е п е р ь мы обучились, да и то не все, что людовраждебной силе, впервые вообще узнанной в XX веке и первыми н а м и, в России, недопустимо духовно подчиняться никогда ни на вершок: всегда — гибель. Под этой властью только твердостью мы добываем себе простор, либо когда власть вынуждается; из доброй милости мы никогда еще не получили ничего. А последние годы таково в нашей стране расположение сил и слабостей, что Московская патриархия могла бы с а м а, одной лишь: непреклонностью своею, быть может с потерей нескольких должностей, — от многих пут и унижений решительно рассвободить нашу Церковь. Я и сегодня не смотрю иначе на предмет моего письма Патриарху Пимену в позапрошлом году. К освобождению ото лжи

кого ж было призвать **первыми**, если не духовных отцов? Однако **пересеча** государственную границу, я утерял право такое письмо повторить бы сегодня.

Пересеча границу, а прежде того лишь по смутной наслышке что-то зная о разногласиях зарубежных русских Церквей, — **здесь** по-новому изумляешься глубине нашего православного церковного разрознения, а значит, глубине того кризиса, в который русская Церковь впала. **Т а м** — свое горе, **з д е с ь** — свое.

Правда, мне тоже трудно себе уяснить пути водительства западных епархий московской юрисдикции: как это? — из сочувствия к узникам, вместо того, чтобы сбивать с них цепи — надевать такие же и на себя? из сочувствия к рабам склонять и свою выю под ярмо? из сочувствия ко лгушим в плену — поддерживать ту ложь на свободе? Если все это — из преданности материнской Церкви, если все эти жертвы — для единства с ней, то это — ложно понятое единство, извращенная иллюзия, не вызывающая благодарности у меня как прихожанина Церкви плененной: если они так едины и сочувственны с нами, то отчего ж ни движением не обороняют нас от нашего гнета? отчего ж не выскажут внятно о проискливой низости, лживом коварстве всей государственной церковной политики, всех «комитетов по делам Церквей»?

Но чем оправдать несогласия **свободных** зарубежных русских православных Церквей друг с другом? Я смиренно повторю, с чего я начал эту речь: что я никакой не специалист по церковным вопросам; я никогда не изучал каноники; и не могу сейчас вникнуть с подробностями в полувековую уже историю русских Церквей вне пределов родины. Но главные факты этого разрознения знаю, и, мне кажется, каждая из спорящих Церквей имеет немалые канонические основания, и у каждой можно найти в них огрех (как и у самой Московской патриархии с ее пресеченной традицией). Прав канонических **безусловных**, безоговорочных, не найдется ни у кого, — а без того и не могла пережить Русская Церковь эпоху таких непредвидимых сотрясений. Расчеты всяких строителей предусматривают действия обычных земных сил, а если расколосась сама земля, то нельзя ни упрекать их, ни сетовать на формулы. Я думаю, в т а к у ю эпоху канонические основания вообще должны были отступить на второй план перед **духом** каждой Церкви и верностью ее исповедания. Но ни в **подчинении** безбожным силам, ни в **сотрудничестве** с ними, я думаю, никто здесь не обвинит ни Церковь, пошедшую от митрополита Евлогия, ни Амери-

канскую митрополию. И обе они возносят молитвы о страждущей Русской Церкви и угнетенном нашем народе. И вместе с тем ни одну из спорящих трех Церквей нельзя признать божественно безошибочной во всем объеме ее деятельности. (Да кто из наших соотечественников за эти 60 лет, на родине или за рубежом, временами не питал иллюзий? не ошибался? не оступался?) Потому никто не обладает такой безусловностью, чтобы другую Церковь **отлучить** от Церкви единой.

Однако, да не прогневаюсь на меня Ваш высокий Собор: и новоприбывшему, и невежественному, и слепцу, и юнцу ясно, что разрознение, дошедшее до запрета взаимного литургического и даже бытового общения священников! до отлучения прихожанина за то, что он помолился нашему Богу в **другой** церкви! до **ОТКАЗА** в **ПРИЧАСТИИ** **УМИРАЮЩЕМУ** христианину, если он не в точности **наш!** — сотрясает уже не только единство нашего православия, общую наследственность от Патриарха Тихона, но и саму христианственность нашу: (одному ли молимся мы Христу? Тогда все молящиеся ныне по всей Руси — тем более отлучены и даже прокляты? А если нет, не погибли, — почему ж погибли прихожане Церквей «парижской» и Американской?).

Прибредя от бедствий и жертв плененной Церкви — чем же тогда возрадоваться в Церкви свободной? Какая опасность страшней для русского православия: внешний ли гнет по захвату или внутренний распад по несогласию? О себе скажу: под первым я никогда не терял бодрости, второй привел меня здесь в уныние. (И только то, может быть, успокаивает, что успел заметить по здешней пастве: она так же мало знает и так же мало отвечает за расхождение иерархов, как и **н а ш а т а м**). Как легко понять самоотверженное стояние Зарубежной Церкви против терзателей нашего народа (отчего так настойчиво они силились вас покорить или извести) — так невозможно понять и принять противостояния православных друг другу. Ведь тогда безнадежно все будущее русского православия?? — если не соединились в объеме малом, при сходном жизненном опыте, — насколько невозможно будет соединиться в объеме всеобщем, при разительном **несходстве** пережитого?

Вероятно, подробным изучением можно обнаружить много частных, особенных, даже личных, психологических и случайных, мелких причин, которые неудачным нанизыванием углубляли и ожесточали начавшийся в Зарубежье раскол. Но, загоразивая вся-

кий иной путь к добыче истины, восстает перед нами тяжелый вопрос как воздвигнутый крест, и нет у нас душевного права увильнуть, обминуть, не ответить: да в Зарубежьи ли, только ли от ненормального эмигрантского положения проявился этот раскол? А не следствие ли он уже давно ослабленного, внутренне подорванного состояния Русской Православной Церкви? и если ослабленного, то как давно?

Моя жизнь уже много лет посвящена исследованию новейшей русской истории, точнее: отчего совершилась уничтожающая революция, как текла она и остались ли пути к спасению России от этой гангрены? В ходе этой работы я обнаружил, что со всех сторон произведены извращения, сплетено немало легенд, приукрашивающих **свою** сторону. И я был бы непоседлив и без надежды узнать истину, если бы, освещая все искажения кряду, для иных сохранил бы щадящее исключение. Горько сказать, но одно из таких исторических искажений — представлять дореволюционную Русскую Церковь как пребывающую в благосостоянии, к которому и нужно снова подняться, всего лишь.

Нет, истина вынуждает меня сказать, что состояние Русской Церкви к началу XX века, вековое униженное положение ее священства, пригнетенность от государства и слитие с ним, потеря духовной независимости, а потому потеря авторитета в массе образованного класса, и в массе городских рабочих, и — самое страшное — поколебленность этого авторитета даже в массе крестьянства (сколько пословиц, высмеивающих священство, и как мало — в уважение к нему!), — это состояние Русской Церкви **ЯВИЛОСЬ ОДНОЙ ИЗ ГЛАВНЕЙШИХ ПРИЧИН НЕОБРАТИМОСТИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ**. Если бы Русская Православная Церковь была бы в начале XX века духовно самостоятельна, здорова и мощна, то она имела бы авторитет и силу **ОСТАНОВИТЬ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ**, властно поднявшись **НАД** воюющими сторонами, а не дав себя причислить приложением к одной из них. И здесь нет никакой фантазии: в истинно-православном царстве **н е м о ж е т** разразиться такая истребительная война.

Увы, состояние русской православной Церкви к моменту революции совершенно не соответствовало глубине духовных опасностей, оскалившихся на весь наш век, и на наш народ — первый в этой череде. Живые церковные силы, ведущие к спасительным реформам и к Собору — давимые самодовольным государственным аппаратом и вязнушие в дремотном благодушии

своих сослужителей, — **н е у с п е л и**, настолько зримо не успели, что пушки красновардейцев били по крышам и куполам заседающего Собора.

В этой краткой речи неуместно говорить подробнее о чертах нашей церковной недостойности перед ликом грозного 1917 года (но может быть, судя о недостойности нынешней Московской патриархии, мы внутренне вспомним, и кое-что сравним, объясним), да присутствующие здесь знают многое и помимо и больше меня, даже из личного опыта некоторые. Но я осмелюсь остановить внимание собравшихся еще на другом — дальнем, трехсотлетнем грехе нашей Русской Церкви, я осмеливаюсь полнозвучно повторить это слово — **г р е х е**, еще чтоб избежать употребить более тяжкое, — грехе, в котором Церковь наша — и весь православный народ! — **никогда не раскаялись**, а значит, грехе, тяготевшем над нами в 17-м году, тяготевшем поныне и, по пониманию нашей веры, могущим быть причиной кары Божьей над нами, неизбытой причиной постигнувших нас бед.

Я имею в виду, конечно, русскую инквизицию: потеснение и разгром устоявшегося древнего благочестия, угнетение и расправу над 12 миллионами наших братьев, единоверцев и соотечественников, (жестокое пытки для них, вырывание языков, клещи, дыбы, огонь и смерть), лишение храмов, изгнание за тысячи верст и далеко на чужбину — их, никогда не взбунтовавшихся, никогда не поднявших в ответ оружия, стойких верных древле-православных христиан, их, кого я не только не назову раскольниками, но даже и старообрядцами остерегусь, ибо и мы, остальные, тотчас выставимся тогда всего лишь **новообрядцами**. За одно то, что они не имели душевной поворотливости принять поспешные рекомендации сомнительных заезжих греческих патриархов, за одно то, что они сохранили двуперстие, которым крестилась и вся наша Церковь семь столетий — мы обрекли их на эти гонения, вполне равные тем, какие отдали нам возместно атеисты в ленинско-сталинские времена, — и никогда не дрогнули наши сердца раскаянием! И сегодня в Сергиевом Посаде при стечении верующих идет вечно неумолимая служба над мощами преподобного Сергия Радонежского — но богослужебные книги, по которым молился святой, мы сожгли на смоляных кострах как дьявольские. И это непоправимое гонение — самоуничтожение русского корня, русского духа, русской целостности продолжалось 250 лет (не 60, как сейчас) — и могло ли оно не отжаться ответным ударом всей России и всем нам? За эти столетия иные императоры склонны

были прекратить гонения верных подданных — но высшие иерархи Православной Церкви нашептывали и настаивали: гонения продолжаться! 250 лет было отпущено нам для раскаяния — а мы всего только и нашли в своем сердце: **простить гонимых**, простить и м, как мы уничтожали их. Но и это был год, напомним, 1905-й — его цифры без объяснения сами горят как валтасарова надпись на стене.

(За эти же века с неоглядчивой щедростью теряли мы наших православных и по многочисленным сектам, а за советские десятилетия — даже самую чистую, ревностную, бесстрашную молодежь, — и, думаю, не всегда то была вина их своемыслия, а чаще — вина церковной закоренелости, вялости, равнодушия).

Вот как глубоко, дальне и горькокоренне — наше церковное разрознение, рассеяние и наша собственная вина в том, что постигло Россию. Вот сколько еще объединений — шагов, ступеней, нагорий объединения высится перед нами, чтоб могли мы собраться воистину в Единую Русскую Православную Церковь, к которой, наконец, смиляется Бог. Нашу самую древнюю ветвь я наблюдал в богослужениях и беседах менее года назад, в московских храмах — и я свидетельствую вам о ее поразительной стойкости в вере (и против государственного угнетения — много стойче н а с!), и о таком сохранении русского облика, речи и духа, какого уже и сыскать нельзя нигде больше на территории Советского Союза. И то, что видели мои глаза, и слышали уши, никогда не даст мне признать всемолимое объединение русской Церкви законченным, пока мы не объединимся во взаимном прощении и с нашей самой исконной ветвью.

~~Вот~~ ступеней нас ждет — в высоту братства и любви, ~~на~~ самой низшей ступени тигнуты в непонятном раздроблении — не веры, не оттенков веры или хотя бы обряда, но каких-то **юрисдикций** — мерзкого слова, которого не только не слышали мы из уст Христа, но представить нельзя на страницах священных книг.

После того как блистательный, неограниченный, ничем не сдержанный материальный **прогресс** привел все человечество в удручающий духовный тупик, лишь немного по-разному выраженный на Западе и на Востоке, я не вижу других здоровых путей для всего живого, для наций, для обществ, для всех людских соединений — и уж, конечно, тем более для Церквей, по самой их природе, — других путей, нежели **признание своих**, а не чужих грехов и ошибок; покаяния в них; движения и разви-

тия путем **ограничения** прежде всего с а м и х с е б я. Этот выход — универсален, и нет оснований предлагать что-либо другое для Русской Православной Церкви — свободной или плененной, зарубежной или на родине. Грехи столетий и десятилетий — н а в с е х н а с, ни у какого церковного течения, церковной организации нет чистоты от них: в с е м і есть Россия и в с е м ы сделали ее такой, какова она сегодня. В духе известных Вам моих убеждений Вы не сомневаетесь, конечно, что я отношусь с полным сочувствием к тому неуступчивому стоянию против **атеистических насильников**, которые Вы избрали единожды и выдержали по сегодня. Но загадочным образом всякое **стояние**, чтоб удержать свои позиции неискаженными, должно **развиваться** во времени. И чуткое **развитие** взглядов, оценок, практических решений Ваших Соборов, поместных и архиерейских, могло бы вероятно сделать Вашу деятельность много эффективнее и помочь насущнее общему возрождению Русской Церкви.

Покажется, что я уклонился от первоначального заданного мне вопроса: как и чем может помочь свободная часть русской православной Церкви — ее угнетенной части? На самом деле я посильно отвечаю на него.

Не припомню исключений: основные движения, которые решают будущее страны и народа, происходят всегда в метрополии, а не в диаспорах. (Такую плату платят все, избравшие изгнание: ослабляется их влияние на судьбу своей страны). Итак, ожидаемое и, конечно, произойдущее освобождение и нашей Церкви и нашего народа, тоже совершится — в метрополии, процессами внутренними, божественно-неисповедимыми как все сложное, не прогнозируемое самыми дальновидными умами. Но и **формы**, которые отольются или поступят тотчас после освобождения, тем менее доступны нашему прогнозу. (Я очень бы предостерег отдельных заносчивых мечтателей от такого ожидания, что освобожденный православный мир рухнет о-емь и будет просить иерархию Зарубежной Церкви прийти и возглавить себя). Не человеческими весами взвесить, кто кого должен тут оказаться достоин по силе страданий, по силе раскаяния и по силе веры своей.

Чем же можно отсюда туда **помочь**? Показать пример стойкости и непримиримости? — **отсюда туда?** — неубедительно. Единственно правильный путь — это путь к будущему слиянию всех ветвей русской Церкви. Учение, погубившее нашу страну, все двигалось идеями последовательного **разъединения**.

Поэтому восстановить Россию может только **объединение** ее физических и духовных сил. И соотечественники наши, кто находится за рубежом, но не перестает ощущать Россию как свою родину — не ласковую память прошлого, но реальную родину будущего, для своего потомства, — сегодня здесь ничем лучшим не могли бы послужить России, как сохранить в православии сокровище единства, как слить все русское зарубежное православие в единую стройную дружную молодую Церковь.

Вот почему я осмелюсь сегодня использовать представленное мне слово перед Собором для призыва: всем, кто деятель, а не историк, кто хочет целить и помочь — твердо обратиться в БУДУЩЕЕ, а не в прошлое! Тогда отпадут и поблекнут до ничтожества причины, приведшие к неоправданному расколу русского православия за рубежом, и не будут далее искаться виновники того прошлого разделения. Отпадут расхождения недоразуменные, поверхностные, «юрисдикционные», не относящиеся к исповеданию веры. И если **структурное** объединение невозможно в короткий срок, как я понимаю, — то одним мановеньем, одним манифестом вот Вашего Собора сейчас — возможно откинуть взаимную враждебность Церквей, декларировать нестесненность литургического общения православных священников, ежели их Церкви заведомо не служат безбожью. Я призываю Вас подумать о той печальной картине, как привидится рядовому русскому православному на родине, когда откроется ему, что на полной свободе и никем не преследуемое, православие непростительно раскололось.

Решения Вашего Собора, увы, не могут определить хода развития и освобождения Русской Церкви в метрополии, но они предопределяют величину и полезность вклада и форму Вашего будущего влияния **на ту и в ту** освобожденную Церковь.

Да само мечтаемое освобождение Церкви из-под диктата безбожия — разве единственная и высшая наша задача? Нынешний (он уже долгий, столетний уже) кризис Церкви значительно глубже и тяжесть стоящих задач весомее. Не больше ли предусмотрительной мудрости и душевного мужества надо изыскать для исправления грехов, несправедливостей и ошибок застарелых, давних, сегодня уже не явных, — но каждая из них и все они вместе легли на лик русского Православия искажающими шрамами. Как восстановить Церковь, которая не пригнетет никого из чад своих? Восстановить Церковь не как отрасль государственного управления, **никакой** (и самой лучшей) государственной власти

духовно не подчиненную и **ни с каким** партийным направлением не связанную? Церковь, в которой расцветут лучшие замыслы наших несостоявшихся реформ, направленных лишь к возрождению чистоты и свежести первоначального христианства? Церковь, которая станет на ноги не сама для себя, но всей России поможет найти свой родной своеобразный выход из духоты и темноты сегодняшнего мира?

Формы, которых мы должны достичь, — не восстановленные, не повторенные дореволюционные. Но такой высоты должны быть они явлены и так напоены сокровищем неувядаемого поиска, чтобы привлечь увлечь, быть может, и Западный мир, охваченный сегодня духовной неутоленностью. Несравненная горечь русского опыта подает и такую надежду.

Повторяю и в окончании: я не мню себя призванным к решению церковных вопросов. Но доступно и каждому мирянину выговорить правду так, как она открывается ему, в надежде, что соборный разум и соборное сознание восполнят все, не достоящее ей.

Прошу у Ваших архипастырей и пастырей благословения, у всех у Вас — молитвы.

Александр Солженицын

Август 1974

ОТВЕТ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНУ

10/23 сентября 1974 г.

Глубокоуважаемый Александр Исаевич,

От лица Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей благодарю Вас за то, что Вы поделились с нами Вашими наблюдениями и мыслями. Мы волновались за Вашу жизнь, когда Вас арестовали, но Господь услышал нашу молитву и Вы вышли как бы из печи огненной и можете беседовать с нами. Члены Собора с большим вниманием выслушали Ваше письмо, находя в нем много глубоких и ценных мыслей.

Нам было ценно слышать именно от Вас, также как и от других недавно прибывших писателей, подтверждение принципиальной правильности нашего отношения к церковным событиям на нашей Родине. Они отражались на нашей церковной жизни

в гораздо большей мере, чем это может быть заметно Вам сейчас, без более глубокого изучения Вами истории русского Православия в Зарубежье в течение 54 лет.

Меньше всего хотелось бы нам кого-нибудь судить, но, будучи плоть от плоти и кровь от крови своего народа, наша иерархия должна была принимать решения о пути Митрополитов Петра и Иосифа или пути Митрополита Сергия. Следовать за последним представлялось нам не только особенно нелепым за границей, не только вообще ошибочным практически, но и несовместимым с нашей верой. Поэтому еще покойные мои предшественники по возглавлению нашей Церкви, выдающиеся иерархи Митрополиты Антоний и Анастасий, глубоко изучив этот вопрос и следуя своей совести, восстали против политики Митрополита Сергия, в дальнейшем развитии дошедшей до нынешней степени падения Московской Патриархии. Ведь и от нас, начиная с 1927 г., она неоднократно требовала подписки о лояльности (здесь, за границей) к советской власти. Вы справедливо пишете о трудности уяснить себе пути водительства западных епархий московской юрисдикции. Но ведь именно это и стало темой нашего спора с Митрополитом Евлогием и его последователями в 1927 г.

Справедливо сказал между прочим по поводу Вашего письма в Соборе о. протопресвитер Георгий Граббе: «Чего не знает А. И. Солженицын, это сколько было положено наших сил, начиная с двадцатых годов и до сего дня, чтобы доказать отделившимся от нас братьям, что Сергиевская иерархия несвободна и что путь ее и греховен и нецелесообразен. Это А. И. Солженицын пишет со свойственной ему яркостью. Но до него еще не дошли писания сторонников Митрополита Евлогия о «святой лжи», когда они поддерживали Митрополита Сергия. Тогда они доказывали его правоту, а нас объявили политиканами». Митроп. Евлогий и другие (в Америке) шли на что угодно только бы не было единой Церкви за рубежом. Ради этого Митроп. Евлогий подписал акт о лояльности к Советской власти, впоследствии неизбежно и неотвратимо им нарушенный. Уволенный и запрещенный Митрополитом Сергием он перешел к грекам.

Нам понятно, что такой русский идеалист как Вы не может не быть ошеломлен найденным на Западе разделением русских людей. Мы все ощущаем это как большое горе. К сожалению, только, нам пришлось поневоле сжиться с ним. Особенно тяжело переносил его Митрополит Антоний: ведь Митрополиты Сергий и Евлогий в свое время были его любимыми учениками. Его преемник,

миролюбец по природе Митрополит Анастасий, много потрудился, стараясь объединить все русское зарубежье. Вся разница между нами и отпавшими от нас была именно в том, что мы хотели единой Зарубежной Церкви ради Русского народа, а другие обособлялись и наше желание объясняли властолюбием.

Выражаясь Вашими словами, можно сказать, что мои предшественники, как и я, считали, что «ничем лучшим не могли послужить России, как сохранить в Православии сокровище единства, как слить все русское зарубежное Православие в единую стройную дружную молодую Церковь».

Мы потому не шли ни на какие предложения облегчить свое положение присоединением к какой-нибудь другой Церкви. Мы на свободе ни в какой мере не хотели отделяться от креста своих страждущих на Родине братьев и ни за что не хотели отказаться от своей принадлежности к Русской Церкви. Напротив, Западно-Европейский Экзархат и Американская Митрополия оторвались от нее, — одна перейдя к грекам, а другая — объявив автокефалию, т. е. окончательно оторвавшись от Церкви Российской. Они уже и по официальному названию и по существу не могут более именоваться русскими. Только отдельные приходы еще сохраняют до некоторой степени русский характер, в Америке очень немногие. Но можно сказать с уверенностью, что если бы наша Церковь не существовала, то почти ничего русского на Западе уже не оставалось бы.

Еще недавно, когда Американская Церковь принимала автокефалию, мы вновь призывали ее к единству, но наш призыв был оставлен без внимания. Тем не менее, продолжая болезненно переживать разделение, наш Собор вновь постановил ныне обратиться к своим братьям с призывом о возвращении к единству. Мы искренне и горячо этого желаем и уверены, что при добром желании с их стороны формы воссоединения можно было бы найти, как были они найдены в Америке в 1936 году.

Равнодушие к России, а часто полное непонимание страданий ее Церкви конечно многих от нас отчуждают, но того ожесточения, о котором Вы пишете, слава Богу, мы в своих пасомых не наблюдаем. Нам неизвестен ни один такой случай как отказ в причастии умирающему. Бытовому общению священников никто никогда не препятствовал, по крайней мере с нашей стороны, но когда люди сами отчуждаются от Русской Церкви, ощущая себя уже американцами, французами или греками, то утрачивается многое из того, что может нас связывать.

Только недоразумением или навязанной Вам кем-то дезинформацией можно объяснить и Ваше опасение, что мы рассчитываем вернуться в Россию какими-то судьями и командирами. Мы никого не знаем из нашей среды с такими мыслями. Но если бы состоялось освобождение России и мы могли бы воссоединиться с восстановленной православной и канонической властью, то мы полагали бы себя частью русской иерархии. Каков был бы наш удельный вес в этом случае, — мы просто не задумывались. Заграничная паства по численности своей капля в море по сравнению с океаном всего Русского народа.

Вы затронули вопрос о катакомбной Церкви. Наши докладчики представляли нам убедительные данные, что и теперь существуют клирики, не подчиняющиеся Патриархии. О существовании и таких епископов один близкий нам человек слышал от очень осведомленного деятеля в России, нам не сочувствующего. Быть может Вам это не известно, потому что они не решались общаться с Вами поскольку Вы были слишком на виду и под постоянным наблюдением. Во всяком случае они могут быть только очень малочисленными. Но, зная как трудно противостоять коммунистическому организованному насилию, мы лобызали и всякое проявление религиозной независимости от сатанинского гнета ради Христа, а всех приезжающих из России верующих мы принимаем с любовью.

Близок нашему сердцу Ваш призыв к всенародному покаянию. Но нам представляется, что Вы слишком большое ударение делаете на преследовании старообрядцев. Древний обряд был допущен уже указами 1798 года и в 1881 (единоверчество). Сами старообрядцы раздробились на множество сект (т. н. согласий), часто почти утерявших какие-либо признаки Православия. Злодеяния революции, описанные в Ваших книгах, несоизмеримы даже с самыми сильными преследованиями 17 и 18 века. С другой стороны, Святое Евангелие приводит слова Господа Иисуса Христа: «от плодов их узнаете их» и — «всякое древо от плода своего познается». Это — вечный закон жизни духовной. Русская Православная («новообрядческая») Церковь во все периоды своего бытия — и по отделении от нея старообрядцев — дала миру громадный сонм великих святителей и подвижников. А старообрядчество их не дало, т. к. сектантская гордость, помогавшая старообрядцам хранить церковный быт, мешала развитию у них настоящей святости.

Известно ли Вам, что и Всероссийский Собор и первый Всеза-

рубежный Собор обращались к старообрядцам с любовью? Но по существу мы разделяем Ваше чувство гнета народных исторических грехов, в общей сложности ведших народ к катастрофе. О. Георгий Граббе напомнил нам такой покаянный призыв его прадеда, А. С. Хомякова:

«Не говорите: «то былое,
То старина, то грех отцов;
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».

Обсуждая помощь родному народу мы не мыслили это как водительство, а в гораздо более скромной плоскости, чем видимо Вы предполагали. Собор мыслит это как наше свидетельство на Западе о преследовании веры в России и работу по отправлению туда Слова Божия и религиозных изданий. Нас ободрили те отклики, которые были получены на то, что отправлялось до сих пор.

В заключение я еще раз благодарю Вас за Ваше письмо, откровенность и христианский дух которого мы все высоко ценим. Мы знаем как Вам дорого время для того, чтобы продолжать начатое Вами святое дело разоблачения преступлений антихристовой власти. Поэтому мы были бы Вам признательны, если бы Вы включили в планы своих трудов ознакомление Русского народа и Западного мира с подвигами сонма наших мучеников за Веру и исповедников. Подвиги и кровь мучеников есть несокрушимая возрождающая сила.

От имени Собора призываю на Вас и Вашу семью Божие благословение и остаюсь Вашим усердным доброжелателем.

Митрополит Филарет

Прот. К. ФОТИЕВ

АМЕРИКАНСКИЙ КАТАРСИС

Значение тех событий, которые произошли в Вашингтоне в августе этого года, трудно переоценить. Впервые за почти двухстолетнюю историю США, ее президент, будучи здоровым и полным сил человеком, был вынужден уйти в отставку. Значительна, конечно, не только сама смена власти, а причины, эту смену породившие, как и то, в каких формах эта смена власти была осуществлена. То, что произошло в Вашингтоне было заключительным актом трагедии — не в античном, а в шекспировском ее смысле. Ибо если содержание античной трагедии — в столкновении человека со слепым роком, то движущая идея шекспировской трагедии — это расплата за грех, за преступление и, в зависимости от его отношения к этой первопричине своего страдания, герой трагедии или гибнет нераскаянным, или, в предшествующем гибели «перерождении ума», обретает свой катарсис, свое очищение, в котором косвенно соучаствует и весь человеческий род. Над всем, чем грешен человек, над честолюбием и жадностью власти, над «похотью плоти, похотью очей и гордостью житейской» (1 Ин. 2.16) по замыслу трагедии, если она осмыслена, должно было бы прозвучать великое «*miserere nobis*» — «Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих». Некоторая доля этой «великой традиции покаяния», которую А. И. Солженицын справедливо считает одной из самых привлекательных черт русской души, но которая, к счастью, присуща и другим народам, прозвучала в том, что потрясло Америку в августе этого года.

В моей статье о духовном облике американской интеллигенции («Вестник РСХД» № 100) я писал о политическом прагматизме американцев, об их нелюбви к идеологиям и недоверии к политическому мессианизму и закончил свои размышления фразой: «Но если мышление американцев развращено смесью наивности и фактопоклонства, то совесть их жива и максималистична.» Именно совесть американского народа, счастливо облеченная в форму ее демократических институций, оказалась той силой, которая вынудила тридцать седьмого президента Соединенных Шта-

тов, человека огромной цепкости и политического деятеля до мозга костей, подать в отставку.

События, приведшие к отставке президента Никсона, получили широкое освещение в печати западного мира, но печать советского блока предпочла об этих событиях особенно не распространяться. Причина такого целомудренного «хранения уст» более, чем очевидна. Ведь по советской пропагандистской схеме Америкой правят представители крупного капитала и они приводят к власти того, кто служит их интересам: околпаченные предвыборной шумихой избиратели проголосуют за того, о ком будут больше всего кричать, а сила крика зависит только от количества затраченных на пропаганду средств. Уотергейтское разбирательство выявило, однако, иную сторону американской политической жизни — оказывается (и над этим советским гражданам уже совсем бесполезно задумываться) возможно такое положение, при котором законодательная и судебная власти так «берут за горло» власть исполнительную, что ее возглавителю остается лишь признать свою вину и подать в отставку. Уже после ухода президента Никсона Викентий Матвеев на страницах «Известий» заверил советских читателей, «что развитие и улучшение отношений между США и СССР, и вопрос разрядки вообще, основаны на общей поддержке в США и не находятся в зависимости от... колебаний в политической атмосфере этой страны»; а директор ТАСС Замятин заявил, что отставка президента Никсона была вызвана «интригами демократической партии и прессы». Иными словами, читателям советских газет предлагалось лишний раз убедиться в том, что разрядка напряженности — заслуга советской дипломатии, которую поддерживают «простые люди всего мира» и даже граждане США, как и в том, что существование в стране нескольких политических партий и свободной печати есть зло: в Сов. Союзе нет ни того, ни другого, а потому и интриговать никто не может...

Для тех из читателей «Вестника», которые не имеют свободного доступа к западной печати и к другим средствам информации, я сжато изложу сущность «уотергейтского дела».

В ноябре 1972 года Никсон одержал блестящую победу на выборах: он получил большинство голосов в сорока девяти штатах федерации (исключение составили лишь штат Массачусетс и Округ Колумбия). Когда, вскоре после выборов, в начале 1973

года, был заключен мир во Вьетнаме, популярность президента достигла своего апогея: на вопрос «согласны ли вы с тем, как Никсон исполняет свои обязанности президента?» семьдесят процентов опрошенных американских граждан ответили утвердительно. Но почти сразу же после этого всплыло «уотергейтское дело», ясно доказавшее, что динамичный и способный принимать смелые решения президент окружил себя шайкой циничных дельцов. Еще до переизбрания Никсона, в июне 1972 года, группа взломщиков проникла в помещение главной квартиры демократической партии в Вашингтоне и пыталась установить там приспособления для подслушивания. Взломщики были пойманы с поличным — примитивность этого «покушения с негодными средствами» была такова, что некоторые газеты высказали мнение, что вся эта история была провокацией со стороны демократической партии, желавшей скомпрометировать администрацию Никсона в глазах избирателей. Следствие выяснило связь взломщиком с ближайшими сотрудниками президента. С их стороны были предприняты попытки замять дело, что, в свою очередь, вышло наружу. Сотрудники Никсона Халдеман и Эрлихман были вынуждены уйти в отставку; другой сотрудник — Дин — был уволен. На следствии Дин заявил, что сам президент был причастен к попытке помешать судебному разбирательству «уотергейтского дела». Никсон это решительно отрицал. Но другой сотрудник, Александр Баттерфильд, сообщил судебным органам о наличии в Белом доме системы электронной звукозаписи происходящих в кабинете президента разговоров. Ирония судьбы в том, что эта система была установлена по указанию самого президента: находясь на вершине своей политической карьеры, убежденный, что он будет президентом США в 1976 году, когда страна будет праздновать двухсотлетний юбилей своей независимости, Никсон хотел увековечить для истории все подробности своего правления. Задуманная для вящей славы, система звукозаписи оказалась коварной западней. Суд потребовал выдачи лент звукозаписи. Президент упирался, но, в конце концов, был вынужден подчиниться решению Верховного суда. Содержание звукозаписи подтвердило, что президент знал о попытках органов исполнительной власти помешать судебному расследованию. В дальнейшем ему пришлось признать, что он совершил упущение, отрицая первоначально свою осведомленность в этом деле. После этого даже адвокат президента Сэнт-Клер довел до сведения своего клиента, что он не знает — совместимо ли с его профессиональной этикой продолжать защиту. Популяр-

ность президента в стране, в Палате представителей и в Сенате стремительно падала. Убедившись в том, что и Палата и Сенат подавляющим большинством голосов выскажутся в пользу его отстранения, президент принял решение подать в отставку. Вечером 8 августа Никсон выступил по телевидению. Сообщая американскому народу, что он, ради блага страны, решил подать в отставку, признавая, что некоторые его поступки были неверными, он просил помнить и о том положительном, что было достигнуто за время его правления и призывал к национальному единству. 9 августа, в 11 ч. 35 минут утра, государственному секретарю Киссинджеру было доставлено письмо президента. Никсон писал: «Дорогой г. секретарь! Настоящим я отказываюсь от должности президента Соединенных Штатов. Искренно — Ричард Никсон».

На специальном самолете американских военно-воздушных сил, окрещенном им «Дух 76 года», на том самом самолете, на котором он совершал свои триумфальные поездки по многим странам, президент Никсон и его семья покинули Вашингтон, направляясь в Калифорнию. Самолет находился над центральной частью страны, когда в Вашингтоне верховный судья Уоррен Бергер привел к присяге нового президента США. Положив руку на Библию, Джеральд Р. Форд, бывший до того времени вице-президентом, поклялся быть верным конституции. Ричард Никсон перестал быть президентом. С его отставкой парламентское разбирательство было прекращено. Но судебное преследование, возбужденное против него ввиду его причастности к уголовному преступлению, по которому нескольким лицам уже был вынесен приговор, будет продолжаться.

**

Реакция общественности как на само «уотергейтское дело», так и на последовавшую за ним отставку президента была, естественно, различной. Было и улюлюканье в стиле: «попался, голубчик!» — со стороны тех, кто воспринял победу Никсона на последних выборах, как свое личное поражение. Наиболее яростные сторонники президента твердили о мухе, из которой демагогическая печать силится сделать слона. Часть русской эмиграции была в ужасе от того, как можно «колебать власть»; вспоминала она и другое отречение, когда, под давлением демагогов, вынужден был уйти другой правитель и горячий патриот своей страны,

думавший своей отставкой умиротворить страну, а вместо этого ввергший ее в хаос «февраля» и в мрачный кошмар «октября», и доселе неизжитый. Уязвленность эмиграции трагической судьбой своей страны делает такую аналогию психологически понятной. Но время не то и страна не та. Что же касается вопроса — допустимо или недопустимо «колебать власть», то ответ может быть один — власть, поставившая себя выше законности, есть зло. Достоинство человека и гражданина, любовь к своей стране, наконец чувство самосохранения от неизбежных, при такой власти, злоупотреблений — настоятельно требуют, чтобы такая власть сошла со сцены. Тем, кто думают иначе, не следовало бы удивляться длящейся власти «октября» в России...

При всех оттенках оценки происшедшего, в общественности США преобладало чувство, что сила Америки — в суверенности ее законодательной и судебной властей. Власть денег, власть мощных политических и профсоюзных блоков, спаянных общностью интересов, в Америке очень велика — в условиях свободы это практически неизбежно. Да, велика, но не всесильна. «Целковый кончается здесь» (The buck ends here) любил повторять покойный президент Труман, разумея основные, укорененные как в конституции, так и в психологии американского народа, начала американской демократии. Следует ли говорить, что та угроза, которая постоянно висит над странами Южной Америки, или над Грецией — несчастной страной, по иронии судьбы бывшей на заре человечества выразительницей демократических начал — именно возможность вмешательства армии в политическую судьбу страны, в США вообще не возникла? «Греческий» вариант событий: — полковник Попадопулос или генерал Ионнидес? Кто первый сумеет двинуть танковые части? Кто первый захватит аэродромы, парламент и радиостанцию, чтобы возвестить народу, что он-то и есть его очередной благодетель — такой вариант просто немыслим в США, где армия по традиции лояльна по отношению к законно избранной и подчиняющейся конституции гражданской власти.

Американские военные были потрясены, когда президент Труман росчерком пера уволил в отставку победителя Японии генерала Мак-Артура, но права президента на такой шаг ни на минуту не оспаривали ни сам генерал Мак-Артур, ни боготворившая его армия: это столь же естественно для Америки, как естественны для Сов. Союза тот страх и та подозрительность, с которой не только Сталин, но и Хрущев относились к недавно умершему маршалу

Жукову — Сталин поторопился спихнуть его на должность командующего Одесским военным округом; Хрущев клял Жукова, обвиняя этого, по-унтерски покорного, «служивого» в «бонапартизме».

**

Ленин говорил, что «если большевики уйдут, они при этом крепко хлопнут дверью». Иначе говоря — снова зальют страну кровью гражданской войны и террора. Доктринеры, тираны, диктаторы и не могут иначе уйти, ибо правят они, первоначально, «по праву» той, якобы спасительной, идеологии, которая в кармане у них и ни у кого больше, а впоследствии, когда доктрина ветшает, они руководствуются лишь принципом сохранения захваченной, узурпированной ими власти. Президент Соединенных Штатов Америки дверью не хлопал. Прощаясь со своими ближайшими сотрудниками по Белому дому Ричард Никсон сказал, «помните всегда — другие люди могут вас ненавидеть, но они одержат победу лишь в том случае, если и вы их возненавидите и, тем самым, погубите себя.» Оба президента — и уходящий Никсон и пришедший ему на смену Форд — закончили свои обращения к американскому народу просьбой молиться о них.

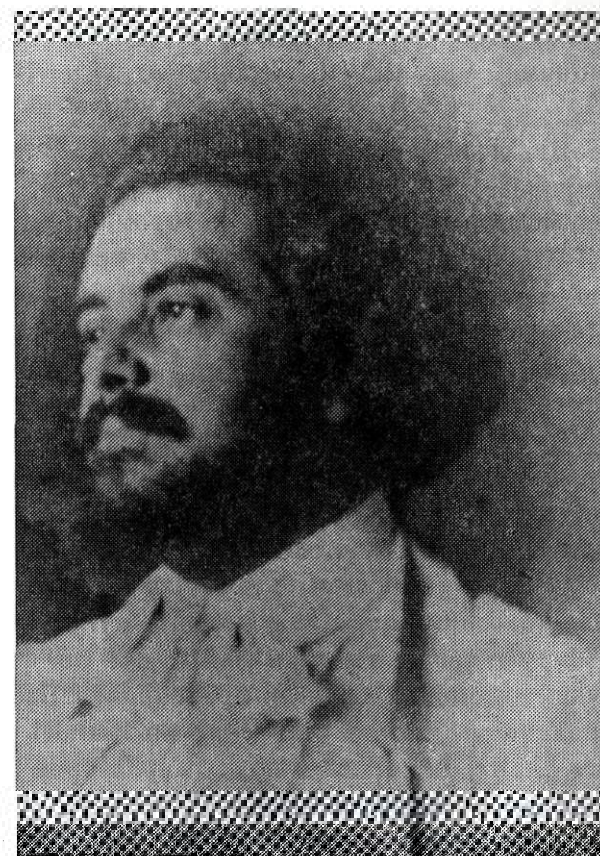
Алексей КОЛОСОВ

НЕЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

«...Думаю, что я сильнее чувствую зло, чем грех. Я поражен глубоким несчастьем человека еще более, чем его грехом. Для меня всегда было неприемлемо понятие греха как преступления, вызывающего гнев и кару со стороны Бога. Падшесть мира означает не только греховность мира, ее значение шире. По характеру своему я очень склонен чувствовать собственное несовершенство и греховность. Мне совершенно чуждо чувство самоправедности. Но я с особой силой чувствую страдание и несчастье. В мировой жизни есть глубокая неправда, есть безвинное страдание. Это с трудом может признать учение о греховности, которое считается наиболее ортодоксальным. Я еще буду говорить о том, что учение о Промысле требует радикальной переработки. В традиционной своей форме это учение ведет к атеизму. Моя вера, спасающая меня от атеизма, вот какова: Бог открывает себя миру. Он открывает себя в пророках, в Сыне, в Духе, в духовной высоте человека. Но Бог не управляет этим миром, который есть отпадение во внешнюю тьму. Откровение Бога миру и человеку есть откровение эсхатологическое, откровение Царства Божьего, а не царства мира. Бог есть правда, мир же есть неправда. Но неправда, несправедливость мира не есть отрицание Бога, ибо к Богу неприменимы наши категории силы, власти и даже справедливости. Нет ничего мне более чуждого, чем довольство миром, чем оправдание миропорядка...»

Остановимся здесь. Пожалуй, нечего и называть имени автора. Каждый, кто хоть однажды был его читателем, вероятно, уже узнал его. Узнал даже не по исповеданию, не по мысли, но по особому звучанию речи, слегка сумбурной, спешащей, угловатой, иногда беспомощной, но несущей всегда поразительную обнаженность духа. В этой обнаженности есть даже какая-то требовательность; уже не забудешь так просто, не отмахнешься на лету, ты наедине с этим исповеданием, и надо чем-то на него ответить. Непонятен исток этой власти. Он совсем не в том, что называют «силой слова». Писали ведь художественней, звонче, острее. Русская литература за полтора века обнаружила такие силы и возможности языка, что, кажется, запасы их уже исчерпаны. Но иногда само «не-

умение» писать, почти полное пренебрежение звуковой формой, «сделанностью» несет в себе гениальную интуицию выразительности. Такая интуиция была у Николая Бердяева, это была интуиция литературной «незащищенности», почти детскости.

Язык, стиль в данном случае — только пример, только первый доступ к мысли. Он писал так, как мыслил, хотя мысль его не воплощается целиком ни в одном из его произведений. Он как бы постоянно перерастал сказанное. Или, вернее, задуманное, пережитое, угаданное интуитивно, как-то никогда не дотягиваясь до своих «настоящих», окончательных слов.

«Творческая работа во мне пассивна, нет усилий. Мне кажется, что из глубины во мне поднимаются волны, все выше и выше, все светлее и светлее. Из этих волн рождаются мысли». (Из записных книжек. «Мосты» 1961). И то, что выносило эти волны на поверхность, было, пожалуй, и самым сильным из его талантов. Это был талант метафизического самопознания, сопряженного с даром че-

ловеческой открытости. Душа его запросто переливалась в метафизику. И по этому дару он не имеет себе равных в русской мысли. Он созрел в нем всю жизнь и достиг наибольшей глубины в последних книгах. Прежде всего в философской автобиографии, откуда взят был приведенный вначале отрывок. Именно благодаря этому дару он властно вовлекает нас в общение с ним всеми своими интуициями, мышлением, верой.

1.

Как будто между ним и миром, в котором он жил, не стояло плотной перегородки «убеждений», раз и навсегда усвоенных истин. Он никогда не запирался в келье своего учения или веры в бесстрастно-горделивом покое среди непосвященных и невежественных, никогда не «дарил» им отрешенно-зрелые плоды духа. Он и мистиком и метафизиком мог вести напряженный диалог с миром. Пожалуй, то, чем более всего важен Бердяев как христианский мыслитель, заключается именно в этом диалоге, при всей его трудности и жертвенности. Об этой трудности и пойдет речь.

Но прежде всего, как определить его одним словом, кем назвать по существу? Легко сказать о нем, что он выдающийся русский мыслитель, но слишком он для русской культуры экзотичен, странен. По многим своим темам и замыслам, по философскому размаху, он, кажется, почти целиком принадлежит Западу. В категориях же западной мысли его мышление показалось бы чересчур эмоциональным, даже по сравнению с Киркегором или Ницше, слишком хаотичным, своенравным. Его смелость в обращении с метафизикой видится, наверное, чуть ли не безудержной удалью, либо какой-то философской беспечностью, слишком русской по своим истокам и по-русски задушевной и пленяющей. Его можно было бы назвать и богословом, но здесь он уж вовсе непрофессионален, да и сам Бердяев не хотел бы им называться. Его ценят как публициста, но и в публицистике он представляет лишь самого себя. Ему не хватает в ней журналистской «хитрости», он слишком уязвим во всем, что пишет. Он важен и как историк культуры, но если вчитаться в его книги о Хомякове, Леонтьеве, Достоевском, в его «Русскую идею», даже в «Философию неравенства», то мы увидим в них продолжение той же «духовной автобиографии». Из этих книг мы узнаем о нем все же больше, чем о тех, о ком он писал. Но как бы мы ни относились к той или иной стороне его духовной активности, подлинный масштаб Бердяева,

«смысл его творчества» в целом скрывается каждый раз за той или иной его гранью. Не так-то легко определить место этого творчества в истории русской духовной культуры.

Уточним наш вопрос: в чем его основная роль, что он значит для нас как религиозный мыслитель? Выслушаем для начала критиков. «Быть может, все религиозно-философское обаяние произведений Бердяева — пишет о. В. Зеньковский, — определяется именно своеобразной а м а л ь г а м о й христианских идей и внехристианских начал: многим и в самом деле кажется, что перед нами начало «новых путей» в религиозном сознании». О. Г. Флоровский в «Путиях русского богословия» упрекает его в романтическом утопизме. С. Булгаков в «Свете Невечернем» говорит еще резче — о демоническом, человекобожеском характере бердяевской мысли о творчестве. А ведь это самые просвещенные из отечественных критиков. (Западные, кстати сказать, бывали неизменно доброжелательней). С тех пор среди критиков непросвещенных повелось уж чуть ли не с усмешкой говорить о романтизме Бердяева и слегка морщиться, если речь зайдет о его православии. И, надо признаться, критиковать его чрезвычайно легко, и что хуже всего, легко критиковать справедливо. Но, повторяю, эта доступность его для критики, его уязвимость, почти беззащитность есть наиболее глубокая в нем черта, связанная с самой сущностью его мышления, его веры. Разве философствуют на одних интуициях, богословствуют на одних мистических пристрастиях, пишут только из «светлых волн»? Так всегда могут спросить те или эти профессионалы во всеоружии своих разумных и оточенных аргументов. И зачастую ответить на уровне этих аргументов Бердяеву бывает нечем. И тех, кто ждет доказательств, вряд ли убедят его взволнованные речи о «несотворенной свободе», о «примате свободы над бытием», о «темной бездне в Боге», об «ущемленности бытия злом», о «творчестве и объективизации», о «совершении истории в небесном прологе» и «эсхатологическом освобождении от плена века сего». Кажется слишком легко, слишком торопливо говорит он обо всем этом. Проще всего не слушать, отмахнуться, посочувствовав при этом искренности мыслителя и пожалев, что способности его идут не на доброе дело. Но именно эта его незащищенность пленяет; в ней соединяется какая-то жертвенность и редкая сила. Как будто, несмотря на все свое одиночество, он свидетельствует о других, берет на себя бремя чужих за-

*) «История русской философии» т. II, стр. 302.

блуждений, чьих-то дерзаний, несет на себе искупление чьих-то философских грехов, расплачиваясь за это собственной уязвимостью, пресловутым романтизмом и «утопическим», «ущербным» православием.

II.

Духовный путь Бердяева нес в себе какой-то неведомый риск, о глубине которого нам не дано судить. За всей его фигурой, мышлением, жизнью, со всем их напором и размахом как будто пробивается мелодия пушкинской речи: «есть упоение в бою и бездны мрачной на краю...» В нем действительно жила **упоительная смелость**. Но, кажется, что и смелость эта была не только его личной смелостью; она дана была ему для исполнения единственной в своем роде духовной задачи. Задача эта выросла из его собственной судьбы и судьбы времени: сделать опыт, который достался ему в наследство, опыт «отколовшейся», «безродной», «отщепенской» интеллигенции с ее понятиями о совести, гуманизме, истории, с ее обращенностью к человеческим страданиям и сосредоточенностью на социальном зле, сделать его христианским опытом, найти христианское разрешение тех вопросов, которые были этой интеллигенцией поставлены. Эти вопросы породили ряд антиномий, ряд загадок о человеке и его предназначении.

Имеет ли смысл человеческая жизнь здесь, на земле, или же смысл этот надо искать в тайне возможного спасения человека за пределами земной жизни?

Имеет ли смысл человеческая история (и связанное с ней социальное бытие человека), или же она есть один из призрачных образов лежащего во зле мира (причем во зле только нравственном, а не социальном), препятствующих осуществлению христианского дела спасения?

И, наконец, обладает ли человек свободой, не только свободой послушания и непослушания, не только свободой выбора между «тихим и безмолвным житием» и окаянством блудного сына, проматывающего отцовское наследство, но свободой творческой, определяющей место человека на земле?

Эти вопросы были выношены эпохой. Бердяев лишь воспринял их. Он носил в себе два рода опыта, две традиции, и в каждой из традиций они разрешались по-своему. Став христианином, он, казалось, должен был бы отказаться от одной из них и, отрекшись от «безродности», от посягательств гордого ума, «смириться» и ис-

кать себе тихого и достойного пристанища в доме отчем. Бердяев не «смирился», не смог, не сумел или не захотел. И хотя он стал одним из самых острых критиков «интеллигентщины», он оставался самим собой! Он шагнул в христианство со всеми «интеллигентскими» вопрошаниями и «страстями». Но в том-то и была его задача: пойти навстречу этим вопрошаниям, раскрыть и разрешить их в том новом, более глубоком опыте, который он обрел в христианской вере. И отсюда — рискованность его пути; взяв на себя эту задачу, он пожертвовал некой полнотой или определенной традицией церковной жизни. Но с задачей своей он справился целиком, не только ответив на поставленные вопросы, но и видоизменив их, придав им новую глубину и смысл. Опыт гуманизма, опыт «совестливости», опыт социального зла, который вынесла в себе русская интеллигенция, именно она со всеми ее крайностями, кружковщиной, фанатизмом, Бердяев сумел очистить и прокалить верой, выразить в новых проблемах и решениях, заново осмыслить их в масштабе совершенно иной духовной культуры. Можно указать по крайней мере на три новых «опыта» — «решения», обретенных и осмысленных им:

это опыт оправдания человека — в смысле творчества; опыт парадоксальной этики — в назначении человека; опыт философии человеческой судьбы — в смысле истории.

Речь идет, разумеется, не о книгах, но о трех основных направлениях, по которым двигалась его мысль.

На каждом из них им было найдено нечто невиданное, дерзкое и даже несколько фантастическое. Многие из его критиков видели только эту фантастичность и даже придумали для нее наименование «бердяевщина». Всегда трудно понять, что обозначают подобными кличками, ибо «бердяевщина» — это не определение, но лишь объективация читательского раздражения. Однако, мне думается, что раздражает не фантастичность, скажем, метафизических конструкций Бердяева, отталкивает уже первоначальная интуиция его творчества. Она лежит в глубине всех его открытий, тех названных здесь трех путей его мысли. Эта интуиция связана с первичным ощущением зла и безвинных человеческих страданий.

Традиционное церковное сознание не было слишком чувствительным к этой интуиции. Его отношение ко злу было иным, нежели сознание гуманистического, «совестливого». Зло для Церкви неизбежно соединялось с грехом, строго говоря, грех был един-

ственным злом по понятиям христианской святости. «Избавь меня от единственного и величайшего зла — греха», — говорится в одной монашеской молитве. Но ведь грех мог быть единственным злом только для святых. А для всей прочей стенающей человеческой твари? Для общества, для человеческой истории? Эти вопросы для традиционного сознания считаются, пожалуй, слишком абстрактными. Здесь нельзя представить никаких аргументов, нельзя утешиться старинной теодицеей. Можно говорить лишь о благих целях Божиих, но ведь это речь для слышащих, «имеющих уши». Но именно таким «необъясненным» злом полон мир. И греховность одних чаще всего несет страдание другим. Бердяев вслед за Достоевским пытается нащупать духовный нерв страдания, страдания как искупительного, очищающего перенесения зла. Именно в этой глубокой восприимчивости, совестливости мысли лежит исток его прозрений и возможных «ересей».

Его мысль, словно не выдерживая этой пронзительной остроты «мировой» боли, уходит от нее, как-то слишком легко отвлекается в сторону, скрывается в учении о «падшести мира». Вспомним первые строки «Смысла творчества»: «Дух человеческий — в плену. Плен этот я называю «миром», мировой данностью, необходимостью. «Мир сей» не есть космос, он есть некосмическое состояние разобщенности и вражды, атомизация и распад живых монад космической иерархии. И истинный путь есть путь духовного освобождения от «мира», освобождения духа человеческого из плена у необходимости». Отныне он начинает говорить о своем почти манихейском дуализме, который получает у него метафизическую санкцию.

Освобождение от плена в мире призрачно, оно порождает «объективацию». Позднее он создаст величественное, хрупкое, наивное и все же волнующее нас учение о безнадежности всякого творческого акта, о «муке» объективации, о том, что через эту муку проходит всякое раскрытие духа, и об окончательном разрешении от нее в Царстве Духа. Я говорю «позднее» потому, что тема настоящей статьи — не столько философия Бердяева, сколько истоки, импульсы этой философии. Первым таким импульсом я назвал особо острое переживание им мучения твари. Вторым была у него интуиция человека, ценности человеческой личности. Импульсы эти духовно взаимосвязаны. И в этой исходной своей интуиции Бердяев приближается к центральной теме русской религиозной философии — к идее Богочеловечества.

Эта идея принадлежит к самым глубоким творческим открытиям русской мысли. Религиозному опыту, который стоит за ней, открылось то, что впоследствии было названо «человечностью Бога». Но «человечность Бога» — это принятие христианским сознанием всего предшествующего опыта гуманизма, это оправдание человека перед беспощадным Богом старых теократий. Но это и христианское оправдание, ибо человек может быть до конца понят и осмыслен только верой. И этот поиск религиозного понимания и оправдания выразился в христианской тревоге русской мысли, в ее эсхатологической обращенности к Богочеловеку. Бердяев пошел по этому пути, пожалуй, дальше всех.

Он ищет человечности Бога в Его смертной муке, распятии. «Высшее иерархическое положение в мире — быть распятым». (1) Он полон сострадания к Богу; все, что Он творит, распинается, все высшее погибает; дух утяжеляется материей, всякий творческий порыв затягивается в плен мировой необходимости. Даже творчество Бога проходит через муку объективации, испытывает неудачу. Неудачей оказывается прежде всего «историческое христианство» с его идеей господства над падшим и беспомощным человеком. Человек унижен, унижен в своей социальной жизни, унижен в своей религии. Тем самым унижен и Бог. Бердяев начинает с оправдания человека, с антроподицеи и приходит к теодицее. «Теодицея для него есть защита Бога от человеческих понятий о Боге, от возведенной на Него клеветы» (2). Но открытие человечности Бога (через распятие) приводит его к новому осмыслению божественности человека. Он говорит о теогоническом процессе рождения человека в Боге. «Человек по своей вечной идее вкоренен в Богочеловечестве и связан с Богочеловеком. И потому можно сказать, что существует предвечная человечность в Боге, существует предвечный человек, которого Каббала называет Адам Кадмон. Человечность существует в вечности и должна реализоваться во времени» (3). «Реализуя в себе образ Божий, человек реализует в себе образ человеческий и, реализуя в себе образ человеческий, он реализует в себе образ Божий. В этом тайна богочеловечности и величайшая тайна человеческой жизни. Человечность и есть богочеловечность» (4).

(1) «Из записных книжек»... «Мосты» № 7. стр. 139.

(2) «О назначении человека», стр. 48.

(3) «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»

(4) там же, стр. 138.

III.

Из интуиции богочеловечности исходят две основные идеи Бердяева: оправдание человека в творчестве и оправдание человека в истории. Богочеловечность открывается в искуплении, но искупление — лишь часть христологической истины. Другая часть ее осталась сокрытой, предоставленной откровению человека. «Бог ждет от человека антропологического откровения творчества, сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества» (5). Нужно осознать эту мысль во всей ее глубине. Искупление уже совершилось в жертве Бога, и оно преобразило образ Божий в человеке. Человек уже потенциально свободен от власти греха, метафизически свободен от тяготевшего над ним рока. После Христа все стало иным, человеку открылась его свобода. Свобода, заложенная в образе Божьем, должна быть осуществлена в творчестве. Творчество означает создание небывшего, небывалого даже для Бога.. Человек живет в «восьмой день творения», он должен продолжить творение Творца. И вместе с тем он погружен в злой, «плененный» мир, который есть болезнь бытия, божественного космоса. Творчество должно этот мир преодолеть, привести его к концу. И потому всякое творчество эсхатологично. Оно несет в себе апокалиптический огонь, свет преображения. Но преображение не относится к этому миру, не может с ним ничего поделать, едва лишь отделившись от первоначального эсхатологического порыва, оно остывает в мире, охлаждается. Между творческим актом и «воспринимающей» его материей существует непреодолимый разрыв. Плоть мира враждебна творческому духу. Отсюда следует сопоставление творчества с аскетизмом (и то и другое свидетельствует о победе над «миром сим»).

Это позволяет Бердяеву поставить проблему оправдания человека в гениальности и святости. «Гениальность есть иная святость, но она может быть религиозно осознана и канонизирована лишь в откровении творчества. Гениальность — святость дерзновения, а не святость послушания» (6). Он видит в творческом акте, как и в творческом аскетизме, жертву художника, которая оправдывает то и другое. В обоих случаях это жертва отречения от мира, вольного отречения. Творчество раскрывает заложенное в

(5) «Смысл творчества», стр. 92.

(6) Там же, стр. 166.

христианстве «даровое, даровитое чувство жизни». Если бы Бердяев последовал по пути этой интуиции, выразив ее в форме систематического учения, то может быть стал бы говорить затем о «даре» бытия, о «несокрытости бытия», об истинном ведении и видении этого дара в искусстве и философском мышлении, предвосхитив многие открытия современной экзистенциальной онтологии. Но он ищет только «дара» свободы. Творчество исходит из свободы. Бог творит из свободы. Человек всецело, «тотально» свободен. И здесь Бердяев, как всегда, слишком торопится за интуициями, он захвачен грандиозными, космическими образами. В погоне за ними мысль его соскальзывает к гностическому учению о примате свободы над «злым» бытием, о нетварной свободе, а затем еще дальше — о рождении Бога из Божества, учению, развиваемому им вслед за великими германскими мистиками Meisterом Экхартом и Якобом Беме.

Мы не последуем за ним так далеко. Отметим лишь основную нравственную предпосылку его учения о свободе: Бог не ответствен за зло. Источник зла — в несотворенной свободе, которая стоит вне Бога, и Бог не властен над ней. Над ней властен, но лишь в особом смысле, творческий акт Бога и творческий акт человека. Это и есть осуществление свободы, которое радикально противоположно греху. Не добро, по мысли Бердяева, противоположно греху, но именно творчество. В этой антитезе заключается глубина его парадоксальной этики.

Все этическое есть уже в каком-то смысле падшее, ибо этика начинается с грехопадения. Этика входит в мир тогда, когда появляется разделение на добро и зло, когда возникает человеческая порочность, боль, богоборчество. Этика началась с того, что принялись искать виновника зла. Религия стала постоянным свидетельством о виновности человека. Гуманизм, родившийся в ее недрах, в сокровенной форме высказался о виновности Бога и открыто отрекся от Него. В этом парадокс атеизма: несуществование Бога выводится из его виновности. Бердяев ставит проблему теодицеи под углом именно такого парадокса.

Он различает три вида этики: этику закона, этику искупления и этику творчества. Этика закона, которая основана на различении добра и зла, есть для него этика приспособления к падшему миру, к последствиям греха. Он прежде всего против всякой сакрализации этого приспособления, против «христианизации» его. Необходимость закона обусловлена грехопадением. Закон рассматривается им в социальном контексте. Человек несет свое социаль-

ное послушание, но не все в этом послушании он должен оправдывать. Исполнение закона не должно вести к смирению перед историческим злом, ибо грех пронизывает всю социальную историю. В истории не может возникнуть Царства Божия, и в этом смысле Бердяев — враг всех государственных теократий.

Этика искупления начинается с прорыва в мир любви Бога, с воплощения. Евангелие, которое свидетельствует о воплощении, во всем противоположно «законническому» миру. В этике искупления Бердяев более всего дорожит «парадоксом беззаботности». «Не заботьтесь, что есть и пить, во что одеться, не заботьтесь о том, чтобы создать семью или служить государству, не заботьтесь ни о каком положении среди людей, не заботьтесь даже о добре и зле и более того — даже о том, чтобы спасти свою душу». Он видит в этой озабоченности что-то рабское, недостойное человека. И здесь он более всего силен в своей критике. «Из христианства сумели вывести самую отвратительную мораль, какую только знает моральная история мира — мораль трансцендентного, павшего эгоизма. Добрые так хотят пролезть в Царство Небесное, что у входа, где образуется давка, готовы раздавить большое количество оттесняемых ими в ад, в вечную погибель» (7). Вовсе не ради такой заботы существует человек. Он призван к творчеству.

В этике творчества действует «парадокс объективации». Творческая задача человека заключается в том, чтобы осуществить Божий замысел о себе, раскрыть себя в Боге. Но, раскрывая себя, «выбрасывая» в мир свой творческий порыв, человек в то же время жертвует им; всякое творчество в каком-то смысле обречено. В мире всякое движение духа костенеет, объективизируется. Творчество других доходит до нас уже охлажденным. Можно придти к мысли, что человеку по-настоящему известно лишь собственное творчество, самораскрытие собственного духа. В дуалистическом отращении к миру есть оттенок духовного солипсизма. Впрочем, идеи Бердяева не связаны логикой рационально-целостной системы, их не всегда следует доводить до конца.

IV.

«Я принадлежу к людям, которые взбунтовались против исторического процесса, потому что он убивает личность, не замечает личности и не для личности происходит. История должна кончить-

(7) «О назначении человека», стр. 122.

ся, потому что в ее пределах неразрешима проблема личности. Такова одна сторона теософической темы. Но есть другая сторона. Я переживаю не только трагический конфликт личности и истории, я переживаю также историю как мою личную судьбу, я беру внутрь себя весь мир, все человечество, всю культуру. Вся мировая история произошла со мной, я микрокосм. Поэтому у меня есть двойственное чувство истории, история мне чужда и враждебна, и история есть м о я история, история со мной. И я думаю, что тут есть эсхатологическая двойственность» (8).

Здесь, как и повсюду, перед нами раскрыта, обнажена изначальная интуиция, первичный импульс или «экзистенциальная установка». Мы видим и как появляется вслед за «установкой» его «учение» — учение об эсхатологическом смысле истории. Между ними существует постоянный конфликт — то, что принадлежит учению, есть уже объективация и экстерниоризация его духа. В каком-то смысле мучительность этого конфликта сама объективировалась — вылилась в учение об объективации. И от того, что «учение», выбирая между верностью интуиции и рамками объективированного «классического» мышления, всегда предпочитало оставаться верным тому, что «открылось в глубине», оно принимало характер неожиданный, поразительно смелый, и порой мифический.

Все это относится и к учению об истории. Оно стоит под знаком прежнего дуализма: неодолимого отращения к миру, живущему в падшем времени, и активностью творческого духа эсхатологии. История мыслится им как скачкообразный, катастрофический процесс, в котором совершается рождение Богочеловечества, созидание нового духа. В этом процессе в человеке открываются и творческие и злые потенции. И те и другие ведут к концу исторического времени, но ведут по-разному. Апокалипсис зависит от человека. История кончается у врат Царства Божьего. Вместе с ней кончается и ад временного, павшего. Ад связан прежде всего с томлением во времени, его нет в вечности. Но есть у Бердяева и райское видение истории, истории, имеющей пролог на небе, почти как в Книге Иова, истории, задуманной Богом, гворящейся человеком, но «обрастающей» падшим временем на земле.

Бердяев склонен скорее отказаться от мира как космоса, но принять его как историю. Православной традиции свойственно

(8) «Самопознание», стр. 323.

как раз обратное. Он впадает в крайность, но преодолевает, вместе с тем, и аскетическо-монашеское нечувствие истории. Нельзя не коснуться и их конфликта. Его идеи вызвали не столько противодействие, сколько странное равнодушие, почти глухоту. Чем известней он становился, чем дальше звучал его голос, тем глухота была более безнадежной. Он критиковал, нападал, проповедовал — его как будто не слышали. И дело было не в «ересях», но в различии духовной жизни. Характерным здесь было столкновение Бердяева с нравственной позицией епископа Феофана Затворника, как раз на почве аскетики. Бердяев стоял за «романтический» огненный аскетизм гениальности или святости. Человек, призванный к гениальности (которая не совпадает с гением, но выражает лишь творческое «цветение», свойственное многим) не должен гнаться за святостью. Святости он этим не достигнет, но лишь погубит свой творческий дар, не исполнит своего назначения на земле. Еп. Феофан же настаивал (говоря условно) на равном для всех, едином христианском призвании на почве среднего, бытового благочестия, которое подлаживается к миру. Его учение Бердяев называет «сочетанием мистической аскетики с позитивно-утилитарным жизнеустройством и мироохранением, приспособлением религии искупления к последствиям греха, т. е. к «миру». Еп. Феофан проповедует идеал хозяйственной расчетливости и даже умеренной стяжательности. Для семьи хорошо и обогащаться. Не нужно заноситься ввысь, быть слишком духовным. Мирское буржуазное стяжательство отлично оправдывается аскетикой Феофана». (9)

Именно эта программа была Бердяеву особенно ненавистна. Его самого легко упрекнуть в данном случае в максимализме и романтической гордыне. Но его философия — всегда проповедь, и иной она быть не может. Проповедь ставит нас перед вопросом: можем ли мы принять ее. И если нас раздражает проповедник, нам нетрудно будет найти недостатки его идей. Но в его столкновении с еп. Феофаном возникает проблема, которая особенно обострилась в наше время. Это проблема различия религиозных характеров, различия духовных путей в рамках единой Церкви. Конфликт продолжается и сегодня, но обе стороны по-прежнему не понимают и не слышат друг друга. Можно условно говорить о пути, указанном епископом Феофаном, и пути, указанным Бердяевым. На первом пути мы видим множество христиан,

весьма ревностных, послушных предписаниям Церкви, живущих ее богослужебным праздником. Этот праздник спрятан у них в душе, он далеко от мира... Они всегда в стороне от непричастных. Впрочем, жизнь их, по совету епископа Феофана, устроена прочно, здраво, они легко вписываются почти в любую социальную среду. Они чаще всего смиренны перед житейскими или историческими обстоятельствами. Их аскетическое смирение может приводить в одних случаях к мученичеству, в других — к компромиссу. Мы всегда встречаем в них религиозно освещенную покорность; социальный мир и христианская душа существуют как бы отдельно друг от друга.

На другом пути происходит волевое вмешательство в жизнь, а оно никогда не бывает бесстрастным. Это путь религиозных «диссидентов» и реформаторов. Упреки против них известны: им всегда не хватает смирения, их христианскую жизнь часто нельзя назвать безупречной. И справедливым бывает то, в чем их любят упрекать. Но не об этом речь. Они вечно заняты тем, чтобы соединить духовное и мирское, чтобы срыть перегородку между ними. Они хотят как будто преобразования немедленно, и оттого не могут примириться с тем, что мир разделен на христиан и нехристиан, на спасенных и погибших, с тем, что в вечной жизни существует ад, а во временной жизни существует прохладное благочестие. Либо с тем, что Церковь слишком сгибается перед мирской властью. Они не смиряются и с тем, что кто-то не разделяет их истины, что миру она в общем-то безразлична, что христианство отстало от мира и ему нечего предложить современному человеку, кроме архаизированного богослужения и умеренной аскетики.

Говоря об этих двух религиозных укладах, о «двух типах веры», я не стремлюсь ни к противопоставлению, ни к усилению духовной розни между ними. Напротив, ни один из этих типов не должен быть санкционирован в качестве единственно возможного и неперменного строя христианской жизни. Такая санкция грозит в одном случае фарисейским удушьем, в другом — сектантским обособленным праведничеством. В принципе это одно и то же. В наше время пора наконец осознать истоки этого разделения, чтобы в конце концов преодолеть его. Почти никаких шагов не сделано еще на этом пути. Каждая сторона замечает в другой всегда только что-либо недостойное или смешное.

Это противостояние свидетельствует не только о различии религиозных типов, но о давнем расколе духовной жизни. Об

(9) «Смысл творчества», стр. 172-173.

этом уже говорилось, но следует сказать еще раз несколько подробней. Ибо только под углом зрения духовного раскола русского общества, раскола, сложившегося в XIX веке, может быть понято и появление Бердяева и теперешнее разделение в границах православия на «спокойных» и «беспокойных» христиан. Очень условно можно назвать его расколом между Церковью и интеллигенцией в старом смысле, между верой и неверующей жертвенностью. Трудно, оставаясь беспристрастным, выдать только одной стороне патент на безусловную духовность. У одного края лежал здесь опыт молитвы, аскезы, трезвения, опыт «неба на земле». У другого — опыт мятущегося сострадания, опыт совести и связанный с ним опыт социальной истории. И опыт каждой из сторон по какой-то взаимной слепоте, недоверию и, может быть, сухости сердца не вмещал опыт другой, позволял отрицать его, считать его чем-то призрачным, обманным. И философия той и другой стороны, назовем их условно философией церковности и философией гуманизма, презирали или не слышали друг друга. Причины раскола давно выяснены; он вызван былой теократической «эксплуатацией христианства». Но всегда находились люди, которых не устраивало, как дела идут в «христианском» государстве, и они неизбежно оказывались богоотступниками, врагами Церкви. Религиозное возрождение, к которому принадлежал Бердяев, попыталось преодолеть этот раскол, оно вобрало в себя проблемы, поставленные неверующим гуманизмом, и в какой-то мере сумело разрешить их. Но возрождение было оборвано последующим историческим опытом, затем оно предстало в карикатурном виде в «церковном обновленчестве» и осталось им надолго скомпрометированным. Но с тех пор гуманизм прежней интеллигенции, пройдя через трагизм своей собственной судьбы, в какой-то мере изжил себя. Было изжито демоническое начало в нем, христианское же начало было сохранено и очищено. Однако раскол, сложившийся еще в прошлом веке, продолжал существовать, хотя и подспудно, в замороженном виде. Он заявил о своем существовании совсем недавно, когда в Церковь стали приходить или возвращаться люди с обновленным гуманистическим опытом. И традиционное церковное мировоззрение, как и прежде, оказалось не готовым принять его. И в этом вновь сказался один из роковых разрывов в нашей духовной судьбе.

Проблемы, которые были поставлены самим религиозным возрождением и прежде всего Бердяевым, остались нерешенными. В жизнь духа все еще не привнесена отрезвляющая мера куль-

туры, которая по крайней мере делает возможным человеческое общение. Люди могут вместе молиться, но не могут друг с другом разговаривать. Ибо всякое новое слово, всякая проблема кажется гуманистической ересью, языческим рационализмом, мудрованием века сего с точки зрения бездвижно-ортодоксальной истины. Человеческое все еще слишком легко притязает говорить от имени божественного, и это помогает ему затыкать уши и не слышать других.

Духовная разобщенность в данном случае не только исторический факт, она коренится и в сознании религиозном, в иллюзии ложного монизма. Мы неизбежно встаем перед проблемой человеческой свободы: что в этой свободе от Бога и что предоставлено человеку и может быть исполнено только им? Как совместить неизменность и целостность истины откровения с человеческим творчеством и свободой? Сам вопрос и ответ на него возможны лишь при допущении культуры как сферы духовной коммуникации, духовной общности. Возрождение поставило прежде всего именно эту проблему — духовного общения, общения между гуманизмом и Церковью, между попечением о земле и обращенностью к небу. Проблема культуры связана непосредственно с проблематикой Бердяева, она вытекает из его персонализма и поисков человеческого общения, духовной общности. Культура может существовать лишь тогда, когда признается и то и другое. Если праведники (в силу правоты единой религиозной истины) могут общаться только с праведниками и глухи к другим, то человеческая общность — только фикция, а культура — бессмыслица и ересь. Культура есть один из истоков собственно человеческого, или, по выражению Мартина Бубера, один из элементов межчеловеческого. И строится она всегда на изначальной предпосылке свободы.

V.

Мы знаем уже, что Бердяев обосновывает свободу гностицистически, он видит свободу стоящей вне Бога, вне Его власти и ведения. Свобода уходит своим корнями в бездну Ничто, *Ungrund*. Свобода содержит в себе потенции творчества и греха. Неясно только, откуда берутся эти потенции, что такое Антибог Маркиона, первозданный хаос до творения? С Бога снимается ответственность за зло, но эта Его не-ответственность вносит какую-то холодящую нежеланную легкость в нашу веру; Бог — одинокий,

тоскующий страдалец (Бердяев приводит эти слова Леона Блуа), но если мы знаем Его только таким, только одиноким, только не-ответственным, это снимает какую-то глубину и напряженность нашей духовной жизни. Пожалуй, более прав Шестов, который хочет стать учеником «несмирившегося» Иова, знающего, что для Бога нет ничего невозможного. Несотворенная свобода, которая бесконечно шире одной только свободы выбора, но почему свобода вне власти и ответственности Бога? Жутким чем-то веет из этой бездны, Ungrund'a.

За всем, что писал Бердяев, сквозит некий неповторимый, уникальный опыт, который при всей своей исключительности стал чем-то характерным для современного христианского сознания. Этим опытом объясняются, наверное, и его прозрения — открытия и его заблуждения — «ереси». Я имею в виду опыт веры, незримо соединенный с опытом богооставленности. В этом была не только его личная, но и провиденциальная судьба. Но, в отличие от многих мистиков, свидетельствовавших о горечи этого опыта, Бердяев признал частичную правоту даже в богооставленности, даже в одиночестве и печали без Бога. Его духовные спутники — Якоб Боме, Леон Блуа, Ницше и прежде всего Достоевский, Достоевский, конечно, не из «Дневника писателя» (ибо «Дневник» был продолжением того же религиозного благополучия епископа Феофана, но Достоевский, прошедший через «горнило сомнений», через диалектику страдания. Бердяев вошел в муку всех этих людей и разделил ее, понес ее в себе, соединил со своей верой.

Апостолам был некогда послан дар языков, чтобы они проповедали Евангелие по всему миру. Это прообраз, который имеет универсальный смысл. Благую весть следует нести людям на том языке, который им доступен, который внятен их сердцу. Святые говорили с прокаженными на языке «проказы», на языке тех унижений и богоотверженности, который был им знаком. Ученые в наше время, следуя путем все более ошеломляющих и безумных открытий, все ближе ощущают тайну ведомого или неведомого им Присутствия, и ищут средств, чтобы выразить ее. Почему же не отыскать такой язык и для гуманизма этой заблудшей и бунтующей интеллигенции? Почему бы не попытаться выразить тайну средствами метафизики? Разве философия проклята Богом как дерзость, и на ее пути благовести невозможно? Я говорю не о какой-либо отдельной ветви философии, не о схоластике, идеализме, феноменологии, но об особой форме человеческого опыта, который неизбежно включает в себе и опыт религиозный. Эта

форма всегда чревата «гностическим искушением», и в этом ее внутренняя опасность, и все же она служит уникальным, в каком-то смысле незаменимым выражением сущности человека.

Тот дар философской и человеческой открытости, который был основным даром Бердяева, вылился целиком в поиски именно такого выражения человечности. Отвлечемся на минуту от всех его непосредственных преломлений и задумаемся над религиозным смыслом его открытости. Бердяев как личность и как мыслитель со всем своим опытом, тоской, обособленностью, жадной спасения поставил себя перед верой, самолюбием, правотой других. Ничего не приукрашивая, ничего почти в себе не меняя, он отдал себя любому человеческому суду, суду философии, суду ортодоксии. В этой незащищенности и энергии, с которыми он жизнь собственного духа сделал достоянием культуры, т. е. сделал фактом человеческого общения, взаимопонимания и суда, была его гениальность и его жертва. И открытость мысли и бесстрашие веры были как раз его «апостольским», пророческим даром — даром благовестия.

VI.

Мне бы хотелось, чтобы эти размышления, вызванные столетней годовщиной со дня рождения Николая Бердяева, заставили нас задуматься не только о смысле философской проповеди, но и о праве на нее. Всем своим творчеством он поставил проблему интеллектуальной свободы. Его путь был глубоко нетрадиционным в границах православной мысли. Для нее характерна определенная тенденция, связанная в своих истоках с неоплатонизмом, проявившаяся отчасти в религиозно-философском возрождении начала века. Сущность этой тенденции заключается в том, чтобы раз и навсегда утвердить порядок горнего мира, причем как бы «сверху», навечно и непреложно запечатав его всеми догматическими, философскими, культовыми и даже художественными печатями. Сузить до предела дорогу в Царство Небесное, причем сузить не нравственными заповедями, но обязательствами чисто умозрительного, «отвлеченного» свойства. Мир феноменальный крепко-накрепко повязывается с миром ноуменальным, так что проникнуть в эту запредельную реальность можно только одним указанным способом. Христианская философия призвана к тому, чтобы открыть этот способ, найти его в созерцании недвижимого, строго иерархического космоса, воплотив в образах софио-

логии или системы всеединства. Но дело здесь не в метафизических выводах, но в метафизической предпосылке единственности этого пути, богословской запретности другого. Познание этого мира человеком требует не только принятия, но и пассивного ему подчинения, интеллектуального послушания. Эту склонность русской мысли называли несколько абстрактно пантеизмом, космоцентризмом или космическим прельщением. На более современном языке ее следовало бы назвать «мистическим тоталитаризмом», диктатурой ноуменального мира.

Известно, что основные догматические определения Соборов отсекали ереси, но не связывали свободы мистического и, стало быть, философского опыта. То, что я имею в виду, касается не догматики, как таковой, а, скажем, восприятия догматики, вживания в Церковь и обряд с тенденцией представить какой-то определенный тип вживания единственным образцом духовной жизни, единственным путем ко спасению. И тогда безмерная свобода благой вести становится мистическим гнетом. Он всегда выдает себя обязательным отвращением к чужим исповеданиям, к иной религиозной жизни. С давних пор все, что не совпадает с нашим духовным опытом, считается рационализмом и ложью. Поразительно, с какой легкостью раздаются упреки в рационализме даже со стороны самых глубоких мыслителей, пальцами показывающих на грехи своих христианских братьев, но не желающих знать, чем эти грехи вызваны, какая историческая судьба им предшествовала. За этими упреками также нередко скрывался рационализм, но иного рода, не рационализм действия, но рационализм созерцания.

И вот приходит философ, который не говорит: «такова объективная истина», но утверждает: «я творю эту истину сам. Я раскрываю образы ноуменального мира и тем самым создаю их». В сущности так поступали все религиозные мыслители, но я не знаю никого, кто делал бы это с такой прямотой. Именно в этой исповеднической прямоте заключается новизна и «ересь» Бердяева.

Но эта «ересь» открывала новую перспективу для религиозной философии, которая как-то не чувствовала твердой почвы под ногами. У нее всегда был соблазн раствориться в богословии, догматически объективировать мистику, выправить ее по жестким, негнущимся формам, взятым из логического, рационалистического запаса. И когда Бердяев открыто отстаивал своей философией право на собственный мистический мир, на индивидуальный ре-

лигиозный опыт, то его натиск стал своего рода гностическим бунтом против умозрительно замороженной мистики, против пассивности духа. И этот его бунт при всех крайностях, при всем даже богословском «варварстве» нес в себе подлинное благовестие свободы. Вера утверждала его в чувстве независимости. «И познаете истину и истина сделает вас свободными» (Ин. 8,32). Бердяев был одним из немногих философов, который принял эти слова буквально, безоговорочно. В этом как раз обаяние его личности и духовного пути.

Подобной свободой обладали и по-разному утверждали ее арх. Ф. Бухарев, А. Хомяков, Ф. Достоевский, Н. Федоров, В. Соловьев, о. С. Булгаков, Г. Федотов, м. Мария Скобцова. Сегодня ее по-своему отстаивают о. С. Желудков, о. А. Шмеман и немало других. Сможет ли когда-нибудь Церковь принять все то, что было найдено ими индивидуально, на собственном духовном пути, в опыте их творчества и веры?

Один ответ, который мы можем услышать, будет звучать приблизительно так: «Меня касаются лишь их грехи, а не их искания, ибо Церковь существует для кающихся грешников, и в ней нет места для мудрости века сего».

Или же мы услышим другой ответ, который звучит, правда, не так часто: «У Церкви достаточно любви, чтобы простить не только грехи, но и заблуждения на пути к истине. Достаточно свободы, чтобы вбирать в себя новый опыт, и достаточно терпения, чтобы исцелять тревогу и мятежность духа. И потому они дороги мне такими, каковы они есть, и потому благословенны в их творчестве и свободе».

Январь 1974 г. Москва

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО В. В. РОЗАНОВА К П. Б. СТРУВЕ

Петр Бернардович, голубчик — перестаньте на меня сердиться: сотрудничество в «Рус. Слове» и в Нов. Вр.» — просто — горе задавило: большая с 1911 уже **очень тяжело** жена и 5 человек детей, да падчерица, все **в поре учения** и отданные самонадеянно в **частные школы**, т. е. страшно дорогие. Неужели Вы не можете понять, что «нужда скачет, нужда пляшет, нужда **песенку поет**», неужели не ясно, что «отрекшись от литературной знаменитости» («Единая программа»), я не только не был подл, но **клянусь** и **клянусь**, что если где я был прав, то в том именно, что поставил большую женщину и маленьких детей выше всей этой чехарды политики и публицистики, которая Вы видите к чему в конце концов привела. Я же и не сомневался никогда, что «без **железа** народы не управляются», и что «без **наказания**» жизнь проповедуеться только в Евангелии, книге — **небесной**, а — **не земной**. Мне было совершенно ясно, что русский человек, русская душа — абсолютно анархична; что она — мечтательна, фантастична, поэтому и практически ни к черту не годится. И что если немец (Кайзер) отнесется к нам **великодушно**, — а он если не к народу русскому, то именно к Николаю II-му отнесется непременно **очень великодушно и благородно**, то это и будет «спасением России от подлых качеств русского человека». Вы в *Patriotica* и особенно **в теме этой книги**, в **плане этой книги** — безумно заблуждаетесь. Вы именно честный, благородный немец (**кровь, порода**) — безумно преувеличивающий качества русского человека, в котором — кроме святых душ, т. е. 0,00001... — кроме частных и личных инстинктов и интересов, жад и влечений, — ничего нет. Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: «ты победил, ужасный хохол». Нет, он увидел русскую душеньку в ее «преисподнем содержании». Ну, и как «спасли нас варяги» от Новгородской «свободы», так спасут забалтийские немцы от вторичной петроградской «свободы». Тайная моя мысль, — а в сущности 20-летняя мысль, — что только инородцы — латыши, **литовцы** (**благороднейшая народность**), финны, балты, евреи — умеют в России служить, умеют Россию **любить** и каким-то образом **уважать**, умеют привязываться к России, — опять — **непостижимым**

образом. Верите-ли: что как только отец проходит с сыном Русскую историю, толкует с ним «Русскую правду», толкует попа Сильвестра и его «Домострой», то уж знайте, что или немец, или в корне **рода** его лежит упорядоченное немецкое начало. «Русский» — это всегда «мечтатель», т. е. Чичиков или Ноздрев или Собакевич на «общевропейской подкладке». Гоголь сделал только какой-то неверный план в освещении, неверно поставил «огни»; Гоголь вообще был немножко не умен. Но глаза его были — чудища, и он все рассмотрел совершенно верно, хотя и пробыл в России всего несколько часов. Он всю нашу «Государств. Думушку» рассмотрел, сказав, что ничего кроме хвастовства и самолюбия, чванства и тщеславия русские никогда и не в какую политику не внесут. Это вовсе не «империалисты», не «царисты». Это *privats menschen*, — а в сущности — крысы, журущие сыр в родных амбарах. И кроме запаха сырного ничего не слышащие. Это те же все мужики, которые «нацарапали у помещиков по поместьям» и нарядились в наворованное добро. И «собственности чувства» никакого у нас нет; это — слишком «не по рылу»: собственность может зародиться у еврея, у немца, который **работал** собственность, **привязался** к ней и теперь ее **любит**. Собственно «чувство собственности» может возникнуть у **родового** человека, у **родовитого** человека, в конце концов — у **исторического** человека; а не у омерзительной ватаги воров, пьяниц и гуляк. Ну их к черту. Вы во всем ошибаетесь. Будет 60 лет Вам — и Вы опомнитесь. И напишете «*Patriotica*» совсем с другой стороны.

И вот, при всем этом — люблю и люблю только **один русский** народ, исключительно русский народ. Когда я спрашиваю себя: да **чем-же** и каким **осколком сердца** я его люблю, то умею ответить только: «должно-быть — Вильгельмова сердца». Иначе — нельзя объяснить. У меня есть ужасная жалость к этому несчастному народу, к этому уродцу народу, к этому котыке — слепому и глутому. Он не знает, до чего он презрен и жалок со своими «парламентами» и «социализмами», до чего он есть просто последний вор и последний нищий. И вот эта его последняя мизерабельность, этот его «задний двор» истории проливают такую жалость к Лазарю, к Лазарю-хвастунишке и тщеславу, какого у Христа и у целого мира по-истине не было к тому Евангельскому **великолепному** Лазарю полному сил, вдохновения и красоты. О, **тот** Лазарь сиял. Горит в раю и горел бы в аде. А на **этом**, моем ком-патриоте — одни вши. И вшей... но ну его к черту...

Устал. Клян и проклинаю. И только эту «вошь преисподнюю» и люблю. И хочу — сгнить, сгнить — с нею одной, рыдая об этой его окаянной шивости.

Ох устал.

Вот что — дорогой и милый. Холодно. Жутко. Картофелю — еще 1 1/2 кадки; но луку — ничего; дров — до марта. Из «Нов. Вр.» прислали за ноябрь, а за декабрь и за январь — нет. Живу только долгами; больше нечего — как выпрашивать и выпрашивать. И вот уже выпрошено все, что возможно, попрошено у всех, у кого можно. Если бы Вы дали возможность работать мне и в «Рус. Мысли» и в «Русск. Свободе». Если бы рублей на 100 я мог зарабатывать? Я просто — в отчаянии. Дожить-бы год, а там кончилась-бы эта ухарская революция, все пришло-бы в норму или по крайней мере я уже умер. Хотя как оставлять детей и семью. Отчаяние, отчаяние...

Господи! что́ делать...

Я потерял и веру в Бога: именно — и потерял от того:

Сколько-же я трудился и —

такое унижение и горе
на конце жизни.

В. Розанов

Сергиев Посад, Московск. губ., Красюковка полевая улица, дом Беляева.

В. В. Розанову.

Вот что, пожалуйста, поручите Франку ответить мне. Он когда-то хорошо ко мне относился, и я верю — он продолжает любить меня. О, я верю теперь только в жидов и немцев: спасут Россию, спасут и спасут. Сама Россия — испрохвостилась.

Но не буду повторять «скорбей вши и о вшах». Господь с нами, все-таки, Господь с Россией все-таки, т. е. даже с революционной и следовательно окаянной.

Посылаю статью. Если **возможно** — вышлите и «Русскую Свободу», я получаю одну «Русск. Мысль». Поместите статью «Разговор (это — действительный разговор) с одним немцем» под псевдонимом или без подписи, и вообще — как хотите.

В. Р.

Было бы хорошо, если б Вы поручили кому-нибудь написать об «Апокалипсисе нашего времени», при сем прилагаемом.

(Февраль 1918)

Примечание

Письмо без даты из архива В. В. Розанова в библиотеке им. Ленина печатается по фотокопии с оригинала. Оно датируется на основании содержания. Выпуски «Апокалипсиса нашего времени» начали выходить с 15-го ноября 1917 года. Розанов пишет о полученном из «Нового Времени» гонораре «за ноябрь, а за декабрь и за январь — нет», а также, что «дров... до марта»: из этого следует, что вернее всего письмо было написано в феврале 1918, самое раннее в январе. Мы не знаем, является ли это копией письма, или же письмо не было послано. Приблизительно в это время (февраль, март) П. Б. Струве вернулся с юга в Москву где пробыл до конца июля или начала августа 1918 г., когда готовился сборник «Из глубины».

В 1899 г., в журнале «Начала», П. Б. Струве был едва ли не первым, кто в прогрессивной (левой) печати указал на политическое и литературное значение писаний В. В. Розанова. Десятью годами позже он посвятил В. В. Розанову новую большую статью под заглавием «Большой писатель с органическим пороком». В ней, воздавая должное литературному таланту Розанова, П. Б. Струве отметил, что Розанов в одно и то же время восхвалял Революцию в книге «Когда начальство ушло» (1910), и обличал её в статьях помещенных в «Новом Времени»: «Розанов не то, что безнравственный писатель, он органически безнравственная и безбожная натура... Он фактов не знает и не любит... Конечно в «Новом Времени» он пишет и в прогрессивные издания он ходит на отхожие заработки отчасти ради монеты. Но это не самое главное. Розанов, даже если бы захотел, не мог бы быть просто наёмным писателем.» Поскольку «порок» Розанова не случаен, а органичен, П. Б. Струве заключал, что «с ним литературное сотрудничество невозможно».

В начале 1914 г., когда стоял вопрос об исключении В. В. Розанова из числа членов религиозно-философского общества, П. Б. Струве высказался вполне определённо против, по двум соображениям: 1) Розанов «морально неменяемый человек» 2) Религиозно-философское общество не может притязать по заданию своему на функцию суда. (Письмо в редакцию газеты «Речь», 27-1-1914). В. Розанов отомстил П. Б. Струве поместив в «Опавших Листях» несколько иронических замечаний о его немецкой «порядочности».

Русское Слово — популярная газета издававшаяся Д. Сытиным. В 1916 г. тираж её достиг миллиона.

Новое Время — консервативная газета издававшаяся в СПб с 1876 г. А. С. Сувориным (1844-1912), а после его смерти, его сыном. Тираж её не превышал 40 000.

Patriotica — сборник статей П. Б. Струве объединенных одним настроением: «патриотическая тревога», изд. Д. Е. Жуковского СПб 1911, 619 стр.

Русская Мысль — ежемесячный журнал, с 1910 г. издавался под единоличным редакторством П. Б. Струве. Последний, тройной, номер вышел весной 1918 г.

Русская Свобода — еженедельник под редакцией П. Б. Струве, начал выходить после февральской Революции. Вышло всего 25 выпусков. В феврале 1918 г. В. В. Розанов мог ещё не знать о прекращении журнала.

С. Л. Франк (1877-1950) — известный философ, заведовавший философским отделом в Русской Мысли. В то время уже покинул Москву и переехал в Самару, где получил кафедру философии в Университете. Судьба статьи «Разговор с одним немцем» неизвестна.

«Апокалипсис нашего времени» был рассчитан на десять двухнедельных выпусков, но вышло всего девять, причем шестой-седьмой, а затем восьмой-девятый вышли в сдвоенных книжках. 5-ый номер рассылался подписчикам в феврале 1918 г. Как писал В. Розанов в обращении к читателю: «заглавие не требует объяснений в виду событий, носящих не мнимо апокалипсический характер... Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства... Все гибнут, всё гибнет. Но всё это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания».

Публикация и примечания Г. и Н. Струве.

Татьяна РОЗАНОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЦЕ ВАСИЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧЕ РОЗАНОВЕ *)

Глава пятая

БОЛЕЗнь ОТЦА. ПРОЩАЛЬНЫЕ ПИСЬМА К ДРУЗЬЯМ. СМЕРТЬ.

Папа был очень слаб, но видя, как мы надрываемся, качал воду в колодце, изредка помогал нам. Делать этого ему нельзя было.

Отец очень любил также париться в бане, что ему тоже запрещали врачи, но он врачей в о о б щ е не слушался, запрещали ему курить, а он все курил. Однажды он пошел в баню, а на обратном пути с ним случился удар, — он упал в канаву, недалеко от нашего дома, и его уже кто-то на дороге опознал и принесли домой. С тех пор он уже не вставал с постели, лежал в своей спальне, укутанный одеялами и поверх своей меховой шубой — он сильно все время мерз. Говорить почти не мог, лежал тихо, иногда курил.

В то время старушки, которая готовила обед, уже не было, варила обед Надя и ухаживала за папой, а также мама много помогала и дежурила у папиной постели. К отцу звали священника, отца Александра, настоятеля Рождественской церкви, он отца исповедал несколько раз. Затем приходил отец Павел Милославин — второй священник Рождественской церкви, которого отец очень полюбил за то, что он замечательно читал акафист Божией Матери «Утоли моя печали». Отец мой слушал, как он читает акафист, когда со мной и Надей ходил служить в 40-й день панихиду по брату Васе. Отец мой плакал в церкви и говорил: «С каким глубоким чувством читает этот священник акафист Божией Матери».

За время болезни отца его часто навещала Софья Владимировна Олсуфьева и Павел Александрович Флоренский. Приезжал из Москвы старый друг отца по университету, Вознесенский, привозил ему какие-то деньги от Гершензона. Он же присутствовал,

*) Печатается без ведома автора.

когда мы позвали отца Павла Милославина из Рождественской церкви папу пособоровать, тут же была и С. В. Олсуфьева. Молились все усердно, и папе стало лучше; но потом опять сделалось хуже, но он все же так не метался в тоске, как иногда с ним было до соборования.

С папой, как я говорила, была мама неотлучно, а я весь день была на работе, а потом сразу же шла что-нибудь менять на хлеб.

В это время несколько раз присылали нам деньги — отец протоиерей Устьянский, папин друг, Мережковские и Горький. К папе приходил частный врач, приходила массажистка, он постепенно стал немного говорить, но двигать рукой и ногой не мог, ужасно замерзал, все говорил: «холодно, холодно, холодно», и согревался только тогда, когда его покрывали его меховой, тяжелой шубой.

Незадолго до своей смерти он просил сестру Надю под его диктовку написать несколько писем и послать друзьям.

Письмо к друзьям.

7 января 1919 г.

Благородного Сашу Бенуа, скромного и прекрасного Пешкова, любимого Ремизова и его Серафиму Павловну, любимого Бориса Садовского, всех литераторов, без исключения; Мережковского и Зину Мережковскую — ни на кого, ни за что не имею дурного, всех только уважаю и чту.

Все огорчения, все споры считаю чепухой и вздором. Ивана Ивановича Введенского благодарю за доброту и внимание. Музе Николаевне Всехсвятской целую ручку за ее доброту, самого Всехсвятского целую за его доброту и за папироски. Каптереву благодарю и целую ручку за ее доброту и внимание. Ну, конечно, графа и графиню Олсуфьевых больше всего благодарю за ласку. Флоренского — за изящество, мужество и поученье, мамочку нашу безценную за всю жизнь и за ее грацию.

Лемана благодарю за помощь и великодушие, и жену его тоже, они оба изящны очень и очень сердечны, и глубоко надеюсь: от Лемана большое возрождение для России.

Гершензона благодарю за заботу обо мне. Очень благодарю Виктора Ховина, люблю и уважаю; Устьянскому милому кланяюсь в ноги и целую руку. Макаренко сердечно кланяюсь. Перед сокровищем Васенькой прошу прощения: много виноват в его смерти.

Грациозной Наденьке желаю сохранить ее грацию, великодушной и великой Вере желаю продолжения того же пути монашеской жизни, драгоценной и трепетной Тане желаю сохранить весь образ ее души. Варе желаю сохранить бодрость и крепость духа. Алю целую, обнимаю и прошу прощения за все мои великие прегрешения перед ней. Наташу целую и обнимаю, любимому человеку Шуриному очень желаю добра и счастья, только вместе, и, вообще, разделенья не желаю никому на свете, никому.

Лидочку Хохлову обнимаю, как грациозную девочку. Шернвалю вполне понимаю и извиняю вполне, ни на что не сержусь.

Дурылина милого люблю, уважаю и почитаю, и точно так же Фуделя, Чернова; Анне Михайловне дорогой целую руку ее, также точно и Надежде Петровне. Ангела, отца Александра, за истинную доброту его благодарю, и всему миру кланяюсь в ноги и почитаю за его великую терпеливость.

7 января, четверг 1919 г.

Написано под диктовку.

Примечания Т. В. Розановой:

Анна Михайловна — Флоренская, жена П. А. Флоренского.

Надежда Петровна — Гиацинтова — теща П. А. Флоренского, умная и гостеприимная старуха, всех радушно принимавшая и умершая в 1940 г. в глубокой старости, всеми уважаемая и окруженная многочисленными внуками.

Шернваль — врач, лечивший мою мать последнее время и которого мой отец при жизни очень недолюбливал.

Всехсвятская и Всехсвятский — муж и жена. Он служил библиотекарем при Духовной Академии много лет. В голодное время они много делали для отца, давали ему папироски, кормили вкусным вареньем, до которого отец был большой охотник. У них отец отдыхал и душевно и телесно. В семье было два взрослых сына. После смерти моего отца их постигло большое несчастье. После закрытия Духовной Академии, Всехсвятский служил бухгалтером в Электротехнической академии, которая помещалась в тех же стенах Академии и Лавры, и очень тосковал; будучи уже глубоким стариком, покончил жизнь самоубийством. Дети вышли несчастные, один сын с матерью уехал в Сибирь и там они умерли, другой сын умер в нищете в Сергиевом посаде, все пошло прахом и зажиточная семья распалась и умерла в нищете. Это я узнала случайно от бывших жильцов их дома уже много лет спустя.

Всехсвятский был несомненно под большим влиянием сочинений В. В. Розанова.

Отец Александр — священник, брат А. М. Флоренской. Очень добрый и хороший человек. Был долго в ссылке, вернулся и умер через год в Москве. Сам он был священником в г. Егорьевске, Рязанской губернии.

Ив. Ив. Введенский — хозяйственник Исполкома, купил у нас дубовый буфет за 6 пудов ржи. И спас нас от голодной смерти.

К литераторам.

Напиши всем литераторам.

Напиши, что больше всего чувствую, что холоден мир становится. И что они должны предупредить этот холод, что это должно быть главной их заботой.

Что ничего нет хуже разделения и злобы, и чтобы они всё друг другу забыли и перестали бы ссориться. Все литературные ссоры просто чепуха и злое наваждение.

Никогда не плачьте, всегда будьте светлы духом. Всегда помните Христа и Бога нашего.

Поклоняйтесь Троице безначальной, и Живоносной, и Изначальной.

Флоренского, Мокринского, Фуделя и потом графа Олсуфьева прошу позаботиться о моей семье.

Также Дурылина и всех, кто меня хорошо помнит.

Прошу Пешкова позаботиться о моей семье.

Примечание Т. В. Розановой:

Мокринский — прекрасный молодой человек, религиозно настроенный, душевно заболел и в припадке душевного расстройства покончил жизнь самоубийством.

Многих из тех, о которых отец пишет, уже нет в живых, и многие кончили свою жизнь в тяжких страданиях.

Д. С. Мережковскому.

Милый, милый, Митя, Зина и Дима!

В последней степени склероза мозга, —

Ткань рвется, душа жива, цела, сильна!

Безумное желание кончить Апокалипсис и из «Восточных мотивов»; все — уже готово, сделано, только распределить рисун-

ки из «Восточных мотивов», но этого никто не может сделать. И рисунки все выбраны.

Лихоимка-судьба свалила Розанова у порога!

— Спасибо дорогим, милым за любовь, за приветливость, сострадание. Жили бы вечными друзьями, но, уже, кажется, поздно. Обнимаю вас всех и крепко целую, с Россией, дорогой, милой! Вы все стоите у порога, и вот бы летать, и крылья есть, но воздуха под крыльями не оказывается.

Спасибо милому Сереже Каблукову за письмо.

Н. Макаренко

20 января 1919 г.

Милый, милый Николай Емельянович, спасибо Вам за дорогое внимание Ваше, которое никогда не забуду и друзей своих всех дорогих, не забуду драгоценный Эрмитаж и работу по нем благородного Бенуа.

Этот Эрмитаж незаслуженная драгоценность для всей России.

Помните ли Вы драгоценный . . . . . и драгоценный эстамп с нею. Особенно когда она была младенцем.

Для меня это не забывается.

Величавую Екатерину и все это величие и славу, когда-то бывшее в России, но теперь погибшее. Боже, куда девалась наша Россия. Помните Ломоносова, которого гравюры я храню до сих пор, Тредьяковского, даже Сумарокова.

Ну, прощай былая Русь, не забывай себя.

Помни о себе.

Если ты была когда-то величава, то помни о себе. Ты всегда была славна. Передайте Мережковскому о всей этой славе, которую он помнит так хорошо. Поклон его Петру и его стрельцам. Это тоже слава России. Поклон его Зине. Поклон его милым Тане и Нате и если можно поцелуй, а знаю, что можно. Если можно было бы, позволили бы силы, можно было бы рисунки закончить и это было бы драгоценная работа для них и для меня.

Ну, друзья, устал, изнеможен, больше не могу писать. Сделайте что-нибудь для меня. Я сам умираю, уже ничего больше не могу, прежде всего работать. Хочется очень кончить Египет и жадная жажда закончить, а закончить вряд ли смогу. А работа действительно изумительная. Там есть масса положительных откры-

тий, культ солнца почти окончен. Еще хотел бы писать, мои драгоценные, писать больше всего об Египте, о солнце, много изумительных афоризмов, м. б. еще напишу писульки, не знаю и не берусь за это.

От семьи моей поклон, от моей Вари поклон, от моих детей, труженников небывалых, поклон, в этом не сомневайтесь, не колеблетесь.

Варя совершенно с Вами помирилась.

Всему миру поклон, драгоценную благодарность от своей Танечки тоже поклон, она чрезвычайно грациозная, милая, какая-то вся игривая и вообще прелестная, и от Наденьки, которая вся грация, приезжайте посмотреть. И это пишу я, отец, которому естественно стыдно писать. Ну, миру поклон, глубокое завешание, никаких страданий и никому никакого огорчения.

Вот кажется все.

Васька дурак Розанов.

Детки собираются сейчас дать мне картофель, огурчиков, сахарина, которого до безумия люблю. Называют они меня «куколкой», «солнышком», незабвенно нежно, так нежно, что и выразить нельзя, так голубят меня. И вообще пишут: «Так, так, так», а что «Так» — разбирайтесь сами.

Сам же я себя называю «хрюнда, хрюнда, хрюнда», жена нежна до последней степени, невыразимо и вообще я весь счастлив, со мной происходят действительно чудеса, а что за чудеса расскажу потом когда-нибудь.

Все тело ужасно болит.

Лидочке Хохловой.

Милая, дорогая Лидочка, с каким невыразимым счастьем я скушал сейчас последний кусочек чудного белого хлеба с маслом, присланный Вами из Москвы с Надей. Спасибо Вам и милой сестрице Вашей. И хочу, чтобы где будет сказано о Розанове последних дней не было забыто и об этом кусочке хлеба и об этом кусочке масла.

Спасибо, милая. И родителям Вашим спасибо. Спасибо. Благодарный Вам

В. Розанов.

Эту записку сохранить.

* * *

Записочка Лидочке Хохоловой, продиктованная Василием Васильевичем Наде в 1919 году в Троице-Сергиевом посаде и посланная Л. Хохловой в Москву.

«От лучинки к лучинке. Надя, опять зажигай лучинку, скорее, некогда ждать, сейчас потухнет. Пока она горит, мы напишем еще на рубль. Что такое сейчас Розанов? Странное дело, что эти кости, такими ужасными углами поднимающиеся, под таким углом одна к другой, действительно говорят об образе всякого умирающего. Говорят именно фигурно, именно своими ужасными изломами. Все криво, все не гибко, все высохло... Мозга, очевидно, нет, жалкие тряпки тела. Я думаю, даже для физиолога важно внутреннее ощущение так называемого внутреннего мозгового удара. Вот оно: тело покрывается каким-то странным выпотом, который нельзя иначе сравнить ни с чем, как с мертвой водой. Оно переполняет все существо человека до последних тканей. И это есть именно мертвая вода, а не живая, убийственная своей мертвечиной. Дрожание и озноб внутренний не поддается ничему описуемому. Ткани тела кажутся опущенными в холодную, лютую воду. И никакой надежды согреться. Все раскаленное, горячее, представляется каким-то неизреченным блаженством, совершенно недоступным смертному и судьбе смертного. Поэтому «ад» или пламя не представляют ничего грозного, а скорее желаемо. Ткани тела, эти мотающиеся тряпки и углы представляются не в целом, а в каких-то безумных подробностях, отвратительных и смешных, размоченными в воде адского холода. И, кажется, кроме озноба, ничего в природе даже не существует. Поэтому умирание, по крайней мере от удара, представляет собою зрелище совершенно иное, чем обыкновенно думается. Это — холод, холод и холод, мертвый холод и больше ничего. Кроме того, все тело представляется каким-то надтреснутым, состоящим из мелких, раздробленных лучинок, где каждая представляется тростью и раздражающей остальные. Все, вообще, представляет изломы, трение и страдание.

Состояние духа его — никакое — потому что и духа нет. Есть только материя — изможденная, похожая на тряпку, набросанную на какие-то крючки.

До завтра.

Ничто физиологическое на ум не приходит. Хотя странным образом тело так измождено, что духовное тоже ничего не приходит на ум. Адская мука — вот она налицо!

В этой мертвой воде; в этой растворенности все ткани тела — в ней. Это черные воды Стикса — «воистину узнаю их образ».

В то время, когда отец так тяжело болел, от падчерицы Василия Васильевича — Александры Михайловны Бутягиной приходили из Петрограда печальные письма; она очень мучилась за нас, да и сама была без работы, так как тогда бастовала интеллигенция. Сестра заболела испанкой, боялись за ее жизнь. От сестры Веры тоже приходили печальные письма — монастырь был превращен в трудовую сельско-хозяйственную общину, там были трудовые полевые работы, в которых сестра не могла принимать участия по состоянию своего здоровья (туберкулез), в общине она очень голодала и была переведена учительницей к детям-сиротам войны в приют, принадлежавший также этой общине. Учительницей ей показалось быть очень трудно, а кроме того все время грозили распустить общину. Она писала, что может быть вернется к нам жить, а мы сами не знали, как дожить до следующего дня. Сохранилось письмо сестры Веры к Наде в Петроград от 1918 года.

Петроград, март 1918 г.
Манежный пер., д. 16, кв. 44
Ее Высокородию
Софии Ангеловне Богданович
для передачи
Надежде Васильевне Розановой.

†

Христос посреди нас

Дорогая Надя,

Получила твое письмо. Прости, но наверное долго не смогу ответить на него.

Сейчас полна заботой и болею за Алю. Она с Наташей совершенно нравственно и физически измучена борьбой за существование. Получают один фунт хлеба и голодают. Не знаю как им

помочь. Сейчас иду в деревню, может быть удастся достать ржаную муку. Сходи к ним обязательно и напиши.

Теперь нет мечты, теперь есть подвиг. Васильевский остров 4-ая линия, д. 39, кв. 3.

Мы не сможем жить как жили. Считаю, что теперь время величайшего отрезвления. Отдача отчета и сознание долга перед Богом и человечеством.

Вера.

Надя очень дружила с сестрой Верой, которая мечтала перетянуть ее к себе в монастырь. Но Надя инстинктивно чувствовала, что она не создана для монашеской жизни, хотя и очень любила Веру и хотела бы ей помочь. Ко мне же Надя относилась холодно и без интереса, кроме одного года, когда мы с ней дружно жили в Троице-Сергиевом посаде, и после смерти отца ходили почти ежедневно к ранней обедне в Гефсиманский скит и заходили в келью иеромонаха Порфирия, бывшего келейника умершего старца Варнавы. Это было хорошее время!

Вот другое письмо сестры Али, написанное в начале августа месяца 1918 года в монастырь сестрам Вере и Наде (Надя тогда гостила у Веры в монастыре). Письмо написано из Петрограда.

Дорогие Верочка и Надюша,

Конец письма: Вере.

Ну, спокойной ночи!

Спасибо, Веруся, за все; Наташа тебя крепко, крепко чтит за твою подлинную, редкую доброту. Милые, милые «кусочки», которые ты мне клала на стол в детстве.

Как они и теперь волнуют теплом и светом усталую душу. Прости меня, Веруся, за все мое непонимание тебя. Теперь бы я все поняла, а тогда слишком по-матерински боялась и любила близоруко... Прости, если можешь. Верь только, что крепко тогда любила, хотя и делала больно непониманием. *) Аля.

*) Намек на уход сестры Веры в монастырь.

Отцу становилось всё хуже и хуже. Подходили мои именины. Папа их вспоминал, что-то удалось испечь и он был очень доволен сладким пирогом с малиновым варением.

После моих именин отцу стало еще хуже. Он со всеми примирился, ни на кого не имел зла, продиктовал обращение к евреям. Как-то я его спросила: Папа, может быть, ты отказался бы от своих книг: «Темный лик» и «Люди лунного света»? Но он ответил, что нет, он считает, что в этих книгах что-то есть верное, несмотря на то, что он был настроен последнее время по-христиански и казался верным сыном православной русской церкви.

В ночь с 22-го на 23-ье января 1919 года старого стиля — 5-го февраля н.с. — отцу стало совсем плохо. Надя осталась с ним ночевать и прилегла рядом. Я вошла в его комнату и увидела, что у него уже закатились глаза. Тогда я сказала Наде, — «беги за священником». Надя побежала к Флоренским, но не могла к нему достучаться; тогда она побежала в Рождественский переулок, к отцу Александру. Он тотчас же пришел, но отец уже говорить не мог и ему дали глухую исповедь и причастили. Это была среда.

Рано утром в четверг пришли П. А. Флоренский, Софья Владимировна Олсуфьева и С. Н. Дурылин. Мама, Надя и я, а также все остальные стояли у папиной постели. Софья Владимировна принесла от раки преп. Сергия плат и положила ему на голову. Он тихо стал отходить, не метался, не стонал. Софья Владимировна стала на колени и начала читать отходную молитву, в это время отец как-то зажмурился и горько улыбнулся — точно видел смерть и испытал что-то горькое, а затем трижды спокойно вздохнул, по лицу разлилась удивительная улыбка, какое-то прямое сияние, и он испустил дух. Было около двенадцати часов дня, четверг, 23 января ст. стиля. Павел Александрович Флоренский вторично прочитал отходную молитву, в третий раз — я.

Он умер в возрасте 63-х лет.

Мы молча стояли у его постели и смотрели на его лицо.

Отпевать его повезли в приходскую церковь Михаила Архангела, близ нашего дома. Отпевали его трое иереев: священник Соловьев, — очень добрый, простой, сердечный батюшка, Павел Александрович Флоренский и инспектор Духовной Академии, архимандрит Илларион, будущий епископ; впоследствии он был сослан и, по дороге в ссылку, скончался в больнице. Отец при жизни часто бывал у него, они дружили.

Хлопоты по похоронам взяла на себя Софья Владимировна Олсуфьева, она достала разрешение похоронить его на Чернигов-

ском кладбище, среди могил монахов монастыря, рядом с могилой Константина Леонтьева, близкого по духу друга моего отца.

Отвезли отца на дровнях, покрытых елочками, на Черниговский скит. Там встретила его монашеская братия с колокольным звоном. Мама на кладбище не ездила, она оставалась дома.

Мы с сестрой Надей пошли после похорон к старцу отцу Порфирию в келью, он нас благословил и мы вернулись домой.

После смерти отца, мама вскоре написала сестре Але письмо с описанием кончины отца и с просьбой приехать к нам навсегда жить. Письмо написано 10 февраля, под диктовку, сестрой Надей.

Милая, дорогая Шура!

О смерти не пишу, дети напишут. Он тебя **каждый день** ждал, за день до смерти перестал говорить о тебе. Умер как христианин. Смерть очень тихая, четыре раза приобщался, маслом соборовали, три отходных (прочитали молитвы — подразумевается. Т.Р.) было, от Сергия Преподобного воздух положили на главу его, и он как бы заснул, улыбка светлая была 3 раза. Все делалось, и как делалось! Когда умер, ни копейки денег не было. И все было сделано. Таня все устроивала и хлопотала и Надя тоже.

Как живем в Посаде, я ничего не знаю. Меня кормят, всем хозяйством распоряжаются дети. Только за больным я ходила день и ночь 2 месяца. Надя помогала переменять белье, опрывать его, я не могла поднять.

Таня на службе, Надя готовит обед, печки топят, воду носит, труда обеим много.

Теперь все сочинения переписывают, письма папины, рукописи, обед готовят (три слова неразборчиво написано. Т.Р.)

Когда заболел отец, у меня стали с сердцем припадки.

Ты знаешь, как это неожиданно, — сейчас здорова, сейчас — умираешь. Ноги распухли. Я вижу, что свалюсь, попросила детей позвать священника, приобщилась и маслом соборовалась на ногах и мне стало лучше. Сердце перестало болеть. И я выдержала смерть спокойно, и так рада, что такая кончина была без страдания.

За несколько часов до смерти я услышала слабое: «Тоскливо», сказано с такой безумной, за душу шемящей тоской, как могут сказать только умирающие, — «я умираю»? Я говорю — «да, я тебя провожаю спокойно, только меня поскорее возьми к себе». Я опустила на колени. «Прости меня за то, что тебя не понимала,

что я необразованный человек». Попросила перекрестить меня и простить за все. Перекрестил и его последнее слово было: «ты моя самая дорогая была и есть и мне жаль тебя оставлять». Потом не могла разобрать его слов...

Шура, дорогая, если ты можешь бросить свое имущество и приехать к нам. Обещать не могу, можешь ли ты заработок найти здесь. Я бы очень рада была и дети не такие сироты были бы.

Я очень слаба и мне хотелось на твоих руках умереть.

О голоде ничего не могу сказать. Таня с трудом находит, и молоко достаем — 50 рублей четверть. Прощай, дорогая.

Целую тебя крепко.

Ждем тебя скорее.

Не писала тебе, очень трудно, сердце болит. Слава Богу, что поправилась (подразумевается — относительно. Т.Р.), но голод замучил. Таня чуть жива, Надя очень раздражительна.

Я всё не верю, что его нет. Всё смотрю в окно и жду его. Целые дни в ушах: «мамочка, мамочка, дай папиросу». День и ночь просил: «папироску, дорогая мамочка».

Это самое ужасное — эти звуки слышать!

Целую, прижимаю, крещу, жду тебя очень очень.

Варвара (так странно всегда подписывалась моя мать. Т.Р.)

Мама надеялась умереть на руках старшей дочери Али, а она, бедная, пережила и дочь Алю и дочь Веру, и умерла 15 июля 1923 года, но об этом после.

1950 г.

Дополнительные примечания:

Семья Розановых. Василий Васильевич (1856-1919). В 1880 г. женился на Аполлинии (Полине) Прокофьевне Суловой — возлюбленной Достоевского (1839-1917 или 1918). В. В. вскоре с ней разошелся, но развода она не давала. Весной 1891 г. тайно обвенчался с Варварой Дмитриевной Бутягиной, урожденной Рудневой. В. Д. умерла 15 июля 1923 г. Их дети:

Татьяна Васильевна, род. в 1895 г. Написала эти воспоминания.

Вера Васильевна (1897-1919), была послушницей в женском монастыре. Кончила жизнь самоубийством.

Варвара Васильевна (1898-1942).

Надежда Васильевна, в замужестве Верещагина (1900-1956).

В семье В. В. жила и его падчерица Александра (Аля, Шура) Михайловна Бутягина (ум. в 1920 г.).

Бенуа, Александр Николаевич (1870-1970).

Гершензон, Михаил Осипович (1869-1925).

Горький, Максим (Алексей Михайлович Пешков, 1868-1936).

Дурылин, Сергей Николаевич (1877-1954). Исследователь литературы, писал и работы по истории русского театра. Знаток литературного наследства Константина Леонтьева. Упоминается в воспоминаниях Ф. А. Степуна *Бывшее и несбывшееся*.

Илларион (Троицкий), богослов, выдающийся епископ, один из авторов Соловецкого послания епископов. Скончался от тифа в пересыльной Ленинградской тюрьме в 1929 г.

Леман, Г. А., издатель. Издал «Философский словарь» Э. Л. Радлова и др. книги.

Мережковская, Зинаида Николаевна (Гиппиус, 1869-1945).

Ремизова, Серафима Павловна, урожденная Довгелло, ум. в 1943 г. Ремизов, Алексей Михайлович (1877-1957).

Тернавцев, Валентин Александрович (1866-1940). Видный участник Религиозно-философских собраний в начале XX-го в. Крестный отец Надежды Васильевны Розановой.

Философов, Дмитрий Владимирович (1872-1940). Эссеист. Близкий друг и единомышленник Мережковских.

Флоренский, отец Павел (1882-1943).

Фудель, отец Иосиф. Писал о Константине Леонтьеве.

Ховин, Виктор Романович. Редактировал футуристический журнал «Очарованный странник» (1913-1916 г.г.), в котором сотрудничал В. В. Розанов. После революции издавал сборники «Книжный угол» (1918-1919), где были помещены последние произведения Розанова:

Запущенный год. Гоголь и Петрарка. «Книжный угол», 3, 1918.

Солнце. Таинственные соотношения. Колебания мира. Там же, 1918.

Из последних мыслей. Апокалиптика русской литературы. Там же, 5, 1918.

Последние мысли (Из тайн Христовых. Космогеническая разрыв-трава. Тайна в музыке песнопений.) Там же, 6, 1919.

Эмигрировал в начале 20-х г.г. Владелец книжного магазина в Париже. Переиздал «Уединенное» Розанова (со своим предисловием). Во время немецкой оккупации Парижа был вместе с женой арестован и увезен нацистами. Годы рождения и смерти неизвестны. Данные о Ховине мне сообщил профессор Г. П. Струве.

Литература и жизнь

Начиная с 111-го номера, в каждом номере Вестника печатается по одному неизданному отрывку из романов А. Солженицына.

Из текста полной редакции (96 глав) романа
«В Круге первом»

А. СОЛЖЕНИЦЫН

61

ТВЕРСКОЙ ДЯДЮШКА

Не случайно не было квартиры на адресе, чему удивлялся Иннокентий, — искать не пришлось. Это оказался в мощеном переулке без деревьев и палисадников одноэтажный кривенький деревянный дом среди других подобных. Что не так ветхо, что здесь открывается — калитка при воротах или скособоченная, с узорными филёнками, дверь дома — не сразу мог Иннокентий понять, стучал туда и сюда. Но не открывали и не отзывались. Потряс калитку — заколочено, толкнул дверь — не подалась. И никто не выходил.

Убогий вид дома еще раз убеждал его, что зря он приехал.

Он обернулся, ища, кого бы спросить в переулке — но весь квартал в полуденном солнце в обе стороны был пустынен. Впрочем, из-за угла с двумя полными ведрами вышел старик. Он нес напряженно, однажды приспоткнулся, но не останавливался. Одно плечо у него было приподнято.

Вслед за своей тенью, наискосок, как раз он сюда и шел и тоже глянул на посетителя, но тут же под ноги. Иннокентий шагнул от чемодана, еще шагнул:

— Дядя Авенир?

Не столько нагнувшись спиной, сколько присев ногами, дядя аккуратно, без проплеска, поставил ведра. Распря-

мился. Снял блин желто-грязной кепчонки со стриженной седой головы, тем же кулаком вытер пот. Хотел — сказать, не сказал, развел руки, и вот уже Иннокентий, склонясь (дядя на полголовы ниже), уколол свою гладкую щеку о дядины запущенные бородку и усы, а ладонью попал как раз на угловато-выпершую лопатку, из-за которой и плечо было кривое.

Обе руки на отстоянии дядя положил снизу вверх на плечи Иннокентию и рассматривал.

Он собирался торжественно.

А сказал:

— Ты... что-то худенек...

— Да и ты...

Он не только худ, он был, конечно, со многими немочами и недомогами, но сколько видно было за солнцем, глаза дядины не покрылись старческим туском и отрешенностью. Он усмехнулся, больше правой стороной губ:

— Я-то!.. У меня банкетов не бывает... А ты — почему?

Иннокентий порадовался, что по совету Клары купил колбас и копченой рыбы, чего в Твери не должно быть ни за что. Вдохнул:

— Беспокойства, дядя...

Дядя разглядывал глазами живыми, хранящими силу:

— Смотря — от чего. А то так — и ничего.

— И далеко воду носишь?

— Квартал, квартал, еще половинка. Да небольшие.

Иннокентий нагнулся донести ведра, оказались тяжелые, будто донья из чугуна.

— Хе-е-е..., — шел дядя сзади, — из тебя рабочий! Непривычка...

Обогнал, отпер дверь. В коридорце, подхватывая за дужки, помог ведрам на лавку. А щегольский синий чемодан опустился на косой пол из шатких несогнанных половиц. Тут же заложена была дверь засовом, как будто дядя ждал, что ворвутся.

Были в коридорце низкий потолок, скудное окошко к воротам, две чуланных двери да две человеческих. Иннокентию стало тоскливо. Он никогда так не попадал. Он досадовал, что приехал, и подыскивал, как бы соврать, чтоб здесь не ночевать, к вечеру уехать.

И дальше, в комнаты и между комнатами, все двери были косые, одни обложены войлоком, другие двустворчатые, со старинной фигурной строжкой. В дверях во всех надо было кланяться, да и мимо потолочных ламп голову обводить. В трех небольших комнатках, все на улицу, воздух был не легкий, потому что вторые рамы окон навечно вставлены с ватой, стаканчиками и цветной бумагой, а открывались лишь форточки, но и в них шевелилась нарезанная газетная лапша: постоянное движение этих частых свисающих полосок пугало мух.

В такой перекошенной придавленной старой постройке с малым светом и малым воздухом, где из мебели ни предмет не стоял ровно, в такой унылой бедности Иннокентий никогда не бывал, только в книгах читал. Не все стены были даже белены, иные окрашены темноватой краской по дереву, а „коврами“ были старые пожелтевшие пропыленные газеты, во много слоев зачем-то навешенные повсюду: ими закрывались стекла шкафов и ниша буфета, верхи окон, запечья. Иннокентий попал как в западню. Сегодня же уехать!

А дядя, нисколько не стыдясь, но даже чуть ли не с гордостью водил его и показывал угоды: домашнюю выгребную уборную, летнюю и зимнюю, ручную умывальник, и как улавливается дождевая вода. Уж тем более не пропадали тут очистки овощей.

Еще какая придет жена! И что за бельё у них на постелях, можно заранее вообразить!

А с другой стороны это был родной мамин брат, он знал жизнь мамы с детства, это был вообще единственный кровный родственник Иннокентия — и сорваться сейчас же, значит не доузнать, не додумать даже о себе.

Да самого-то дяди простота и правобокая усмешка располагали Иннокентия. С первых же слов что-то почувствовалось в нем больше, чем было в двух коротких письмах.

В годы всеобщего недоверия и проданности кровное родство даёт уже ту первую надёжность, что этот человек не подослан, не приставлен, что путь его к тебе — естественный. Со светлыми разумниками не скажешь того, что с кровным родственником, хоть и темным.

Дядя был не то, что худ, но — сух, только то и оста-

валось на его костях, без чего никак нельзя. Однако такие-то и живут долго.

— Тебе точно сколько ж лет, дядя?

(Иннокентий и неточно не знал.)

Дядя посмотрел пристально и ответил загадочно:

— Я ровесничек.

И всё смотрел, не отрываясь.

— Кому?

— Са-мо-му.

И смотрел.

Иннокентий со свободой улыбнулся, это-то было для него пройденное: даже в годы восторгов кряду всем, сам оскорблял его вкус дурным тоном, дурными речами, наглядной тупостью.

И не встретив почтительного недоумения или благородного запрета, дядя посветлел, хмыкнул шутливо:

— Согласись, нескромно мне первому умирать. Хочу на второе место потесниться.

Засмеялись. Так первая искра открыто пробежала между ними. Дальше уже было легче.

Одет дядя был ужасно: рубаха под пиджаком непоказуемая; у пиджака облохмачены, обшты и снова обтерты воротник, лацканы, обшлага; на брюках больше латок, чем главного материала, и цвета различались — просто серый, клетчатый и в полоску; ботинки столько раз чинены, наставлены и нашиты, что стали топталами колодника. Впрочем, дядя объяснил, что этот костюм — его рабочий, и дальше водяной колонки и хлебного магазина он так не выходит. Впрочем, и переодеться он не спешил.

Не задерживаясь в комнатах, дядя повел Иннокентия смотреть двор. Стояло очень тепло, безоблачно, безветренно.

Двор был метров тридцать на десять, но зато весь целиком дядин. Плохенькие сарайчики да заборцы со щелями отделяли его от соседей, но — отделяли. В этом дворе было место и мощеной площадке, мощеной дорожке, резервуару дождевой, корытному месту, и дровяному, и летней печке, было место и саду. Дядя вел и знакомил с каждым стволом и корнем, кого Иннокентий по одним листьям, уже без цветов и плодов, не узнал бы. Тут был куст китайской розы, куст жасмина, куст сирени, затем клумба с настурциями, маками и астрами. Были два раскидистых пышных куста

черной смородины, и дядя жаловался, что в этом году они обильно цвели, а почти не уродили — из-за того, что в пору опыления ударили холода. Была одна вишня и одна яблоня, с ветвями, подпертыми от тяжести колышками. Дикие травинки были всюду вырваны, а каким полагалось — те росли. Тут много было ползано на коленях и работано пальцами, чего Иннокентий и оценить не мог. Все же он понял:

— А тяжело тебе, дядя! Это сколько ж нагибаться, копать, таскать?

— Этого я не боюсь, Иннокентий. Воду таскать, дрова колоть, в земле копаться, если вмеру — нормальная человеческая жизнь. Скорей удушишься в этих пятиэтажных клетках в одной квартире с передовым классом.

— С кем это?

— С пролетариатом. — Еще раз проверяюще примерился старик. — Кто домино как гвозди бьёт, радио не выключает от гимна до гимна. Пять часов пятьдесят минут остаётся спать. Бутылки бьют прохожим под ноги, мусор высыпают вон посреди улицы. Почему они — передовой класс, ты задумывался?

— Да-а-а, — покачал Иннокентий. — Почему передовой — этого и я никогда не понимал.

— Самый дикий! — сердился дядя. — Крестьяне с землей, с природой общаются, оттуда что-то нравственное берут. Интеллигенты — с высшей работой мысли. А эти — всю жизнь в мертвых стенах мертвыми станками мертвые вещи делают — откуда им что придет?

Шли дальше, приседали, разглядывали.

— Это — не тяжело. Здесь все работы мне — по совести. Помои выливаю — по совести. Пол скребу — по совести. Золу выгребать, печку топить — ничего дурного нет. Вот на службах — на службах так не поживешь. Там надо гнуться, подличать. Я отовсюду отступал. Не говорю учителем — библиотекарем, и то не мог.

— А что так трудно библиотекарем?

— Пойди попробуй. Хорошие книги надо ругать, дурные хвалить. Незрелые мозги обманывать. А какую ты назовешь работу по совести?

Иннокентий просто не знал никаких вообще работ. Его единственная — была против.

А дом этот — Раисы Тимофеевны, давно уже. И работает — только Раиса Тимофеевна, она медсестра. У нее взрослые дети, они отделились. Она дядю подобрала, когда ему было очень худо — и душевно, и телесно, и в нищете. Она его выходила, и он ей всегда благодарен. Она работает на двух ставках. Нисколько дяде не обидно готовить, мыть посуду и все женские домашние работы. Это — не тяжело.

За кустами, у самого забора, как полагается настоящему саду, была вырыта укромная скамья, дядя с племянником сели.

Это не тяжело, вёл и вёл свое дядя, с упрямством ясенорассудочной старости. Это — естественно, жить не на асфальте, а на клочке земли, доступном лопате, пусть весь клочок — три лопаты на две. Он уже десять лет так живет, и рад, и лучшего жребия ему не надо. Какие б заборы ни хилые, ни щелястые — а это крепость, оборона. Снаружи входит только вредное — или радио, или повестка о налоге, или распоряжение о повинностях. Каждый чужой стук в дверь — всегда неприятность, с приятным еще не приходили.

Это не тяжело. Есть тяжелее гораздо.
Что же?

В своем перелатанном, в кепчёнке-блине, дядя с выдержкой и с последним еще недовереньем косился на Иннокентия. Ни за два часа, ни за два года нельзя было достигнуть до того с чужим. Но этот мальчик уж кое-что понимал, и свой был, и — вытрани, вытрани, мальчик!

— Тяжелей всего, — завершил дядя с нагоревшим, накаленным чувством, — вывешивать флаг по праздникам. Домовладельцы должны вывешивать флаг. (— Дальше всё будет открыто или всё закрыто! —) Принудительная верность правительству, которое ты, может быть... не уважаешь.

Вот тут и имей глаза! — безумец или мудрец заикается перед тобой в затёрханном истощенном обличьи. Когда он откормлен, в академической мантии и говорить не торопится — тогда все согласятся, что мудрец.

Иннокентий не откинулся, не пустился возражать. Но всё же дядя вильнул за проверенную широкую спину:

— Ты — Герцена сколько-нибудь читал? По-настоящему?

— Да что-то... вообще... да.

— Герцен спрашивает, — набросился дядя, наклонился со своим косым плечом (еще в молодости позвоночник искривил над книгами), — где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?

Просто и сильно. Иннокентий переспросил, повторил:

— Почему любовь к родине надо распростра...?

Но это уже было не на скамье у забора, там дядя оглядывался в щели, там соседи могут подслушать.

Хорошо они стали с дядей говорить, Иннокентий уже и в комнатах не задыхался, и не собирался уезжать. Странно, шли часы — и незаметно, и всё интересно. Дядя даже бегал живо — в кухню и назад, в кухню и назад. Вспоминали и маму, и старые карточки смотрели, и дядя дарил. Но он был намного старше мамы, и общей юности не было у них.

Пришла с работы Раиса Тимофеевна, крутая женщина лет пятидесяти, неприветливо поздоровалась. Иннокентию передалось замешательство дяди, и он тоже ощутил странную робость, что она сейчас всё развалит им. Сели за стол под темной клеенкой, не то обедать, не то ужинать. Непонятно, что б они тут ели, если б Иннокентий не привез полчемодана с собой и еще не отрядил бы дядю за водкой. Своих подрезали они помидоров только. Да картошку.

Но щедрость родственника и редкостная еда вызвали радость в глазах Раисы Тимофеевны и избавили Иннокентия от ощущения вины — своих неприездов раньше, своего приезда теперь. Выпили по рюмочке, по другой. Раиса Тимофеевна стала высказывать обиду, как неправильно живет ее непутевый: не только не может ужиться нигде в учреждении из-за своего плохого характера, но ладно бы, хоть бы дома спокойно сидел! Нет, его тянет последние двугривенные нести покупать какие-то газеты, а то „Новое время“, а оно дороже — и газеты ведь не для удовольствия, а бесится над ними, потом ночами сидит, строчит ответы на статьи, но и в редакции их не посылает, а через несколько дней даже и сжигает, потому что и хранить их немислимо. Этим пустописанием у него полдня занято. Еще ходит слушать заезжих лекторов по международному положе-

нию — и каждый раз страх, что домой не вернется, что подыметя и задаст вопрос. Но нет, не задаёт, ворочается цел.

Дядя почти не возражал молодой жене, посмеивался виновато. Но и надежды на исправление не подавала его правобокая усмешка. Да Раиса Тимофеевна будто и жалилась невсерьёз, отчаялась давно. И двугривенных последних не лишала.

Темноватый, с неукрашенными стенами, голый и скупой дом их стал уютней, когда закрыли ставни — успокоительное отделение от мира, потерянное нашим веком. Каждая ставня прижималась железной полосой, а от нее болт через прорезь просовывался в дом, и здесь его проушина заклинивалась костыльком. Не от воров это надобилось им, тут бы и через распахнутые окна нечем поживиться, но при запертых болтах размягчалась настороженность души. Да им бы нельзя иначе: тротуарная тропка шла у самых окон, и прохожие как в комнату входили всякий раз своим топотом, говором и руганью.

Раиса Тимофеевна рано ушла спать, а дядя в средней комнате, тихо двигаясь и тихо говоря (слышал он тоже безущербно), открыл племяннику еще одну свою тайну: эти желтые газеты, во много слоёв навешенные будто от солнца или от пыли — это был способ некриминального хранения самых интересных старых сообщений. („А почему вы и м е н н о э т у газету храните, гражданин?“ — „А я ее не храню, какая попалась!“) Нельзя было ставить пометок, но дядя на память знал, что в каждой искать. И удобной стороной они были повешены, чтобы каждый раз не разнимать пачку.

Ставши на два стула рядом, дядя в очках, они над печкой прочли в газете 1940 года у Сталина: „Я знаю, как германский народ любит своего фюрера, поэтому я поднимаю тост за его здоровье!“ А в газете 1924 года на окне Сталин защищал „верных ленинцев Каменева и Зиновьева“ от обвинений в саботаже октябрьского переворота.

Иннокентий увлекся, втянулся в эту охоту, и даже при слабой сороковаттной лампочке они бы долго еще лазали и шелестели, разбирая выблекшие полустертые строчки, но по укорному кашлю жены за стеной дядя смешался и сказал:

— Еще завтра день будет, ты ж не уедешь? А сейчас тушить надо, нагорает много. И скажи, почему так дорого за электричество берут? Сколько ни строим электростанций — не дешевет.

Погасили. Но спать не хотелось. И в третьей маленькой комнатке, где Иннокентию было постлано, а дядя сел к нему на постель, они шепотом еще часа два проговорили с захваченностью влюбленных, которым не нужно освещения для воркотни.

— Только обманом, только обманом! — настаивал дядя. В темноте его голос без дребезга ничем не выявлял старика. — Никакое правительство, ответственное за свои слова... „Мир народам, штык в землю!“ — а через год уже „Губдезертир“ ловил мужичков по лесам да расстреливал на показ! Царь так не делал... „Рабочий контроль над производством“ — а где ты хоть месяц видел рабочий контроль? Сразу всё зажал государственный центр. Да если б в семнадцатом году сказали, что будут нормы выработки и каждый год увеличиваться — кто б тогда за ними пошел? „Конец тайной дипломатии, тайных назначений“ — и сразу гриф „секретно“ и „совсекретно“. Да в какой стране, когда знал народ о правительстве меньше, чем у нас?

В темноте особенно легко перепрыгивались десятилетия и предметы, и вот уже толковал дядя, что всю войну 41-го года во всех областных городах простояли крупные гарнизоны НКВД, не шевелимые на фронт. А бестолковое Временное всего-то держало при Зимнем роту мальчиков, учащихся нести караул, да подошел связной броневичок „Ахтырец“.

И — еще об этой последней, советско-германской. Как ты ее понимаешь?

Легко говорилось! Иннокентий как привычное свободно формулировал такое, до чего без диалога никогда не доходила надобность:

— Я так понимаю: трагическая война. Мы родину отстаивали — и мы ее потеряли. Она окончательно стала вотчиной Усача.

— Мы уложили, конечно, не семь миллионов! — торопился и дядя. — И для чего? Чтобы крепче затянуть на себе петлю. Самая несчастная война в русской истории...

И опять — о Втором съезде советов: он был от трёхсот совдепов из девяти сот, он не был полномочен и никак не мог утверждать Совнарком.

— Да что ты говоришь?..

Уж по два раза „спокойной ночи“ сказали, и дядя спрашивал, оставить ли дверь открытой, душновато, — но тут про атомную бомбу почему-то всплыло, и он вернулся, шептал яро:

— Ни за что сами не сделают!

— Могут и сделать, — чмокал Иннокентий. — Я даже слышал, что на днях будет испытание первой бомбы.

— Брехня! — уверенно говорил дядя. — Объявят, а — кто проверит?.. Такой промышленности у них нет, двадцать лет делать надо.

Уходил и еще возвращался:

— Но если сделают — пропали мы, Инок. Никогда нам свободы не видать.

Иннокентий лежал навзничь, глотал глазами густую темноту.

— Да, это будет страшно... У Усача она не залежится... А без бомбы он на войну не смеет.

— Но и никакая война — не выход, — возвращался дядя. — Война — гибель. Война страшна не продвижением войск, не пожарами, не бомбежками — война прежде всего страшна тем, что отдаёт всё мыслящее в законную власть тупоумия... Да впрочем, у нас и без войны так. Ну, спи.

Домашние дела не терпят небрежения: на завтра к своим чередным добавились обойденные сегодня. Утром, уходя на рынок, — дядя снял две газетных пачки, и Иннокентий, уже зная, что вечером не считаешь, спешил смотреть их при дневном свете. Высушенные пропыленные листы неприятно осязались, противный налёт оставался на подушечках пальцев. Сперва он их мыл, оттирал, потом перестал замечать налёт, как перестал замечать все недостатки дома, кривые полы, малый свет оконок и дядину обтрепанность. Чем давнее год, тем дивнее было читать. Он уже знал, что и сегодня не уедет.

Поздно к вечеру опять пообедали втроем, дядя пободрил, повеселел, вспоминал студенческие годы, философский

факультет и веселое шумное студенческое революционерство, когда не было места интереснее тюрьмы. А к партии он никогда не примкнул ни к какой, видя во всякой партийной программе насилие над волей человека и не признавая за партийными вождями пророческого превосходства над человечеством.

Вперебой его воспоминаниям Раиса Тимофеевна рассказывала про свою больницу, про всеобщую огрызливую ожесточенную жизнь.

Снова закрыли ставни и заложили болты. Теперь дядя открыл сундук в чулане и оттуда, при керосиновой лампе — сюда проводки не было, вынимал пронафталиненные теплые вещи, и просто тряпье. И, подняв лампу, показал племяннику свое сокровище на дне: крашеное гладкое дно устилала „Правда“ второго дня октябрьского переворота. Шапка была: „Товарищи! Вы своею кровью обеспечили созыв в срок хозяина земли Русской — Учредительного Собрания!“

— Ведь голосования еще не было тогда, понимаешь? Еще не знали, как мало их выберут.

Снова долго, аккуратно укладывал сундук.

На Учредительном Собрании скрестились судьбы родственников Иннокентия: отец его Артем был среди главных сухопутных матросов, разогнавших поганую у ч р е д и л к у, а дядя Авенир — манифестант в поддержку заветного Учредительного.

Та манифестация, где шагал дядя, собиралась у Троицкого моста. Стоял мягкий пасмурный зимний день без ветра и снегопада, так что у многих раскрыты были груди из-под шуб. Очень много студентов, гимназистов, барышень. Почтовики, телеграфисты, чиновники. И просто отдельные разные люди, как дядя. Флаги — красные, флаги социалистов и революции, один-два кадетских бело-зеленых. А другая манифестация, от заводов Невской стороны — та вся социал-демократическая и под красными флагами.

Этот рассказ опять пришелся на позднее вечернее время, снова в темноте, чтобы не раздражать Раису Тимофеевну. Дом был закрыт и тревожно тёмно, как все дома России в глухое потерянное время раздоров и убийств, когда при-

слушивались к уличным грозным шагам и выглядывали в щелки ставен, если была луна.

Но сейчас не было луны, и уличный фонарь неблизко, и ставенные доски сплочены — и такое месиво темноты внутри, что только через распахнутую дверь слабый боковой из коридора отсвет дворового незагороженного окна позволял отличить от ночи не контуры дядиной головы, а иногда лишь ее движения. Не поддержанный блистаньем глаз, ни муклой лицевых складок, тем безвозрастней и убежденней внедрялся дядин голос:

— Мы шли невесело, молча, не пели песен. Мы понимали важность дня, но если хочешь даже и не понимали: что это будет единственный день единственного русского свободного парламента — на пятьсот лет назад, на сто лет вперед. И кому ж этот парламент был нужен? — сколько нас изо всей России набралось? Тысяч пять... стали по нам стрелять — из подворотен, с крыш, там уже и с тротуаров — и не в воздух стрелять, а прямо в открытые груди... С упавшим выходило двое-трое, остальные шли... От нас никто не отвечал, и револьверов ни у кого не было... До Таврического нас и не допустили, там густо было матросов и латышских стрелков. Латыши выправляли нашу судьбу, что с Латвией будет — они не догадывались... На Литейном красногвардейцы перегородили дорогу: „Расходитесь! На панель!“ И стали пачками стрелять. Одно красное знамя красногвардейцы вырвали... еще тебе о тех красногвардейцах бы рассказать... древко сломали, знамя топтали... Кто-то рассеялся, кто-то бежал назад. Так еще в спину стреляли и убивали. Как легко этим красногвардейцам стрелялось — по мирным людям и в спину, ты подумай — ведь еще никакой Гражданской войны не было! А нравы — уже были готовы.

Дядя подышал громко.

— ...А теперь Девятое января — черно-красное в календаре. А о Пятом даже шептать нельзя.

Еще подышал.

— И уже тогда этот подлый приём: демонстрацию нашу, мол, почему расстреливали? Потому что — *калединская!*.. Что в нас было калединского? Внутренний противник — это не всем понятно: ходит среди нас, говорит на

нашем языке, требует какой-то свободы. Надо обязательно отделить его от нас, связать его с внешним врагом — и тогда легко, хорошо в него стрелять.

И молчание в темноте — особенно ясное, нерассеянное.

Скрипя старой сеткой, Иннокентий подтянулся выше, к спинке.

— А в самом Таврическом?

— Крещенская ночь? — Дядя дух перевел. — Что в Таврическом? — о х л о с, толпа. Оглушу тебя трехпалым свистом... Мат стоял громче и гуще ораторов. Прикладами грохали об-пол, надо, не надо. Ведь — ОХРАНА! Кого — от чего?.. Матросики и солдатики, половина пьяных — в буфете блевали, на мягких диванах спали, по фойе лузгали семечки... Нет, ты стань на место какого-нибудь депутата, интеллигента, и скажи — как с этими стервами быть? Ведь даже за плечо его потрогать нельзя, ведь даже мягко нельзя ему выговорить — это будет наглая контрреволюция! оскорбление святой охлократии! Да у них пулеметные ленты крест на крест. Да у них на поясах гранаты и маузеры. В зале заседаний Учредительного они и среди публички сидят с винтовками и в проходах стоят с винтовками — и на ораторов наводят, целятся в виде упражнения. Там про какой-то демократический мир, про национализацию земли — а на него двадцать дул наведено, мушка совмещена с прорезью прицела, убьют — дорого не возьмут и извиняться не будут, выходи следующий!.. Вот это надо понять: оратору винтовкой в рот! — в этом их суть! Такими они Россию взяли, такими всегда были, такими и помрут! В чем другом, в этом — никогда не переменятся... А Свердлов рвет звонок у старейшего депутата, отталкивает его, не дает открыть. Из ложи правительства Ленин посмеивается, наслаждается, а нарком Карелин, левый эсер — так хохочет!! Ума ж не хватает, что дорого — начать, через полгода и ваших передушат... Ну, а дальше сам знаешь, в кино видел... Комиссар тупенко-дубенко-Дыбенко послал закрыть ненужное заседание. С пистолетами и в лентах поднимаются матросики к председателю...

— И мой отец?!

— И твой отец. Великий герой гражданской войны. И почти в те самые дни, когда мама... уступила ему... Они

очень любили лакомиться нежными барышнями из хороших домов. В этом и видели они сласть революции.

Иннокентий весь горел — лбом, ушами, щеками, шеей. Его обливал огонь как будто собственного участия в подлости.

Дядя уперся об его колени и — ближе, ближе — спросил:

— А ты никогда не ощущал правоту этой истины: грехи родителей падают на детей?.. И от них надо отмываться?

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ВЕНЕЦИЯ

I

Три старухи с вязаньем в глубоких креслах
толкуют в холле о муках крестных;
пансион «Л'аккадемиа» вместе со
всей Вселенной плывёт к Рождеству под рокот
телевизора; сунув гроссбух под локоть,
клерк поворачивает колесо.

II

И восходит в свой номер на борт по трапу
постоялец, несущий в кармане граппу,
совершенный никто, человек в плаще,
потерявший память, отчизну, сына;
по горбу его плачет в лесах осина,
если кто-то плачет о нём вообще.

III

Венецийских церквей, как сервизов чайных,
слышен звон в коробке из-под случайных
жизней. Бронзовый осьминог
люстры в трельяже, заросшем ряской,
лижет набрякший слезами, лаской,
грязными снами сырой станок.

IV

Адриатика ночью восточным ветром
канал наполняет, как ванну, с верхом,
лодки качает, как люльки; фиш,
а не вол в изголовьи стоит ночами,
и звезда морская в окне лучами
штору шевелит, покуда спишь.

V

Так и будем жить, заливая мёртвой
водой стеклянной графина мокрый
пламень граппы, кромсая леща, а не
птицу-гуся, чтобы нас насытил
предок хордовый Твой, Спаситель,
зимней ночью в сырой стране.

VI

Рождество без снега, шаров и ели
у моря, стесненного картой в теле;
створку моллюска пустив ко дну,
пряча лицо, но спиной пленяя,
Время выходит из волн, меняя
стрелку на башне — её одну.

VII

Тонущий город, где твердый разум
внезапно становится мокрым глазом,
где сфинксов северных южный брат,
знающий грамоте лев крылатый,
книгу захлопнув, не крикнет «ратуй!»
в плеске зеркал захлебнуться рад.

VIII

Гондолу бьёт о гнилые сваи.
Звук отрицает себя, слова и
слух; а также державу ту,
где руки тянутся хвойным лесом
перед мелким, но хищным бесом
и слону леденит во рту.

IX

Скрестим же с левой, вобравшей когти,
правую лапу, согнувши в локте:
жест получим, похожий на
молот в серпе — и как чорт Солохе,

храбро покажем его эпохе,
принявшей образ дурного сна.

X

Тело в плаще обживает сферы,
где у Софии, Надежды, Веры
и Любви нет грядущего, но всегда
есть настоящее, сколь бы горек
не был вкус поцелуев эбре и гоек,
и города, где стопа следа

XI

не оставляет, как чёлн на глади
водной, любое пространство сзади,
взятое в цифрах, сводя к нулю,
не оставляет следов глубоких
на площадях, как «прощай», широких,
в улицах узких, как звук «люблю».

XII

Шпили, колонны, резьба, лепнина
арок, мостов и дворцов; взгляни на-
верх: увидишь улыбку льва
на охваченной ветром, как платьем, башне,
несокрушимой, как злак вне пашни,
с поясом времени вместо рва.

XIII

Ночь на Сан-Марко. Прохожий с мятым
лицом, сравнимым во тьме со снятым
с безымянного пальца кольцом, грызя
ноготь, смотрит, объят покоем,
в то «никуда», задержаться в коем
мысли можно, зрачку — нельзя:

XIV

Там, за нигде, за его пределом
— черным, бесцветным, возможно, белым —

есть какая-то вещь, предмет.
Может быть, тело. В эпоху тренья
скорость света есть скорость зренья;
даже тогда, когда света нет.

Это — ряд наблюдений. В углу — тепло.
Взгляд оставляет на вещи след.
Вода представляет собой стекло.
Человек страшней, чем его скелет.

Вечер с красным вином в нигде.
Веранда под натиском ивняка.
Тело покоится на локте,
как морена вне ледника.

Через тышу лет из-за штор моллюск
извлекут с проступившим сквозь бахрому
оттиском «доброй ночи» уст
не имевших сказать кому.

О „Мастере и Маргарите“

«... Не плоть, а дух растлился в наши дни»

Тютчев «Наш век»

«... Когда люди ограблены, ... они ищут спасения у потусторонней силы»

Булгаков

I. Когда люди ограблены...

Всякая революция явно или неявно исходит из предположения, что совершаемые преобразования — лишь условия (или залог) для изменения и совершенствования самого человека. И сама ее необходимость есть отражение или признание того факта, что отрицается не просто внешняя действительность, та или иная система отношений между людьми (данного общества), но — сам существующий при этой действительности человек. Становление человека есть внутренняя тема любой революции (как и любого религиозного движения), которая опирается на определенную «космологию» человека, дающую принцип процесса становления. Отсюда непринятие, отрицание новой, вновь построенной действительности есть не просто крушение той или иной теории, но принуждение признать, по крайней мере, неизменность человеческой структуры, ее скрытое, но непреодолимое сопротивление «положительной» деятельности самого же человека. Таким образом, внутренний человек как бы самоотчуждается, воспринимая собственную деятельность — элемент творчества, в виде противостоящей (враждебной) внешней действительности, и в свою очередь, выступает по отношению к последней как консервативное, косное ее основание. Уже буддизм как одну из истин о происхождении страдания выделял «жажду созидания». И само это страдание носит как бы четверной характер, поскольку с одной стороны — раздвоение (самоотчуждение) человека на «творческого» и «косного», с другой стороны — раздвоение (отчуждение) творчества на «работу» и «созидание». Но доступным наблюдению оказывается «усредненный» процесс, где человек определяется средней истиной типа — «человек добр!», а творчество понимается как «работа» или преобразование действительности, «грабящей» человека, выступающей как источник его страданий.

Отсюда внутренний поиск как бы расщепляется на два направления: с одной стороны — «обращение к потусторонней внешней силе» за ответами и спасением; с другой стороны — попытки вскрыть основы собственной структуры, обнажить и понять природу внутреннего человеческого содержания и природу его собственного самоотрицания.

Проявляются как бы два великих вопроса: «Почему?» (причем не конкретное — почему так, но почему вообще есть страдание, поскольку уже нет надежды, что переход от одной действительности к другой может это страдание уничтожить), и — «Что я такое?». Вопросы всему человеческому существу, и «они (люди) отвечают на это не словами, то есть орудием разума, частью проявления жизни, а всей жизнью... Разум ничего не говорит на эти вопросы сердца. Отвечает на это только какое-то чувство в глубине сознания». И если мы согласимся с этим утверждением Толстого, то очень важно его же объяснение психологии обращения к «потустороннему»: «... Чтобы жизнь имела смысл, надо, чтобы цель ее выходила за пределы постижимого умом человеческим» (1). В таком случае обе вышеотмеченные «стороны» начинают пересекаться, и «выход за пределы постижимого» становится условием, нормой рассмотрения внутренней человеческой природы, самой «глубины сознания». И природа самоотрицания уже не может быть понята в пределах только человека и становится одним из центральных вопросов его метафизики; причем, как ответная реакция, выступает анализ самой «потусторонней» силы, ее дифференциация и выяснение возможной структуры. Как один из возможных таких поисков, мы и рассмотрим роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

II. Понтий Пилат.

...И человек оглянулся направо и налево, ... вдруг разделился на две половины, и каждая половина пошла в свою сторону ...

(арабская сказка)

...Игра и жертва жизни частной,
Приди ж, отвергни чувств обман...»

(Тютчев)

(1) Цит. по И. Бунину «Освобождение Толстого». т. 9, стр. 34.

Уже в самом начале романа, определяя все последующие проблемы, появляется Воланд — часть «потусторонней силы» — и задает свой роковой вопрос:

... Меня интересует ... изменились ли горожане внутренне?

— Да, это важный вопрос ...

Вопрос важный и, по-видимому, центральный в романе. И прежде чем идти дальше, посмотрим явно высказанный «ответ»:

... В общем напоминают прежних ...

Любят деньги, но ведь это всегда было, ...

квартирный вопрос только испортил их ...

Обыкновенные люди»

Но это никак не ответ, и в качестве заключения при таком обосновании никак не может быть принят: затронута лишь поверхностная характеристика человека, названы черты второстепенные, никак почти не характеризующие «внутреннее».

Но ответа и быть еще не может: мир романа — замкнутое в себе целое, и вопрос не может быть привнесен извне, но — изнутри, и если есть «изменились», то — по отношению к чему, где точка отсчета? «Ясно, что нужно сначала «образовать» ее, и лишь затем она может быть мерилем «динамики» внутреннего мира человека. (И окончательный-то ответ, если он вообще возможен, может быть получен из анализа всего романа. Быть может, Булгаков искусственно подставляет нелепый ответ, как бы вызывая читателя этот анализ проделать). И не случайно за Воландом появляется Пилат — быть может он-то и поможет нам эту «точку отсчета» сформировать.

И, вообще, при чтении романа вызывает удивление странное. почти буквальное совпадение реплик Пилата и мастера, Пилата и автора. Странное тем более, что первая (интуитивная) реакция как раз противоположная: мастер эмоционально почти сразу связывается с Иешуа по общим трагическим интонациям, сопровождающим жизнь каждого, по углубленной внутренней работе и, наконец, страдания их в значительной мере связаны с Пилатом, пятым прокуратором Иудеи, о котором (не об Иешуа) написал мастер свой роман. Кажется, что Пилат и Мастер (да и Пилат и автор) фигуры антагонистические, Мастер для нас тот, кого Пилат предает, никакого, во всяком случае, духовного родства у них быть не может. Однако:

Пилат: «... и опять померещилась ему чаша с темной жидкостью. «Яду мне, яду».

Автор: «... и страшно, страшно ... О боги, боги мои, яду мне, яду! ...».

Мастер: «... обращаясь к далекой луне, вздрагивая начал бормотать: — и ночью, и при луне мне нет покоя ... Зачем потревожили меня? О боги, боги».

Пилат: «... большими глазами стал искать луну ... И ночью и при луне мне нет покоя! О боги! ...» и т. д.

Можно думать, что имеется связь между этими людьми, во всяком случае этот вопрос возникает, и мы попробуем эту связь выявить.

Однако почему инстинктивная реакция иная? За тысячелетний период существования христианская легенда полностью переработалась народным сознанием, растворилась в крови, перешла в традицию, инстинкт, а по легенде — и по роману — Пилат казнит Иисуса, раз казнит, стало быть, предает ... стало быть, виноват. А в чем, собственно, виноват? Ведь казнь Иешуа (и Иисуса) предрешена синедрионом, и Пилат не смог этому решению противостоять. Более того, не только роман, но и Евангелия свидетельствуют об упорном желании Пилата спасти Иисуса: недаром ранние христиане в память об этом говорят о Пилате как об «обрезанном сердцем» (2). Тот же автор (Фаррара) пишет: «... в действительности из всех гражданских и церковных властей, суду которых подвергался Иисус, Пилат был наименее виновен в злобе и ненависти, т. к. всячески старался даже если уже не избавить его от мучений, то, по крайней мере, спасти ему жизнь».

Так в чем все-таки вина?

В романе характеристику Пилату дает Иешуа, и здесь мы тоже инстинктивно «уширяем» Иешуа до Иисуса (хотя по роману они отнюдь не одно и то же); поэтому характеристика воспринимается как наиболее авторитетная: он (Пилат) «... слишком замкнут и ... окончательно потерял веру в людей». И этот аспект «замкнутости», удаления от людей отнюдь не случаен для Булгакова. Его интересует внутренняя органика, то «нерастворимое» ядро, которое, являясь как бы внесоциологическим, определяет «главное значение» человека. Этот аспект им всячески подчеркивается. Не случайно берется почти абстрактная ситуация: некто выиграл сто тысяч, бросил службу, удалился от людей и сел писать роман. Тоже самое ... о Маргарите: «... поразила не столько кра-

(2) Фаррара. «Жизнь Иисуса» т. II (1904).

сота, сколько необыкновенное, никем не виданное **одиночество** в глазах! ...» Рабочую концепцию этого интереса можно было бы сформулировать словами Б. Чичерина: «... **как скоро** человек углубляется в себя, как **скоро** перед внутренним его сознанием раскрывается глубочайший тайник его души, где **мысль и совесть** совпадают, так он не может не чувствовать своей зависимости от окружающего его бесконечного бытия и стремления к единению с этим бытием. Это чувство составляет чистейшее выражение собственной его природы ...» (3). Здесь важно подчеркнуть два момента. Во-первых, признание наличия этого «глубочайшего тайника, где мысль и совесть совпадают». Этот уровень человеческой жизни и будем называть «отшельническим», поскольку нам представляется, что законы формирования мировоззрения этого уровня наиболее полно и в чистом виде представлены в чистом классическом отшельничестве. На «отшельническом» уровне никакого половинчатого решения и, следовательно, половинчатой жизни быть не может. Вопрос «надобно разрешить» в той самой «глубине сознания» (о которой говорит Толстой), разрешить не в смысле его полного, окончательного или универсального решения, «снятия», — не разрешить для себя, согласовать мысль о мире и совесть «сердца». Неразрешенный в этом смысле вопрос — есть «ложь» на глубочайшем человеческом уровне, а, следовательно, и расщепление этого уровня, т. е. уничтожение самого человека. Становится понятным, как самый, казалось бы, второстепенный вопрос, послужив источником, пусть даже отдаленным, вопроса к этому внутренне вырабатываемому «микрокосму», как бы переворачивает всю, даже доступную окружающим, жизнь человека. Пусть Дон-Кихот. Случайно полученный вопрос — рыцарство — попал как раз в этот тайник, существования которого сам Дон-Кихот не подозревал. Но даже, являясь тайной, он все равно «работает», раньше реагируя на действительность, «взбаламучивая» человека, заставляя его углубиться в себя, и неизвестно **«как скоро»**, но осознать «свою зависимость от бесконечности».

Тут мы уже перешли ко второму моменту, а именно, непроявленности и становлению внутреннего мира. По-видимому, этих тайников больше, чем один, и они тоже составляют «чистейшее выражение человеческой природы». Здесь важно не само тривиальное утверждение — человек сам для себя загадка, но признание того факта, что действию этих тайников обычный человек

(3) Б. Чичерин. «Наука и религия», 1876, стр. 215.

не может сопротивляться. Питаясь тем же потенциалом бесконечности, обладая почти «бесконечной» силой, они владеют человеком, делая его собственной «игрушкой»:

... Ведь шахматные же пешки,
И кто-то играет в нас. (4)

Удобнее (вместо тайников) ввести категорию **страсти**, подчёркивая при этом надчеловеческий ее характер. Внешний «уровень жизни», регулируемый причинно-следственными законами, как бы замазывает эти «сокровенные бесконечности», но тем стремительнее и разрушительнее их действие, **«как скоро»** человек предстает перед ними.

Христианство знает это (и отсюда снова мы приходим к отшельничеству). Отсюда — «овладей своими страстями!» Отсюда — отшельничество **как путь** этого овладения, и **духовность отшельничества** — как овладение бесконечностью. «... Внимай себе ... И теперь, во всех этих обстоятельствах видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, т. е. страсти стали ослабевать? Положи приметку и непрестанно входи сам в себя и смотри, какие страсти по твоему замечанию, изнемогли перед тобой, какие истребились ... Какие начали умолкать вследствие **выздоровления** души твоей, а не **удаления** только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти...» (5).

Теперь со всем этим возвратимся к «слишком замкнутому» Пилату. Под поверхностной оболочкой, призванной реагировать на внешнюю реальность — отправлять судебские обязанности, обязанности воина, прокурора и т. д., оболочкой утомленной и циничной, существует другая — замкнутая. Это иной, более глубокий уровень его бытия. Первый уровень — чисто спекулятивный — удовлетворяется установлением формально-логических отношений в действительности (недаром судья), уровень практического опыта и опытности, где с помощью правил логики (или свода законов) можно доказать любые положения, даже взаимоисключающие — где, следовательно, не может быть истины.

Второй же уровень — «микрокосма», где происходит поиск самой истины, истины жизни, где никаких «ширм» нет. Но и жизни в истине еще нет, оба уровня существуют в нем независимо, более того, миропонимание Пилата — миропонимание первого уровня,

(4) Цветаева.

(5) Серафим Саровский. О внимании к самому себе. 287.

и в этом смысле он сам для себя загадка. И только предательство и смерть Иешуа разрешает ее, разрешает в смысле прозрения и объединения обоих уровней, но — только загадку его внутренней жизни, как жизни в истине, жизни, где он не может предать Иешуа: «он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ... Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением... Но тем ужаснее было пробуждение...», и с этим пробуждением связана его вторая загадка — защитить «бродячего философа» он не смог, и как защитить добро, вернее, ту неуловимую истину, которую он может только почувствовать? Она остается открытой. Он не мог разрешить ее не только в эту ночь, но и за «двенадцать тысяч лун», последовавших за ней. И это означает, что вопрос уже не только Пилату, но — всему человечеству. Недаром снимается запрет (вина?) с Пилата:

«... — Двенадцать тысяч лун за одну луну когда-то, не слишком ли это много? — спросила Маргарита (и важно, что Маргарита, — она имела право спросить, но об этом — дальше — А. Б.) ...

— Отпустите его! — вдруг пронзительно крикнула Маргарита так, как когда-то кричала, когда была ведьмой.

— Свободен! Свободен! ...

Мы несколько забежали вперед, а вина-то все-таки в чем? Но посмотрим, что происходит. Приводят к Пилату довольно странно, избитого «бродягу». Вряд ли сам по себе он мог заинтересовать Пилата:

«Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывал про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?».

Но ответа на этот вопрос он не получает, и далее ему предлагается утверждение, что все люди добры. Но что ему это утверждение, ему, прокуратору и судье Иудеи:

— Итак, Марк Крысобой, холодный и убежденный палач, люди, которые ... тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда — все они добрые люди?

— Да, — ответил арестант.

— И настанет царство истины?

— Настанет, игемон, — убежденно ответил Иешуа.

— Оно никогда не настанет! ...»

Уже упоминавшийся нами Фаррара пишет об этом так: «... Но что есть истина? Что ему, деловому, практическому римскому правителю, за дело до этих туманных отвлеченностей? Какое отношение имели они к вопросу о жизни и смерти?»

Что за непрактическое сумасбродство, что за сказочное увлечение мечтательной фантазией? Да, он с пренебрежением оставил весь этот разговор, но был, вместе с тем, тронут и взволнован им ...»

Ибо что-то «почуял» он за всем этим, уловил какой-то «немой» вопрос, на том самом отшельническом уровне, где отделаться от него нельзя: ... «потирая висок прокуратор силился понять, в чем причина его душевных мучений ... что сегодня днем он что-то безвозвратно упустил, а теперь он упущенное хочет исправить какими-то мелкими и ничтожными, а главное — запоздавшими действиями...». И — финал: «... Тут прокуратор поднялся с кресла, сжал голову руками, и на желтоватом бледном лице его выразился ужас...» И ужас-то этот с одной стороны — из-за стремительно разрешающейся «первой загадки» — самопознания, а с другой — из-за того, что он «что-то безвозвратно упустил», и не мог не упустить... Суть состояния более подробно «описал» другой «отшельник» — Гамлет:

«... Свой путь я знаю. Дух, представший мне,

Быть может, был и дьявол; дьявол властен

Облечься в милый образ; и возможно ...

Меня он в гибель вводит». (т. 6, стр. 67)

В том-то и жуть ситуации, что, быть может, почувствованное им есть лишь дьявол, «представший в милом образе». И тот факт, что Пилат пришел к окончательному решению, понял, что он струсил, «... что трусость — самый страшный порок», — после казни Иешуа, странно переключается с евангельской логикой развития событий, где Иисуса на протяжении всей его деятельности до Голгофы сопровождало полное непонимание учениками — будущими апостолами его учения, — и лишь смерть и воскресение Иисуса «просветили» их. Здесь мы соприкасаемся с символикой страдания Иисуса, искупившего грехи человека, но искупившего — через проявление «тайны» мира и разрешения этой тайны во внутренней жизни человека.

Просвещается и Пилат, уже утверждая, что «дьявол не властен» облечься в милый образ, но теперь призывает: «... ударить, и крепко ударить по пилатчине», и не только призывает ...

Однако «путь» Пилата известен. По всем законам, логике и опыту Пилат должен был осудить бродягу, несмотря на страшное внутреннее «отчуждение» от самого себя, и осудил, и продал «дух, представший мне», и что гораздо более важно, дух, представший «во мне». Теперь и появился дьявол, и не может не появиться.

Однако «поступок» Пилата есть не просто личное его качество — это скорее следствие (свойство) мировоззрения, которое определено только в непосредственной «физической» реальности. Как он мог перевести на этот язык свои смутные прозрения, по какому пункту он мог освободить Иешуа, как защитить само добро, стоящее перед ним, и истину — человек добр?

Теперь, по крайней мере, описав уровень внутренней жизни и становление ее у Пилата, мы в свою очередь можем спросить: изменились ли люди внутренне по отношению к Пилату? И вопрос этот естественно предъявить не балаганному слою «театральной Москвы», но отшельническому уровню Мастера, Маргариты и самого Булгакова, не требуя при этом лобового ответа на вопрос, но посмотрев, как теперь разрешаются «диаволовы искушения», (уже) предлагаемые Воландом.

III. Мастер ...

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!

(Тютчев)

Итак, душа продана, и дьявол должен появиться, и он появляется, определяя весь внешний, физический, опытный мир «самочевидных» истин (Пилата) как «порождение Сатаны». Это слишком хорошо понял Мастер, породивший Пилата «из глубины собственного духа», изживающий себя в Пилате, освобождаясь от какой-то части своего «я». Это родство (Мастера и Пилата) Булгаков подчеркивает уже (в конце романа) въявь:

«... Человек в белом плаще с кровавым подбоем — побегал — вслед за своим верным стражем по лунной дороге ...

— Мне туда, за ним? — спросил беспокойно мастер, тронув поводья.

— Нет, — ответил Воланд, — зачем же гнаться по следам того, что уже кончено?».

И в самом деле, зачем? Задача Пилата уже исчерпана, ибо «угаданный» мастером «сын звездочета» открыл ему тайну «дьявольского» характера действительности и связанную с ней тайну собственной внутренней жизни: может ли он противостоять этой действительности, опираясь на внутреннее ощущение истины, и если может — то как? Как должно действовать добро, ибо действие как средство в доступном физическом мире носит дьявольский характер, и в процессе своей реализации наверняка уничтожает ту цель, к которой стремится. Стоя уже на «границе двух миров», вещая душа мастера снова должна решать гамлетовский вопрос, но уже со своим самостоятельным оттенком:

«... Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? ...» (70)

Пращи и стрелы сразу же обрушились на мастера, т. к. «дьявол», зная, что несет с собой «пилатчина» в понимании мастера, призывает «ударить, и крепко ударить».

«... — И я вышел в жизнь, держа его (роман — А. Б.) в руках, и тогда моя жизнь кончилась». (89I). Сначала редактор с его «совсем идиотскими вопросами», потом Мстислав Лаврович (как же слава может не мстить миру за свои лавры) потом «... Ариман предупреждал всех и каждого, что наш герой сделал попытку протащить в печать апологию Иисуса Христа (89I). «Ариман» здесь, конечно же, не случаен, ибо в Мастере увидел он Ормузда, с которым не может не бороться «до конца света». И этот намек весьма важен для понимания позиции самого Булгакова, т. к. сведет нас к мирозерцанию и миропониманию, еретическому по отношению к каноническому христианству — манихейству, и далее к древнеперсидской религии Зороастра. «У персов всего дальше и полнее было развито общеарийское представление о мировой жизни как постоянной борьбе двух начал — света и мрака. Чисто физическая противоположность получила в этой религии нравственное значение. Бог света Ормузд был ... охранителем мирового порядка, отцом и покровителем всего доброго, — т. е. поддерживающего этот порядок, — олицетворением созидательного труда и справедливости. Его постоянным противником является дух тьмы Ариман, представитель всякого зла, материального и нравственного, — злобы, зависти и т. д. Обязанность человека на земле состояла в том, чтобы служить Ормузду, т. е. делать добро, и бороться с Ариманом, т.

е. преследовать зло» (6). Манихейство по-своему усилило эту основу: «окружающий мир — воплощение зла, но уничтожить его ... невозможно». (7) Эта легенда, по сути дела, определяет тему романа, т. е. если, следуя булгаковскому приему, перейти в высшую реальность, где Коровьев — «печальный, никогда не улыбающийся «рыцарь», а Азazelло — «демон безводной пустыни, демон-убийца», то критик Ариман ... причастен к Ариману. Но это лишь рефрен, намек, пользуясь образной системой которого Булгаков обозначает истинные масштабы и значимость деятельности Мастера — как противостоящего уже «богу тьмы Ариману». Но намек — есть намек, и как мы далее увидим, Булгаков исследует мир на основе более близкой ему христианской традиции.

Но вернемся к Мастеру. За Ариманом последовал Латунский, который призвал «ударить, и крепко ударить по пилатчине ...», и, наконец, Алоизий Могарыч...

Однако ни о каком «сразить их противоборством» речи не идет — Мастер сдается сразу, почти без борьбы:

« — Свой путь я знаю».

Слишком хорошо знал он сатану, вплоть до портретных черт. «... Его нельзя не узнать, мой друг! ... ведь даже лицо, которое вы описывали, глаза, брови!». Знает также, что Воланд «натворит, это уже будьте благонадежны», но у самого Мастера надежды отнюдь не на благо, и пробовать «изловить» Воланда, бороться с ним он не может и «другим не советует». Примечательно, что классическая линия действующего отшельничества — Дон-Кихот, Гамлет, Гоголь — как бы вырождается в мастере, и — не потому, что иссяк внутренний потенциал подвижничества и открывающейся в нем истины, но потому, что добро еще не выработало своего способа действия, а заимствовать методы зла — значит творить новое зло. Но защитить-то добро еще тоже нельзя, и эту невозможность Булгаков ощущает как предательство, как «умывание рук», «дурную» пилатчину (трусость). Особенно чувствуется это в «Белой гвардии», где «сквозь пальцы» убегает от автора бесконечной дорогой, человечный и устоявшийся мир, и ни удержать его, ни защитить он не может, и даже не представляет себе, как это можно было бы осуществить. Быть может отсюда и вылилась тема Мастера, от Пилата — к Мастеру, но тогда уж — и к автору.

(6) «История средних веков» под ред. Виноградова, т. II, 211.

(7) Н. И. Голубцова «У истоков христианской церкви» 1967.

Итак «... свой путь я знаю: дьявол властен». Но при внешней капитуляции Мастер, как отшельник, все же должен согласовать свою «мысль о мире и совесть». И опять Гамлет наиболее четко сформулировал возникающий теперь вопрос:

— Быть или не быть — (таков вопрос).

И — вроде бы — «не быть», но не «самоубийство», поскольку есть «Любовь» и Маргарита, но — безумие: «... Я знал, что эта клиника уже открылась, и через весь город пешком пошел в нее. Безумие! За городом я наверно замерз бы, но меня спасла случайность ...».

В том виде «не быть», который избрал Мастер, есть что-то очень близкое Шестовскому «вниманию к смерти», ибо это внимание помогает разрубить последние оковы связывающей человека действительности и выйти в область чистой свободы, или жизни в истине: «... Скажут: — как писал Шестов, — это значит бороться с самоочевидностью. Но Платон всю свою жизнь боролся с самоочевидностью. Чтобы одолеть ее, он пошел к тем отдаленным окраинам бытия, куда никто не ходит, где по общему убеждению, никакой жизни нет, где владычествует полагающая всему конец смерть... Но что такое смерть, никто не знает. Она страшна на вид, это правда ... Может быть, за трудностями и ужасами смерти кроется что-либо, что нам нужнее, чем легкость и приятность обыденной жизни? ... Нужно преодолеть страхи, дано, собрав все свое мужество, пойти навстречу смерти и у нее попытать счастья» (8).

И по роману, Мастер умирает в обыденной жизни, но не в жизни «на грани двух миров», и Маргарита добивается счастья для себя и Мастера, так как — что очень важно: «... кто-то отпускал на свободу Мастера, как сам он только что отпустил созданного им героя» — все-таки не Мастер виноват во всеильной мощи Воланда.

Интересно, что позиция самого Булгакова несколько отличается от «мастерского» варианта. Пройдя за первую «грань двух миров» и увидев, что там — только Воланд, он все же сохраняет надежду, что пройдя еще дальше, он увидит что-то качественно другое. Еще в «Белой гвардии» подсмотрел он лучик, связывавший молящуюся Елену с иконой, и в глубине души он надеется, что этот лучик откроет так необходимую ему высшую правду. И в романе уже появляется «тот, с кем так стремился разговаривать» Понтий Пилат. Но «Тот» уже и не совсем Иешуа — здесь Булгаков уже

(8) Л. Шестов. Скованный Парменид.

ввяв разделяет Иешуа и Исуса — а тот, кто прочитал роман Мастера, и определил судьбу Мастера, а следовательно, и автора:

— ... — А что же вы не берете его к себе, в свет?

— Он не заслужил света, он заслужил покой...».

Этот ответ Левия Матвея — как бы проявляет основу надежды Булгакова: почему не заслужил света? Напрашивается ответ, уже названный Тютчевым:

... Не скажет ввек с улыбкой и мольбой
Как ни скорбит перед закрытой дверью:
Пусти меня, я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью».

Только вера открывает высшую истину об Исусе: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» (9). Но у Булгакова веры нет, он понял лишь сатанинское начало в действительности, «ночную» тайну жизни, понял, что «не плоть, а дух растлился в наши дни», и «отчаянную тоску» свою — как порыв «к свету, и ... жаждет веры, но о ней не просит». К этой «жажде» привел его самоанализ: начав с точки зрения здравого смысла, который видит в легенде о Христе только тривиальную бытовую историю времен упадка римской империи, а в Исусе — только бродягу Иешуа (точка зрения здравого смысла воландовой действительности — не даром «евангелие от Воланда»), он понял «в себе» тайну пилатовского мира, и рассмотрел зло. Но добро ему еще не ясно. Однако внутренняя логика Евангелия становится уже логикой романа.

В самом деле, ведь мастер закончил роман, вышел с законченным романом в свет, более того «давно знал последние слова» романа. И вдруг:

«... — Ваш роман прочитали ... и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен». И что интересно, и сам «Мастер как будто бы этого уже ждал, пока стоял неподвижно и смотрел на сидящего прокуратора ...». Т. е. Булгакову, как и Мастеру, уже ясно, что с точки зрения того, «кто прочитал», роман в самом деле не окончен. Ведь Исус своей смертью (как уже отмечалось) искупил грехи человечества, и ученики должны прозреть — апостолы, а Пилат выведен к познанию полной свободы; и «... теперь ваш роман вы можете кончить одной фразой!

Он ... крикнул так ...

— Свободен! Свободен! Он ждет тебя!»

(9) Фаррара.

Тем не менее, это скорее надежда на выход, скорее следование логике, но не полная и ясная вера (и истина). И поскольку нет веры, становится понятным «покой», куда помещает себя Булгаков — первый круг ада, предназначенный для мыслителей, которых нельзя поместить в ад, но которые не заслужили и света.

«И сознает свою гибель он
И жаждет веры, но о ней не просит».

Но, быть может, более точно:

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

IV. Воланд и его мир.

Сатана требует от своих слуг полного завершения преступления и, наконец, даже собственноручной подписи в полном согласии на него.

(Фаррара)

Интересно, что в самом романе Мастера «о Понтии Пилате» Воланд нигде не появляется явно, но, как сам он говорит, «... я лично присутствовал при всем этом ... но только тайно, инкогнито, так сказать ...». И можно думать, что чисто композиционно эта неясная часть романа рассказана уже самим автором как «скандал в Москве» в результате «черной магии и ее разоблачения», рассказана, чтобы просмотреть «деятельность Воланда», поскольку речь уже идет о самой структуре «дьявольского мира».

Но такой композиционный прием заставляет нас думать, что «психология» Булгакова не знает времени, что

«... Жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита».

Ведь не случайно «возражал Новый Иван «ветхому ...», не просто новый — старому, но именно — ветхому. Движение в романе происходит только в пространстве, и с пятым измерением, как бы при неподвижных стрелках часов:

«... Временами ей начинало казаться, что часы сломались и стрелки не движутся».

Частично это оправдывается той вневременной мерой — Воланд — которая применяется к миру; но более важно — сравнить,

поставить рядом Пилата, Канта, Мастера и т. д. В рамках обычного пространства-времени такое сравнение требует корреляции на время, общественные условия, «... силы ...», «... отношения ...» и т. д. В «новом» же мире Булгакова можно «после завтрака у Канта» выяснить «значительно ли изменилось московское население», но и нам «интересно выяснить» поподробнее, кто же завтракал у Канта?

А в связи с «остановившимися стрелками» часов интересна переключка с «Фаустом»:

... Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «мгновение, повремени!» —
Все кончено, и я твоя добыча ...
Тогда вступает в силу наша сделка» (Ф 104).

В романе «мгновение» как бы вообще остановлено, да и сделка уже «вступила в силу», поскольку «душа продана» (Пилатом) — должен появиться дьявол-Мефистофель, причем:

« — тогда ты волен, я закабален».

Активным ядром романа должен стать, согласно уговору, Мефистофель. И он появляется: «... и вот — в аллее показался ... человек. По виду — лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой ... Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый» и т. д. Но уже по эпиграфу мы знаем больше. Он

« — часть той силы, что вечно **хочет** зла и вечно совершает благо».

Однако, интересно цитату продолжать, поскольку важны оттенки, во всяком случае — желаний:

«... Я то, что ваша мысль связала
С понятием разрушенья, зла, вреда ...» (Ф. 90)

Причем, по-видимому, не случайно связала, поскольку сам Мефистофель продолжает:

«Я части часть, которая была
Когда-то всем, и свет произвела.
Свет этот — порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой
Он с ней не сладит, как бы ни хотел...» (Ф. 91)

Более того, «задана» и его точка зрения на человека:

«Вы торжество мое поймете
Когда он, ползая в помете,
Жрать будет прах от башмака ...» (Ф. 49)

Можно видеть, что, вроде бы, в самом деле, «желает зла», но

— «совершает ли благо?» Не есть ли это просто утверждение кокетливого ума, ума спекулятивного и изощренного? Ведь Мефистофель сам заявляет:

— Я не всеведуш, я лишь искушен.

Это же подтверждает и Булгаков словами Левия Матвея:

«... Я не буду с тобой спорить, старый **софист**». Мошь такого «пустого слова» можно было бы поддержать, например, так:

«... Я не знаю ни одного самона, ни одного брахмана, ни одного учителя, ни одного главы школы, хотя бы он и назывался святым и высочайшим Буддой, который в споре со мной не задрожал бы, которого не прошиб бы пот. И если бы я даже к мертвым столбам обратился со своей речью, то и они перед ней задрожали бы, заколебались бы, затрепетали бы — и уж тем более человек». Но человеку «так много» и не надо, ему бы «милый образ» не спутать. Так совершается ли благо?

На первый взгляд, как следует из «разгрома» Варьете и «Грибоедова» — Воланд делает доброе дело. Но по ближайшем рассмотрении — это всего лишь клоунада. Сам Воланд в ней участия почти не принимает, а степень его заинтересованности определяется вопросом, ради которого и дается представление: изменились ли люди внутренне?

«... Дорогой мой, я открою вам тайну. Я вовсе не артист, просто мне хотелось повидать москвичей в массе, а удобнее всего это было сделать в театре. Ну, вот моя свита ... устроила этот сеанс. Я же лишь сидел и смотрел на москвичей ...». Какую-то долю ответа он получает, и удаляется, но, ясно, что «центр тяжести» самого вопроса — не здесь — это только низший уровень Воланда, часть части. Можно думать, что все происходящее с театральной и литературной Москвой — плод «послушничества» Коровьева и Бегемота, которые, собственно, и являются основными героями всего происходящего. На это «послушничество» указывает и сам Воланд: «... — Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил ..., — его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого пошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня ... рыцарь свой счет оплатил и закрыл».

Вернемся, однако, к Воланду, структура которого оказывается весьма многослойной. Интересно, что в первом наброске, каковым, по-видимому, являлась «Дьяволиада», поставлен любопытный знак равенства:

Повесть о том, как близнецы погубили «делопроизводителя». В обычном состоянии «близнецы» не связаны так трагически с делопроизводителем, и в том, что они все-таки погубили его, сказался новый штрих, характер действительности, и в этом смысле дьявольской, с другой стороны, помочь вскрыть этот проявляющийся, «становящийся» аспект — помогают близнецы, удвоенность бесконечно повторенная и ставшая уже **не конечной**, когда почва все-таки устойчива под ногами и можно различить похоже, но все-таки разное, — но бесконечной, хаосом, где мир потерял свои очертания и формы. Этот прием и далее — уже в «Мастере и Маргарите» — продолжает использоваться, удваивая Воланда, Пилата, Мастера, Иванушку и т. д. причем опять же — не просто удваивая, но «взрыхливая» действительность, лишая ее привычных форм, делая ее дьяволической. Более того, здесь важно не только само удвоение, но то, что каждая «часть» сама по себе имеет свою функцию, свою роль: «половинки разделяются, и каждая идет в свою сторону». Так человек может жить одной своей «половиной», ничего не зная о другой — тех «тайниках», которые связывают его с бесконечностью. И эта расщепленность, разрозненность, «отчуждение» человека от самого себя — есть тоже проявление дьяволичности, но уже не в сфере общей действительности, а внутри самого человека.

Однако можно думать, что ситуация «Дьяволиады» в первом приближении — разглядывания действительности, выяснения ее дьяволического характера — уже исчерпана, поэтому она отдана «низшему» пласту театральной Москвы, а сама метафора — «определена»: дьявол — Воланд — отделен от дьяволичности, и следует уже второе приближение — рассмотрение самого Воланда.

Итак, из рассмотрения Варьете — нижнего слоя действительности, получается пока не очень ясный ответ (соверш. ли добро?) Но, по крайней мере, о **желании** Воланда делать добро Булгаков дает ясный ответ. Вот Маргарита просит отпустить Фриду:

«... так вы сделаете это? ...»

— Ни в коем случае, — ответил Воланд ...»

Тут произошла маленькая путаница. Каждое ведомство должно заниматься своими делами ...»

Вот ответ! Тут произошла путаница — думать, что Воланд делает добро — это не по его ведомству. Но самое страшное в том, что Воланд «охватывает» в пределах своей действительности

весь «диапазон» — от добра до зла, но в природе своей он все-таки зло. Он может забавляться в своем мире, казаться добрым, «отечески» наказывая свою «сволочь, склочника, приспособленца и подхалима». Но бал-то дает преступникам и бандитам, более того, нужно этих последних «полюбить ..., полюбить ...».

С этой точки зрения можно по-новому понять, почему Воланда интересует, изменились ли люди? Здесь самое важное, что **их изменение-то** он не контролирует, оно ему **не подвластно**. Природа человека — не дьявольская, но дьяволичность самого человека, разьединенность его в самом себе, дают Воланду такую большую власть. И тут появляется один из самых интересных вопросов: почему на балу нет Иуды? Быть может, потому, что Иуда — не по его ведомству, т. е. Воланд не причастен тому злу, которое совершил Иуда. Тогда следует, что Воланд не есть само метафизическое «Зло», он, в самом деле, «части часть», он «дух Зла», но не «бог Зла» типа Аримана. Это означает, что источники Добра и Зла заключены в самом человеке, и предательство Иудой Иисуса есть плод возможности свободы выбора Добра и Зла (сфера прямого отношения человека и Бога), когда выбрано зло (может быть, поэтому «персидская» тема Ормузда и Аримана осталась лишь в намеке). И Воланд функционирует уже тогда, когда выбор **совершен**, но сам выбора не **провоцирует**.

В каком-то смысле поэтому и задает он свой вопрос — изменились ли, преодолено ли зло в сфере свободы выбора, снято ли его «метафизическое» равенство с Добром, и что означает это снятие?

Теперь можно попытаться проследить, как сам Воланд добывает ответ на свой вопрос, причем ответ должен быть получен не с «балаганного» уровня человека, не с поверхностного уровня внешнего функционирования, но с отшельнического уровня Мастера, Маргариты...

V. ... И Маргарита.

Так, ты — жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный
Твой сон — пророчески неясный,
Как откровение духов...

(Тютчев)

«Мой сон был вещий, за это я ручаюсь», с таким ощущением вступила Маргарита в свой «день — болезненный и страст-

ный». И сон, в самом деле, оказался вещим, но уж очень «пророчески неясным». Вот Маргарита на балу. Как в сказке, она может загадать любое желание, и оно сбудется:

«...Итак, Марго, чего вы хотите за то, что сегодня были у меня хозяйкой? Говорите! ... и без стеснения ... Дух перехватило у Маргариты, и она уже хотела выговорить заветные и приготовленные в душе слова, как вдруг побледнела ... и т. д.»

Если бы все-таки «выговорила», как собиралась «приготовленные в душе слова», быть может, все было бы проще, ... но теперь мы можем говорить об определенном переходном состоянии, состоянии выбора: как б ь е т с я «на пороге как бы двойного бытия» сердце, «полное тревоги»? (Т. 163). По тому, как разрешится ситуация, можно будет многое сказать о человеке, причем вопрос задан Маргарите и внезапно, так что ни о каком продуманном, спекулятивном решении речи быть не может, будет действовать инстинкт, т. е. самое глубинное человеческое содержание (и в «Фаусте»:

«Чутьем, по собственной охоте
Он вырвется из тупика». Ф 49)

Более того, ясно сказано, что желание может быть всего одно:

«...Ах, как ловко и отчетливо Воланд подчеркнул, повторяя слова самой Маргариты — одной вещи...».

Вот кажется решающий момент, своего рода: «быть или не быть» и оказывается, что «просто быть» — нельзя, и несмотря на то, что

«...вам кажется, что мои лады вы знаете; вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны, — вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете...» (Гамлет, т. 6, 89).

И выбор сделан.

— Я хочу чтобы Фриде перестали подавать тот платок...

Здесь важна не конкретная форма выбора — желания, но его общечеловеческий характер, способствовать стать выше, над «жизнью частной» и (пытаться) решать общие вопросы «жизни, божески всемирной». Воланд теперь «испытывает» как бы саму человеческую природу. И, казалось бы, человек выстоял перед «искушением». Но далее (ведь по крайней мере три искушения должно пройти):

«... — Итак, это не в счет... Что вы хотите для себя?»

Снова искушение, та же позиция, что и вначале. И тут важно соображение, которое вызывает «заветные слова»:

« — Алмазная донна, на сей раз советую вам быть поблагодарнее! А то ведь фортуна может и ускользнуть» (89 П). И все, стояние перед «искусом» кончилось из соображений благоразумия и скользкости фортуны. Ясно, конечно, что Маргарита должна была потребовать Мастера, но характер этого выбора, акценты все-таки свидетельствуют, что из прямого противодействия (дьяволу) человек все же скатился, скатился в Воландов мир, так что здесь ему (Воланду) бояться нечего — все по-прежнему. Пределы «расширенного» мира Маргариты — в области Воландова мира, и, по-видимому, не случайны акценты благоразумия и цепкости, все время сопровождающие Маргариту:

« — А такие удачные моменты надо уметь ловить и пользоваться ими...» (58 П).

— Ну, интерес-то большой... вы воспользуйтесь случаем.

« — Сознаюсь в том, что я лгала и обманывала ...». А для чего ловить и пользоваться?

Маргарита «... стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших» ...ее. Т. е. поняв дьявольскую структуру действительности, она становится «ведьмой в эту пятницу» ..., но — чтобы спасти мастера. Иначе:

«... Разве она спасла бы его? Смешно! ...».

Однако, в свою очередь, спросим мы, разве она спасла бы его, став ведьмой? Пусть даже возвращено прошлое, и опять они в своем подвальчике с розами и сиренью, с целым и невредимым романом о Понтии Пилате. Но Воланд уедет, а его мир останется. И он снова выбросит, исторгнет из себя и Мастера, и Маргариту. Ведь спасением-то они обязаны самому Мастеру, его способности творить мир, которая и делает его Мастером и приводит к пониманию «Того, кто прочитал» роман и в самом деле их освободил.

Но с Маргаритой все еще очень сложно. Ведь Мастер уже не п р и н а д л е ж и т миру Воланда. Недаром Воланд его интересуется лишь в первый момент, когда Мастер слышит о нем, но далее, уже при «личной» встрече, Воланд ему совершенно безразличен.

И сам он не интересен Воланду, которого, по-видимому, человек интересуется лишь в той степени, в какой нет в нем «божеского».

Тайна, открытая Мастером в Пилате и самом себе, несет с собой и необходимость преодоления ее, становления жизни в истине. Ведь

«...связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества».

В силу этого «кровного родства» «разумный гений» Мастера, угадавший сына «короля-звездочета», как бы взрывает «творящую силу» своего собственного естества, которая не только приводит его к пониманию Воландова характера мира, но и к преодолению этого мира, к дальнейшему творчеству своего «микрокосмоса».

А Маргарита? Казалось бы роман по отношению к ней глубоко трагичен: где-то Мастер идет один, а она может лишь следить за ним и «... лишь без конца перечитывать написанное».

Да, но «...перечитав, шила вот эту самую шапочку...» Более того — «...и вот тут-то стала называть Мастером». Творящая сила Мастера захватила (10) и преобразовала ее так, что «... в этом романе — ее жизнь».

И в ней — его жизнь.

«...Союз их кровный, не случайный
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворажают нас они» (Т 147)

И дело, по-видимому, в том, что идти один Мастер не может. Должно «... случиться нечто... восхитительное», и заботиться об этом сама судьба, «...что столкнула их на углу Тверской и переулка.» Путь Мастера сам по себе, при разрыве «кровного союза», ведет к безумию, к шестовскому «вниманию к смерти». Ведь и Тютчев именно так приоткрывает завесу над этой «тайной»:

«..и в мире нет четы прекрасней —
Самоубийство и любовь!» (Т 147)

Причем не «или-или», или Самоубийство или Любовь, но скорее, как равенство, как синтез, частичное умирание одного, как абсо-

(10) «— Я знаю, что мы оба жертвы своей душевной болезни, которую, быть может, я передал тебе... Ну что ж, вместе и понесем ее»

лютного, для рождения в другом по типу Троицы Флоренского, и результат этого синтеза — третий элемент — творчество, невозможное в отрыве от первых двух «ипостасей».

Но испытание на «балу у Сатаны» не исчерпывается прямым «искушением» Маргариты. И здесь любопытно, что «процедура» бала перекликается с празднествами типа сатурналий. Из низшей среды — рабов или преступников — выбирался «царь сатурналий», надеялся всей полнотой царской власти. Содержанием праздника были воспоминания о прежней блаженной жизни. После окончания праздника временный царь или убивался, или изгонялся, и т. д. Тут важна сама философия праздника, по-видимому, наиболее четко определенная М. Бахтиным: «...празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое мирозеркальное содержание. Никакое «упражнение» в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая «игра в труд» и никакой отдых или передышка в труде с а м и п о с е б е никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из и н о й с ф е р ы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира с р е д с т в и необходимых условий, а из мира в ы с ш и х ц е л е й человеческого существования, то-есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности». (Бахт. 12).

И далее «...моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении».

Но здесь ситуация обращена: праздник-то Сатаны, это дьявольский бал, и речь идет о высших целях не человеческого существования, но Воланда, который как раз есть дух мира «средств и необходимых условий». Но какие же это тогда «смены и обновления», и как они связаны с человеческим существованием? Пределы этих вопросов очерчены самим Булгаковым: «...ежели бога нет, то ...кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?

-- Сам человек и управляет...

-- Виноват, ... как же может управлять человек?...». Как же может управлять метаясь в своей свободе между Добром и Злом? Согласно традиции, только верой, только в Боге может быть снята эта «дурная медлительность» выбора (Флоренский).

Воланд, вроде бы, хочет сомневаться: «... все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому

будет дано по его вере». Но принимает-то (и не может не принять) основной ответ:

«Да сбудется же (именно) это!»

Конечная точка зрения на человека, конечного человека, так пугавшая Бердяева и, по-видимому, М. Булгакова, для Воланда как раз и есть желаемое им «ползание в помете» и жуткое торжество его, его понимание смены и обновления — в ответе Берлиозу: «Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы обращаетесь, выпить за бытие!».

И примечателен финал бала, где продолжается для Маргариты «хождение по мукам» и где следует частичный ответ на смены и обновления, предлагаемый Воландовым миром — сцена причащения Маргариты жертвенной кровью: «... Коровьев подставил чашу под бьющую струю и передал наполнившуюся чашу Воланду...

— Я пью за ваше здоровье, господа, — негромко сказал Воланд.

Он быстро приблизился к Маргарите, поднес ей чашу и повелительно сказал: Пей!

У Маргариты закружилась голова, ее шатнуло, но чаша оказалась уже у ее губ, и чьи-то голоса... шепнули в оба уха:

— Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья. Маргарита, не раскрывая глаз, сделала глоток...».

Так от кого же растет виноградная лоза?

«Плащ Воланда вздуло над головами всей кавалькады, и этим плащом...» накрыта вся низшая человеческая действительность... от балагана... до виноградной лозы. Но «Маргарита... обернулась и увидела что... нет не только разноцветных башен, но нет давно уже и самого города».

Примечательно, что роман Мастера (угадавшего Воланда) и «Евангелие от Воланда» — совпадают. Это не полное, истинное Евангелие, а — деформированное Воландом, и интересно проследить одну из этих деформаций. Вот появляется Левий Матвей...

« — Он прислал меня.

Что же он велел передать тебе, раб?

— Я не раб, — ...я его ученик.

— Мы говорим с тобой на разных языках...»

Так кто же человек — ученик или раб? Вопрос, по крайней мере, в первой своей половине (ученик) несколько шире своего

буквального звучания. Левий Матвей почти не понимает того, что говорит Иешуа:

« — Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил» — но каким-то другим способом чувствует истину Иешуа.

Интересно, по этому поводу, утверждение Эккарта: «каждому человеку, как говорят учителя, Бог готов откликнуться с духовной или чувственной стороны, смотря по тому, с какой стороны человек горячее призывает его» (Э ч. III, 70). С Левием Матвеем же происходит следующее: «...Однако, послушав меня, он стал смягчаться, ...наконец, бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мною путешествовать». И должно воздаться ему «по его вере», как сам же Воланд утверждает. Однако Воланд в этой ситуации намеренно «вырезает» только один аспект — раб, и Маргарита для него — тоже раб (выбранный во временные цари), и, несмотря на разные языки для него «вещи, о которых мы говорим, ...не меняются».

Вообще, мотив веры представляется сквозным в романе. Мы уже касались его в связи с состоянием Булгакова и Мастера, и вернемся к нему еще раз, рассмотрим другую «деформацию», подчеркиваемую уже самим Воландом.

«... — Мы вас испытывали, — сказал Воланд, никогда и ничего не просите. Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут». Но встречающая интонация идет уже от Иешуа:

«... — А ты бы меня отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант, ... — я вижу, что меня хотят убить», и разница трактовок становится особенно существенной для человека «самого по себе», находящегося в состоянии голого безверия:

«Не скажет ввек с улыбкой и мольбой

Как ни скорбит перед закрытой дверью:

«Впусти меня! — Я верю, боже мой!

Приди на помощь моему неверью!... (Т 136)

Здесь важно, что основная «просьба» на протяжении всего Евангелия это просьба о вере; просить или не просить, если речь идет о вере — становится актом принципиальным, и определенно свидетельствует о состоянии человеческого духа.

Недаром Тютчев связывает состояние безверия с «растлением не плоти, но духа», характерным для «нашего века»; просьба ве-

ры и приобретение ее дают человеку силу пойти к тем «отдаленным окраинам» Воландова мира, о которых говорит Шестов, и — преодолеть этот мир тупой самоочевидности, «средств и необходимых условий».

VI. Обыкновенные люди...

В общем, ответ Воланду — и Булгакову — ясен — не изменились. И тут необходимо понять общий взгляд на действительность самого Булгакова, общий ее характер и тенденции развития, причем состояние внутреннего человека уже им просмотрено.

Функции Воланда исчерпаны, и теперь (конец романа) можно снова вернуться к точке зрения здравого смысла, а эта точка зрения состоит в том, что «...работала шайка гипнотизеров и чревоушителей, великолепно владеющая своим искусством». Очень бы здравому смыслу хотелось отмахнуться, закрыть глаза — превратить всё в балаган, цирк, «но факт все-таки остается фактом, а отмахнуться от него без объяснения н и к а к н е л ь з я». И в этом все дело — суть «приема» обращения Булгакова к «балагану». В обычной жизни человек, входя в цирк и выходя из него, психологически не изменился, хотя сам интерес его к цирку связан пусть с временным, но изменением обыденной реальности, с уширением ее за счет допущения фантастического, невозможного. Но Булгаковский иллюзион — не таков: человек на входе и выходе не равен самому себе, выпадает какой-то необратимый психологический «осадок». И осадок этот зависит как от самого человеческого мирозерцания, так и от характера его взаимоотношений с действительностью.

Модель можно было бы построить следующим образом:

« — Что бы нам такое с ним сделать?

— Голову ему оторвать!...

— Это идея! Бегемот! Делай!

..И произошла невиданная вещь...»

Отрывание головы — трюк, классический для иллюзиона, известный еще в древнем Египте, занимающий видное место в карнавальных представлениях и детской фантастике. И, естественно, что каждое время по-разному его «интерпретировало». Можно наметить полярные точки в этом понимании, с тем, чтобы понять тенденцию, подчеркнутую Булгаковым. Так, по самой своей природе «...карнавал носит вселенский характер, это особое состояние

всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» (Бахт. 10), и естественно, вышеприведенный эпизод с отрываниями головы — носит в значительной мере (в карн.) игровой характер, причем по-видимому, никогда не выступает только одной — «роковой» своей частью, но сопровождается тем или иным «приставлением головы», символизируя наличие высшей действительности, где нет просто уничтожения, голого небытия, но постоянное «возрождение и обновление, которому все причастны».

Однако наш век смотрит на этот трюк совершенно иначе. Так Эйзенштейн говорил о том, как «пугают» его дети, которые видя, как перед ними на сцене отрывают голову — смеются. Реакция детей, по-видимому, «рудимент карнавального состояния — но самому-то Эйзенштейну отнюдь не до шуток: никакого возрождения не произойдет, и успех иллюзиона, лишнего своего карнавального наполнения, свидетельствует лишь о прогрессирующей жестокости современного общества.

Среди этих крайних точек зрения Булгаков стоит значительно ближе, почти рядом с Эйзенштейном. Но он сделал уже больше: прошел современный, «уширенный», значительно больший, чем обычно, мир, и увидел там только Воланда, со смутной надеждой, что быть может он не дошел еще до последних пределов «бытия».

ВОСКРЕШЕНИЕ ДУХА

(«Архипелаг ГУЛаг», ч. III и IV)

На последних страницах первого тома «Архипелага ГУЛаг» Александр Солженицын предупреждал: «И даже последняя человеческая надежда, что лучше будет впереди, что в лагере будет лучше — ложная надежда. В лагере будет — хуже». Второй том — книга о лагере. Об отдельных лагерях: 121 лагпункте в Москве, где работал эка Солженицын, самом знаменитом из лагерей 20-х годов — Соловках, детище первой пятилетки — Беломорканале, лагере смерти Оротукане и многих, многих других. Вместе с тем — это книга о всех лагерях, о Советском Лагере, где царят невыносимо-тяжелый труд, смертельный голод, произвол начальства и смерть. Официальное название — «исправительно-трудовые лагерь» — писатель переводит на язык правды: истребительно-трудовые.

Второй том «Архипелага ГУЛаг» — продолжает начатый в первом томе рассказ о нисхождении — по бесчисленным кругам — на дно ада. Но в то же время второй том — новая, другая книга. Характернейшая черта первого тома — ожидание, напряженный страх перед непонятым и неминуемым арестом, надежда, что минет чаша сия. Первый том пронизан этой атмосферой ужаса перед сближающейся катастрофой и безумным упованием, что она обойдет стороной. Шок, вызванный арестом, допросами, пытками, приговором, не дает возможности до конца осознать происшедшее. Атмосфера второго тома иная — кончилось ожидание: теперь можно ждать лишь смерти, ибо освобождение кажется миражом. Начинается нормальная лагерная жизнь: изнурительная работа и голод. По сравнению с лагерем тюрьма начинает казаться счастьем: «Тюрьмы — крылья. Тюрьмы — коробы мыслей. Голодать и спорить в тюрьме — весело и легко». Трагичность второго тома определяется атмосферой ежедневного выбора, который должны делать заключенные: жизнь или смерть. Ежедневного колебания: какую цену заплатить за сохранение жизни?

Второй том — это прежде всего физиология советской каторги: труд, еда, наказания, отношения между заключенными, отношения с охраной. Писатель делит обитателей по разным признакам,

посвящая отдельные главы женщинам в лагере, детям в лагере (начиная с 7 апреля 1935 г. «все меры наказания», т. е. включая «высшую меру», применяются, начиная с 12-летнего возраста). Солженицын делит заключенных в зависимости от статьи, по которой они осуждены: политические, уголовники; в зависимости от положения, которое они занимают в лагере: придурки или работяги; в зависимости от отношения к аресту и лагерю: те, кто признает необходимость и справедливость осуждения всех, кроме себя, тех, кто фаталистически принимает случившееся, и тех, кто отказывается смириться с несправедливостью. Социология занимает во втором томе — в отличие от первого — больше места, чем история. Солженицын обращается здесь к истории для того, чтобы понятнее стал характер советского Лагеря. Он пишет о Беломорканале: «Нет, несправедливо — эту дичайшую стройку XX века... несправедливо было бы сравнивать ее с египетскими пирамидами: ведь пирамиды строились с привлечением современной им техники!! А у нас была техника — на сорок веков назад!» Сравнивает писатель труд советских заключенных с трудом русских крепостных и находит, что хотя есть сходство, различий больше: «Но вот удивительно: все различия — к выгоде крепостного права, все различия — к невыгоде Архипелага ГУЛага!» Не умирали крепостные с голоду, в праздники они не работали, жили в постоянных избах, имели свое имущество, семьи. Сравнивает писатель царскую каторгу и советские «истребительно-трудовые». И опять — все различия — к невыгоде Архипелага: «На Акатуйской лютой каторге рабочие уроки были легко выполнимы для всех... Их летний рабочий день составлял с ходьбой вместе — 8 часов, с октября — семь, а зимой — только шесть... Что до омской каторги Достоевского, то там вообще бездельничали, как легко установит читатель». Солженицын приводит свидетельство Варлама Шаламова, который вспоминает, что декабристам в Нерчинске был урок добыть в день и нагрузить три пуда руды на человека (сорок восемь килограмм!), Шаламову же на Колыме — восемьсот пудов.

Но — египетские пирамиды, Нерчинские рудники, крепостное право и Акатуй — далекое прошлое. Напрашивается сравнение с близким прошлым — с гитлеровскими лагерями. Совсем недавно, в сентябре 1971 г., некий Дюпон писал в бельгийской газете «Журналь де комбатан»: «Нельзя сравнивать немецких концентрационных лагерей с советскими кооперативными лагерями.» После описанных Солженицыным лагпунктов истребления — Оро-

тукан, Старый кирпичный завод, Адак, где казнили, закапывая в землю живьем, потому, что «обращаться с живыми — перетаскивать, поднимать — гораздо легче, чем с мертвыми» — трудно будет говорить о советских «кооперативных» лагерях (можно правда говорить о «кооперации» пули с затылком). Но Солженицын не ограничивается восстановлением памяти, припоминанием фактов массового истребления заключенных в тех или других лагерях (а ведь даже в «Архипелаге ГУЛаг» нет ничего о тех лагерях, где никто не остался в живых), он показывает, что истребление было — как и в гитлеровских лагерях — одной из задач Архипелага. А на главный аргумент в пользу советских лагерей: там не было газовых печей — писатель отвечает раз и навсегда: «На газовые камеры у нас газа не было.» Не было Освенцима с газовыми печами. Был — полярный Освенцим. Был Беломорканал: «После конца рабочего дня на трассе остаются трупы. Снег запорошивает их лица. Кто-то скорчился под опрокинутой тачкой, спрятал руки в рукава и так замерз. Кто-то застыл с головой вобранной в колени. Там замерзли двое, прислонясь друг к другу спинами... Ночью едут сани и собирают их. Возчики бросают трупы на сани с деревянным стуком. А летом от неприбранных вовремя трупов — уже кости, они вместе с галькой попадают в бетономешалку. Так попали они в бетон последнего шлюза у города Беломорска и навсегда сохраняются там» — так рассказывает о первой великой стройке коммунизма узник Соловков и Беломора Д. П. Витковский, неопубликованные воспоминания которого цитирует Солженицын.

Если бы автор «Архипелага ГУЛаг» ограничился только описанием советской пенитенциарной системы, только восстановлением памяти — правдивым рассказом о тюрьмах и лагерях — книга его навсегда осталась бы в литературе примером великого мужества и свидетельством, обвинением, бесчеловечному режиму. Александр Солженицын идет, однако, гораздо дальше. Архипелаг ГУЛаг — это советское государство в его откровенном, химически чистом виде, его эссенция. Лагерь — это модель общества, модель, очищенная от всего лишнего, с которой соскребана мишура идеологии, лозунгов, обмана. Книга Солженицына — история разложения общества, его деморализации, история создания государства, в котором аморальность стала главной движущей силой.

Важнейшим инструментом разложения общества стал принудительный труд. Было искажено само понятие труда, превратившегося в наказание, опоганенного. Теоретическое обоснование

этому видит Солженицын в писаниях Энгельса, утверждавшего, что «не с зарождения нравственной идеи начался человек, и не с мышления — а со случайного и бессмысленного труда». Замечено это очень тонко. Стоит, однако, добавить, что необходимость использования теоретических открытий Энгельса становится очевидной для руководителей большевистской партии после прихода к власти. Еще в январе 1914 г. Ленин заявляет: «Мы не хотим одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной.» Но уже в апреле 1918 г. председатель Совета народных комиссаров требует применения принудительного труда к рабочим. Главный теоретик партии, ее «любимец» Н. Бухарин настаивает: «Одной из главных принудительных мер нового типа, действующих в сфере самого рабочего класса, является уничтожение так называемой «свободы труда». Чеканную формулу «принудительных мер нового типа» дает, не претендовавший на литературные таланты, Феликс Дзержинский. Выступая 17 февраля 1919 г. на заседании ВЦИК (стенограмма была опубликована только в 1958 г. председатель ВЧК заявил: концлагеря — школа труда (одновременно он потребовал для ВЧК «права заключения в концентрационный лагерь»)).

Рождение формулы: концлагерь — школа труда не только свидетельствовало о полном крахе надежд на добровольную поддержку рабочим классом Октябрьского переворота, оно свидетельствовало, что партия, захватившая власть решила дубинкой загонять в рай.

В забытом романе забытого писателя А. Аросева, активного участника революции, близко знавшего Ленина, сошедший с ума в конце 20-х годов коммунист выписывает сам себе мандат: «Дан сей представителю сего на право истребления всех тех людей, кои по физическим, психическим, социальным, моральным или каким-либо другим признакам вызовут в предъявителе сего чувство дезакорда с идеалом человеческого счастья... Виноват. — спросил сыщик, у которого изо рта пахло перегаром: а от какого учреждения этот мандат? — От секретного! — ответил обладатель мандата.»

«Секретное учреждение» принялось истреблять всех тех, кто вызывал «чувство дезакорда с идеалом человеческого счастья», а у остальных обитателей государства стало воспитывать убеждение, что выполнение трудовой нормы есть главная, единственная мораль советского гражданина. Внедренная в лагере мораль эта распространяется на всю страну. Наиболее четкое выражение дает ей

«изобретатель лагерей» Нафталий Френкель, портрет которого занимает видное место в богатейшей портретной галерее «Архипелага ГУЛаг». Лагеря, — пишет Солженицын, — «были и до Френкеля, но не приняли еще той окончательной и единой формы, отдающий совершенством.» Идея была проста: отказаться от буржуазной традиции, требовавшей кормить заключенного только потому, что он человек и ему надо есть. Оказавшись в 1927 г. на Соловках, Френкель разрабатывает свой проект оспользования труда заключенных. В 1929 г. «за Френкелем прилетает из Москвы самолет и увозит на свидание к Сталину. Лучший друг заключенных (и лучший друг чекистов) с интересом беседует с Френкелем три часа». Солженицын отказывается здесь от беспристрастности и скептицизма историка, присваивая права романиста. Он утверждает: «Именно Френкель и очевидно именно в этой беседе предлагает всеохватывающую систему лагерного учета.» Писатель настаивает: «Именно Френкель и именно в этой беседе предлагает отказаться от реакционной системы равенства в питании арестанта...» Поскольку стенограмма беседы Сталина с Френкелем не опубликована можно было бы подвергнуть сомнению непоколебимую уверенность автора «Архипелага» в том, что «именно» Френкель и «именно в эту беседу» запатентовал дьявольскую идею оплаты рабского труда заключенных едой, буквального применения в лагерях принципа: кто не работает, тот не ест.

Настойчивое желание писателя назвать автора и день утверждения «изобретения» в качестве закона связано, думается, не только со стремлением персонифицировать зло, но и с желанием связать два его наиболее кошмарных воплощения: Сталина и Френкеля. Карьера Френкеля — турецкого еврея, заработавшего до первой мировой войны на юге России миллионы торговлей лесом, вывезшего накануне революции капиталы в Турцию, вернувшегося в СССР в годы НЭПа, сотрудничавшего с ОГПУ, арестованного, ставшего генералом НКВД — не напоминает ли она своими взлетами, своей чернотой биографии Сталина? Есть удивительное сходство и в характере двух злодеев. Это о Френкеле пишет один из авторов «Беломорканала»: «Он считает, что главное для начальника — это власть, абсолютная, незыблемая и безраздельная. Если для власти нужно, чтобы тебя боялись, — пусть боятся. Если нужно, чтобы не любили, — пусть не любят. Но воля подчиненных должна быть целиком в воле начальника». Приводя в сокращении эту цитату, Солженицын дополняет ее еще одной фразой, которая кажется ему «ключевой» — и к характеру, и к биографии

Френкеля: «Жестоко разговаривал с инженерами, стараясь унижить их». Возможно, что здесь психологический ключ к душе сталинского двойника. Но быть может еще важнее вывод, который делает советский биограф главного надсмотрщика Беломорканала: «Всем своим успехом Френкель обязан той системе, в которой он оказался». Френкель обязан всеми своими успехами системе ОГПУ, системе ГУЛага, советской системе. Не этой ли системе обязан своими успехами Сталин, один из главных ее творцов?

Формула «концлагерь — школа труда» — варьируется, слегка видоизменяется, сохраняя полностью свою суть. Эволюция лозунгов, украшавших лагерные ворота, приветствовавших новое пополнение, отражает изменение отношения не столько к труду в лагере, сколько отношения к нему начальства, все более откровенно выражавшего характер «истребительно-трудовых». Первых узников Соловков встречали слова: «Мы путь земле укажем новый, Владыкой мира будет труд.» На Беломорканале заключенных поощряли лозунгом: «Ударный труд — путь к досрочному освобождению» (видимо потом был сделан перевод на немецкий: «Арбейт махт фрей».) А после войны в страшных лагерях на Инте культурно-воспитательная часть агитировала эзков «Работайте хорошо — и вас похоронят в деревянном гробу.»

Труд, труд, труд... Весь народ поет: «Нам песня строить и жить помогает...» Сначала строить, потом — жить. «Сплошную лихорадку будней» воспевают Маяковский, нечаянно признав ненормальной температуру времени. Спешка, гонка, «темпы» — были болезнью, искусственно привитой стране, подтачивавшей ее сопротивляемость, убивающей душу народа.

Солженицын спрашивает: почему узники Соловецкого лагеря должны были за один месяц построить за Полярным кругом, зимой дорогу, выбрав 300 тысяч кубов земли? Почему нужно было строить Беломорканал — за 20 месяцев? Потому, что таково было задание Сталина. «Потому что, — объясняет писатель, — ничего не срочного в те годы в нашей стране не делалось. Если бы она (стройка) была не срочной — никто не поверил бы в ее жизненную важность — а даже заключенные, умирая под опрокинутой тачкой, должны были верить в эту важность.»

Лозунг Сталина «темпы решают все» — итожит новую философию. Срочность задания, спешка, темпы, лихорадочная гонка, «время вперед» — все эти одурманивающие лозунги не позволяют оглянуться, разобраться в происходящем, оценить средства и цели. Они оправдывают происходящее, становятся важным психологи-

ческим средством принуждения, действующим наряду со средствами физическими. Психология спешки, срочности задания ложится в фундамент нового мировоззрения, выражаемого словами: «польза дела.»

Среди наиболее потрясающих страниц второго тома «Архипелага ГУЛага» — идилический рассказ писателя о его прогулке по берегам Беломорканала в 1966 г. Построенный в безумной лихорадке, ценой четверти миллиона жизней — оказался канал непригодным, ненужным, бессмысленным. Или вернее: единственным его смыслом было усиление температуры лихорадки — лихотанки! — в стране и внедрение темпов Канала вне зоны Лагера.

Интереснейшая особенность «Архипелага ГУЛага» заключается в возможности не только познакомиться с итогами размышлений автора, но и с процессом его мышления. «Хорошо в заключении думать, — пишет Солженицын. — Самый ничтожный повод дает тебе толчок к длительным и важным размышлениям.» Толчком к рождению одного из важнейших выводов книги стала «дешевейшая» спортивная «комедия», которую однажды привелось посмотреть писателю в лагере. С экрана настойчиво утверждалось: «Важен результат, а результат не в вашу пользу». Это не шутка, — говорит Солженицын — это — заразная мысль. Писатель прослеживает корни этого мировоззрения. Оно пришло «сперва — от славы наших знамен и так называемой «чести нашей родины». Мы душили, секли и резали всех наших соседей, расширялись — и в отечестве утвердилось: «важен результат». Потом — перечисляет Солженицын далее — «от наших Демидовых, Кабаних и Цыбукиных. Они карабкались, не оглядываясь, кому обламывают сапогами уши, и все прочнее утверждалось в когда-то богомольном прямодушном народе: важен результат. А потом — от всех видов социалистов, и больше всего — новейшего непогрешимого негерпеливого Учения, которое все только из этого и состоит: важен результат! Важно сколотить боевую партию! захватить власть! удержать власть! устранить противников! победить в чугуне и стали! запустить ракеты!»

Уходящая корнями в историю, философия «пользы дела», «результата» стала господствующей и обязательной после Октября. Правда, еще в 1903 г. лидер русских социал-демократов Г. В. Плеханов заявил, что «благо революции — высший закон» и если после революции придется — для блага революции — разогнать избранный народом парламент — надо будет это сделать не задумываясь. В январе 1918 г. Ленин так и поступил. А через 10

лет после революции, готовясь к «великому перешибу», как выражается Солженицын, Сталин излагал новое кредо: «Если нам ради победы пролетариата и крестьянства предстоит чуточку выпачкаться в грязи, — мы пойдем и на это крайнее средство ради интересов нашего дела.»

Утверждение этой философии в сознании народа было бы невозможно одними административными средствами. Главными ее распространителями стали советские писатели. Были среди них авторы позорнейшей в истории русской литературы книги «Беломорканал», или такие, которые — по тем или иным причинам — не внесли свой вклад в книгу, однако, полностью с ней соглашались. Такие, как Леонид Леонов, делившийся после поездки по каналу своими впечатлениями: «Если высоко взлететь и увидеть канал от моря до моря, какой захватывающий рассказ можно бы написать о новом пути и новом труде». Были такие — очень немногие, — которые видели утверждение идеологии «пользы», оставаясь только свидетелями. Юрий Олеша показывает в «Зависти» — нового героя, идеолога «пользы дела», не только провозглашающего очевидное для него преимущество колбасы над душой, но и — услышав возражения — немедленно произносящего «волшебное слово»: в ГПУ. Герой романа Вениамина Каверина «Художник неизвестен» с обезоруживающей прямоотой высказывает символ веры нового времени: «Мораль? У меня нет времени, чтобы задуматься над этим словом. Я занят. Я строю социализм. Но, если бы мне пришлось выбирать между моралью и штанами, я выбрал бы штаны». Писатели-свидетели, ограничиваясь отображением действительности, старались не высказывать своего мнения. Ибо главный моральный авторитет советской литературы, властитель ее дум — Максим Горький — всеми имевшимися в его распоряжении средствами утверждал «пользу дела». В открытом письме Е. К. Кусковой он писал (22-1-1929): «У вас есть привычка не молчать о явлениях, которые вас возмущают, я же не только не считаю себя в праве и могу молчать о них, но даже отношу это умение к числу моих достоинств. Это аморально? Пусть будет так.» Хорошо знавший Горького Константин Федин исчерпывающим образом охарактеризовал поведение своего учителя: Горький «отдал (в 30-е годы) все преимущество программе над... моралью, сделав этот акт своей новой моралью, морализируя его: раз «должно», значит «существует». Федин называет этот период «наименее противоречивым» периодом биографии Горького (письмо А. А. Долинину, 28 апреля 1947).

Выбрав аморальность, молчание, ложь, Горький и — под его руководством советские писатели — способствуют утверждению философии «результата», все оправдывающего «материального базиса». Наиболее полным, идеальным практическим воплощением философии становится лагерь. Его яд, проникая множеством каналов в тело страны, уничтожает границы между маленьким лагерем (зоной) и большим лагерем (всей страной). Опоганенный рабский труд в лагере прививает отвращение к труду у всех жителей страны, рабская идеология эзков становится идеологией всех граждан, культ «результата», «пользы дела» становится государственной религией. И новейшая песня утверждает: «А нам нужна одна победа... Мы за ценой не постоим!» Лагерное растение было массовым, — пишет Солженицын. «Но не только потому, что ужасны были лагеря, а потому еще, что мы, советские люди, ступали на почву Архипелага духовно безоружными — давно готовыми к растлению, еще на воле тронутые им...» Философия «пользы», согласие на принцип: «раз «должно» значит «существует» — были важнейшим фактором разложения.

Александр Солженицын отвергает эту философию, эту идеологию. Это — ложь! — говорит он. «Вот мы годы горбим на всесоюзной каторге. Вот мы медленными годовыми кругами восходим в понимании жизни — и с высоты этой так ясно видно: не результат важен! не результат — а ДУХ! Не что сделано — а как. Не что достигнуто — а какой ценой.»

Никто еще так убедительно и ясно, с такой силой не показал, что советское общество на протяжении последних 55 лет было ареной борьбы духа с философией «пользы дела», никто еще не показал как философия эта разлагает общество, порождает рабов. И это придает книге Солженицына характер универсальный. Делает ее — книгой — предупреждения Западу, склонному покориться философии «пользы дела».

Скоро исполнится 30 лет со дня окончания войны, уничтожившей гитлеровский режим. Но и сегодня не перестают печататься статьи, исследования, полные справедливых упреков по отношению к моральным авторитетам Запада, молчавших о гитлеровских концлагерях, о миллионах невинных жертв. О советских концлагерях Запад говорил — одобряя их. Польза революции, польза социализма представлялась достаточным благом для оправдания лагерей, которые к тому же изображались, как еще одно благодеяние советской власти. В августе 1935 г. во французском городе Ангулем на конференции учителей выступали ораторы,

утверждавшие, что принятый советским правительством закон о привлечении к уголовной ответственности — по всем статьям кодекса с применением всех мер наказания — детей, начиная с 12 лет — замечательное свидетельство успехов советской педагогики, делающей 12-летних детей взрослыми. В годы войны Запад молчал о гитлеровских концлагерях. Но в 1944 г. вице-президент Соединенных Штатов Америки Генри Уоллес в сопровождении знатока Дальнего Востока профессора Оуэна Латтимора посетили Колыму. Сам генерал-лейтенант Иван Федорович Никишов, начальник Дальстроя, организовал для почетных гостей экскурсию по Магаданской области. В книгах, написанных Уоллесом и Латтимором, мы находим безудержное восхищение достижениями «замечательного концерна» Дальстроя, великолепным видом (высокие, здоровые молодые люди) рабочих, добывающих золото в труднейших условиях. То ли высоким американским гостям не пришло в голову, что им показывают лучших работников НКВД, то ли — молчали они в «интересах дела», не желая обидеть доблестного союзника.

Умер Сталин, продолжают жить лагеря. И когда президент США, любимый советским народом Джон Ф. Кеннеди решает сделать первый шаг в сторону «разрядки напряженности», т. н. *détente*, он отменяет эмбарго на ввоз с США советских крабов. Эмбарго было в свое время наложено в связи с тем, что крабов упаковывали в консервные коробки заключенные одного из камчатских лагерей. Можно считать это символом: разрядка начинается с признания лагерей, с согласия на рабский труд. Философия «пользы дела» — добилась очередной победы. Об окончательном ее торжестве рассказывает «Архипелаг ГУЛаг».

Трагизм книги Солженицына — в ее сюжете: истории невиданной в мире лагерной империи, истории разложения общества, непрерывно отравляемого ядом Архипелага. Но несмотря на весь свой трагизм «Архипелаг ГУЛаг» приносит слово надежды. Писатель показывает: лагерь — это преступление бездушного, аморального государства против человека. И в тоже время: лагерь — испытание человека, проверка. Объект исследования писателя — люди, лишённые свободы, умирающие от непосильного труда и голода — 227 свидетелей, давших Солженицыну свои воспоминания, сотни эзков, которых он видел, судьбу которых запомнил, но прежде всего, главным образом пишет он о себе. Второй том быть может еще более автобиографичен, чем первый. Потому, что — показывает писатель — не был он лучше других: еще

долго после ареста, уже в лагере не покидало его тщеславие, мучил его зуд начальствования, — плод офицерского — просто советского — воспитания, в минуты слабости хотел он бросить борьбу и просил Бога послать ему смерть. Писатель, не щадя себя, анализирует свое поведение в лагере и потому, что — откровеннее он других. И не ирония, а глубокое понимание человеческого характера, слышится в его вздохе: «В этой главе мне не хватает материала. Что-то неохотно рассказывают мне лагерники, как их вербовали. Расскажу ж о себе». И рассказывает — как невероятно трудно вырваться из раскинутой «кумом» дьявольской паутины. Но прежде всего пишет Солженицын о себе потому, что он сам пример победы человеческого духа над тюрьмой и лагерем. Поняв цену жизни, поняв, что «дожить любой ценой» это «значит ценой другого», писатель — не один, конечно, «их много, людей кто так избрал» — находит внутреннее освобождение. И это внутреннее прозрение настолько освобождает его, что Солженицын записывает удивительные слова: «Мысль о свободе с какого-то времени становится даже насильственной мыслью. Надуманной. Чужой. День «освобождения»! Как будто в этой стране есть свобода! Или как будто можно освободить того, кто прежде сам не освободился душой.»

Познав собственную слабость, писатель познает и собственную силу. Он возвращается к Богу, находит Веру. Главный вывод, который делает Солженицын — вывод из собственной жизни, из истории своей страны: «Я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке)... Я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а не разбирая впопыхах — и носителей добра) — само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство.»

Через весь второй том проходит спор Солженицына с Варламом Шаламовым. Автор «Архипелага» почти исключил Колыму из «охвата своей книги», ибо ей «повезло»: там выжил Варлам Шаламов... Солженицын пишет о Шаламове очень доброжелательно, положительно оценивая его 60 лагерных рассказов о Колыме и исследование о блатных: «кроме нескольких частных пунктов между нами никогда не возникало разногласия в изъяснении Архипелага. Всю туземную жизнь мы оценили в общем одинаково. Лагерный опыт Шаламова был горше и долше моего, и я с уважением признаю, что именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул нас весь лагер-

ный быт.» Но расхождения между Солженицыным и Шаламовым есть. И касаются они прежде всего проблемы принципиальной: Солженицын возражает против основного вывода, сделанного после многих лет колымских лагерей: «...лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего нужного, полезного оттуда никто не вынесет». Солженицын пишет: «Благословение тебе, тюрьма!» Жизнь разрешила этот исключительной важности спор. В 1972 г. Варлам Шаламов печатно отрекся от своих рассказов. Через полтора десятка лет после освобождения из лагеря сломался автор правдивых «Колымских рассказов», ибо не сумел найти внутреннего освобождения. Для того, чтобы по-настоящему освободиться оказалось недостаточным перейти из «малой зоны» в «большую».

Спор между Солженицыным и Шаламовым выходит далеко за рамки дискуссии о поведении заключенных в лагере. Касается он души народа, ее возможностей. Спор этот о будущем страны — может ли она найти в себе силы для внутреннего освобождения.

Я коснулся лишь нескольких из наиболее важных, как мне кажется, проблем второго тома «Архипелага ГУЛАГ». Но даже если они будут перечислены все — это не исчерпывает достоинств книги, ибо — это также и литературное произведение. Литературный ее анализ несомненно появится, а пока мне хотелось хотя бы только упомянуть о чрезвычайно своеобразной художественной особенности «Архипелага» — его сатиричности. Великолепный сатирический талант Солженицына проявился уже и в его прежних произведениях. Писатель пользуется сатирой для «гранения души», которое кажется ему необходимым условием становления человека. Сатиричность прозы прежних произведений Солженицына — форма освобождения писателя: «Не думай, Левка, что мне легко, — отвечает Нержин на упреки Рубина. — Скептицизм у меня, может быть, сарай при дороге — пересидеть непогоду. Но скептицизм есть форма освобождения догматического ума.» В «Архипелаге ГУЛАГ» писатель, используя богатейшую гамму сатирических средств, ставит своей целью «освобождение догматического ума» своих читателей. Поэтому одним из главных объектов его сатиры становится советский официальный газетный язык, нашедший свое концентрированное выражение в языке Сталина, и вторгающийся все более широко в разговорную и книжную речь. Этот официальный язык — основа советской идеологии — складывающийся из готовых формул, лозунгов, цитат — должен — как звонок у павловских собак — вызывать немедлен-

ную заранее известную реакцию. Язык этот — главный враг творческого мышления: готовые формулы вызывают рефлекторные действия и мысли. Солженицын разрывает рефлекторную дугу, разоблачая подлинный смысл слов, возвращая им первоначальное значение. Вырывая из привычного, заученного контекста «летучие словечки»: «юноше, обдумывающему житье...», «люди, я любил вас...», «гегелевская триада» и подобные, писатель заставляет думать. Образцом сатирического мастерства Солженицына может служить глава «Зэки как нация». Взяв «широко-известное единственно-научное определение нации, данное товарищем Сталиным», писатель создает «этнографический очерк», убедительно доказывая, что зэки — особая нация («нас особенно освобождает, — замечает сатирик, — гениальное замечание товарища Сталина, что расово-племенная общность крови совсем не обязательна!»)

В конце 20-х годов, когда сатире вход в советскую литературу был окончательно закрыт, один из самых рьяных ее гонителей заявил: нам рано смеяться, пусть наши враги смеются! Солженицын, как бы перефразируя эту формулу, иронически замечает: «Нет у нас ничего смешного, все смешное на Западе!» Книга Солженицына показывает: много, быть может даже слишком много у нас смешного, только всегда это смешное — трагично.

Смысл сатиры Солженицына лучше всего передают слова Достоевского: «...В подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира две сестры и идут рядом, и имя им обеим, вместе взятым: правда».

Солженицын пишет: «В нашем славном отечестве..., самые важные и смелые книги никогда не бывают причитаны современниками, никогда не влияют во время на народную мысль.» Горькая это правда. Остается надеяться, что судьба самой важной и самой смелой книги нашего века будет иной.

Судьбы России

В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ

Мелик АГУРСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ПИСЬМА К ВОЖДЯМ»

Всеобщая популярность и одобрение далеко не всегда увенчивают идеи, которым суждено в дальнейшем играть выдающуюся роль в общественной жизни. Особенно тяжело приходится пробивать себе признание тем идеям, которые идут против общепринятых взглядов. Несомненно, что к таким идеям следует отнести предложения, выдвинутые А. Солженицыным в его «Письме к вождям».

Что же, однако, означают в наше время общепринятые взгляды? Однозначно ответить на это трудно, но не будет далеким от истины утверждение, что в кредо большинства современной мыслящей интеллигенции входят, как само собой разумеющееся, следующие догмы:

- 1) Необходимо стремиться безусловно к стиранию государственных и национальных границ и препятствовать любым формам изоляционизма.
- 2) Рост производства и потребления на душу населения является неоспоримым благом.
- 3) Современные парламентские системы, сложившиеся в западных странах, являются идеалом, к которому следует стремиться всем народам.

Нельзя сказать, что указанные выше догмы разделяются всеми без исключения, но они, повидимому, господствуют как среди западной интеллигенции, так и в кругах инакомыслящей интеллигенции коммунистических стран.

Но именно против этих догм современной интеллигенции и восстает Солженицын, и в этом и заключается своеобразие и значение его письма, далеко выходящее за пределы внутренних проблем СССР. Как бы ни относиться к другим вопросам, поднятым Солженицыным в «Письме к вождям», если бы он оказался прав, вы-

ступая против вышеуказанных догм, им был бы сделан огромный вклад в современную общественную мысль.

Я бы не хотел останавливаться в данной статье на вопросах экономики и политической структуры, поскольку первому вопросу мною посвящена опубликованная недавно статья «Экономическая система Востока и Запада», а второму посвящена другая статья, которая должна быть вскоре опубликована. Поэтому ниже будет рассматриваться проблема национального и государственного изоляционизма, ибо она имеет широкое международное значение. Мне, как человеку, решившему покинуть СССР, было бы некорректно вступать в дискуссию по таким, например, вопросам, как роль Северо-Востока в будущей жизни России и т. п.

Непонимание национального аспекта ведёт нередко к грубым политическим просчётам и катастрофическим последствиям. Об этом наглядно свидетельствует хотя бы история СССР.

Во всех случаях, когда намечается насильственное или же стихийное уничтожение национальных граней, происходит резкий рост национализма. При этом национализм малых наций представляет собой реакцию на угрозу их культурному существованию со стороны больших наций, а национализм больших наций вызывается сознанием того, что экспансия этих наций вширь подрывает самые основы их существования, истощая их и приводя к вырождению. Обе формы национализма носят защитный характер. Разумеется, существуют формы агрессивного национализма, каким, например, был германский национал-социализм. Но его корни совершенно иного характера, ибо национал-социализм был порождён мистическими оккультными учениями, на базе которых Гитлер и его приближенные старались создать новую цивилизацию.

Если примером национального движения малых наций является еврейское (сионизм), то примером оборонительного национального движения большой нации является русское движение, наиболее выдающимся представителем которого является А. Солженицын. Сопоставление еврейского и русского национальных движений позволяет правильно оценить проблему изоляционизма.

Возникновение еврейского движения как раз и было обусловлено тем, что среди еврейского народа появилось сознание того, что специфический характер отношений между евреями и неевреями в странах рассеяния не позволит разрешить еврейский вопрос какими-либо политическими и социальными мерами. Подобная точка зрения ранних сионистов подверглась резкому и почти еди-

нодушному осуждению со стороны тогдашней интеллигенции. В этом объединились все: марксисты; либеральная интеллигенция; евреи, стремившиеся к ассимиляции и т. п.

Все они поносили сионизм, называли его вредной утопией, указывали на его практическую невозможность. Критики сионизма сулили еврейскому народу золотые горы в единой семье народов. Так или иначе, но сионизм на первых порах в самом деле пользовался весьма малым сочувствием среди евреев. Все, однако, посулы счастливого удела евреев оказались пустой и далеко не безвредной болтовней. События, последовавшие в Германии и России в 20 в., показали всю безосновательность прекраснородного либерального подхода к еврейскому вопросу и, напротив, всю правоту основателей сионистского движения.

Сионизм и является примером изоляционистского национального движения. Но еврейский изоляционизм отнюдь не был стремлением вообще изолироваться от других народов, прекратить с ними контакты и т. п. Он был вызван лишь тем конкретно-историческим фактом, что совместное проживание на одной территории столь далёких этносов, как, например, русские и евреи, вело к конфликтной ситуации.

В годы советской власти возникло, в частности, весьма любопытное обстоятельство, когда именно предоставление равных возможностей русским и евреям породило исключительно конфликтную ситуацию. В то время, как наиболее социально-активная часть русских, а именно интеллигенция, промышленно-торговый класс и т. п. были либо физически уничтожены, либо изгнаны из страны, евреи с их повышенной социальной активностью получили исключительно благоприятные возможности и заняли многие ключевые позиции в общественной, экономической и культурной жизни.

Двадцатые и тридцатые годы в истории СССР — это период, когда евреи оказались второй по значению национальной группой, а в ряде областей едва ли не доминировали, хотя никогда не выступали как некая организованная группа. В результате попытка отказаться от изоляционизма натолкнулась на суровую реальность, а именно привела к редкому взрыву национализма, направленному против евреев, что вылилось затем в государственный антисемитизм.

Можно ожидать возражений, согласно которым опыт СССР не имеет всеобщего характера ввиду того, что национальный во-

прос и, особенно, еврейский там тесно переплетался с социальными и политическими аспектами советского общества. Но такого рода возражения неосновательны. Достаточно привести пример Германии, где отсутствие еврейского изоляционизма было казалось столь гармоничным.

Таким образом, можно утверждать, что еврейский изоляционизм, оформившийся в виде сионизма, оказался не реакционной утопией, а единственно правильным выходом из создавшегося положения, хотя, разумеется, острота еврейского вопроса в различных странах была и остается различной.

Рассмотрим теперь является ли реакционной утопией выдвигаемая Солженицыным идея ограниченного изоляционизма для России. Иначе говоря, можно задать вопрос, к чему привело бы современную Россию устранение всех без исключения барьеров, изолирующих её от западных стран и уравнение её политической системы с их политическими системами. Отвлекаясь от того, является ли современная парламентская система тем идеалом, к которому надо стремиться, представим, что произошло бы в том фантастическом случае, если бы СССР внезапно провозгласил бы её у себя.

Не надо быть ясновидцем, чтобы утверждать, что вместо вкушения сладких плодов демократии, огромная страна почти сразу превратится в арену кровавой смуты и насилия. Прежде всего эта смута была бы порождена многочисленными национальными конфликтами, в особенности, на окраинах страны, где проживает наряду с нерусскими большое количество русских, и процесс их размежевания отнюдь не был бы безболезненным.

Наиболее трагическим было бы положение в таких районах, как Украина из-за отсутствия чётких этнических границ и даже чёткого национального самосознания у многих жителей этих районов.

Одно это способно было бы погрузить страну в многолетнюю эпоху национальных войн и не только русских с нерусскими, но и различных нерусских национальностей между собой. Достаточно вспомнить, что представляло собой Закавказье в период с 1917 по 1921 г., когда Грузия, Армения и Азербайджан находились в состоянии постоянной междоусобной войны, которую приостановило только вступление Красной Армии.

Надо обладать слишком большим политическим идеализмом и неопытностью, чтобы не замечать этого.

Если даже последовать призыву Солженицына и предоставить свободу выхода из СССР отдельным республикам, это можно сделать лишь в условиях сильной власти, которая смогла бы полностью контролировать процесс такого выхода, не допуская анархии и беспорядков.

Надо полностью отдавать себе отчёт в том, что распад Советской колониальной империи сопровождался бы гораздо большими трудностями, чем, например, распад Французской, да и любой другой колониальной империи, поскольку во всех этих империях экспансия была направлена на территории, отделённые от метрополий морями и океанами, в то время, как экспансия Российской, а затем и Советской колониальных империй была направлена на смежные территории, не отделённые от метрополии естественными границами.

Таким образом, одного лишь национального вопроса хватило бы, чтобы похоронить все преимущества от введения неограниченных политических свобод в СССР.

Но и кроме кровавых смут вследствие национальных конфликтов имеются и другие потенциальные конфликты, способные одни сами по себе погрузить страну в хаос. Более, чем полувекое господство атеистической идеологии не могло не оставить своих пагубных следов в народах СССР. Несмотря на суровый полицейский режим утрата духовных и моральных ценностей, как регулирующих начал в жизни общества, привела страну к резкому падению морали и высокому уровню преступности, хотя, разумеется, аналогичные процессы происходили и происходят и в западных странах, превращая их в арену насилия. Внезапное введение неограниченных политических свобод вне всякого сомнения вызвало бы резкий взрыв преступности в стране, не имея по существу реального противовеса, если к тому же учесть, что страна в это время немедленно погрузится в смуту, вызванную национальными беспорядками.

Короче говоря, все длительное время накапливавшиеся в недрах советского общества конфликты вырвутся наружу, создадут в стране хаос, анархию, междоусобицу, что явится опасным не только для жителей СССР, но и для других стран.

Несомненно, что стихийный распад СССР и сопровождающая его внутренняя смута довели бы страну до такой степени слабости, что она легко смогла бы стать объектом любой агрессии, причём даже со стороны таких стран, которые в настоящее время об этом

и не помышляют. Как бы не оценивать реальность войны с Китаем в настоящий момент времени, можно не сомневаться в том, что видя перед собой агонизирующую страну, Китай не замедлил бы вторгнуться в Россию и свести с ней свои счёты, а тогда желанная политическая свобода надолго превратилась бы в нечто совершенно противоположное.

Но разве остались бы в стороне от соблазнительного дележа Румыния, мирная ныне Финляндия, Польша и т. п.? Каждая из них предъявила бы России свои счёты. Мировое равновесие сил стало бы быстро меняться, и вряд ли бы США и Западная Европа стали бы равнодушно глядеть на то, что Китай получил бы возможность огромной территориальной экспансии, что могло бы угрожать их интересам. Хаос в России вызвал бы срабатывание и других конфликтов в различных уголках земного шара, что повлекло бы непредвиденные последствия. Не закончился ли бы внезапное введение неограниченных политических свобод в СССР без надлежащего контроля со стороны власти новой мировой войной?

Сказанное выше, однако, отнюдь не означает признания необходимости вечного сохранения Советской колониальной империи в существующем виде. Если ничего не будет сделано для её ликвидации, рано или поздно взрыв произойдет всё равно, причём весьма вероятно, что осуществится картина, описанная Амальриком, который утверждал, что толчком для взрыва была бы война с Китаем.

Было бы великим благом, чтобы ликвидация колониальной Советской империи была проведена свыше сильной властью, а ею парламентская система заведомо быть не может. И это очень хорошо сознаёт Солженицын, являясь трезвым прагматиком в выборе средств для достижения своих политических идеалов.

Он требует от правительства следующего. Сохраниться в виде сильной власти, необходимой для осуществления жизненно необходимых преобразований, но отказаться от марксистского тоталитаризма. Если бы правительство СССР приняло бы предложение Солженицына, оно превратилось бы в обычную диктатуру, но это было бы огромным политическим прогрессом для страны. К сожалению, этого не понимают многие западные наблюдатели, легкомысленно приравнивающие тоталитарные режимы коммунистических стран к диктаторским режимам типа, имеющих в Греции, Испании, Чили и т. п. Хотя, разумеется, диктатуры слишком далеки от идеалов свободы и демократии, они по сравнению с то-

талитарными режимами, предоставляют гораздо больше духовной и личной свободы своим гражданам. Сравнение СССР с Грецией или Южной Африкой всегда возмущало советскую политическую оппозицию, что в свою очередь вызвало и вызывает недоумение за рубежом. Надо раз навсегда покончить с ошибочным и даже кощунственным приравниванием тоталитаризма к диктатурам. Оба вида режимов обладают огромными недостатками, но разница между ними, очень велика.

Требую от властей отказа от тоталитарной марксистской идеологии, Солженицын совершенно прав, ибо именно обветшалый марксизм превратился ныне в подлинный тормоз всякого истинного прогресса не только в СССР, но и во всём мире. Академик Сахаров также во многом прав, говоря, что реальная советская политика, как внутренняя, так и внешняя, не мотивирована идеологически. Но от этого вовсе не уменьшается опасность марксистской идеологии, как официальной идеологии СССР. Прежде всего она оказывает огромное развращающее воздействие на население, привикающее с детства к тому, что идеологическая ложь, цинизм и лицемерие становятся законом жизни. На средства народа содержится огромная армия марксистских жрецов из тупых невежественных начётчиков, быть может, представляющая самую тёмную и реакционную общественную силу в стране.

И хотя важнейшие решения, действительно, мотивируются не идеологически, наличие армии наёмных марксистов, наличие могущественного пропагандистского аппарата в партийных органах, не может не оказывать пагубного воздействия на многие стороны жизни страны, в особенности, на её духовную жизнь. Академик Сахаров, к сожалению, недооценивает огромной нравственной и социальной вредности этого влияния, ограничиваясь лишь проблемой мотивировки государственных решений.

Кроме того, официозный советский марксизм ныне является одним из основных видов советского экспорта в развивающиеся страны и западные левые движения. Необъятный советский пропагандистский аппарат, на который не жалеют денег, ведёт сам или через подставные организации массивную обработку молодёжи развивающихся стран, выдавая СССР за пример образцового решения социальных проблем. На самом же деле экспортный советский марксизм служит империалистическим целям внешней политики СССР и представляет собой серьёзную угрозу миру во всём мире. В свете этого трудно согласиться с точкой зрения Роя Медведева,

который желал бы видеть СССР под властью некоей очищенной марксистской идеологии.

Разумеется, высказываемая здесь критика марксизма, как устаревшей идеологии, ставшей тормозом общественного прогресса, вовсе не означает отказа от принципа социальной справедливости. Дело лишь в том, что марксизм закономерно приводит к обратным результатам. Он оказывается теоретическим оправданием тоталитаризма и ещё большего углубления социальной несправедливости по отношению прежде всего к трудящимся. Рой Медведев вряд ли согласился бы с тем, чтобы защищаемый им марксизм с человеческим лицом стал бы источником несправедливости и репрессий. Но тогда это будет уже не марксизм, а нечто совсем другое, ибо подлинный марксизм в его первоизданном виде в принципе отрицает всякие духовные и моральные ценности и признаёт насилие и человеконенавистничество как закон жизни.

Лучшие люди, участвующие в современном левом движении во всём мире, лишь по инерции считают себя марксистами. На самом же деле в попытке объединить принцип социальной справедливости с отказом от насилия и признавая духовные ценности, они так далеко ушли от первоначального марксизма, что сохраняют связь с ним лишь генетически.

По существу же дела в одном очень важном вопросе Медведев оказывается гораздо ближе к Солженицыну, чем Сахаров, ибо он признаёт целесообразность сохранения в СССР политической системы, отличающейся от парламентской, а это связано с существенным ограничением политических свобод.

Создаётся впечатление, что академик Сахаров несомненно исходя из самых благородных побуждений, всегда отличавших его деятельность, повторяет некоторые существенные заблуждения до-революционной русской либеральной интеллигенции, полагавшей, что простое провозглашение демократии приведёт Россию в состояние благополучия и свобод. Но вместо этого либеральная демократия, сменившая самодержавие в феврале 1917 г., ввергла страну в кровавый хаос, который она не смогла контролировать. Этот недолго просуществовавший либерально-демократический режим породил тоталитарный строй, господствующий и поныне.

То же, что предлагает Солженицын, является результатом критического анализа истории России, и хотя его письмо содержит ряд спорных положений, выдвигаемые в нем предложения, прагматичны и конструктивны.

Если бы программа, предлагаемая Солженицыным, была бы реализована, выиграли бы не только народы, населяющие СССР, но и народы всего мира. В этом её выдающееся международное значение. Только она позволила бы избежать кровавой смуты, которая неминуемо возникла бы как в результате военного столкновения, в ситуации описанной Амальриком, так и в том случае, если бы в СССР вдруг безо всякой подготовки были бы введены неограниченные демократические свободы.

Только она позволила бы избежать нового международного конфликта, который легко смог бы вылиться в новую мировую войну.

Дискуссия же, возникающая в СССР вокруг «Письма к вождям», вполне закономерна и её можно только приветствовать. Каковы бы ни были различия в точках зрения отдельных людей, высказывающихся по его поводу, ими движет искренняя забота о судьбах страны. Можно, однако, высказать предположение, что со временем, точка зрения, высказанная Солженицыным, будет приобретать всё больше сторонников, несмотря на то, что сейчас её разделяет ещё небольшое количество людей.

9 июня 1974 г.

“ ИЗ-ПОД ГЛЫБ ”

В четверг 14-го ноября, в Москве, на квартире Игоря Ростиславовича Шафаревича, выдающегося алгебраиста мирового масштаба, состоялась пресс-конференция, на которой было объявлено о выходе в Самиздате религиозно-философского сборника **Из-под глыб**. (Почти одновременно сборник вышел и в издательстве YMCA-PRESS.

Двумя днями позже, в Цюрихе, А. И. Солженицын, написавший для Сборника еще в России три статьи, в свою очередь устроил на дому пресс-конференцию, чтобы представить сборник западным журналистам.

«Позавчера, сказал он, в Москве вышел в свет, что значит вышел в самиздат, коллективный сборник мыслей разных авторов. Коллективного сборника такого объема, серьёзности основных поставленных проблем и решительности их трактовки, в полный разрез с официальной установкой, не было в Советском Союзе за пятьдесят лет. Все статьи этого сборника, включая три моих, написанных на родной земле, и решают вопросы не извне по отношению к своей стране, но изнутри. Сборник готовился давно, уже три года, он должен был появиться этой весной, в марте-апреле, и вот эта наша пресс-конференция должна была состояться в Москве. Но моя высылка затруднила окончание работы и затянула ее. Вместо весны, только поздней осенью собрались. Позавчера часть этой пресс-конференции, половина её, прошла в Москве, а сегодня, вторая половина её проходит здесь в Цюрихе. Разумеется московские участники этого сборника ставят себя в положение большой опасности. Я хочу привлечь внимание ваше к этой опасности, грозящей мужественным людям за то, что они высказали свое мнение в противоречие с мнением режима».

Почти все авторы сборника известны читателям «Вестника». Помимо Солженицына и Шафаревича (последний дал тоже три статьи), в сборнике приняли участие М. Агурский, Е. Барабанов, молодой историк Церкви В. Борисов, а также два автора, выступившие под псевдонимами (А. Б. и . Корсаков).

Солженицын пояснил, что полувековая задвленность мысли и подказала название **Из-под глыб** (фонетически перекликающееся со сборником **Из глубины**).

«Наши мысли, сказал он, пытаются пробиться под этими глыбами наверх, к свету, к общению. Тем, кто не испытал подоб-

ного 50-летия, даже трудно вообразить насколько при постоянном подавлении разбредаются мысли соотечественников. Соотечественники как будто бы перестают понимать друг друга, как будто не говорят на одном языке. Мучителен был процесс обществу лишиться речи, когда речь была запрещена, но не менее мучительно обществу возвратиться к речи. После такого перерыва неудивительно, что теперь среди инакомыслящих возникает такое резкое различие во мнениях. Мы отвыкли слушать, совершенно отвыкли вести дискуссии».

Как и его далёкие, но все еще актуальные предшественники, **Вехи** (1909) и **Из глубины** (1918), сборник **Из-под глыб** стремится «положить начало дискуссии о будущем России», наметить новое направление мыслей и действия. Это новое направление А. Солженицын на пресс-конференции определил словами «этическая революция». Революция политическая гласит: убивай другого и тогда наверняка наступит царство справедливости. Революция этическая предлагает: пожертвуй собой, и тогда, может быть, в мире будет немного больше справедливости.

Каждая из одиннадцати статей сборника имеет свою тему, свое лицо, свое определенное место в целом. Все они касаются наиболее жгучих проблем сегодняшнего дня не только в России, но и во всем мире.

В первой статье, написанной еще до того, как возник замысел сборника, в 1968 г., А. Солженицын оспаривает Сахаровскую теорию конвергенции Запада и Востока, и снова, но уже на более глубоком уровне, чем в **Письме к Вождям**, ставит вопрос о плюсах и минусах для сегодняшней России авторитарного строя. И. Шафаревич окончательно и бесповоротно отмежёвывается от всяких социалистических иллюзий. Он не сводит социализм к марксизму-ленинизму, а, проследивая его на всем протяжении истории, видит в нем, извечно присущую человеку, волю к разрушению и смерти. М. Агурский расширяет диапазон сборника, подвергая критике экономические системы как Востока, так и Запада, и намечая основные черты системы будущего. С большой чёткостью и строгостью И. Шафаревич анализирует острый вопрос национальной вражды в России, и ищет из него разумного выхода, одинаково удовлетворительного как для периферийных наций, так и для России. В центральной статье Солженицын развивает две свои излюбленные мысли о раскаянии и самоограничении в применении к национальной жизни. Полемизируя с запад-ническими статьями, появившимися в № 97 «Вестника» РСХД,

Солженицын восстает против тех, кто снимает с себя ответственность за русскую катастрофу и перекладывает ее на других, например на те или иные факторы в русской истории. В самоограничении, С. видит закон не только личный, но и общественной, экономической и национальной жизни.

А. Б. суммирует основные направления желательных перемен в духе христианской общественности. Ф. Корсаков описывает сложный и извилистый путь через смирение советского интеллигента, уверовавшего в Христа и желающего приобщиться к Церкви. Как бы возражая ему или его дополняя, Е. Барабанов призывает Церковь очнуться от своей придавленности и пассивности и почувствовать свою ответственность за историю. В. Борисов, полный текст статьи которого мы предлагаем читателям «Вестника», восстанавливает подлинное понятие нации как коллективной личности и призывает к национальному возрождению.

В последней своей статье, А. Солженицын, исходя из анализа интеллигенции в **Вехах**, раскрывает как за советское время интеллигенция расплылась и выродилась в образ в а н щ и н у, которая являет собой «древо мертвое для развития». Будущую закваску раздробленного и запуганного общества, Солженицын видит не столько в интеллигенции, сколько в новой нравственно-религиозной элите, которая утвердит себя через жертву. С этой установкой перекликается и заключительная статья сборника, написанная И. Шафаревичем: «Есть ли у России будущее?». Несмотря на разруху, несмотря на гонения, Шафаревич не отчаивается в будущем России, если только каждый почувствует, что это будущее в его руках, и встанет на путь индивидуальных усилий и жертвы.

Из-под глыб несомненно одно из самых крупных событий в жизни России за последние годы. Одно его появление показывает, что в России уже зазеленели побеги, обещающие оздоровленное будущее. **Ред.**

Вадим БОРИСОВ

Личность и национальное самосознание

Многими в нашей стране сейчас владеет ощущение, порой безотчетное, что Россия пережила свою Голгофу и вплотную приблизилась к какому-то новому историческому пределу.

Но что это — грань распада, о чем, казалось бы, с вещественной убедительностью свидетельствует нарастающий поток эмигрантов? — или предчувствие воскресения?

Надежда и вера борются с отчаянием или глухим злорадством; в завязавшемся споре о России все яснее слышатся ноты подлинно апокалиптической тревоги.

Кто мы — проклятое и развратное племя или великий народ? суждено ли нам будущее — или Россия являлась в мир лишь за тем, чтобы, по безумному пророчеству Константина Леонтьева, родить из своих недр антихриста? что ждет нас — разверстая бездна или крутой и тяжкий подъем?

Уже одно то, что все эти запретные, заклятые, полузабытые, но вечные вопросы мучат мысль и совесть всего живого, что есть в России — само по себе грозный симптом. Так беспощадно и так в упор ставятся они только в канун решающих исторических сдвигов: так было в начале XVII, и в начале XVIII, и в начале и середине XIX и, наконец, в начале XX веков.

Будущее, как известно, отбрасывает тень, и нам, в этой тени живущим необходимо разглядеть его контуры, памятуя о горьком, но и глубоком опыте наших предшественников. Необходимо, если мы хотим продолжать осмысленное историческое существование.

Еще так недавно это воскрешение спора о России, после пережитых ею лет, казалось невозможным. И то, что случилось сейчас, подает первую надежду: что близится конец безапелляционным марксистским решениям и предначертаниям её судеб, что её искалеченные душа и тело отныне с а м и начнут искать путей своего исцеления.

*) В сокращенном виде эта статья вошла в первое издание сборника «Из-под глыб», так как окончательная её редакция была получена Издательством YMCA-PRESS с опозданием.

Но в этом споре дано нам и предостережение. Идеологическая глыба, долгие годы давившая русскую жизнь и мысль — сделала свое: русское самосознание выбирается из-под неё навстречу неведомому будущему как никогда расщепленным. Все прежние нерешенные противостояния русской мысли вновь воскресли, но теперь они обострены, осложнены и искажены нашим небывалым полувековым опытом. Сейчас от их решения не риторически, а реально зависит ж и з н ь нашего народа.

И если нам не удастся открыть в с е б е источник сил, способных стянуть разорванное национальное сознание к единому духовному центру, все нынешние возбужденные попытки общественной жизни могут оказаться последней агонией России.

1

Быть может, ни один вопрос сегодня не вызывает к себе такого напряженного, болезненного отношения, как вопрос о возможностях, началах, путях и формах русского национального возрождения.

Откуда это напряжение?

Последние десятилетия нашей жизни многих привели к пониманию давно известной, но вечно пренебрегаемой истины, что для гибели народа совсем не нужно его полного физического уничтожения — довольно лишь отнять у него память, мысль и слово — и д у ш а народа будет убита. Еще долго история может наблюдать леденящее зрелище роста обездушенного и омертвевшего тела, но в свой срок она становится свидетелем его предрешенного распада.*

Такая судьба, по распространенной сейчас оценке, ждет русский народ.

Но этого исхода не может равнодушно стерпеть никакое человеческое сердце, если Россия для него — не только «тюрьма народов». Из этого чувства рождаются и множатся пусть неуверенные, пусть ошибочные пока, но ж и в ы е попытки нащупать пути спасения народной души, возрождения её.

* Еще А. С. Хомяков в споре с «прогрессистами» ясно понимал, что у любого народа «может усовершенствоваться наука, а нравы могут упадать и страна гибнуть; может разграфляться администрация и, следовательно, по-видимому, приходить в порядок, а народ упадать и страна гибнуть. Может скрепляться случайный центр, а все члены слабеть и болеть и страна опять-таки гибнуть.»

В разных группах теперешнего образованного слоя это стремление к национальному возрождению, уже ясно обозначившееся, понимается и принимается по-разному: от безоговорочной поддержки л ю б ы х его форм до безоговорочного отвращения к самой идее его.

Недавняя — и д ля щ а я с я до сих пор — полемика вокруг «Письма вождям Советского Союза» А. Солженицына с предельной очевидностью обнажила этот спектр.

Обострение национальных чувств у различных народов, входящих в состав Советского Союза ныне есть факт, который невозможно утопить в хвастливых словах о «новой исторической общности». На деле обнаруживается, что эта общность — не слишком прочная идеологическая кора, едва сдерживающая подземные толчки насильственно сжатых национальных энергий. Но в то время как движения в защиту национальной самобытности среди, скажем, народов Прибалтики встречают неизменное сочувствие в либерально-демократических кругах нашего общества, сходные стремления в самой России сталкиваются с острым недоверием, отчуждением, страхом и прямой враждебностью этих же кругов.

Ближайшее историческое объяснение такого, на первый взгляд парадоксального, положения всем известно.

Устойчивое отвращение интеллигенции к фальшивому, казенному патриотизму, в русло которого Сталин стремился внести подлинный национальный подъем военных лет (в памяти последующих поколений этот «патриотизм» неотрывно связан с облавами на «космополитов» и арестами евреев); чувство вины за политику руссификации окраинных республик; неприязнь к чиновничьему антисемитизму — все это служит непосредственными поводами гуманистического протеста против «великорусского шовинизма» или иначе — «национализма».

Однако, ряд публицистических выступлений последних лет (работы Г. Померанца, Р. Медведева и др., а в недавнее время, к сожалению, позиция А. Сахарова) и опыт личного общения с представителями нынешней интеллигенции заставляют думать, что истинное содержание этого протеста, направленность его гораздо шире и глубже. Автору этих строк не раз приходилось убеждаться, что не только н а ц и о н а л и з м как специфически очерченная идеология (о ней речь ниже), но л ю б ы е проявления русской национальной психологии и сознания вызывают в этой

среде (за немногими исключениями) скептически-враждебное, в лучшем случае, настороженное отношение.

Повторяется ситуация, которую некогда С. Булгаков счел характерной для русского предреволюционного общества — «моральный бойкот и самобойкот национального самосознания». Повторяется, разумеется в обновленных формах, но существо её остается прежним. Бойкот ведется во имя защиты высшего достоинства человеческой личности.

В сознании нашей прогрессивной, гуманистически настроенной интеллигенции потому не существует отчетливой грани между «национальным» и «националистическим», что саму природу национального чувства оно склонно подозревать в нравственной неполноценности и недоразвитости.

Несмотря на смертельные удары, которые в XX столетии были нанесены вере в человека как такового, в прогрессивное расширение его прав, эта вера в силу каких-то необъяснимых, иррациональных причин продолжает оставаться основным постулатом нравственного сознания современной либерально-демократической интеллигенции (пользуюсь этим условным определением вынужденно, за неимением более подходящего).

Вера эта вдохновляла и вдохновляет высокие образцы самопожертвования — они у всех на памяти.

Но она же, как увидим, лежит в основе процесса денационализации безрелигиозного гуманистического сознания — и это приоткрывает её внутреннюю двойственность и трагическую противоречивость.

Свобода личностей и объединение их в общечеловечестве — альфа и омега гуманистического мировоззрения, формула прогрессивного развития истории человеческого рода, её наиразумнейший итог. С точки зрения этого идеала наша жизнь мыслится как одна из переходящих форм исторической общности людей, с какого-то момента (предлагается, что этот момент уже наступил) становящаясь помехой на пути к достижению высшей формы человеческого общежития, и во всяком случае, как нечто низшее по сравнению с этой сияющей целью.

Независимо от оттенков, этому мировоззрению, обычно окрашенному в социалистические тона должны быть близки знаменитые слова В. И. Ленина о том, что «целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государ-

ства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их».*

Освобождение от национальных пут входит в план гуманистического раскрепощения личности. Поэтому всякое оживление национальных чувств, если только оно не связано с освободительной борьбой от чужеземного политического гнета (наш-то гнёт — с в о й!) воспринимается как атавистическая реакция, подлежащая безусловному осуждению.

В рамках этого, насквозь рационалистического мышления, решение вопросов о взаимоотношениях личности и нации, нации и человечества не вызывает затруднений.

Подверженность личности национальным эмоциям, сознательное утверждение ею своего национального бытия у неё высшее достоинство, отдаёт её свободу во власть слепой племенной стихии, гасит её разумные стремления в хаосе родовой жизни.

Между тем, поскольку разум осознал и научно обосновал историческую ограниченность национальной общности, всякое излишнее настойчивое её подчеркивание в наши дни, всякое неумное цеплянье за национальное своеобразие служит препятствием грядущему объединению всего человечества, служит силам разделения и реакции.

Не мне одному, вероятно, часто приходится слышать упреки, а то и суровые моральные выговоры русским писателям (в их числе величайшим национальным гениям) за то, что у них недоставало духовных сил справиться с этим низменным инстинктом.*

* Более индивидуалистично и романтично формулировал это стремление стяхнуть национальные пути ранний Фихте: «пусть земнорожденные, признающие в земной коре, реках и горах свое отечество остаются гражданами погибшего государства... Но солнцеподобный дух неудержимо притягивается и направляется туда, где свет и право. И в этом всемирно-гражданском чувстве мы можем успокоиться...».

* Отметим здесь характерную особенность восприятия русской культуры, нередко встречающуюся в сегодняшней интеллигенции. Декларируемая любовь к её «высшим достижениям» вполне уживается с презрительным отвращением к русской истории, со страхом перед «зверским ликом» русского народа, с насмешливо-снисходительным отношением к его духовным ценностям. Эти «высшие достижения» воспринимаются не как органическое проявление, а как необъяснимая аномалия русской жизни. Здесь, по-видимому, искренне утрачено понимание и ощущение неразрывной связи индивидуального гения с гением народа. И потому в противопоставлении России и её духовной культуры не видят ничего противоестественного.

Но так ли самоочевидно разрешение этих больших вопросов, как кажется приверженцам рационалистического гуманизма? И на чем покоится эта обескураживающая уверенность в его нравственной правоте?

Чтобы понять это — приглядимся поближе к центральному понятию, которым так любят пользоваться все нынешние гуманисты — личности.

И здесь мы сразу же вступаем в область непреодолимых недоумений.

Нам будет нетрудно получить разъяснения, какие именно равные права принадлежат личности, мы услышим, конечно, про её высокое достоинство, а если спросим, — что же такое личность? — то нам, вероятно, определят ее как «совокупность психических свойств» или как-нибудь еще.

Но едва ли мы сможем добиться удовлетворительного ответа на вопрос: в силу чего, собственно, все эти права непременно должны принадлежать личности, почему мы обязаны признать, что одна «сумма психических свойств» равна другой? С какой стати? Разумеется, нам сошлутся и на «естественное право», и на «общественный договор», и на «требования разума», и на «присущее нам моральное сознание» и т. д. в том же роде, но на исходе XX века лишь при какой-то странной аберрации сознания можно всерьез признавать все это незыблемым основанием правовой идеи.

Мы с удивлением обнаруживаем, что отстаивая достоинство и неотъемлемые права человеческой личности, нередко кладя за них голову, терпя лишения так называемый «рационалистический гуманизм» не имеет, в сущности, на это никаких достаточных причин и оснований.

Когда-то американские поселенцы, впервые провозгласившие «вечные права человека и гражданина» обосновывали их тем, что каждая человеческая личность носит в себе образ и подобие Бога и потому имеет абсолютное значение, а следовательно, и право на уважение к себе всех других.

Рационализм, позитивизм и материализм, развивавшиеся в борьбе с религией, преемственно разрушали и разрушили память об этом абсолютном источнике человеческих прав. Безусловное равенство личностей в Боге выродилось в условное равенство человеческих индивидуумов в праве.

Утратив свое высшее обоснование, понятие личности могло быть определено также условно, а потому неизбежно произвольно. В праве конкретная личность превратилась в метафору, бессодержательную абстракцию, стала юридическим субъектом, к которому был отнесен набор правовых свобод и ограничений.

И здесь, в этом допущении условности личности лежит зачаток её бедственных мытарств в нашем одичавшем мире. Если условна личность, то и права ее условны. И также условно признание ее высокого достоинства, вступающее в нестерпимое противоречие с окружающей нас реальностью.

Но условность по самой сути своей не есть нечто незыблемое и нечто обязательное. Определенное условие может сохраняться лишь до тех пор, пока существует сила, его поддерживающая. Но коль скоро сила эта иссякает, ничто логически не мешает нам это условие нарушить.

Если личность условна, а не абсолютна, то призыв уважать её — не более, чем благое пожелание, и в нашей воле либо отозваться на него, либо отвергнуть. И когда находится сила, делающая принципом своего существования не уважение к личности, «рационалистическому гуманизму» логически нечего ей противопоставить.

Оборвав связь личности с абсолютным источником ее прав, и утвердив их как нечто само собой разумеющееся, мировоззрение это с самого начала несло в себе внутреннее противоречие, очень скоро осознанное его более логичными преемниками. Дарвин, Маркс, Ницше, Фрейд (и многие-многие другие) каждый по-своему разрешили его, не оставив камня на камне от слепой веры в высшее достоинство человека. Они свели личность с призрачного гуманистического пьедестала, сорвали с неё и осмелили ореол святости и неприкосновенности, и указали ей подобающее место: то ли камешка, мостящего путь «сверхчеловеку», то ли капельки, предназначенной вместе с миллионами других удобрить историческую почву для счастья будущих поколений, то ли комочка плоти, бессмысленно и мучительно влекущегося к слианию с себе подобными...

В них гуманистический бунт человечества против Бога нашел свое теоретическое, непротиворечивое завершение. «Присущее нам моральное сознание» было объявлено самообманом, вредной иллюзией, фикцией, — в полном соответствии с рациональными установками сознания.

Тоталитаризм нашего века, по-носорожьки топтавший личность вместе со всеми её правами, был лишь приложением теории к жизни, практически м итогом гуманизма.*

Но странным образом, вопреки логике исторического развития гуманизма, его первоначальная разновидность (определенная нами выше как «рационалистический гуманизм») не целиком динулась по этой столбовой дорожке разума и дожила почти неизменной до наших дней, представляя собой, по существу, архаический пережиток едва ли не XVIII века.

Сохранив инерцию нравственного чувства, неестественно соединенного с атеизмом ума (не души!), продолжая верить в неотъемлемые права человека как такового, этот утопический гуманизм отказывается признавать свое историческое родство с «гуманизмом», ставшим реальностью. Более того — он борется с ним за эти права.

В этой борьбе, в силу исторической иронии, столкнулись два момента — начальный и завершающий — одного и того же процесса. Борьба эта неравна, и положение утопического гуманизма в ней — мучительно. Как уже было сказано, ему нечего логически противопоставить своему жестокому и последовательному младшему родственнику.

Его мужественный протест питается иррациональным источником, тем нравственным светом, который внесла в мир религия, но этого «рационалистический гуманизм» не в силах признать, не перестав быть самим собой.

Судьба его трагична: она свидетельствует о неистребимости нравственной природы человека, но вместе с тем — о тех мучительных тупиках, куда заводит забвение религиозной основы этой природы. Именно потому, что сознание это остается атеистическим, оно так часто либо соскальзывает в отчаяние, либо, отрекаясь от себя, принимает веру в спасительность насилия, на пути которой личность — всегда с р е д с т в о .

Гуманное отношение к миру (слова эти более точны, чем двусмысленное понятие «гуманизм»), но помнящее о своем происхождении покоится на непрочных, шатких основаниях. Как однажды заметил Достоевский, такая беспамятная «гуманность есть

* Эта бегло указанная нами эволюция подробно прослежена русской мыслью в лице Ф. Достоевского, С. Булгакова, С. Франка, Н. Бердяева, о. Павла (Флоренского) и многих других. К их работам мы и отсылаем заинтересованного читателя.

только привычка, плод цивилизации. Она может совершенно исчезнуть.»

Нужно ли приводить примеры, тысячекратно подтвердившие страшную правоту этих слов?

Невыясненность и абстрактность понятия личности в гуманистическом мировоззрении уже одним этим подрывает доверие к решению им вопроса об отношении личности и наци и . Гуманизм абыл, что такое личность. Но может быть он забыл и что такое нация? Не следует ли вообще говорить об отношениях личности к чему бы то ни было на почве того мировоззрения, в котором родилось само это понятие? на почве христианства?

2

Но тут мы слышим вдохновенное возражение из апостола Павла: «нет уже эллина, ни иудея...»

Это возражение по своей авторитетности считается теми, кто произносит его (например, А. Краснов-Левитин в № 106 «Вестника РСХД»; да и кто только им не пользуется) до того непрекращаемым и убийственным, что весь вопрос об отношении личности к нации с христианской точки зрения как бы и не есть вопрос, или во всяком случае, вопрос давно решенный. Личность для христианства — есть, нации для христианства — нет.

Мы и не собираемся пререкаться с апостолом Павлом, ни тем более оспаривать его авторитет. Он действительно написал процитированные слова. Однако, у них есть продолжение, о котором почему-то всегда забывают защитники христианского «универсализма» (псевдо-универсализма, скажем мы, забегая вперед): «...ни женского пола, ни мужского...»

Возьмут ли на себя эти защитники смелость утверждать, что для христианства с его учением о браке различия полов — нет?

Не значит ли это, что апостол язычников хотел сказать: между эллином и иудеем, между мужчиной и женщиной, между рабом и свободным нет различий только в каком-то одном отношении? Он и сказал это с совершенной определенностью в другом месте: «...Писание говорит: «Всякий, верующий в Него (Господа Иисуса), не постыдится. Здесь нет различия между Иудеем и Эллином, потому что один Господь у всех...» (Рим., 10.11-12)

И если уж продолжать аргументировать от Писания, то задумывались ли когда-нибудь наши «универсалисты» над такими, к примеру, словами: «**Все народы, Тобою сотворенные...**» (Пс. 85/86.9)? Вспоминают ли они о том, что благовестие было принесено Христом не разрозненным индивидуумам, а народу Израильскому как **ц е л о м у**? Или слова Христа: «шедше научите **все языци...**»?

И не значит ли это, что вопреки их утверждениям «проблема нации» все-таки **с у щ е с т в у е т** для христианства и что попытки отделаться от неё (и даже морально уничтожить) пятью неверно понятыми словами — по меньшей мере неосновательны и преждевременны?

Однако, в наш атеистический век даже многие христиане недолюбливают «аргументов от Писания». И это принуждает нас перенести вопрос в несколько, хотя и не вовсе, иную плоскость.

Что же такое **н а ц и я**? В чем сущность этой загадочной человеческой общности, которую уже не первый век «универсалисты» разного рода заклинают «аминь, аминь, рассыпья» — а она все не рассыпается? В единстве территории? хозяйства? языка? инстинкте рода? — или же во всем этом вместе взятом? А может в чем-то ином?

В записной книжке Достоевского есть слова: «**Н а ц и я** есть ничего больше, как **н а р о д н а я л и ч н о с т ь**».

К этой мысли он возвращался много раз, она была одним из самых глубоких и заветных его переживаний.

И эту **н а р о д н у ю л и ч н о с т ь** он понимал не метафорически, не отвлеченно, но именно как живое **л и ч н о с т н о е е д и н с т в о**. В ней он видел **д у х о в н у ю р е а л ь н о с т ь**, связующую в единое целое все конкретно-исторические, эмпирические проявления народной жизни.*

Но, скажут нам, Достоевский был «мистик», с него и спрос невелик. Однако —

«нация не есть собрание разных существ, это есть организованное существо, даже более — **н р а в с т в е н н а я л и ч н о с т ь**. Воссияла удивительная тайна — великая душа Франции».

* Эта интуиция гения была философски разработана в русской литературе трудами Л. Карсавина, Н. Трубецкого, Н. Лосского и др.

Автор этих слов далеко не мистик. Они принадлежат известному историку французской революции Мишле. Мы не хотим утомлять читателя цитатами и просим поверить на слово, что у многих духовно-чутких людей всех времен и народов, при всей равности их мировоззрений встречается эта мысль, хотя и с неодинаковой степенью отчетливости.

Только еще одну, зато характерную цитату приведем мы из А. Герцена, великого писателя и мало понятого кумира русской интеллигенции; который глубоко чувствовал эту тайну национальности:

«Мне кажется, — писал он, — что есть нечто в русской жизни, что выше общины и сильнее государственного могущества; это нечто трудно уловить словами, а еще труднее указать пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознательной силе, которая столь чудесно сохранила русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под **в о с т о ч н ы м т а т а р с к и м к н у т о м** и под **з а п а д н ы м и к а п р а л ь с к и м и п а л к а м и**; о той внутренней силе, которая сохранила прекрасные и открытые черты и живой ум нашего крестьянина под унижительным гнетом крепостного состояния, и которая на царский приказ образоваться ответила чрез сто лет громадным явлением Пушкина; о той, наконец, силе веры в себя, которая жива в **н а ш е й** груди. Эта сила ненарушимо сберегла русский народ, его непоколебимую веру в себя, сберегла вне всяких форм и против всяких форм.»

Это ощущение нации как **л и ч н о с т и**, высказанное одиночками, совпадает и поддерживается народным самосознанием, запечатленным в фольклоре. Образ ее открыто управляет нашей речью, когда мы говорим о «достоинстве» народа, о его «долге», «грехе» или «ответственности», то есть опять-таки реально, а не метафорически пользуемся категориями, приложимыми лишь к нравственной жизни **л и ч н о с т и**.

И, наконец, бездонную тайну её конечных судеб — здесь нам снова не обойтись без Св. Писания — тайну её **н е у н и ч т о ж и м о с т и** и **н е о г р а н и ч е н н о с т и** временем и пространством, или, другими словами, тайну её **м е т а ф и з и ч е с к о й с у щ н о с т и** приоткрывает Апокалипсис:

«Спасенные **н а р о д ы** будут ходить во свете его (грядущего Града Божьего — В. Б.)... и принесут в него славу и честь народов» (Откр. 21.24-26). И — говорит св. Иоанн Богослов,

возлюбленный ученик Христа — это сбудется после того, как минуют прежнее небо и прежняя земля.

Восприятие нации как личности непереводаемо до конца на язык рациональных понятий, и потому остается совершенно чуждым рационализму и позитивизму, не говоря уж о материализме (мы говорим именно о мировоззрениях, так как среди конкретных носителей их встречаются, конечно, исключения).

Однако, убедиться в её реальности, отличной от повседневных проявлений народной жизни, отчасти можно не обладая ни религиозным мировоззрением, ни какой-то особой духовной чуткостью. Для этого довольно внимательно и непредвзято вдуматься (не говорю — пережить!) хотя бы в более чем столетний опыт русской эмиграции.

Отрясая с ног своих прах ненавистного и деспотического отечества, обличая и проклиная его невыносимое уродство бежали многие русские люди в Европу, «страну святых чудес», бежали навстречу свободе, равенству и братству. Но проходило немного времени, и в душе тех же самых людей возникало безотчетное, неожиданное для них и нежеланное чувство какой-то невосполнимой утраты. И многие из них понимали, что дело здесь — не только в непривычной среде или чужом языке (ведь большинству их европейские языки и европейские условия были знакомы не хуже своих), а в чем-то ином... Постепенно «страна святых чудес» начинала казаться им «мерзостью запустения», а собственное существование в ней, часто вполне благополучное — призрачным и фантастичным.

И внезапно связь с родиной, эта, по словам Марины Цветаевой, «разоблаченная морока» делалась для них чем-то единственным важным, имеющим непосредственное отношение к самой сердцевине их бытия. * Приходило сознание, что за внешними проявлениями жизни своего народа они не заметили чего-то главного, той целостной сущности, о которой писал Герцен. Раньше они не подозревали о ней, и лишь теперь, в своей оторванности от нее начали смутно догадываться о ее истинном значении, о Рос-

* «Начавши с крика радости, — свидетельствует А. Герцен о своем духовном опыте — при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину. Вера в Россию — спасла меня на краю нравственной гибели... За эту веру в нее, за это исцеление ею — благодарю я мою родину.»

сии — личности, к которой их собственные личности каким-то таинственным образом оказались накрепко привязанными. И в темной родине для этих людей вдруг открывался источник света, и они неудержимо тянулись к нему, не останавливаясь даже перед неминуемой гибелью.

Здесь лежит разгадка духовной природы знаменитой и загадочной русской ностальгии, этого необъяснимого чувства утраты целого, без которого, оказывается, невозможна для человека полноценная жизнь.

Это чувство без разбора поражало западников и славянофилов, позитивистов и мистиков, русских православных и русских католиков, доводило до душевных заболеваний, — и нередко — до полного распада индивидуальной личности. Всю жизнь Россия продолжает мучить своих изгнанников и беглецов; не бескрайность её равнин, ни красота её «берёзок», над которыми сейчас так принято потешаться, и даже не какие-то особые свойства русской души — но она сама, её неведомое до поры лицо обладает, по-видимому, такой притягательной силой.

И, может быть, оттого, что рационализм и материализм в России имел сравнительно недолгую историю, чувство это в русской эмиграции достигает чрезвычайной остроты, свидетельствуя о неразложенной до конца душевной способности ощущать свою причастность к целому, о живом сознании включенности своей индивидуальной личности в более сложное единство — собирательную или, на традиционном языке русской мысли, соборную народную личность.

Её мы и называем нацией.

Выше мы сказали о том, что личность в своем подлинном значении — понятие специфически христианское.

Античный мир не знал его; сознание его было целиком индивидуалистично: греки, например, презирали всех варваров, римские граждане — всех не-римских граждан.

Мы забыли о христианском источнике наших представлений о «личностном», как о чем-то, что сообщает каждому индивидуальности её абсолютность, неповторимость и несводимость к другим индивидуальностям — и это забвение угрожает окончательно лишить смысла слова, которыми все мы так охотно пользуемся.

Мы часто смешиваем в своей речи понятия личности

и и н д и в и д а , употребляем их как равнозначные. А между тем, для христианского сознания они — едва ли не полярны.

Это требует пояснений.

Для христианской мысли мир — не просто механическая совокупность его видимых частей, но определенная иерархия, все уровни которой пронизаны личностным началом. Это относится и к строю Божественной жизни, тайна которого воплощена в троичном догмате о взаимоотношении Трёх Лиц Единого Бога; но это же относится и к строю жизни человечества, поскольку «христианство, — по словам св. Григория Нисского, — есть некое подражание природе Божией». Христианское богословие различает в Боге единую природу и её существование в лицах (или личностях). И это же различие должно лежать в основе всякой христианской антропологии и может быть, на наш взгляд, применено к решению вопроса об истинном месте и значении наций-личностей, в человечестве.

Источником христианского понимания этого вопроса служат два великих события мировой истории — Воплощение и Пятидесятница.

Ко времени Христа на земле существовало множество народов, занимавших разную территорию, говоривших на разных языках, враждовавших друг с другом. Было ли их появление простой исторической случайностью? Слова Писания о «сотворенных народах» заставляют ответить на это предположение отрицательно: существование народов принадлежало плану творения, входило в замысел Божий о мире. Но в своей истории народы лишились общей меры, и эту общую меру вернул им Христос.

Восприняв в Воплощении совершенную человеческую природу, Он навсегда утвердил природное единство человечества, некогда заключенное в личности первого человека — «ветхого Адама».

Но Христос являлся в мир не за тем, чтобы упразднить замысел Творца. Не для того он вошел в плоть истории, чтобы отменить её, а для того, чтобы стать её духовным средоточием, энергией и целью.

Природа человечества едина, — говорит христианство, — но «всякая природа содержится в чьей-то личности и не может иметь иного существования.»* Иначе говоря,

* Слова эти принадлежат авторитетному богослову Восточной Церкви Леонтию Византийскому.

христианство принесло в мир представление о множественности личностей единого человечества. И не только индивидуальных, но и народных.

Этот смысл, в частности, можно видеть в событиях дня Пятидесятницы, когда Св. Дух сошел на апостолов, и они получили дар говорения на разных языках. «И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламцы, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фрагии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?»

Не в одноязычии мира, но в разноязычии апостолов родилась христианская Церковь, и этим была утверждена множественность национальных путей к единой цели.

Теперь мы можем легко понять, в чем, с христианской точки зрения состоит разница между личностью и индивидом и что принципиально новое вносит понимание нации как личности в так называемый «национальный вопрос».

Индивидуум — это воплощенное отрицание общей меры в человечестве, это — дробление единой человеческой природы, самозамыкание и самоабсолютизация её, по существу, однородных частиц, происходящие из смешения природы и личности. Индивидуумы — как люди, так и нации — не проницаемы друг для друга.

В противоположность индивиду личность — не часть какого-либо целого, она заключает целое в себе. Личность не дробит единой природы, но содержит в себе всю ее полноту, и потому понятие личности предполагает наличие общей меры в человечестве.

(Эти рассуждения должны казаться и, вероятно, кажутся современному сознанию излишне отвлеченными, далекими от сегодняшней тревожной реальности. Но — немного терпения — и мы увидим, к каким практическим последствиям ведет забвение и искажение этих христианских понятий.)

Но если нация — соборная личность, от Бога получающая свое бытие, то её нельзя определять ни как «историческую общность людей», ни как «силу природную и историческую» (Вл. Соловьев). Нация есть один из уровней в иерархии христианского

космоса, часть неотменимого Божьего замысла о мире. Не историей народа создаются нации, но нация-личность реализует себя в истории народа, или, другими словами, народ в своей истории осуществляет мысль Божию о нем.

В этом смысле нация отлична от эмпирического народа. История народа — это история самораскрытия его личности. Не существует конкретного момента народной жизни, который не был бы проявлением самой этой личности, но и обратно: никакое историческое состояние народа не исчерпывает всей полноты его личности.

Отдельные этапы ее самораскрытия могут резко противостоять друг другу, как это случается и в индивидуальной жизни человека; на этом пути возможны страшные падения, но — пока живо в народе сознание личного единства, и, следовательно, своей свободы — возможны и подъемы из глубочайших бездн.

Самосознание всеми членами народного целого своего личного единства и есть то, что мы называем национальным самосознанием. Оно связывает воедино все стороны, все эмпирические проявления исторического бытия нации; оно направлено, по выражению Вл. Соловьева, к постижению в судьбе и духе народа того, «что Бог думает о нем в вечности». Непременным условием существования и развития его является историческая память, разрушение которой вносит в самосознание народа болезненные искажения, приводит его к пагубному самоотжествлению своей личности с данным мгновением ее бытия, к забвению того, что всякая эмпирическая личность несовершенна и лишь в непрерывном сознательном становлении может приблизиться к полноте личной жизни.

Разрушение исторической памяти убивает в народе духовную тягу к этой полноте, калечит его нравственную личность, уничтожает веру в возможность творческого преодоления зла и надежду на возрождение.

Признание народов личностями ведет к признанию их равенства, дает каждому из них непрерываемое право на уважение и любовь всех других, утверждает абсолютную ценность их национального своеобразия.

Но как согласовать свободу индивидуальной человеческой личности с ее принадлежностью к национальному целому?

Никакой человек не рождается в мир безличным существом, чистой возможностью. Для того, чтобы свободно самоопределяться в земной жизни, он к моменту своего появления уже должен быть качественно определенной, и в том числе — национально определенной личностью. Правда, эта определенность существует лишь как идеальная заданность, как метафизическая основа нашей духовной природы, она не нарушает и не умаляет дара человеческой свободы. Всякая личность вольна уклониться от исполнения своего довременного предназначения, вольна отвергнуть Божий замысел о себе, забыть о корнях своего бытия. Однако, разрушить до конца этих корней она не может.

Какие бы новые качества не получил человек в переменчивых условиях своей жизни, в последних глубинах его сознания, в «прапамяти» всегда хранится смутное представление о своем происхождении, о своем «первообразе», и у многих людей оно часто становится источником мучительной, иррациональной неудовлетворенности жизнью, превращаясь в чувство какого-то неисполненного призвания.

Но перед каждой человеческой личностью всегда открыт и другой путь — путь самопознания, открытия в глубине собственного «я» духовного источника его бытия. И на этом пути человека к Богу рано или поздно вступает в свои права национальное сознание, сознание метафизической включенности собственного «я» в соборное «я» народа, и через него — и соборное «я» человечества.

Однако, все эти соотношения могут рассматриваться лишь как принципиальная установка христианского сознания. Реальная человеческая жизнь всё еще бесконечно далека от их осуществления. И как во времена первоначального христианства, они лишь указывают путь, на котором человечество может достичь полноты личного бытия.

На языке христианства это высшее качество личного бытия называется Церковью. Человечество как Церковь и есть полнота будущего, к которому призвана стремиться непрерывно меняющаяся реальность существующего мира, чтобы соединиться со своим Творцом.

Но каждая личность, индивидуальная или национальная, идет к этому соединению только ей свойственным путем, в себе

стремится раскрыть эту полноту, и только так достигается истинная полнота целого.

Христианство зовет человечество не к отказу от разнообразия составляющих его личностей, не к образованию из себя некоей бескачественной сплошности. Оно зовет его к преображению, к тому, чтобы все в нем проросло «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4.13). Каждый народ, каждая индивидуальная личность должны обрести свою полноту в Церкви. И когда это осуществится, когда все народы достигнут этой цели, — тогда исполнится совершенство **с о б о р н о й л и ч н о с т и** человечества — Церкви Христовой, в которой духовный опыт народов, их «слава и честь» будут сложены к ногам Христа.

«Все народы, Тобою сотворенные, придут и поклонятся пред Тобою, Господи, и прославят имя Твое».

Это и есть **с в о б о д н о е** общее дело человечества.

3

Разрушение христианской основы национального было губительным для его дальнейших судеб.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы на почве христианства не возникало его болезненных искажений — то в форме отвлеченного псевдо-универсализма, то — религиозного национализма. На практике эти искажения нередко влекли за собой многочисленные человеческие жертвы, и было бы нестерпимым фарисейством со стороны христиан снимать с себя историческую ответственность за них.

Однако, подлинное вырождение национального сознания началось с распространением атеизма, рационализма и материализма.

В результате этого вырождения сложились две (если брать их максимально широко) атеистических идеологии — **у н и в е р с а л и з м** и **н а ц и о н а л и з м**.

Обе они имеют мировое распространение, обе проявились в прошлой русской жизни, и доныне сильно влияют на её ход.

Первой из них мы отчасти уже коснулись, выясняя национальную позицию «рационалистического гуманизма». Теперь мы можем иначе и шире рассмотреть эту идеологию и попытаться оценить её подлинный смысл и роль, которую, независимо от субъективных намерений её приверженцев, она сыграла в истории России и **м о ж е т** сыграть в истории человечества.

Разложение целостного национального самосознания, опиравшегося на христианскую основу, началось в России особенно бурно благодаря свирепым реформам Петра I, — первого русского нигилиста. Мы не можем в ограниченных рамках этой статьи следить за подробностями этого процесса, приведшего к мучительному раздвоению единой национальной личности, и нам остается указать лишь общие его очертания.

Как случилось, что «образованный класс» и «народ» в России оказались противопоставленными друг другу? Как могла возникнуть знаменитая проблема «интеллигенции и народа», ставшая одной из характернейших примет новейшей русской истории?

Эту проблему иногда упрощенно представляют как злонамеренный «отрыв» интеллигенции от народа, как результат чисто волевого акта. Но этим упрощением снимается весь трагизм этого противостояния, который остро переживался русскими писателями от Достоевского (и даже от Пушкина) до Блока.

Для многих русских людей этот «отрыв» произошел бессознательно и субъективно, поначалу вовсе не переживался как таковой. Они теряли веру в Бога, сохраняя в то же время любовь к «народу», и нередко чистейшее стремление ему «послужить».

Но незаметно для них самих **л и ц о** народа замещалось в их сознании его **с о ц и а л ь н ы м о б л и к о м**, поскольку **рационалистически и материалистически народ как целое воспринять быть не может**. И тогда перед ними возник роковой вопрос, сама возможность которого уже свидетельствовала о болезни национальной личности — **к о г о ж е в Р о с с и и с л е д у е т с ч и т а т ь н а р о д о м**? Естественно, что в земледельческой России «народом» стали называть, главным образом, крестьянство.

Ему и решила интеллигенция нести сложившийся у неё идеал: «прогресс», «просвещение», «общечеловеческие» формы жизни, сложившиеся в Западной Европе.*

Но именно этот «народ», как показал опыт, был наиболее невосприимчив к спасательному общечеловеческому идеалу, именно в соприкосновении с ним ощутила себя интеллигенция «чужой» в своей стране. Русский народ внезапно предстал перед ней как

* «Роль образованного класса в России быть преподавателем цивилизации народу». Эти слова И. С. Тургенева еще в 1910 году сочувственно цитировал вождь кадетов П. Н. Милюков, полемизируя с «веховской» историей интеллигенции.

сплошь «реакционная масса», упорно державшаяся своих темных верований и не желавшая усваивать плоды европейского просвещения.

В «передовом» русском обществе крепло убеждение, что «народ» в России — это, перефразируя знаменитое выражение Ницше, «нечто, что должно быть преодолено», разумеется, для его же счастья.

Так началось — и в обновленных формах продолжается до сих пор — «спасение» России от самой себя, спасение через самоотречение от народной личности и придание ей «общечеловеческих» черт.*

По мере того, как социологическая поверхность русской жизни всё более дробилась, содержание понятия «народ» в либеральной и народнической мысли подвергалось быстрому выветриванию**, пока, наконец, окончательно не разложилось в марксизм, с его теорией классовой ненависти.

Выступив принципиальным врагом национальной общности, признав единственной реальностью социологическую абстракцию — «класс», написав на своих знаменах «пролетарии не имеют отечества», марксизм стал последовательным и чистейшим выражением национального нигилизма.

Но родоначальником его он не был. Он взял на себя лишь завершение работы по обезличиванию народа, задолго до него начатой «передовыми» кругами русского общества***. Как и они, он

* «Массы, как природа, — писал в 40-х гг. XIX в. историк-западник Т. Грановский — бессмысленно жестоки или бессмысленно добродушны. Они коснеют под тяжестью исторических и естественных определений, от которых освобождается мыслью только отдельная личность. В этом разложении масс мыслью заключается процесс истории».

** Характерная полемика в русской прессе возникла в связи с событиями в Москве 3 апреля 1878 г.: в этот день охотничьи мясники подвергли жестокому избиению студенческую демонстрацию, и публицисты горячо спорили о том, можно ли считать «охотничьих» народом.

*** Вот, например, как описывал в начале XX века русскую социалистическую интеллигенцию её апологет М. В. Туган-Барановский. Главное в интеллигенте этого типа, что «он был проникнут революционным духом и относился с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которых чувствовал себя решительным отщепенцем... Что же касается до русской исторической культуры... то вражда к ней есть одна из характернейших черт интеллигента... Русский интеллигент оторван от своей исторической почвы и потому выбирая себе тот социальный идеал, который казался всего более обоснованным с

вдохновлялся психологией «строительства в пустыне» (выражение Писарева); и как они, он ненавидел «идолов», веками определявших нравственную природу русского народа, дававших ему силы различать между «добром» и «злом», сохранявших его самоощущение как личности.

И для того, чтобы разрушить этих идолов и самому занять их место, марксизм в России предпринял такое «преодоление» народа, равного которому не знала всемирная история.

Из «этнографических масс» бывшей Российской империи было задумано создать «новую историческую общность людей», что предполагало их превращение в «перевоплощение». Методы этого превращения, примененные прежде всего к русскому народу, сейчас довольно хорошо известны.

В короткое время русский народ был доведен почти до полного исторического беспамятства, лишен национальной культуры, едва не лишился своей поруганной и растоптанной Церкви, чудом уцелевшей, — и сделался, по мысли преобразователей, надежной опорой сущего и грядущего всемирного интернационала.

Вся «левая» Европа, в которой процессы «денационализации» и «интернационализации» шли своим чередом, рукоплескала и всё еще продолжает рукоплескать этому невероятному успеху «русских марксистов».

Теперь уже она понемногу начинает ощущать себя отстающей от страны передового социализма, и торопит, и понукает свои правительства спешить в догонку.

Западные «учителя» и восточные «ученики» поменялись ролями.

«Западноевропейское» утратило монополию быть абсолютным синонимом «общечеловеческого» и новым избранным сосудом последнего чем дальше, тем больше становится социалистическая Восточная Европа (впрочем, с настоящего Востока грядет новый грозный претендент на эту роль — коммунистический Китай, уже затмевающий в глазах европейских «новых левых» прежних кумиров).

Общечеловеческий идеал получил завершённую научную формулировку в лозунге «социалистической интеграции», прин-

ационалистической точки зрения. Таким космополитическим, сверхнациональным и сверхисторическим идеалом является социалистический идеал.»

ципально отнесенном ко всему человечеству в целом. (Правда, западных поклонников этой идеи иногда шокируют, по их мнению, «азиатские» черты осуществленного социализма, но это свидетельствует лишь о том, что над их умами все еще «тяготеет кошмар прошлого» (Маркс), то есть, в данном случае, традиции национальных демократий.

Эта перемена ролей «просвещенного» Запада и веками «ко sneвшего в варварстве» Востока приводит к некоторому замешательству и неразберихе в стане защитников социалистической «денационализации». Западных радикалов чрезвычайно смущает, а в последнее время неприкрыто раздражает «понятное», с их точки зрения, движение за демократические права в СССР, за «приближение жизненных стандартов к западным» (А. Д. Сахаров), против которых и направленно открыто или прикровенно острое их борьбы. «Левая» печать все чаще принимает контрмеры для того, чтобы ослабить неблагоприятное для её целей впечатление от правовых выступлений в странах социализма. Диапазон обвинений «инакомыслящих» в СССР колеблется от «наивности» до «реакционности», — и со своей точки зрения западные, радикалы, рвущиеся к социализму, конечно, правы.

Они устали от своих одряхлевших свобод, с которыми не знают, что делать, устали от того, что не имеют «никаких указаний ни на земле, ни на небе» (Ж. П. Сартр), от отчаянного одиночества в мире. И для спасения от всего этого им нужна и деологическая вера: как опора существования, как простейший рецепт достижения лучшего будущего, как основание для борьбы. И во имя этой веры, во имя растворения своей одинокой хаотической воли в целенаправленной воле масс — они готовы отказаться от непосильного для человека бремени бессодержательной свободы, от безграничных прав собственной личности.

Поэтому, когда из стран осуществленного идеала раздаются голоса в защиту этих самых прав, угрожающие неизбежности идеологической веры, им предпочитают не верить. Это не верие единомысленных западных кругов усугубляет в русских либерально-демократических кругах настроения жертвенного пессимизма, отчаяния и растерянности. Возможно, что эти настроения рано или поздно приведут к коренному пересмотру мировоззренческих основ нашей интеллигенции (что отчасти уже и происходит в некоторой её части); однако, пока ещё в этих кругах по-прежнему преобладает стремление реорганизовать жизнь

человечества на рациональных началах, с помощью научно-технических средств, к необходимой для этой цели конвергенции Востока и Запада. И, конечно, по-прежнему, осуждается рост национального самосознания, препятствующий нормальному ходу общечеловеческого прогресса.

При всех различиях, существующих между нынешними социалистами, их объединяет единая вера в прогресс общечеловеческих форм жизни, в поступательное движение человеческих обществ к механическому слиянию, как высшему уровню бытия. В любом варианте эта вера выступает как научно обоснованная — либо марксизмом, либо более современным научно-рационалистическим подходом.

Но, вопреки своим научным претензиям, она останется именно верой в конечное торжество разума на земле. Только этим можно объяснить странную устойчивость «прогрессивного мировоззрения» перед лицом чудовищного, катастрофического опыта зла и страданий, который выпал на долю человечества в XX веке, и, казалось, должен был бы навсегда положить конец «научным» попыткам переустройства мира. Казалось бы, предел человеческого озверения, по-видимому достигнутый нашим веком, поставил неотложный вопрос — что же именно развивается прогрессивное? И этот вопрос должен был бы формулироваться как вопрос о человеческой природе, об инстинкте зла в человеке и условиях его проявления.

Темы эти действительно стали предметом напряженных и трагических раздумий части человечества.

Но со сторонниками теории прогресса (во всяком случае, с большинством из них) ничего подобного не случилось. Вера, как ей и положено, оказалась сильнее фактов. И над человечеством, летящим в преисподнюю, снова зазвучала утешительная колыбельная песенка о прогрессе.

Однако, сейчас, после всего пережитого человечеством, нельзя, кажется не расслышать в ней зловещих ноток. Ничего неправимого, оказывается, не случилось; «прогресс» просто дал зигзаг, отклонился от светлого пути по воле «злых вождей», ну, и, конечно, «империалистов». Но теперь, когда «злые вожди» в могиле, а империалистов вот-вот обуздают, всё снова пойдёт на лад... Да и вообще, есть ли о чём говорить? Марксизм как и всякая наука имел право на эксперимент — эти слова в 1974 году написал русский «либеральный» марксист Рой Медведев.

Среди защитников теории прогресса есть, однако, люди с обостренной нравственной чуткостью, признающие, что непрерывное научно-техническое совершенствование человечества может оказаться для него губительным. Таков: например, всемирно известный мужественный защитник прав человека академик А. Сахаров. Но как он предлагает избежать этой опасности? По его мнению, должны быть созданы «условия научного и демократического общемирового регулирования экономики и всей общественной жизни... Прогресс должен непрерывно и целесообразно менять свои конкретные формы, обеспечивая потребности человеческого общества, обязательно сохраняя природу и землю для наших потомков.» Здесь молчаливо предполагается, что в условиях демократии «потребности человеческого общества» сами собой приобретут разумный характер, а сами эти условия возникнут (ведь А. Сахаров горячий противник насилия), вероятно, из «доброй воли» правительств, из экономической необходимости и из сознания грядущих опасностей. Власть, очевидно, при этом должна перейти из рук профессиональных политиков в руки ученых и администраторов, которые и придадут прогрессу **целесообразную форму.**

Но кака я цель стоит перед человечеством? какие потребности должен удовлетворить прогресс? чем гарантировано, наконец, проявление людьми разумной и доброй воли?

На все эти вопросы А. Сахаров не отвечает, и это придает его построению отвлеченный и формальный характер.*

История XX века с жуткой убедительностью доказала, что демократии, даже самые передовые, бессильны сами по себе обуздать проявления злой человеческой воли, вооруженной плодами прогресса (об этом, наверное, хорошо помнят уцелевшие жители Хиросимы). Демократия в лучшем случае выражает мнение большинства, но это несколько не доказательство его истинности.

Но тогда остается наука?

На науку в наш век действительно возлагали и возлагают большие надежды. «Наука стала социальным институтом», — в

* «Если прогресс — цель, — писал еще А. Герцен, — то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пьются и в утешение обреченным на гибель толпам... только и умеет ответить горькой усмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле? Неужели и вы обрекаете современных людей на жалкую участь кариятид...?»

один голос повторяют разнообразные теоретики современного индустриального общества. Наука повышает материальный уровень жизни, наука обеспечивает массовое производство, наука прекращает волюнтаризм общественной жизни, наука кладет конец прежнему хаосу истории и открывает новую эру «плановой», «позитивной» истории человечества и т. д. и т. п. Задача науки — создать из человечества единое общее «сайентистского» типа, строго упорядоченное и стабильное. Культура этого общества, пронизанная «научным духом», должна быть принципиально отлична от того, что раньше понималось под этим словом.

Впечатляющее описание этой новой культуры дает один из видных теоретиков «научного общества» Жан Фурастье:

Это общество создает совершенно иную концепцию личности, адекватную духу современности. Отличительные черты её: антитрадиционалистская направленность мышления, отсутствие исторической памяти, мешающей «стерильному» восприятию действительности, антиэмоциональность, трезвость, деловитость. Массовое потребление ведет к изменению способа общения между людьми. Огненные контакты человека с окружающим миром происходит «по поводу вещей», а не по поводу вопросов типа «справедливо ли устроен мир». Из новой культуры должно быть изгнано все неизмеряемое, все неисчислимое, словом всё качественное. В новом обществе потребления устанавливается новый моральный климат, главной особенностью которого является эмпиризм, соответствующий эмпиризму современной науки. Мораль облегчается, адогматизируется; атмосфера современности «тщательно вытаскивает из морального сознания трудные и болезненные вопросы». Все это, по мнению Фурастье, способствует проникновению в массовое мышление принципов «научности», является приметам интеллектуального «освобождения» личности. Но это «освобождение» не есть увеличение свободы в традиционном смысле, а как раз нечто обратное ей. Новая «личность», освобожденная от груза традиций, от «стереотипов» прежних форм жизни в максимальной степени должна соответствовать регулятивной функции науки, то есть её поведение должно быть полностью подчинено требованиям рациональности, оптимальности, эффективности, и не только в производственном процессе, но и во внеэкономической сфере жизни, потому что в новом обществе, собственно, не остается сфер, безразличных к производству. «Технологическая среда требует..., чтобы человек жил все более близко к оптимуму; всё отклоняющееся от оптимума воспринимается ныне как беспорядок, тогда как традиционное общество было более терпимым. Социально-регулятивную функцию науки осуществляет технократия. «Технократия есть власть, осуществляемая от имени требований... роста и могущества, которая рассматривает общество лишь как совокупность социальностей, предназначенных для использования ввиду достижения целей роста и усиления аппарата, который его контролирует». (Когда-то соотечественник Ж. Фурастье «утопический» социалист Сен-Симон писал: «Верховный закон прогресса человеческого разума подчиняет себе

всё, надо всем господствует; лю д и для него — т о л ь к о о р у - д и я"). Естественно, что это проектируемое общество должно носить мировой, "общечеловеческий" характер. Развитие науки, ее концентрация и рациональное размещение предполагают разложение традиционных национальных образований и ликвидацию "исторических" культур, несовместимых с типом сознания "научного" человека. Величайшим препятствием на пути к созданию "общества будущего" является, с точки зрения Фурастье, "магический, синтетический и образный тип мышления" народных масс. "Существует, — по его словам, — внутреннее противоречие между массой и прогрессом". (Вспомним: народ — это "нечто, что должно быть преодолено") *

Не нужно большой проницательности, чтобы уловить черты сходства этой картины с тем идеалом «социалистического переустройства мира», к которому стремится современный марксизм. Последний лишь оспаривает возможность осуществления этого идеала при капитализме. Кроме того, характеристика новой «личности» у теоретиков «научного» общества должна обладать, с точки зрения марксизма, одним очень существенным изъяном, а именно, отсутствием идеологического компонента, который, как показал опыт, очень бесполезен для успешного осуществления «регулятивной» функции, и при этом счастливым образом не противоречит «научному духу», поскольку, как известно, марксистская идеология тем и отличается от «традиционных», что она — «единственно-научная». Соответственно в обществе должен существовать научно-идеологический регулятор, перед которым, конечно, придется потесниться политически-наивной технократии.

Прозрачно маскируется «конвергенция» социализма и «технологизма», принимающая сейчас всё более открытые формы, не случайна и опирается на их еще не вполне распознанное духовное сродство. Сцилла и Харибда всегда найдут общий язык для переговоров, как потому, что они — одной природы, так, в особенности, и потому, что у них есть общий враг.

К а к и м я э т о м у в р а г у ?

Провозвестники нового универсального общества никогда не произносят его вслух, может быть, отчасти потому, что для многих из них оно остается неясным, а может быть, потому, что назвать его открыто — значит для них проиграть свое дело. И все же...

* В 60-е гг. Фурастье пришел к выводу, что соц.-полит. экспериментаторство XX в. и экспериментаторство научное суть проявления одного и того же антитрадиционалистски ориентированного духа Нового времени.

Мы видели, что «новое общество» планирует исчезновение личности в традиционном смысле слова, выясненном нами выше. Её место должен занять стерильный «общечеловек», лишенный всякой качественной определенности, разумный атом с рационально планируемым социальным повелеванием.

Мы видели, что «новое общество» стремится упразднить все прежние, «неоптимальные» типы человеческих общностей и в первую очередь н а ц и и, препятствующие общемировой регуляции жизни человечества. (Упразднение религии, «магического мышления», как главного источника иррациональных переживаний подразумевается само собой).

И чтобы светлое поле разума никогда не омрачалось тягостными воспоминаниями об этих ненужных человеку вещах, «новое общество» предполагает уничтожить историческую память, сделать и с т о р и ю несуществующей.

Перед нами — стройный план разрушения и е р а р - х и и х р и с т и а н с к о г о к о с м о с а, план превращения человечества в бескачественную сплошность.

Но **безличное, бесструктурное, бесформенное бытие** — невозможно. Лишаясь этих свойств, оно с а м о у н и ч т о ж а е т с я, превращается в н е б ы т и е.

«Дух самоуничтожения и небытия» — вот имя истинного двигателя и регулятора «общечеловеческого прогресса» без Бога и человека, вот кто прячется под благообразной личиной «универсализма», беспощадно изсмекая над обманутыми им «общечеловеками». Под разными кличками появлялся он в истории, неизменно творя свою разрушительную работу, но не раз его опознавали, и ему вновь и вновь приходилось маскироваться, потому что его могучим противником была сама ЖИЗНЬ. В России его узнал и н а з в а л Достоевский, однако, п р о г р е с с и в н о е общество не поверило ему, объяснив его ясновидение «реакционностью», и это неверие дорого обошлось России.

Дорого обошлось оно и остальному миру, в котором были свои пророки, но их, если и не побивали камнями, то в лучшем случае считали эксцентричными безумцами — и не принимали всерьёз.

Но вот — все пророчества сбылись; здание, веками возводившееся на «разумных основаниях» оказалось непригодным и страшным жильем; «храм общественности» (выражение Милюко-

ва) к ужасу своих архитекторов обернулся местом массовых человеческих жертвоприношений, хорошо оборудованный пыточной камерой во славу Будущего. Обнаружилось, что эта длящаяся постройка — имеет свою собственную цель, несовпадающую с горделивыми планами строителей, и что сами они — всего лишь бессознательные пассивные орудия осуществления этой неведомой им цели. Цели **разрушения человека и основ его человеческого бытия.**

Такова реальная цена, которую вынуждено платить — и отчасти уже заплатило — человечество за свое отвлеченное механическое единство. Этот итог все отчетливее сознается религиозной, художественной, философской мыслью XX века; однако, сфера распространения и усвоения её выводов ограничена как извне (мы подразумеваем явные и неявные способы её подавления), так и — главным образом изнутри самого современного человека. Здесь она вязнет в толще стереотипов, заменяющих современному человеку сознание, стереотипов, устойчивость которых поддерживается ежечасно всевозможными средствами массовой информации.

Подавляющее большинство людей живет во власти какого-то вымученного и одновременно инфантильного оптимизма, который быстро сменяется пароксизмами страха, но ещё быстрее восстанавливается. Нег опаснее ошибки, чем смещение этого безвольного, бездумного, безответственного «оптимизма» с неистребимой в человеке жадной жизни. Тут действует противоположный закон, столь же древний как закон самосохранения — закон саморазрушения жизни действует прикровенно, лукаво, но от этого не менее губительно.

Однако, это не внеличная сила, не могущественный Рок, правящий человеком независимо или против его воли. Действовать он может **только с согласия** личности ему подчиниться, только благодаря её свободному выбору. И то, что многие люди в наш век настаивают на своем праве **не быть** личностью, то есть отрицают свободу и, следовательно, ответственность за происходящее не только ничего не меняет, но говорит лишь о том, что они уже уступили этому закону, уже дали согласие на конечное самоистребление бытия.

Рационалистическая утопия универсализма, опирающаяся на иррациональную веру в прогресс — не просто безобидное заблуждение, которое может быть преодолено на путях разума. Это — продукт разложения целостного самосознания личности, результат

отречения её от истинных корней всякого бытия, симптом опасного духовного заболевания, несущего ей гибель. Осуществление этой утопии приводит не к повышению уровня бытия, как кажется её adeptам, а к его понижению, разрушению, в конечном счете, уничтожению.

4

Попытки исторического воплощения (под лозунгом интернационализма) этой губительной абстракции всегда приводили к калечению, к слову живой реальности, порождая реакции, не менее страшные по своим последствиям.

Мы имеем в виду так называемый **национализм**, происхождение которого до сих пор нельзя считать окончательно выясненным.

Неверно, конечно, утверждать, что национализм возникает **только** как реакция на угрозу разрушения национальной жизни, хотя именно это по большей части говорят его сторонники. Это означало бы, что он не обладает собственным, а только отраженным бытием и должен исчезать с прекращением вызвавших его условий.

Между тем, существование национализма в странах, где национальной жизни ничего не угрожает ни извне, ни изнутри — факт, достаточно хорошо известный из истории, и всякий без труда может вспомнить необходимые здесь примеры. Угроза национальной существованию, всякие виды национального унижения лишь обостряют националистические чувства, но в такие моменты их **собственная** природа неразличима среди всеобщего национального подъёма.

И только когда жизнь возвращается в нормальное русло, становятся более или менее отчетливыми очертания этого явления.

Национализм нельзя отождествлять с национальным чувством, как это часто делают. Последнее лишь служит для него орудием. Национализм есть прежде всего **идеология**, воспитывающая сами по себе стихийные национальные инстинкты в определенном направлении.

Отправная точка этой идеологии — представление об **исключительной** ценности племенных особенностей того или иного народа, учение о превосходстве его над всеми другими.

В форме эгоистических национальных инстинктов это представление существовало, конечно, и в дохристианском мире; оно способствовало искажению национального самосознания и на христианской почве; однако, идеологически оно оформилось в ре-

зультате разложения и забвения принципиальных установок христианства.

Выше мы подробно говорили о том, что для христианства — человечество едино по природе, но множественно в личностях, причем за каждой личностью утверждено абсолютное значение.

Подобно универсализму, национализм искажает это соотношение за счет отрицания абсолютности каждой национальной личности, однако, приходит к этому своим путем.

В отличие от рационалистического или материалистического универсализма, национализм во что бы то ни стало стремится сохранить понятие национальной общности, не поддающейся социологическому разложению. Но поскольку им утрачено сверхсоциологическое христианское понимание этой общности как личности, он вынужден искать ее не над, а под социологической поверхностью народной жизни. И национализм находит её в кровном, родовом единстве нации, и это расово-натуралистическое восприятие кладется им в основу собственной идеологии.

Из этого расового признака выводятся, как принадлежащие ему по самой природе, все особенности национальной личности, проявившееся в истории народа, или вернее, те из них, которые почему-либо кажутся наиболее предпочтительными носителям националистического мировоззрения. Излишне, думается, подробно развивать мысль о том, что этот набор «природных» особенностей всегда исторически ограничен и потому произволен. Достаточно хотя бы вспомнить судьбу известной в прошлом России теории, согласно которой самодержавие и православие составляют извечные атрибуты русской народности и вместе с ней образуют нераздельную триединую святыню. Или же не менее популярное в свое время убеждение, что крепостное право есть неотъемлемая национальная особенность русских (в несколько подновленном виде это убеждение старых русских националистов часто встречается и в наши дни, как на Западе, так и в самой России).

Национализм смешивает понятия личности и природы, приписывая природе свойства личности. В результате этого смешения абсолютность национальных личностей превращается в абсолютность национальных природ, то есть происходит распадение единой природы человечества на множество частей и природ, причем личность принуждена играть здесь несвойственную ей роль средства этого раздробления.

В итоге человечество становится механической совокупностью внутренне никак не связанных между собою на-

циональных индивидов или особей, лишенных общей меры и находящихся в чисто внешних взаимоотношениях.

Национализм, следовательно, — индивидуалистическое, антиличностное сознание. Сознание человеком или народом своей личности всегда основано на сознании личностей всех других, на признании абсолютной ценности за любой личностью.

Национализм признает такую ценность только за тем народом, в недрах которого он родился, рассматривая остальных как средства или как помехи к достижению данным народом собственных интересов. Поэтому для обращенного во вне национализма не существует никаких нравственно-обязывающих начал, ограничивающих его притязания, а существует лишь внешняя сила, препятствующая их удовлетворению.

Отсюда вырастает чрезвычайно характерный для националистической идеологии культ силы собственного государства.

Другим важнейшим принципом этой идеологии является работа о внутреннем состоянии нации, понимаемая, однако, вполне специфически. Поскольку, как было сказано, национализм считает характерные особенности народа принадлежащими самой его природе, постольку он настаивает ради их сохранения на биологической чистоте национального типа. Нарушением этой «чистоты» национализм часто склонен объяснять упадок нации и, напротив, восстановление её, с его точки зрения, должно служить залогом национального возрождения.

Два этих признака: племенная чистота и государственная мощь — национализм рассматривает как необходимые и достаточные условия так называемого «национального здоровья». Все остальные составляющие народной жизни, как, например, религия, культура, или политическое устройство играют по отношению к этим первичным условиям подчиненную служебную роль, и не затрагивают основ существования нации, которая объявляется самоцелью.

При всей внешней несхожести универсализма и безрелигиозного национализма, при всей их ненависти друг к другу они имеют много общего, хотя это общее не сразу бросается в глаза.

Мировоззрения эти различаются не качественно, а только количественно, поскольку национализм хочет осуществить те же цели, что и универсализм, но только

в масштабах национального государства. Универсализм призывает любить человека и человечество как таковых, национализм призывает любить человека определенного племени и само это племя как таковых.

Это сходство двух по-видимости противоположных явлений в свое время пронизательно отметил русский мыслитель Константин Леонтьев:

«Любить племя за племя — натяжка и ложь... Чисто племенная идея не имеет в себе ничего организующего, творческого; она есть не что иное, как частное перерождение космополитической идеи всеравенства и бесплодного всеблага... Национальное начало вне религии... начало медленно, но верно разрушающее».

Мы хотели бы кончить эту статью тем, с чего мы её начали. Россия стоит у какого-то неведомого исторического предела. И на всех нас сегодня лежит ответственность за возвращение ей пока ещё раздробленного, пока ещё рассыпанного национального самосознания. И в первую очередь ответственность эта ложится на христиан, которые могут и обязаны участвовать в этой необходимой духовной работе. Униженный и оглушенный русский народ как никогда нуждается в том, чтобы вновь осознать себя личностью, свободно избирающей свои исторические пути.

И христиане сегодня призваны помочь ему вспомнить о духовных корнях его исторической жизни. Но прежде они сами нуждаются вспомнить об этом.

Статья эта — попытка такого воспоминания. По словам русского мыслителя: «нам суждено было представить свету яркие примеры безумия, до которого способен доводить людей дух нынешнего просвещения, — но мы же должны обнаружить и самую сильную реакцию этому духу».

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВЕРУЮЩИХ

ДЕЛО СВЯЩЕННИКА ДМИТРИЯ ДУДКО

Москва, 1974 г.

Предисловие

Ниже мы печатаем все документы, относящиеся к делу свящ. Дмитрия Дудко. Благодаря его стойкости, а также поддержке русской и заграничной общественности, о. Дмитрий был восстановлен в своих правах и получил возможность служить, правда только два раза в неделю, в одном из отдаленных приходов Московской области, под Орехово-Зуевым, в ста километрах от Москвы.

Почти пятнадцать лет он неустанно трудился на ниве Божьей в храме Святителя Николая в Москве. Глубоко верующий, безукоризненно благочестивый, высокообразованный пастырь, наделенный к тому же особым даром проповедничества, он снискал заслуженную любовь и уважение прихожан не только своего храма, но и широких кругов верующих, в частности среди молодежи, тянувшейся к религии. Но чем более возрастала его популярность, чем больше людей приходили к вере в результате знакомства с ним, тем более нежелательным делался он для безбожников.

Организованные о. Дмитрием беседы на религиозно-нравственные темы, проводимые в храме после воскресной всенощной (всего было проведено девять бесед, текст которых ныне опубликован самиздатом), переполнили чашу их, если так можно выразиться, терпения. И власть имущие безбожники начали действовать. Действовать цинично — руками церковных иерархов, дабы прикрыть свое противозаконное вмешательство в дела Церкви. Но прикрытие это слишком прозрачно и не столько скрывает, сколько подчеркивает истинную подоплеку обрушившихся на о. Дмитрия репрессий.

В этом сборнике читатель найдет ряд документов, отмечающих вехи постыдного процесса травли священника Дм. Дудко.

Последнее слово о. Дмитрия, произнесенное в храме 18 мая 1974 года перед слушателями, собравшимися на очередную беседу, дается в записи очевидцев. Две беседы, следующие за последним словом, состоялись уже не в храме, а на дому, в результате настойчивых просьб группы слушателей, желавших получить ответы на волнующие их вопросы.

В Приложении публикуется Заявление о. Дмитрия, разъясняющее его позицию в отношении церковных иерархов, руками которых безбожники творят свои беззакония, а также несколько писем верующих в защиту о. Дмитрия, в том числе два письма члена Комитета по защите прав человека в СССР академика И. Р. Шафаревича, выступление которого подчеркивает тот факт, что дело о. Дмитрия переросло узкие рамки внутрицерковного инцидента и стало новым фронтом борьбы нашего народа за права человека и демократизацию жизни в стране.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО *)

Расставаясь, люди прощаются. Подсудимому предоставляется последнее слово — закон представляет это право даже преступнику. Вот и я воспользуюсь этим правом.

Как вы помните, в субботу 4 мая я объявил, что Патриарх запретил мне проводить беседы до разговора с ним. Однако, сколько я ни добивался этого разговора, Патриарх меня не принял, лишь через секретаря потребовал написать объяснительную записку. Она была написана. Позволю себе зачитать ее.

«Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси ПИМЕНУ от священника Дмитрия Дудко (храм Святителя Николая, Преображенский вал, 25.)

*) За этой Всенощной о. Дмитрий, хотя и находился в алтаре, но не служил, так как староста отказалась выдать ему облачение. Благочинный о. Анатолий, а также настоятель о. Вадим потратили много энергии на то, чтобы не дать о. Дмитрию обратиться к народу. Но... безуспешно.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Ваше Святейшество, Святейший Владыко!

Ваш секретарь о. Матфей попросил меня написать на Ваше имя объяснительную записку по поводу моих бесед, которые я проводил в храме после воскресной всенощной. Как выразился о. Матфей, эти беседы почему-то называют лекциями. В объяснительной записке меня попросили учесть, почему и как я поминал Ваше имя, какого рода были вопросы и почему я не послушался благочинного и настоятеля нашего храма, которые просили меня прекратить эти беседы.

Благословите, Ваше Святейшество!

Беседы носили форму проповеди с учетом пожеланий прихожан. Беседы возникли стихийно, можно сказать, по желанию верующих. Я вначале не думал, что они станут интересными и доступными и привлекут такое множество народа. Приходили послушать даже из других приходов.

Приток людей из других приходов вызвал разнообразие и остроту некоторых вопросов, в частности и тот вопрос, в ответе на который я поминал Ваше имя. Я старался защитить Церковь и Ваше имя. Как это получилось — не мне судить.

Вокруг бесед, как мне говорили и о. благочинный, и настоятель нашего храма, начали расти слетни. На попытки благочинного и настоятеля запретить мне беседы я не обратил внимания, потому что счел это не запрещением, а советом, сознавая, что проповеди никто запретить не может. Если бы беседы продолжались и дальше (к сожалению, мне передали, что Вы запретили проводить их впредь до разговора с Вами), я бы сам явился на прием к Вашему Святейшеству за благословением и советом, как быть дальше, потому что народу стало собираться столько, что не вмещал храм, я уже один был не в состоянии удовлетворить все запросы спрашивающих.

Ваше Святейшество, Святейший Владыко!

Я дерзнул бы обратиться к Вам со смиренной просьбой. Беседы и характер вопросов показали, что интерес к христианству среди населения очень велик. Но иногда (а может быть, и часто) форма проповедей в современной церковной практике настолько отвлеченна, что они недоступны современному человеку. Избранная мною форма бесед, видимо, оказалась ближе людям, понятнее и потому, наверно, такой появился к ним интерес.

Я попросил бы Вас, Ваше Святейшество, и в дальнейшем благословить не только меня, а и других священников на нахождение живой формы общения пастыря со своим приходом.

Конечно, все новое несет в себе и что-то неудачное. Должно быть что-то неудачное было и в моих беседах. В дальнейшем это неудачное общими силами можно было бы исправить.

Вашего Святейшества смиренный послушник
священник Дм. Дудко.

Ответом на эту объяснительную записку был указ об откомандировании меня в распоряжение митрополита Серафима, то есть в область. Недоумевая о причинах этого решения, я написал прошение на имя Патриарха. Вот это прошение.

«Я получил Ваш указ через Вашего секретаря о. Матфея об откомандировании меня в распоряжение митрополита Серафима.

Я просил Вас неоднократно принять меня. Как мне передал Ваш секретарь, Вы, Ваше Святейшество, отказали мне в приеме. Поэтому, не зная, как Вам доложили обо мне и с какой целью и на каких правах я откомандировываюсь в распоряжение митрополита Серафима, я расцениваю все это, как меру, чтобы парализовать мою священническую деятельность, ибо канонически я ничего не нарушил. Чтобы дальше не запутывать дела, я счел нужным уйти в за штат.»

Я ушел в за штат не потому, что не захотел переехать в область, а потому, что откомандирование это — просто мера расправы. Да и чем я могу быть гарантирован, что завтра митрополит Серафим не издаст еще более строгий и столь же немотивированный указ? От меня явно требуют, чтоб я прекратил свое активное священническое служение проповедью. Как помнят прихожане нашего храма, это не первая попытка расправы со мной. Два года назад она была предпринята прокуратурой (только благодаря вмешательству верующих я остался на месте). Теперь это делает патриархия. Источник же один: определенные лица явно вмешиваются во внутренние дела Церкви, что запрещается нашими законами.

Как и тогда, я и сейчас апеллирую к общественному мнению, другого выхода у меня нет.

Мне снова мешают служить в согласии с евангельскими и церковными законами, служить по велению моей священнической

совести. Снова выбрасывают на улицу — меня и моих малолетних детей. И за что же? За то, что я стремлюсь приносить людям пользу.

Прошу Ваших молитв.

В заключение, небольшое разъяснение. Некоторые мне говорят: тебе ведь не запретили в служении, а только перевели в область и ты просто не подчиняешься епископу.

Разъясняю, что в за штат я пошел для того, чтобы лишить безбожников возможности руками епископов наказывать и удалять тех, кто им не угоден. Мой уход в за штат — это протест против безбожного вмешательства в дела Церкви.

Я не могу быть уверенным, что завтра же за то дело, которое я, как священник, обязан делать, ко мне не применят еще большую меру наказания: например, запретят вообще в служении или даже лишат сана. Для этого даже не обязательно искать повода. Ведь и сейчас меня переводят не потому, что я, допустим, что-то канонически нарушил или в чем-то провинился (за это, как известно, часто вовсе и не наказывают, а кто-то иной раз и поощряет). Меня отрывают от вас по другой, неизвестной причине. Впрочем, догадаться нетрудно: я не угодил безбожникам.

Я готов подчиниться любому епископу, но лишь тогда, когда он говорит от имени Церкви, а не от имени безбожников. Безбожники же пользуются властью епископов, чтобы удушить Церковь, расправляться с неугодными им людьми.

Христос Воскресе!

Воистину воскрес! — громогласно ответили присутствующие *)

ЗАЯВЛЕНИЕ

СВЯЩЕННИКА ДМИТРИЯ ДУДКО

Кое-кто может понять меня неправильно и сказать, что я бунтую против епископата, как такового.

Заявляю, что я не бунтую против епископата, я только говорю о той неправде, которая творится через епископат, а также о неправде самого епископата.

*) На следующий день в Москве распространился слух об аресте о. Дмитрия по выходе из храма. Он основан на недоразумении. Дело в том, что возле храма собралось много милиции и дружинников, и дабы избавить священника от провокаций, молодые верующие сопроводили его до дому, взяв в плотное кольцо. Однако, возникновение слуха само по себе показательное.

У нас почему-то утвердилось мнение, что высшая иерархия, что бы она ни делала, не подлежит критике. Но для всех нас есть единая истина, и этой истины должны придерживаться все — и иерархия, и миряне. Притом надо отметить, что хранитель истины в православии — весь народ.

Иерархия утверждается не на авторитете (тогда как беспрекословное подчинение иерархии, чтобы она ни говорила, предполагает именно утверждение на авторитете). Иерархия связана с народом союзом любви. Все должны творить одно дело — правду Божию. Если нет этой правды, то мы будем держаться только мертвой буквы закона, убивающей всякий смысл, оцепенять комара и проглатывать верблюда (по выражению Христа), насаждать фарисейство.

В жизнь нашей Церкви грубо вмешиваются безбожники. Кто эти безбожники конкретно — указать нельзя. Это некое безликое существо. Тут не имеется ввиду ни государство, ни какие-то законы, ни отдельные лица. Это кто-то непонятный, но этот кто-то воплощается в определенные лица. Но от них ли все исходит — трудно сказать. Потому что и они не самостоятельны. На всех нас давит это Безликое Существо.

Дьявол ведь не имеет лица. Лицо имеет только правда, а дьявол — отец лжи. Вот почему вину безбожия трудно свалить на кого-то определенного, хотя очень многие запутаны в эти дьявольские сети. Уличая этих запутанных, надо в то же время их жалеть.

Я не выступаю против власти, как таковой. Я отдаю кесарево кесарю, но Божие должно принадлежать Богу. А Божие — это не только творить правду, но и обличать неправду.

Прошу у всех молитв, мне очень тяжело. Выходит, что я один против всех. Мне так и говорят: почему ты не делаешь так, как все? Но я не по своему произволу делаю, а как велит Бог — пусть об этом рассудят люди беспристрастные.

Но слава Богу! не все делают, «как все». Архиепископ Ермоген, два священника, выступившие в 1965 году с Открытым письмом Патриарху об извращениях внутрицерковной жизни, кировские верующие, один из которых — Борис Талантов — умер в заточении, писатель Солженицын, обратившийся с письмом к Патриарху, писатель Максимов *) и еще много-много безвестных.

*) Церковный писатель А. Левитин-Краснов, который всю свою жизнь посвятил защите Церкви, защите всех гонимых. В сентябре 1974 г. получил разрешение выехать на Запад и обосновался в Швейцарии.

Теперь уже сам народ начинает чувствовать правду, потому так самоотверженно и стояли за меня, когда настоятель нашего храма начал публично чернить меня. Тогда все вознегодовали на него, и он не смог даже закончить свою клеветническую речь.

Безбожники не устанут мне грозить, не успокоятся в своей травле. Много предстоит еще всяких трудностей.

Поэтому прошу особенных молитв. Только Бог может мне помочь, невозможное человеку возможно Богу. Вера наша переставит те горы лжи, которые безбожники взгромодили на пути спасения.

20 мая 1974 г.

Священнику Дмитрию ДУДКО

Согласно резолюции ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, Вы откомандировываетесь для пастырского служения в распоряжение Митрополита Крутицкого и Коломенского СЕРАФИМА.

15 мая 1974 г.

Секретарь Патриарха
Матфей Стаднюк

Священнику ДУДКО Дмитрию Сергеевичу

Сообщается Вам, что за неисполнение предписания церковного чиновничества, нарушение ставленической присяги и игнорирование церковной дисциплины, в соответствии с 36 и 55 апостольскими правилами, Вы с 20 мая с. г. запрещены в священнослужении вплоть до раскаяния.

Митрополит Крутицкий и Коломенский
СЕРАФИМ

Примечание составителя:

Дабы у читателя не осталось никаких сомнений в обоснованности кары сей, приведем здесь текст хотя бы 36 апостольского правила, на которое ссылается митрополит Серафим:

«Аще кто, быв рукоположен во епископа, не примет служения и попечения о народе, ему порученного: да будет отлучен, доколе не примет оного. Также же и пресвитер и диакон. Аще же пойдет туда и не будет принят не по своей воле, но по злобе народа: он да пребывает

епископ, клир же града того да будет отлучен за то, что такового непокориваго народа не учили". (Цит. по книге "Свод указаний и заметок по вопросам пастырской практики". Приложение к "практическому руководству для пастырей", стр. 11. Воронеж, 1887 г.)

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
ПРЕОСВЯЩЕННОМУ СЕРАФИМУ

Митрополиту Крутицкому и Коломенскому

Священника Дмитрия Дудко
(Москва, ул. Дыбенко, 14, корп. 1, кв. 76)

ПРОШЕНИЕ

Высокопреосвященный Владыко!

23 мая с. г. мною было получено сообщение, подписанное Вашим Высокопреосвященством, что я Вами запрещен в священнослужении вплоть до раскаяния. По этому поводу имею честь доложить следующее.

На протяжении 14 лет своего священнослужения я всегда относился с уважением к архипастырям и всегда выполнял все их предписания. С уважением отношусь я к архипастырям и сейчас. Если в данном случае я нарушил церковную дисциплину, то совершенно невольно: получив от Его Святейшества предписание явиться в распоряжение Вашего Высокопреосвященства, я обратился к Святейшему с просьбой уволить меня за штат и поэтому считал себя свободным от явки к Вам.

Сейчас, обдумав все спокойно, я вижу, что был неправ и невольно допустил нарушение дисциплины. Выражая сожаление по этому поводу, выражаю готовность явиться к Вашему Высокопреосвященству по первому зову и прошу все мои ошибки покрыть архипастырской любовью. В тоже время изъявляю готовность слушать Святой Церкви.

Вашего Высокопреосвященства
недостойный священник Дмитрий Дудко

Примечание: Как видит читатель, о. Дмитрий принес требуемое раскаяние в нарушении церковной дисциплины, то есть в том именно поступке, который инкриминировался ему и послужил, якобы, причиной наложенного на него прещения. Как стало известно из осведомленных кругов, вскоре после подачи прошения к о. Дмитрию явился якобы посланник

Патриарха, устно сообщивший, что Святейший считает принесенное раскаяние недостаточным и требует от о. Дмитрия раскаяния в том, что он, якобы, "клеветал на Русскую Церковь, на Советское государство", а также в том, что его деятельность "послужила поводом для антисоветской пропаганды за рубежом". Иными словами, в этом пожелании содержатся требования самооговора со стороны священника, доноса на самого себя, могущего послужить основанием для возбуждения уголовного преследования по статьям 70 и 190 (1) УК РСФСР. Заметим также, что ни в одном из официальных документов нет ни слова о такого рода "провинностях" о. Дмитрия, в них речь идет лишь о нарушениях канонических правил. Выходит, что раскаяться священник должен в том, в чем его никто никогда не обвинял. Это еще один показательный пример подлого двурушничества, ставшего методом ведения внутрицерковной политики, причина чему — незаконное и потому творимое втайне вмешательство атеистического государства в церковную жизнь.

ЕГО СЯТЕЙШЕСТВУ
ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ
П И М Е Н У

от прихожан Никольского храма на Преображенском кладбище.

ПРОШЕНИЕ

Мы, прихожане Никольского храма, глубоко взволнованы тем, что наш любимый священник отец Дмитрий Дудко больше не служит.

Отец Дмитрий — прекрасный пастырь, глубоко верующий человек, образец для всех других священников. Он не сделал ничего плохого, а лишь проповедовал Слово Божие.

Мы просим вернуть его нам!

«Правьте слово истины, не закрывайте уста проповеднику».
Всем надо будет дать ответ Богу.

17 мая 1974 г.

Казило И. А.
Глебова О. С.
Глебов К.
Рябов С.
Рюмин А. Н.

Краснокутский.
Бударин П. Л.
Соколова.
Елисеева.
Ершков.

(Всего более трехсот подписей)

ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ
И ВСЕЯ РУСИ П И М Е Н У

Святейший Владыко!

Я не принадлежу к особо религиозным людям среди прихожан храма Святителя Николая на Преображенском кладбище, однако не могу не выразить своего негодования по поводу Вашего поступка с отцом Дмитрием Дудко, не только своего негодования, но и многих-многих знакомых и не знакомых мне людей.

Разве Ваша миссия заключается в том, чтобы притеснять духовенство? Это могут безнаказанно делать и безбожники.

Как могли Вы, имея такой высокий сан не заступиться за о. Дмитрия не выслушав его в правом деле? Человека, гуманиста, который проповедует честность, доброту, порядочность, терзали сталинисты, а теперь Вы помогаете безбожникам расправиться с ним.

Почему Вы, мягко говоря, так робко ведете себя с безбожниками? Неужели Вы не могли поднять голос в его защиту? Вы — личность известная всему миру, и с Вами не могли бы расправиться за непослушание безбожники, Вы на виду у всех, таким людям (я имею ввиду положение) и надлежит бороться за чистоту Церкви, за правду.

Поступая не по совести, Вы теряете авторитет среди верующих, Вас считают предателем и ставленником безбожников, тем более, что баллотировались Вы не по правилам (открытым голосованием). Почему Вы согласились так выбираться, жажда власти Вас смутила?

Отец Дмитрий — умный, добрый, просвещенный, глубоко симпатичный человек, пользуется большим авторитетом у прихожан. Вам это не нравится?

На производстве у нас, если человек поступает неправильно, его вызывают, беседуют, поправляют, прорабатывают, а Вы даже не сочли нужным побеседовать со священником, выслушать его. Это просто не порядочно с Вашей стороны.

У о. Дмитрия семья, дети, и у Вас не дрогнула совесть притеснять лучшего священника в угоду безбожникам.

Да простит Вас Бог!

ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ П И М Е Н У

Ваше Святейшество!

Я — еврейка. Однажды в субботу я случайно зашла в Никольский храм на Преображенском кладбище, где услышала проповедь священника отца Дмитрия. Раньше я думала, что православие — это еврейские погромы и шовинизм. Услышав проповедь о. Дмитрия, я поняла, что истинное христианство и православие проповедуют братскую любовь ко всем людям. Я поняла, что Бог есть любовь. Слова о. Дмитрия открыли мне этот свет. Я начала читать Евангелие, участвовать в церковных праздниках, все люди в мире стали мне ближе и родней.

Ваше Святейшество! Лишая о. Дмитрия возможности проповедовать слово Божие, Вы закрываете ворота света другим людям. Я знаю очень много несчастных, которые так же как и я раньше не знают этого света.

Я не то, чтобы прошу разрешить о. Дмитрию читать проповеди, я уже не могу без этого жить.

5 мая 1974 г.

Л. А. Гольд,
студентка

О Т К Р Ы Т О Е П И С Ь М О

Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому ВАСИЛИЮ.

Ваше Высокопреосвященство!

Вероятно, до Вас дошли слухи о судьбе священника храма Святителя Николая в Москве отца Дмитрия Дудко. Последние месяцы о. Дмитрий после богослужений проводил беседы, в которых отвечал на задаваемые присутствовавшими вопросы о христианской вере и христианском понимании жизни. Плотная толпа, не вмещавшаяся в храм, стечение людей разных возрастов, наций, сословий и разного достатка — все показывало, какой насущной потребности удовлетворяли эти беседы.

В начале мая беседа была о. Дмитрию запрещена со ссылкой на имя Патриарха. Потом он был вызван в патриархию и уведомлен о переводе из храма, в котором служил. Никаких суждений о беседах о. Дмитрия высказано не было, но вряд ли можно было понять эти действия иначе, как их осуждение. Так понял их и о. Дмитрий и ушел за штат.

Эти события дают яркую картину нынешнего трагического положения Православной Церкви. Сейчас в нашей стране не расстреливают священников. Вместо того сложилась темная и двусмысленная ситуация, когда проповедь веры, попытка борьбы за души подавляется — по крайней мере внешне — руками самой церковной иерархии. Епископы, защищающие церкви и священников своей епархии, увольняются; священники, настаивающие на соблюдении законов о религии или пытающиеся защитить сознание своих прихожан от пропаганды атеизма, запрещаются и увольняются; и непрерывным течением перемещаются из своих приходов священники, которые завоевывают любовь прихожан искренней проповедью и высокими душевными качествами.

Такое положение особенно страшно для Православной Церкви сейчас, когда люди так тянутся к вере. Этот порыв не остановить, конечно, никаким силам. Но такие ситуации, как сложившаяся сейчас с о. Дмитрием, могут оттолкнуть ищущих Бога от Православной Церкви, породить мысли о церковном разделении, привести к новому расколу.

Я прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, использовать Ваш авторитет архиепископа Русской Православной Церкви, чтобы не дать совершиться несправедливости, которая могла бы иметь столь пагубные последствия.

С глубоким уважением
Ваш И. Р. Шафаревич

О Т К Р Ы Т О Е П И С Ь М О

Архиепископу Волоколамскому ПИТИРИМУ

Ваше Высокопреосвященство!

Как и многие из тех, кому небезразлична судьба православной веры в нашей стране, я с болью и страхом наблюдаю загадочные события, разворачивающиеся вокруг о. Дмитрия Дудко. Думая об этом, я вспомнил наш с Вами разговор, состоявшийся по Вашему приглашению, когда Вы упомянули об о. Дмитрие, как о Вашем однокурснике, о том, что и до сих пор Вы целуетесь с ним при встречах... И я подумал, что может быть еще и по этой причине Вы не сочтете возможным остаться в стороне от этих событий. Вопрос же, я глубоко уверен, предельно серьезен, затрагивает самые корни нашей духовной жизни.

Вам, конечно, известно, что в последние месяцы о. Дмитрий вел в храме Святителя Николая после богослужения беседы, в которых отвечал на вопросы присутствовавших о вере и христианских нормах жизни. Известно Вам несомненно и о том, что очередная беседа была о. Дмитрию запрещена со ссылкой на имя Патриарха, а потом о. Дмитрий был переведен из Никольского храма, что заставило его уйти за штат. Вряд ли кто-либо усомнится в связи этих действий с беседами о. Дмитрия, хотя ему и не было высказано по этому поводу никаких суждений.

Я видел на беседах о. Дмитрия тесную толпу, не вмещавшуюся в храм, людей разных возрастов, национальностей, разного достатка. По многочисленным отзывам своих друзей я знаю о громадном воздействии этих бесед: для многих они открывали новый, светлый и до того совершенно неизвестный мир. По вопросам, которые задавали о. Дмитрию, ясно видно, сколь насущно необходимы были его беседы, как мало известны самые основные положения христианской веры, к которой сейчас тянутся люди — да и откуда их узнать?

Я совершенно уверен, что о. Дмитрий нигде не переступил границу, которой он ограничил тему своих бесед: вопросы христианской веры и христианской жизни (записи его бесед существуют и, если бы Вы захотели, были бы Вам доставлены). В своих апологетических высказываниях он, конечно, несравненно мягче и тактичнее отзывался об атеизме, чем атеисты о вере, хотя бы в тех учебниках, по которым **обязаны** учиться наши дети. В любой другой стране (кроме, может быть, Албании и Китая) то, что он говорил могло бы показаться излишне сдержанным. В другой, но, конечно, не нашей, где атеизм столь справедливо называет себя воинствующим. Хотя о. Дмитрий ничем не нарушил ни законов, ни многочисленных инструкций, он понимал, что его путь — это путь жертвы. Для него не был неожиданностью вызов в прокуратуру... Но удар пал с другой стороны — с той, от которой он мог бы ожидать поддержки, хотя бы моральной. Подумайте, какая это боль и какой соблазн для его прихожан, для слушателей его бесед и для всех, знающих его самоотверженную жизнь!

Ваше Высокопреосвященство! Когда мы беседовали с Вами, мне показалось, что Вы согласились с тем, что наша грандиозная страна **безрелигиозной** долго оставаться не может, что такое болезненное состояние не может быть продолжительным, но что будущая духовная жизнь народа зависит от того, из **каких** рук, **какую** веру он получит. Во всяком случае, Вы против такой мысли

не возражали. Но ведь именно такие ситуации, как сложившаяся с о. Дмитрием, вселяют страшный соблазн в сердца! Тех, кто ищет Бога, они могут оттолкнуть от Православной Церкви, верующих — подвигнуть на церковное разделение, смуту, новый раскол.

Еще сейчас не поздно многое исправить. Прихожане о. Дмитрия, посетители его бесед делают все зависящее от них, чтобы не дать совершиться столь прискорбной несправедливости. Ваше мнение, мнение одного из высших иерархов Православной Церкви, могло бы иметь решающее значение. Я хочу надеяться, что Вы его с должной определенностью выскажете.

С сердечными пожеланиями
Ваш И. Р. Шафаревич

ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

Ваше Святейшество!
Святейший Владыко!

Благоговевая перед величием Вашего сана, перед огромностью земного предназначения Вашего, обращаемся мы к Вам с этим посланием.

Глубокое чувство сострадания охватило нас, когда стало известно об Указе Вашем, запрещающем священнику Дмитрию Дудко служение в храме Святителя Николая в Москве. Сострадания к Вам, Ваше Святейшество. Ибо что может быть прискорбнее для христианина, чем послужить орудием в руках хулителей Христа, гонителей Церкви, осквернителей храмов? Не сомневаясь нисколько в искренности и глубине веры Вашей, не можем объяснить решение Ваше иначе, нежели грубым нажимом государственного атеизма.

Священник Дмитрий Дудко, как Вам, без сомнения, известно, за пятнадцать лет своего служения ничем не опорочил своей пастырской чистоты. Человек безупречной жизни, глубоко религиозный, преисполненный уважения к традициям и канонам Церкви, ничем не заслужил он осуждения со стороны паствы. Напротив, он был любимым пастырем в своем приходе, нашим «золотом», как его называли в народе. Иное дело — атеисты. Для них, воинствующих в безбожии, он враг тем более опасный, чем ярче горит светильник его веры, чем чище и горячее этот огонь. Свято ис-

полняя завещанный Христом долг проповедничества, отец Дмитрий ревностным словом своих проповедей возжигал сердца людей к активному и живому исповеданию Христа. Это его долг, как христианского священника. Но именно активность и доходчивость его проповедей и вызывает возмущение «внешних».

Осенью 1972 года эти «внешние» уже пытались разделаться с ним. Эта попытка тогда провалилась, потому что была слишком грубой, слишком явным представало вмешательство государственной власти в церковные дела, вмешательство, противоречащее законам нашей страны. Теперь те же силы делают то же безбожное дело руками — страшно вымолвить — церковных иерархов, и прежде всего Вашими, Святейший Владыко.

Как могло случиться, что, передав о. Дмитрию через своего секретаря о. Матфея указание прекратить беседы с верующими вплоть до разговора с Вами, Вы так и не нашли времени для такого разговора? Неужто это менее важно, чем обмен любезностями с очередной иностранной делегацией? Как могло произойти, что Вы, Патриарх всея Руси, верховный Пастырь Русской Православной Церкви, не встретившись, не побеседовав увещательно с пусть даже ошибившемся в чем-то, на Ваш взгляд, священником (хотя «ошибка» о. Дмитрия заключается лишь в том, что он, не в пример многим, добросовестно исполнял завещанное Богом служение), отторгаете его от свыкшегося с ним прихода, отрываете от дома, фактически ссылаете? Неужто не ясно Вам, что подобные методы руководства вверенной Вам Церковью находятся в вопиющем противоречии как с буквой, так и с духом Православия, издревле строившего внутрицерковную жизнь на основе убеждения, а не принуждения? Конечно же ясно, не может не быть ясно.

Нам известно, что о. Дмитрия теперь пытаются обвинить в том, что он, будто бы, не явился на Ваш вызов. Это неправда. Шестого мая сего года он был в Вашей приемной и через секретаря Вашего передал Вам уведомление о своем визите, а также заверение в том, что в любое время готов явиться по Вашему вызову. Вызова не последовало, разговора не состоялось. Последовал указ о переводе в область. Почему? За что? За какие провинности? Этого не знает ни сам о. Дмитрий, ни мы — его духовные чада.

Ум наш и совесть смущены подобной неопределенностью. Ведь ответ напрашивается один: причиной тут — требование государственных органов, которым «не угодил» о. Дмитрий, требование, вступающее в явное противоречие с законом. Вы ли —

русский Патриарх — освящаете своим именем противозаконные решения безбожников? Неужто это так, Ваше Святейшество? Ведь это ужасно. Настанут ведь времена, когда все, о чем сейчас шепчутся, будет объявлено с крыш. Что же услышите Вы в тот страшный час о Вашем Патриаршем служении?

Но может быть, попирая столь явно, столь недопустимо для Патриарха грубо, дух и букву Православных канонов, Вы хотите подчеркнуть, что не Ваша воля в решениях, Вами подписываемых, что Вы — лишь орудие в руках тех, кто стремится уничтожить Церковь, кому выгоден дух разделения, к которому решения такого рода неминуемо нас приведут. Таков ли подтекст Ваших действий, их скрытый проповеднический смысл? Если да, то, скорбя об унижении Вашем перед силами мира сего, мы склоняем головы перед этой проповедью, моля Господа Сил, да поможет Вам в страшном Вашем обстоянии.

Но возможно, что мы ошибаемся. Может быть, не в чем Вам и сочувствовать? И вовсе нет в действиях Ваших скрытого обличения государственных насилий над Церковью, а напротив — продиктованы они мудрой заботой об ее укреплении в Христовой истине?

Умоляем разъяснить нам это в какой угодно форме. Даже и молчание Ваше будет тут ответом — ответом утвердительным, молчаливым обличением противозаконных насилий над Церковью, творимых властями.

Умоляем не счесть за дерзость просьбу сию. Поверьте, что не гордая требовательность движет нами, но смиренное ожидание Вашего вразумления.

Вашего Святейшества смиренные
богомольцы, духовные чада священника
Дмитрия Дудко

Месяца через три после этого разговора староста нашего храма заявляет мне, что ей **приказали** расторгнуть со мной договор. Так и сказала: приказали. И вот после воскресной ранней литургии я обращаюсь с амвона к верующим, сообщаю им, что меня выбрасывают на улицу и прошу у них молитвенной поддержки, чтобы мне вынести этот новый крест.

Проходит три дня, и меня вызывает к себе зам. уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Иванов. По телефону предупреждает:

— Только не объявляйте об этом народу.

— Нет, — отвечаю. — Не буду объявлять.

И не объявлял ничего. Но слух как-то распространился. И когда я приехал к уполномоченному в Фурмановский переулок, особняк был уже «окружен» верующими. Оказывается, что было уже подано письмо в мою защиту.

Уполномоченный встретил меня на ступеньках.

— Дмитрий Сергеевич, я ведь вас одного вызывал, — сказал он взволнованно.

Вместе со мной по лестнице поднималось трое.

— А меня, — говорю, — одного никуда теперь не отпускают, народ взял меня под свою защиту.

— Кто это такие? — спрашивает уполномоченный.

— Верующие...

— Нет, все-таки кто они?

— Посмотрите, у них, как у всех людей, есть глаза, носы, уши, руки, ноги...

— Может это фанатики, — испуганно сказал уполномоченный, оглядывая моих спутников. — Убьют еще.

— Вот за это я ручаюсь, — говорю уже серьезно. — Это совершенно мирные люди, никто вас не тронет.

Все-таки спутники мои остались внизу (я их об этом попросил), а мы с уполномоченным поднялись выше, миновали огромный коридор, вошли в огромный кабинет с большим столом и множеством стульев.

— Какое вы имели право использовать церковную трибуну в личных целях? — спросил уполномоченный, усевшись за свой стол.

— Это не личная цель, — ответил я. — Когда валится колокольня, мы обращаемся к верующим за помощью. Когда шла война, тоже обращались к верующим. Преследования священников, не редкие, к сожалению, у нас, это не личное дело этих священников, а беда всей Церкви. Почему же не обратиться к верующим?

— Вы бы написали нам...

— Я знаю, что значит вам писать. Вот у меня при обыске изъяли книги и пишущую машинку, я написал три жалобы, а мне ничего не возвратили, даже машинку.

— Дмитрий Сергеевич, пишущая машинка — это такая мелочь...

— Да, может быть, мелочь, но если вместе с другим, то не мелочь.

— Хотите, я позвоню, чтобы вам возвратили машинку?

— Не надо. Пусть по закону возвращают, а не по телефонному звонку.

— Итак, какое вы имели право использовать церковную трибуну в личных целях, — вернулся уполномоченный к своему первому вопросу, тон его показался мне каким-то неестественно-патетическим.

— Я повторяю вам — это не личная цель. Во время разговора в Прокуратуре, я сказал: если виноват, судите меня по закону. Но они решили все сделать втихомолку, чужими руками выбросить меня и моих малолетних детей на произвол судьбы, да так, чтобы никто не знал. Сам-то я привык к трудностям. Но пусть люди знают, что у нас происходит. Если со мной что случится, то хоть кусочек хлеба моим детям, может быть, подадут. Вот я и сказал, чтобы все знали о нашем положении.

— Никто вас сажать не собирается.

— Лишить службы в храме — это тоже не лучше.

— Никто вас и не лишает, мы предложили старосте только на рассмотрение.

— Как так на рассмотрение? Староста ясно сказала, что уполномоченный приказал расторгнуть со мной договор, так как на меня, мол, поступило дело из Прокуратуры.

— Да, дело на вас поступило. Я не имею права показывать, но покажу. «Священник Дмитрий Дудко, — зачитал он, — занимается антиобщественной деятельностью, изъятые у него книги носят клеветнический характер. На него поступил ряд жалоб...» Но мы старосте только предложили рассмотреть, — добавил уполномоченный, закрывая папку.

— Как рассмотреть? Мне староста определенно сказала, что ей приказали.

— Приказать мы не имеем права.

— Я знаю, что не имеете. Однако, приказываете.

— Мы только предложили.

— Значит, надо точнее выразиться... Николай Семенович, вот у нас с вами имена и фамилии вполне русские, оба мы говорим на русском языке, но как-то не можем понять друг друга.

— Я признаю, что вы — блестящий оратор. Но считаю, что нельзя использовать церковную трибуну в личных целях.

— Ну какая же это личная цель — защищать внутрицерковную жизнь от вмешательства со стороны? А хорошо ли будет, если дети мои будут скитаться? И за что? За какие провинности? Я ведь стараюсь для людей, для своих соотечественников, забочусь о нравственном состоянии народа, а мне угрожают...

Разговор начал вертеться в замкнутом кругу. Вопросы повторялись. Повторялись и ответы. В конце концов, уполномоченный стал меня уговаривать пойти в патриархию и просить о переводе в другой храм.

— Зачем? — сказал я. — Я доволен своим храмом.

— А я думал, что договор с вами уже расторгнут, — признался уполномоченный.

— Нет. Я потребовал, чтобы мне дали письменное объяснение, на основании чего расторгают со мной договор, и заявил, что без этого я не уйду. Пусть с милицией уводят. Тогда по крайней мере все увидят, кто вмешивается во внутренние дела Церкви.

Мы стали прощаться. Уполномоченный по рассеянности трижды пожимал мне руку.

— Идите, — сказал он. — Сами знаете, что вам делать.

Тут из соседней комнаты неожиданно вышел какой-то старичок, словно привидение. На меня он не смотрел.

Когда я вышел, у подъезда меня встретили наши прихожане, забросали взволнованными вопросами.

Для чего я рассказал вам об этих двух встречах? Для того, чтобы ясно стало, откуда все начинается у нас, кто на деле распоряжается судьбами и репутациями священнослужителей.

Ну, пожалуй, хватит на сегодня. До свиданья. Храни вас всех Бог!

П р и х о ж а н и н: Батюшка, спасибо вам за все. Вы на очень многое открываете нам глаза. Вы позволите нам еще придти?

С в я щ е н н и к: Конечно, приходите. Я рад вам.

ОТЕЦ ДМИТРИЙ ДУДКО

(Фрагменты из статьи)

...Наше высшее духовенство, делая фальшивые ссылки на каноны, когда надо кого-то карать, без малейшего колебания ежедневно, ежечасно нарушает эти самые каноны у всех на глазах. Совершенно неканоничен обычай поставления епископов и избрания Патриарха. Каноны говорят об избрании епископов, причем всякое вмешательство в это избрание мирских начальников (гражданской власти) делает избрание недействительным (Ап. 30,3); но кому не известно, что все «избрания» епископов (в том числе и Патриарха) делаются после согласования кандидатур в определенных инстанциях? Наконец, каноны говорят об **избрании** епископов (и, конечно, самого Патриарха). Но что такое избрание? **Избрание** есть свободное и невоспрепятствованное голосование. Чтобы быть таковым, оно должно быть тайным, ибо каждый, кто подает голос, должен быть уверен в том, что он не пострадает за это. В связи с этим выработалась соответствующая процедура при выборах папы: тотчас после голосования сжигаются все документы, относящиеся к голосованию (бюллетени), чтобы будущий папа не мог по почерку догадаться, кто за кого голосовал. У нас на Руси практиковался обычай голосования черными и белыми шарами (так было на Соборе 1917-1918 г.г.)

Что же сказать о таких «выборах», когда «избрание» происходит открытым поименным голосованием, а сам будущий Патриарх сидит на председательском месте и наблюдает, кто и как голосует. Если бы так избирали в любом советском учреждении местком, то вышестоящая профсоюзная организация немедленно объявила бы подобные выборы недействительными, потому что это не выборы, а насмешка над выборами.

Но то, что невозможно ни в одной уважающей себя организации, оказалось возможным в нашей многострадальной Русской Православной Церкви. Как это ни печально, но приходится констатировать: наша Церковь в настоящее время не имеет канонического возглавления, а Патриарх Пимен, как избранный незаконным образом, никак не может считаться истинным Первоиерархом Православной Церкви...

...«Что делать?» — спрашивают многие люди автора этой статьи под впечатлением всех событий, происшедших с о. Дми-

трием. И дают на этот вопрос разные ответы. Первый ответ: помочь отцу Дмитрию — и бесконечное количество людей покрывают своими подписями листы петиций. Другие хотят помочь о. Дмитрию материально, и несколько дней назад пришел ко мне 20-летний юноша, очень нуждающийся, полуголодный, вынужденный работать ночным сторожем, и вручил мне 11 рублей из своей скудной зарплаты: «Это для отцы Дмитрия», — робко сказал он мне.

...«Что делать?» — возникает этот вопрос и в более глубоком смысле. Что должен делать христианин, видя мерзость запустения в Церкви Христовой? Во всяком случае не покидать Церкви, не становиться на путь раскола, ибо это путь наименьшего сопротивления. Христианин должен, оставаясь в своей наместной Церкви, пребывая в посте и молитве, делать свое дело: проповедовать всей своей жизнью Христа распятого — Христа, воскресшего из мертвых, Христа Жизнодавца, бороться за правду, стоять и страдать за нее. И падут врата адовы, и восторжествует правда...

Жив Бог, и жива душа Церкви. И все ее болезни исчезнут. Современные вершители ее судеб найдут свое место в истории рядом с Феофаном Прокоповичем, Патриархом Игнатием и прочими недостойными иерархами. С глубочайшей скорбью будет повествовать о них будущий историк Церкви, и он же с радостью и любовью остановит свой взор на скромных, глубоко верующих тружениках на ниве Христовой, таких как истинно христианский пастырь отец Дмитрий Дудко. Ибо таким людям принадлежит будущее.

Май 1974 г.

О ПОЛОЖЕНИИ В ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЕ

(Письмо в газету «Советская Россия»)

В опубликованной Вашей газетой статье от 18 августа 1973 г. «Грустная сказка о попе и инспекторе его Ягнюкове» подтверждается, что дела церковные — забота самих верующих, т. е. то, что закон об отделении церкви от государства остаётся в силе. Для Почаева же он как бы не существует. Все заботы верующих советские власти взяли на себя. Они ставят в Лавру таких руководителей (наместников), которые дают согласие на следующую комбинацию: доходов, поступающих в Лавру, приходить мало, а деньгами делиться. Так и делается. Обогащаются за счёт Лавры, покупают дома, автомашины, гуляют по курортам и ресторанам, а Лавра (памятник архитектуры) в запущенном виде, несмотря на огромные пожертвования верующих (свыше миллиона рублей в год). Так Лавру обируют около 15 лет. Власти держат под надзором монахов Лавры. В её коридорах постоянно ходят работники КГБ и милиции, покрикивая: «Кто против наместника?» Монахов запугивают, чтобы никто не жаловался. Монахи боятся, но другие люди видят и возмущаются, жалуются, но безрезультатно. Жалобы возвращаются на место и здесь же оседают. Если кто и придёт с верхов, то тоже получает кругленькую сумму и молчит. А грабительство продолжается. Ягнюкова наказали всего лишь за 1 400 руб. Гладаревский (киевский уполномоченный), Радченко, Бочкарёв (тарнопольские уполномоченные) за один визит в Лавру брали в 10 раз больше. За 15 лет получено взяток на миллионы рублей. Билов и Емельяненко (следователи по делу Барановского) получили по 10 000 рублей каждый, чтобы молчать о доходах Лавры и связях о. Самуила с ним. Власти не наказывают за такие добродетели о. Самуила, который выстроил 5 домов в Почаеве по ул. Леси Украинки, три в селе Звеняче и три в хуторе Затишье. Власти не допускают приводить Лавру в порядок, чтобы не было её активизации, а хотят, чтобы она шла на упадок. Может Ваша газета поможет и для Почаевской Лавры найти правду.

Вавилов

г. Почаев Кременецкого района
Тернопольской области.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ХРОНИКИ ЛИТОВСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ № 9

СВОБОДА УМЕРЕТЬ

Литовские районные газеты за месяцы декабрь-январь перепечатали статьи советника при Совете Министров ЛССР Пранаса Мишутиса «Советский закон и религия». Еженедельник «Говорит Вильнюс» (Калба Вильнюс) перепечатал обширную статью П. Мишутиса «Церковь и религиозность в наши дни» (1974, № 5). Во время радиопередачи «Кругозор» (Акиратис) советник при Совете Министров уверял народ, что советские законы по отношению к религиозным культурам весьма гуманны.

Почему так забеспокоилась атеистическая пропаганда?

«Наша обязанность демаскировать реакционную зарубежную пропаганду и попытки местных реакционеров очернить советскую действительность, извратить положение,» — пишет Мишутис. Пропаганда божбожия хочет во что бы то ни стало убедить, что «наши законы о религиозных культурах являются демократическими».

Рассмотрим, что П. Мишутис сказал о «свободе» Церкви и о чем умолчал.

«Священникам запрещается обучать детей катехизису, использовать несовершеннолетних для церковных служб, вмешиваться в мирские дела верующих, колядовать, организовывать разные группы, собрания, групповые беседы, экскурсии и иные сходки. Священник не имеет права вести хозяйственно-финансовые дела, совершать службы под открытым небом (и похоронные процессы с религиозной атрибуцией, освящение креста без соответствующего разрешения, исключая двор и кладбище), использовать проповедь для нерелигиозной пропаганды (например, побуждать родителей к религиозному воспитанию своих детей — примечание Редакции *), вмешиваться в дела по приведению в порядок могил».

Мы бы по достоинству оценили П. Мишутиса и тех, кого он представляет, если бы он пришел к такому выводу: «Церковникам и верующим созданы все условия, они могут воспользоваться полной свободой у м е р е т ь!»

*) Т. е. редакция «Хроники ЛКЦ».

Что же делают священники в нынешних условиях «свободы»?

«В последнее время, — разъясняет П. Мишутис, — большинство священников более или менее лояльны Советской власти... Некоторые духовные лица сегодня сами довольно пассивны и на свои обязанности смотрят формально...»

Действительно, есть «лояльные» священники. Некоторых из них верующие Литвы рассматривают как предателей Церкви и народа. Таких очень немного. Ю. Аничас в статье «В борьбе против коварной лжи» («Родной край» (Гимтасис краштас) за 5 и 13/ XII-1973) упомянул несколько духовных лиц, публично высказавшихся о том, что в Литве Церкви предоставляется полная свобода. Мне довелось слышать, как один католик, читая эту статью, глубоко вздохнул и сказал: «Господи, помилуй!» тем, кто оправдываясь, ссылается на то, что советская печать извращает высказывания священников, верующие говорят: «Если атеистическая пропаганда приписывает вам невысказанные мысли, отрекитесь от них хотя бы в частных беседах и, вообще, откажитесь давать интервью».

«Еще немало таких духовных лиц, — пишет Мишутис, — которые активно борются за сохранение влияния церкви на людей... Некоторые служители культа не ограничиваются предусмотренной для них законом религиозной деятельностью и вмешиваются в общественную жизнь, прививают людям буржуазно-националистические идеи, провозглашают надуманный тезис, будто бы атеизм помогает проводить денационализацию литовцев, вызывают недоверие к советскому строю, распространяют всевозможные измышления». «Для прислуживания в церкви все еще привлекаются несовершеннолетние. Имеются отдельные случаи организованного обучения детей катехизису... Нелояльные священники кое-где активизировали свою деятельность. Они отрицательно влияют на лояльных священников, активизируют клерикальные элементы, нелегальные монастыри, подбивают людей писать жалобы и заявления, добиваются изменения законов о религиозных культах, борются за так называемую «абсолютную свободу». Реакционные священники пробуют поднять шумиху вокруг якобы рабского положения церкви, подрывают нормальные отношения церкви с государством».

Советская печать клеймит так называемых «реакционеров» и угрожает им. Варенская районная газета «Красное знамя» (Раудоний велява) писала о Валькининском настоятеле костела Альгимантасе Клейнасе (посвящен в сан в 1962 г.): «Настоятель косте-

ла, опять-таки без ведома прихода, закупил за несколько лет разных стройматериалов для ремонта костела более, чем на двадцать тысяч рублей... Привлекает детей к участию в церковных службах, угрожает верующим, охладевшим к церкви, нарушает установленный порядок проведения религиозных служб и т. д. и т. п. Все это не случайная ошибка, а закономерный путь мракобеса. Этого, повторяем, терпеть нельзя» (10-1-1974).

П. Мишутис упомянул про нелегальные монастыри. Странно, весь послевоенный период атеисты молчали, как будто монастырей в Литве и в помине не было. А они были, и существуют поныне. Счастье монастырей, что они — в подполье, поэтому советская власть может их контролировать лишь минимально и кандидатам в монахи не приходится испытывать мук, которые уготованы поступающим в Духовную семинарию. Число испытывающих призвание идти в монастырь не уменьшается, а увеличивается. Монастырям следует засчитать как особую заслугу обучение детей катехизису и работу с молодежью. Жаль, что они чересчур мало занимаются религиозной литературой для мирян-католиков. Обеспокоенность, которую монастыри вызывают у властей — хороший знак, указывающий на то, что они не зря существуют.

Что это «клерикальные элементы», о которых упоминает П. Мишутис?

Это верующие, которых живо интересует церковная жизнь и ее будущее. Не секрет, что почти все молитвенники, книжки катехизиса и другая религиозная литература были в исключительно тяжелых и опасных условиях изданы именно этими «клерикальными элементами». За это — честь и хвала им! — Мишутис угрожает: «Еще имеются такие духовные лица и особенно «активные» верующие, которые нарушают законы. С ними другой разговор. Спускать им нельзя и никто спуску давать им не будет».

«Удовлетворяя запросы священников и верующих, изданы «Типикон», «Молитвенник», «Решения Ватиканского Собора», «Священное писание» и другая наиболее необходимая литература», — пишет далее пропагандист.

Если верить П. Мишутису, то в 1972 году в Литве Первое Причастие приняло 20 тысяч детей. Сколько же тогда детей приняло Первое Причастие, начиная с 1945 года? И сколько молитвенников для них было издано? Всего-навсего пара мизерных тиражей. Какими же пособиями, готовясь к Первому Причастию, могли воспользоваться эти сотни тысяч детей, если «самая демократическая власть в мире» до сих пор так и не дала разрешение

выпустить в свет хотя бы одно издание католического катехизиса? А те, которые хотели оказать помощь верующим, подверглись репрессиям и все еще томятся в тюрьмах. Тут остается лишь процитировать расхожее советское клише: «Одно из замечательных проявлений торжества советской демократии в нашей стране — незыблемое право на свободу совести» («Агитатор», 1973, № 21 *).

«Уменьшение численности верующих предопределило и то, — пишет П. Мишутис, — что некоторые религиозные общины, особенно в городах, укрупнились... Никто не «оскверняет» закрытые церкви».

Зададимся вопросом, уменьшилось ли число верующих, когда советская власть закрыла Вильнюсский кафедральный костел, Каунасский собор, святилище Королевы Мира в Клайпеде и множество других церквей? И можно ли больше осквернить церкви, чем это сделала советская власть, превратив многие из них в складские помещения, спортивные залы, кинотеатры, в музеи атеизма?

«В 1972 году первое причастие приняло около 20 тысяч детей, хотя в I-IV классах их обучалось более четверти миллиона.» Здесь Мишутис сказал неправду. В 1972-73 гг. в каждом из первых четырех классов училось примерно 57.000 детей (см. «Население Литовской ССР», V, 1973, стр. 175), т. е. меньше четверти миллиона. Кроме того, каждый год к Первому Причастию готовятся дети лишь одного определенного года рождения. 12% детей в Литве не католики: русские, евреи, латыши и др. К Первому Причастию каждый год должны были бы готовиться около 50 тысяч детей. Фактически готовится не менее 44 тысяч. Число же в 20 тысяч, указанное П. Мишутисом, является совершенно неточным, ибо власти начали требовать от священников данные о детях, готовящихся к Первому Причастию, только с 1973 года. Впрочем, и впредь государственная статистика будет ошибочной, так как часть священников вообще не предоставляет никаких данных о приобретаемых к катехизису детях, а другие священники, чтобы у атеистов что называется «сердце не болело», предоставляют такие данные, какие угодны атеистическим властям.

«Наблюдения показывают, что из 350 тысяч школьников старших классов верующие составляют всего лишь незначительный процент», — уверяет Мишутис.

*) См. статью «Закон и религиозные культы», стр. 40.

И это — тоже неправда. Например, в январе 1974 г. ученикам X «а» средней школы в районном центре Лаздияй была роздана анкета, содержащая такие вопросы: «Верить ли ты в Бога?», «Ходишь ли в церковь?» и т. д. Из 20 комсомольцев 16 ответили, что верят в Бога. Больше всех пришла в ярость секретарь комсомола школы учительница Малинаускаене. Было создано открытое комсомольское собрание. Учительница Малинаускаене откровенное высказывание учеников расценивала как позор школы. Представитель района *) тоже выступил. Он сказал: Неважно что вы думаете, но письменно надо было ответить так, «как нужно». По этому поводу один десятиклассник высказался так: «Вы заставляете нас вступать в комсомол. Говорите, что родителям про это можно и не рассказывать, можно даже и в церковь иногда зайти. И вот теперь нам тоже посоветовали, что можно думать одно, а написать другое. Как же это прикажете понимать?»

Когда учительница заговорила в ноябре 1973 г. в X классе Раудондварской средней школы о приближающемся комсомольском призыве, весь класс дружно захохотал. За это двум ученикам были снижены отметки по поведению. Когда у учеников этого класса спросили: «Кто из вас ходит в церковь?», — поднялся целый лес рук.

Чего же, спрашивается, стоит статистика П. Мишутиса?

«Никто не преследует церковь, — пишет он. — Подверглись наказанию лишь те духовные лица, которые, пытаясь восстановить буржуазный строй, сменили идейное оружие на огнестрельное».

Интересно, верит ли сам Мишутис в то, что пишет? За 1944-1962 гг. в одной лишь Кайшядорской епархии — самой маленькой в Литве — к тюремному заключению был приговорен 41 священник. Большинство из них, никогда в своей жизни не державших в руках оружия, получили по 10 лет, а некоторые и по 25 лет. Например, прелат Й. Матулайтис-Лабукас (теперешний Апостольский Администратор Каунасской архиепархии и Валкавишской епархии) в 1945 году получил 10 лет за произнесение проповедей, хотя исполняя обязанности главного vicar, он вообще не занимался проповедями. После смерти Сталина большинство священников было реабилитировано. Неужели Мишутис не знает и этого?

*) Районный отдел народного образования.

«Желающие верить в бога, ходить в церковь и отправлять церковные обряды имеют все условия и возможности», — объясняет П. Мишутис.

Стремясь оторвать людей от религии, атеисты для достижения своей цели часто бывают неразборчивы в средствах. Вот несколько примеров из настоящего и недалекого прошлого.

В Вербное воскресенье 1972 г. людские толпы заполнили Каунасский кафедральный костел и его двор. Когда началось богослужение, работники расположенного напротив здания кафедрального костела детско-юношеского клуба «Жильвинас» пооткрывали окна, двери и стали громко транслировать эстрадно-танцевальную музыку, а на балконе клуба подняли шум участники танцевального кружка. Собравшимся на костельном дворе людям было невозможно принять участие в богослужении.

Каждый год на Вербное воскресенье верующие, отправляясь в Каунасский кафедральный костел, могли на его дворе приобрести веточки вербы. Дети приносили из лесу можжевельные веточки, вербные почки, полевицу. Люди были благодарны распространителям вербы. В 1973 году атеисты решили испортить празднование Вербного воскресенья. Когда началось богослужение, у кафедрального костела показалась милиция и начала ловить распространителей вербы. Некоторых из них арестовали и увезли в милицию. На Атвеликис — Фомино воскресенье *) милиция опять появилась возле кафедрального костела и стала ловить продавцов предметов культового обихода. Милиция не пожалела при этом и калеку старушку — ее посадили в машину и увезли в отделение милиции.

Во времена Хрущева власти в Жежмаряй установили радиорупор возле самого костела. Несколько лет верующим в костеле приходилось переносить поднимаемый громкоговорителем шум, молиться при этом было очень трудно. На просьбы настоятеля костела и верующих перенести громкоговоритель подальше никто не обращал внимания...

В первое воскресенье июля 1969 года автору этих строк довелось принять участие в храмовом празднике в святых местах Жемайтийской Кальварии. Собравшиеся со всей Литвы богомольцы молились в костеле и на его дворе. Когда костельный колокольчик подал знак, что начинается обедня, в тот же самый момент свисток на расположенной рядом с костельным двором спорт-

*) Воскресенье после Пасхи.

площадке возвестил, что начинаются спортивные соревнования. Группа полуобнаженных подростков играла, кричала, шумела. На костельном дворе трудно было молиться. Людей обозлило то, что атеисты специально затрудняют богослужение. Обычно, на затеваемые атеистами подобного рода соревнования или состязания, участников приходится гнать насильно, угрозами. Добровольцев в таких случаях оказывается немного.

Несколько лет тому назад атеисты городка Вилькия совещались по поводу того, как бы отвлечь от церкви во время храмового праздника Святой Анны побольше народу. Решено было во время обедни поставить в местном Доме культуры интересный спектакль. В 12 часов в зале сидел только один зритель — сторожика Дома культуры. Атеистам пришлось спектакль отложить.

22 июля 1973 г. мы ехали по Дзукии. Нигде на полях не видно было работающих людей. Лишь в Лейпалингском приходе мы увидели много людей на работе. Выяснилось, что в Лейпалингяй праздновали большой храмовой праздник Св. Анны, и колхозников согнали на работу.

Тем, кто работает по воскресеньям, власти платят вдвойне.

В следующее воскресенье, 29 июля, епископ в городе Вейсейяй приобщал к Святым Таинствам. И там людей в этот день заставляли работать.

Летом 1960 года мне довелось побывать в Аникшчяйском районе, на родине писателя Вайжгантаса *). Колхозники с большой горечью жаловались, что они попали в неслыханно тяжкое крепостничество — не могут даже по воскресеньям отдохнуть. Если во время храмового праздника не выйдешь на работу, председатель колхоза вычеркивает часть заработанных трудовых...

Во время храмовых праздников практикуется преграждать дороги. Тех, кто едет на грузовиках или лошадях, возвращают обратно. Часто атеисты бывают весьма «изобретательны». В 1963 году направляющиеся в поселок Румшишес на храмовой праздник Рождества Пресвятой Богородицы наткнулись на установленные на дорогах заграждения. Дежурные автоинспекторы объяснили людям, что проезд воспрещен из-за эпизоотии ящура. Тех, кто ехал на лошадях вернули обратно. Все удивились: никто до храмового праздника об этой болезни ничего не слыхал. Еще больше пришлось удивиться, когда после богослужения люди увидели, что дорожные заграждения убраны — выходит, эпизо-

*) Иозас Тумас-Вайжгантас, 1869-1933, лит. псевд. ксендза Тумаса.

отия ящюра уже прошла. Кроме того, в Румшишкяйском костеле в тот день было запрещено служить обедню и устраивать процессию. Люди шутили: «Может быть, и пение молитв переносит ящур?»

В 1963 году в местечке Шилува во время храмового праздника Рождества Пресвятой Девы Марии толпы людей осаждали исповедальни, но власти разрешили настоятелю местного костела вызвать лишь нескольких священников...

Наиболее удивительно то, что П. Мишутис говорит о посещении святых мест — каждый год, мол, верующие их посещают все меньше. К примеру, в 1972 году в святых местах местечка Шилува побывало — всего около 1300. В действительности же, лишь в одном Шилувском костеле набиралось втрое больше. Кто побывал в 1973 году на храмовом празднике в Шилиняй, тот был свидетелем, как во время каждой св. Мессы Шилувский костел был полным-полон людей. В воскресенье машины загрузили не только само местечко, но и его окрестности. Автоинспекторы за один день насчитали около тысячи машин.

«Святые места Вепрайских Кальварий в 1972 г. посетила едва тысяча верующих. А святые места Вильнюсских Кальварий вовсе уже не посещаются, — злорадствует П. Мишутис, — хотя несколько лет тому назад они привлекали десятки тысяч верующих».

Особенно фанатично атеисты старались помешать верующим посещать святые места Вильнюсских Кальварий. В 1961 году мне пришлось быть свидетелем подобных действий. Утром праздника Св. Троицы таксисты увидели в гаражах объявления, запрещающие совершать поездки в сторону святых мест Кальварий. Таксист, которого мы попросили подвезти нас к этим святым местам, категорически отказался это сделать, так как милиция ловила едущих туда водителей и отбирала водительские права. Наш таксист посоветовал пассажирам добираться так: через окраинный район Вильнюса Антакальнис в пригородные дачные места Валакампйя, а оттуда на лодках через реку Нерис. Увы, добравшись до Валакампйя, мы не смогли перебраться через реку Нерис — не позволяла дежурившая на месте милиция. Местные жители Валакампйя старались помочь паломникам. Они подсказали нам, что нужно пробираться прибрежными кустами в сторону Неменчине — там милиции нет. Однако и там, когда мы перебрались через реку Нерис, на лодочника напали дружинники и, пригрозив, велели никого больше не перевозить.

Но эти меры оказались неэффективными. Верующие пешими группами стекались к святым местам Вильнюсских Кальварий. Леся Панеряй звенели молитвенными песнопениями и литаниями. В 1962 г. атеисты, вызвав на помощь воинское подразделение, взорвали часовенки в святых местах Вильнюсских Кальварий, а руины вывезли той же ночью. Места, где стояли часовенки, засыпали и сравнивали с землей. С тех пор посещение святых мест действительно уменьшилось, но не прекратилось. На Троицу сюда собираются паломники из разных уголков Литвы и, молясь, идут 7 километров по тем дорожкам, на которых стояли Кальварийские часовенки. Чьи-то набожные руки выложили на местах снесенных часовенек кресты из камешков и украсили их цветами.

Святые места Вепрайских Кальварий (Укмергский район) атеисты также разрушили, но толпы богомольцев продолжают стекаться на Троицу к местам, где стояли разрушенные часовни.

Была сделана попытка разрушить часовни и в известных святых местах Жемайтийских Кальварий. В них уже снимали картины. Но жемайтийцы начали собираться, что называется, целыми полками и несколько дней несли караул у святых мест, решив защищать их до последнего. Вот так часовни святых мест Жемайтийских Кальварий и остались неразрушенными.

Заканчивая короткие замечания по поводу статей и речей П. Мишутиса, следует добавить, что эти статьи и речи в действительности не его собственные, они — голос партии, сбивающей с толку некритические умы.

Из сообщений по Епархиям

КАЙШАДОРСКАЯ ЕПАРХИЯ

Е з н а с

26 октября 1973 г. органист Езнасского прихода Миколас Яудегис был вызван в Пренайский райисполком. Административная комиссия (председатель Стакёнис, заместитель Арбачаускас, секретарь Раманаускас, члены: Мицкене и Свяжаускас) наложили на органиста денежный штраф в размере 30 руб. за «нарушение законов о культе». Оказалось, что в хоре Езнасского костела поют дети, а вот это уже «большое преступление».

20 августа 1973 г. в Езнасский исполком был вызван vicарий местного прихода К. Жилис (посвящен в сан в 1973 г.). Представители властей потребовали, чтобы он удалил детей от алтаря.

— Обязанность священника не удалять детей от алтаря, а привлечь их к нему, — пояснил свящ. К. Жилис.

Несколько позднее свящ. К. Жилиса снова «просвещали». Директор Езнасской средней школы обвинил его в том, что он привлекает детей в церковный хор, утверждал, что не потерпит, чтобы подобным образом религиозно воспитывали детей. Vicарию даже пришлось написать письменное объяснение. Свящ. К. Жилис указал, что его обязанность, как священника, помогать людям. Так как верующие попросили обучить их детей религиозному пению, то он согласился это сделать.

31 октября 1973 г. в Пренайский райисполком вызвали обоих Езнасских священников: В. Сидараса и К. Жилиса. Vicария предупредили, чтобы он воздерживался от нарушения советских законов: не устраивал репетиций церковного хора и не проводил группового обучения детей. К. Жилис ответил, что он не может придерживаться таких законов, которые направлены против Церкви. Письменного предупреждения он не подписал. Представители районных властей угрожали, что в своем районе они такого священника не потерпят, такое поведение плохо для него кончится.

29 октября 1973 г. заместитель председателя Пренайского райисполкома К. Морквенас прислал К. Жилису письменное предупреждение:

«Установлено, что в костеле Езнасского прихода во время совершения религиозных обрядов прислуживают дети и подростки. Это является нарушением советских законов. Предупреждаем Вас, чтобы впредь подобные незаконные действия по воспитанию детей не повторялись и были пресечены нарушения законов о культах».

Директор Езнасской средней школы начал проводить яростную кампанию против тех школьников, которые прислуживали на мессах и пели в церковном хоре. Детей заставили писать объяснения, допытываясь, кто их обучает церковному пению. Директор школы, вызвав к себе ученицу Л. Кведаравичуте, запугивал ее тем, что посадит в тюрьму ее отца, оштрафует на 50 руб. А, кроме того, и священнику попадет. Директор также вызывал и родителей, грозился, что их детям снизят отметку по поведению, исключат из Езнасской школы и т. д. Этот усердный апостол

безбожия даже начал ходить по домам школьников, но, пристыженный одним из родителей, отказался от этой практики.

2 января 1974 г. в Езнасский исполком вновь вызвали Езнасских священников. Так как вызов был сделан на словах, то К. Жилис не явился. Настоятелю костела сделали выговор за то, что он не призвал к порядку vicария.

20 января езнасские верующие устроили на квартире vicария проводы настоятелю костела В. Сидарасу, которого переводили в город Виевис. Прихожане привели с собой детей, они пели песни, не обошлось и без религиозных песнопений. А в это время под окнами vicария топтались досмотрщики: директор местного интерната, директор средней школы и учительница интерната Качергене. Эти «контролеры» кое-кого из учеников разглядели. Назавтра утром директор школы напустился на детей за то, что они были у vicария. Нескольким девочкам директор велел без родителей в школу не являться. Более напуганные написали объяснения, указав, что церковному пению их учил vicарий. Но нашлись и храбрые родители, которые заявили: «Наши дети будут и дальше петь в церковном хоре и прислуживать на мессах».

23 января в Езнасском исполкоме собрались директор местного интерната, директор средней школы, председатель исполкома Аганаускас и еще раз попробовали перевоспитать vicария:

— Мы оштрафовали органиста, хотя вы были виноваты и всё организовали... А вы продолжаете мешать нам воспитывать детей атеистически, — говорил директор школы.

К. Жилис заметил, что результатов атеистического воспитания что-то не видно. Лишь за один 1973 год езнасские школьники четыре раза проникали со взломом в Езнасский костел и грабили его. Была раскрыта группа из одиннадцати воров-школьников.

Vicarю заметили, что он специально не слушается властей, возжелав, очевидно, чтобы Церковь объявила его святым.

Vicarий не подписал протокол комиссии.

1 января 1974 г. административная комиссия при Пренайском райисполкоме наложила на священника К. Жилиса денежный штраф в размере 50 руб. за нарушение закона о религиозных культах.

К. Жилис объяснил, что он, как священник, не имеет права «гнать» детей от органа или алтаря. Кроме того, Указ ПВС *)

*) Президиум Верховного Совета.

ЛССР от 12-V-1966 предусматривает наказание за организацию детских групп вне связи с культом, а пение в церковном хоре является частью культа.

— Что мы тут с ним толкуем! Пусть жалуется суду, там разберутся. А мы собрались не толковать, а наказывать, — высказался один из членов комиссии.

Уважаемые читатели!

Невзирая на репрессии властей, «Хроника ЛКЦ» будет издаваться и впредь. Она перестанет выходить лишь тогда, когда власти предоставят Церкви и верующим хотя бы ту степень свободы, какая гарантируется Конституцией СССР.

Уважаемые читатели, мы просим вас и далее помогать нам собирать материалы для «Хроники ЛКЦ». Без вашей помощи множество фактов из жизни преследуемой Церкви окажутся преданными забвению.

«Хронике ЛКЦ» не подходит неконкретная информация и неточные факты. Материалы такого рода не будут опубликованы. Каждое известие, факт или событие, связанное с положением Католической Церкви, сегодняшним днем нашего народа, произволом органов власти или иными дискриминационными мерами, должно быть тщательно проверено, всесторонне выяснено и уточнено. Цифры же, даты, фамилии, названия местности и другие данные должны быть особенно отчетливо и правильно записаны и проверены. Ждем информации.

Издатели «Хроники ЛКЦ»

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВЕРУЮЩИХ БАПТИСТОВ И ПЯТИДЕСЯТНИКОВ

Президенту Международного Красного Креста

ЗАЯВЛЕНИЕ

пресвитера баптистской общины и члена
Совета епископа баптистов Латвии Шмита
Яниса Эрнестовича, 1941 г. рожд., прож. в
г. Айзпите, Латвийской ССР,
ул. Кулдигас, д. 17.

Обращаюсь к Вам с просьбой оказать мне поддержку и помощь в деле ходатайства на разрешение эмиграции из Советского Союза по причине запрета на религиозную деятельность.

Решение на такой поступок принял в связи с нижеописанным:

26 марта Уполномоченный Государственного Совета по делам религии по Латвийской ССР при Совете Министров СССР с согласия Совета по делам религий в Москве отнял у меня справку о регистрации священнослужителя — единственного документа в СССР дающего право на официальную религиозную деятельность. Запрет — бессрочный, причина — грубые нарушения Советского законодательства о религиозных культах. Устно мне указано на две причины, которые считаются грубыми нарушениями:

- 1) призвание верующих молиться за заключенных верующих
- и 2) разрешение школьникам участвовать в церковном хоре.

Запрет на религиозную деятельность письменно Совету по делам религий опротестовал Церковный Совет и решением своего заседания просил меня продолжать служение. Церковный Совет же в свою очередь в ответ на посланное заявление-протест получил вызов явиться к Уполномоченному Совету по делам религии и одновременно письменное указание, что мне продолжать работу воспрещается. В беседе Церковного Совета с Уполномоченным Советом по делам религии последний угрожал в случае непослушания снять с регистрации также Церковный Совет, т. е. запретить действованию такового и потом запретить действованию самой общины. В отношении меня он категорически заявил, что в случае прекращения проповедывания буду арестован.

На основе происшедшего я направил Министру Внутренних дел Латв. ССР заявление, в котором заявил, что по совести прекратить религиозную деятельность я не могу, и следовательно, буду продолжать. В заявлении также запросил, чтобы я не был вынужден нарушать существующее законодательство о религиозных культах (вернее, чтобы не нарушать их произвольные толкования лицами гос. органов) и чтобы мог беспрепятственно продолжать религиозную деятельность — выдать мне и моей семье разрешение эмигрировать. Подобного содержания телеграмму одновременно направил Председателю Совета Министров Косыгину. По поводу запрошенного разрешения эмигрировать, меня вызвали в милицию и заявили, какие документы я должен иметь и подать, чтобы начать ходатайство. Первым документом должен быть вызов из страны, в которую намерен направиться.

В качестве Вашей помощи, во-первых, прошу помочь в деле вызова, обеспечивая меня таким (готов направиться в любую страну, где мог бы продолжать религиозную деятельность, включая страну нахождения Красного Креста — Швейцарию) и, во-вторых, ожидаю Вашу моральную поддержку, в том числе, оповещения об изложенном мировой общественности, особенно религиозных центров.

Считаю целесообразным отметить, что на моем иждивении находится семья, состоящая из жены, десяти малолетних детей, последний из которых родился только 15 апреля этого года, и матери.

Жду Вашей поддержки и соответствующих быстрых действий, с глубоким уважением

пастор Янис Шмит (Подпись)

22 апреля 1974 года

г. Айзпите,
Латвийская ССР

ПОЧЕМУ МЫ ХОТИМ УЕХАТЬ ИЗ СССР

(Из интервью, данного западным корреспондентам 7 мая 1974 г.)

Вопрос: В чем заключаются ограничения вашей религиозной свободы, о которых вы говорите в вашем «Обращении»? Считаете ли вы, что этим ограничениям подвергается только ваше вероисповедание?

Члены Общины Христиан (Пятидесятники) - гор. Черногорск.

Ответ: Ограничения религиозной свободы подвергаются не только люди нашего вероучения, но и других вероучений. Прежде всего преследуются все те, кто не идет на требуемые органами Советской власти уступки, которые, по сути дела, сводят всякое вероучение к нулю. Так, например, при регистрации религиозных общин в соответствии с инструкцией о регистрации, верующим говорят, что им запрещается благотворительность, запрещается проповедь Евангелия за пределами молитвенного дома, запрещается присутствие детей верующих на богослужбных собраниях, воспитание их в религиозном духе, запрещается бывшим осужденным за религиозные убеждения священнодействовать и проповедывать. По усмотрению органов власти может быть ограничена даже проповедь в молитвенном доме. Власти присваивают себе право отвода из состава руководства общиной тех лиц, которые

по каким-либо причинам им не угодны. Чаще всего это относится к самым искренним. Это далеко не весь перечень запретов, за неподчинение которым нас, Христиан Веры Евангельской (Пятидесятников), ставят вне закона и репрессируют. В то же время верующие нашего исповедания в других странах (например, в США, Канаде, Австралии и др.) имеют полную свободу служения и проповеди.

Вопрос: В чем именно состоят преследования, о которых вы говорите?

Ответ: Преследования со стороны органов Советской власти проявляются в том, что до настоящего времени за наши чисто религиозные убеждения нас судят как нарушителей советских законов о религиозных культах. Эти советские законы о религиозных культах глубоко противоречат Священному Писанию, убеждению верующих, законам человеческой совести и общепризнанному праву человека. Нас подвергают штрафам за проведение богослужебных собраний в размере 30-50 рублей, т. е. около половины месячного заработка. За религиозную деятельность (служителей) и за религиозные убеждения (всех) нас осуждают на сроки от 3-х до 10 лет лишения свободы.

Мы практически не имеем права на образование. Когда мы хотим получить высшее образование, нам говорят: «Мастер или инженер — прежде всего воспитатель. Воспитатели, имеющие религиозные убеждения, воспитатели-пятидесятники — нам не нужны». Такими словами объяснял работник УВД Богданович*) Евгению Бресендену его права. Не имея образования, мы практически не имеем права на творчество, умственный труд и научную деятельность, хотя среди нас есть и способные люди.

Мы, верующие, часто и повсеместно слышим угрозы в свой адрес от официальных лиц. Например, капитан УКГБ города Черногогорска Иконников и прокурор по надзору города Красноярска говорили нам следующие слова: «Вас скоро не будет, мы вас сотрем в порошок, сошлем на крайний Север к белым медведям. Там для вас строят зоны. Там на вас испытают атомную бомбу.» Чувствуется, что это не только разговор, а что действительно существует коварный замысел со стороны властей против народа Божия. Но мы поступаем и будем поступать так, как велел Иисус Христос: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть... Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2.10).

*) Заместитель начальника ИТК - 27 Приморский край.

Вопрос: В советской печати вас обвиняют в том, что исполнение ваших религиозных обрядов причиняет вред здоровью. Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ: Это обвинение ложно. Пользуясь тем, что мы лишены возможности рассказать о себе и о своем вероисповедании в широких слоях населения, через печать, радио, телевидение о нас распространяют всевозможную клевету, изображая нас изуверами. Наши Богослужебные собрания ничем не отличаются от Богослужебных собраний в зарубежных странах в общинах нашего вероисповедания. Наши двери открыты для всякого, кто хочет искренне убедиться, что мы не совершаем ничего, противоречащего разуму и совести. В чем же находят изуверство, которое нам приписывают?

1. Нас обвиняют в том, что в наших молитвенных домах недостаточное освещение, тесно и душно, что это вредит здоровью граждан. Но не наша вина, что нам не разрешают арендовать или построить молитвенные дома необходимых размеров и со всеми удобствами. Это просто лицемерие — лишить нас нормальных условий для собраний и потом же нас за это преследовать.

2. Нас обвиняют в причинении вреда здоровью граждан за то, что у нас есть обычай приветствовать друг друга поцелуем брат — брата, сестра — сестру, как и написано: «Приветствуйте друг друга святым целованием» (2 Кор. 13 гл. 12 ст.) Это может служить лишним доказательством отсутствия у нас какой-либо вины, если такой вздор нашим гонителям приходится включать в судебные обвинительные акты.

3. Нас обвиняют в том, что наши обряды изнурительны для человеческой психики, что наши молитвы приводят к неврозам, что наши религиозные переживания вызывают гипертоническую болезнь. Эти обвинения совершенно ложны и для нашего религиозного чувства глубоко оскорбительны.

Врачи, медицинские выводы которых служат основанием для запрещения наших общин и для нашего заключения в тюрьмы, либо выполняют приказания, либо из-за своего материализма заранее убеждены, что всякая искренняя вера в Бога — это психическая болезнь.

Пусть к нам пришлют не врачей — воинствующих атеистов и работающих по заданию органов, а комиссию из Международного Красного Креста, и тогда весь мир узнает, что подрывает наше здоровье — наши молитвенные собрания или непрерывные

изматывающие преследования и годы заключений в лагерях и тюрьмах с их жестоким и бесчеловечным режимом.

Вопрос: Почему вы решили эмигрировать именно в США, а не в какую-либо иную страну?

Ответ: В США живет большое количество наших собратьев по вере и пользуются там полной религиозной свободой. Кроме того мы знаем, что настойчивая поддержка общественных и государственных деятелей США впервые открыла для многих жителей СССР возможность осуществить естественное право человека жить там, где он хочет.

Мы надеемся, что США использует свой авторитет в международных организациях, защищающих права человека и смогут помочь нам выйти из нашего безвыходного положения.

Старший пресвитер
Вашенко Григорий Лаврентьевич
Приморский край,
город Находка, ул. Веселая, дом 16
Бресенден Евгений Адольфович
Приморский край,
город Находка, ул. Линейная, 1 ряд, дом 3а

Май 1974

Автобиография

Я, Бресенден Евгений Адольфович, родился в 1941 году в городе Барнауле, Алтайского края в семье рабочих.

Отец Бреседен Адольф Карпович — машинист паровоза, мать Калабухова Ефросинья Михайловна — ткачиха. Отец в 1941 году был взят на фронт и там погиб. Мать в 1944 году уверовала в Бога, а в 1949 году была осуждена на 10 лет лишения свободы в связи с религиозными убеждениями.

С восьми лет я был помещен в детдом. После смерти Сталина мать была освобождена, но не реабилитирована, и забрала меня из детдома.

В 1957 году я уверовал в Бога и принял крещение, обещав служить Богу в доброй совести.

В 1962 году был осужден на 3 года лишения свободы за религиозные убеждения. Освободился в 1965 году и сразу включился в активную религиозную деятельность. Многочисленные вызовы к органам власти, оскорбления, угрозы отнять детей привели

меня к мысли, что в этой стране я чужой, что моя Родина меня изгоняет. Поэтому я вынужден ходатайствовать об эмиграции в любую страну, не преследующую за религиозные убеждения.

16 апреля 1973 года я подал заявление с просьбой об эмиграции в Президиум Верховного Совета СССР, на что получал многократные отказы. Сейчас вместе со своей семьей я полон решимости добиваться возможности эмигрировать из СССР.

7 мая 1974 г.

Е. Бресенден

Автобиография

Я, Вашенко Григорий Лаврентьевич, проживаю в СССР в Приморском крае, в городе Находка.

Я родился в 1927 году в семье крестьянина. Мои родители — верующие христиане Веры Евангельской — Пятидесятники.

Отец за религиозные убеждения был осужден в 1942 году на 10 лет лишения свободы, где и погиб в невыносимо тяжелых условиях крайнего Севера. Мать умерла в 1941 году. Мы, дети, остались без родителей и без средств к существованию, пережив тяжелые годы голода.

В 1948 году я принял крещение, обещая служить Богу в доброй совести.

В 1952 году включился в активную религиозную деятельность, а в 1954 году назначен пресвитером общины города Черногорска.

В 1956 году был назначен старшим пресвитером Кемеровской области и Красноярского края. За годы религиозной активной деятельности был сотни раз оклеветан в советской печати, подвергался неоднократным принудительным приводам в КГБ и другие органы советской власти. Подвергался многократным приводам непосредственно с Богослужбных собраний. Многократно был оштрафован денежными штрафами.

В 1961 году за руководство и организацию религиозных общин Красноярского края и Кемеровской области был осужден на 10 лет лишения свободы, в том числе на 2 года закрытого тюремного режима, 5 лет ссылки в отдаленные районы Севера. По многомиллионным протестам из-за рубежа в связи с подачей верующими города Черногорска в ООН жалобы на репрессии в СССР я был освобожден в 1964 году досрочно. Но до настоящего времени постоянно слышу от представителей различных органов

Советской власти угрозы о лишении свободы, угрозы отобрать детей.

С 16 апреля 1973 года подал 5 заявлений с просьбой об эмиграции. На все заявления получал последовательные отказы.

Сейчас полон решимости добиваться эмиграции с другими членами наших общин.

7 мая 1974 года

Ващенко Г. Л.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

ЗАЯВЛЕНИЕ В. М. МАРАМЗИНА *)

У меня есть смутное ощущение вины, которое коренится, вероятно, в исконном для нас отсутствии правосознания. Мой друг, ленинградский писатель и историк Михаил Хейфец уже больше месяца находится в следственной тюрьме. По дошедшим до нас отголоскам, он арестован за издание в самиздате пятитомника Иосифа Бродского и за свою статью о его стихах.

Следователь прекрасно знает, что самиздат — не издательство. Знает он также, что Хейфец не причастен к собиранию стихов Бродского. Всем известно, что в течение трех лет стихи собирал я, потому что Бродский, как всякий большой мастер, никогда не хранил, щедро раздавал свои стихи. Я хотел собрать их, чтобы сохранить для русской культуры всё, что сделано этим великим поэтом. Те люди, которые сейчас причастны к гонениям на Бродского, еще при своей жизни будут им гордиться. Я же предпринял и еще один шаг, чтобы сохранить с таким трудом собранные тексты: отправил их за границу, где сейчас живет и автор. Может быть, это кому-то не нравится, но мною двигала лишь забота о русской культуре. Я вовсе не герой. Но не был героем и мой дед, деревенский священник, который почему-то не сложил сана и предпочел в 1931 году умереть в Соловках. Вероятно, не был героем и мой отец (рабочий, еврей), ушедший добровольцем на фронт и убитый в 1942 году под Ленинградом. Приходит время каждому сделать что-то своё.

При обыске 1 апреля у меня были отняты все мои рукописи. Не мне судить, хороши они или нет. Но я уверен, что всё, написан-

*) Писатель В. Марамзин был арестован 24-го июня 1974 г.

ное нами, не случайно, и писатель имеет обязательства перед своими рукописями. Поэтому я собрал их вновь (люди сохранили) и тоже послал за рубеж. Если какие-либо издательства или журналы заинтересуются моими рассказами или повестями, пусть знают: моё согласие на печатание теперь вполне обдуманно.

И последнее. У арестованного Михаила Хейфеца двое маленьких детей, оставшихся без всяких средств. Любая помощь, любое доброе слово полезно сейчас ему и его семье. Имя Хейфеца не слишком известно широкому читателю, хотя он напечатал две книги (историческое исследование и роман о народовольцах), не считая многих публикаций. Но ведь печально, если станет законом, что известность писателя начинается с момента суда над ним.

Михаил Рувимович Хейфец живет в Ленинграде, Новороссийская улица д. 22 кв. 45.

30 мая 1974 г.

Владимир Марамзин

Ленинград, 195249, ул. С. Ковалевской
д. 17, к. 3 кв. 105 тел. 49-48-43

ПИСЬМО РАИСЫ МОРОЗ В ПЭН-КЛУБ

Уважаемый г-н Председатель Пэн-Клуба!

Пишу Вам в надежде на быстрый и эффективный отклик на мою просьбу: иначе моего мужа ждет мучительная гибель.

Вы, наверное, слышали о нем: это Валентин Мороз. Он арестован четыре года назад за свои публицистические произведения: «Репортаж из заповедника имени Берия» и статьи в защиту украинской культуры: «Хроника сопротивления», «Среди снегов», о стихах Евдокии Лось. Разумеется, ни одна из этих работ в СССР не опубликована, но мне известно, что на Западе они были напечатаны.

Приговор мужу чрезвычайно жесток: шесть лет тюрьмы, три года лагерей и пять лет ссылки. Он уже четыре года находится во Владимирской тюрьме, из них два последних — в одиночке. Муж тяжело переносит тюремное заключение, и у него есть все основания бояться за свой рассудок, если ему придется оставаться в тюрьме еще два года. Поэтому с 1 июля он объявил бессрочную

голодовку с требованием заменить оставшиеся годы тюремного заключения лагерем. Он не прекратит голодать до тех пор, пока не добьется своего, так как предпочитает смерть безумию.

Сравнительно недавно заступничество председателя Пэн-Клуба Г. Белля помогло в почти аналогичной ситуации Андрею Амальрику. Я исчерпала все доступные мне официальные возможности помочь мужу. Теперь у меня одна надежда — на заступничество мировой писательской общественности, и в первую очередь — Ваше г-н Председатель.

Я обращаюсь к Вам открыто, и чем больше писателей и вообще добрых людей узнают о судьбе Валентина Мороза и примут в ней участие, тем более вероятна его победа.

Запросы о нем можно делать по адресу:

СССР, Владимир областной,
600020

учреждение ОД/СТ2 Начальнику Учреждения
(это адрес тюрьмы).

Мой адрес:

СССР, Украинская ССР,
Иваново-Франковск
ул. Набережная, д. 14, кв. 1
Мороз Раисе

**ОРГАНИЗАЦИИ «ЭМНЕСТИ ИНТЕРНЕЙШНЛ»
(«МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ»)**

ШЕНУ МАКБРАЙДУ

Уважаемый господин Макбрайд!

Я прошу Вашу организацию и Вас лично незамедлительно выступить в защиту одного из самых благородных и мужественных советских инакомыслящих — Игоря ОГУРЦОВА.

Суть дела такова. Референт-переводчик, семитолог по специальности Игорь Вячеславович Огурцов (1937 г. рождения) был арестован в Ленинграде 15 февраля 1967 г., а в апреле 1968 г. осужден Ленинградским городским судом по статье 64 УК РСФСР («Измена Родине») к 15 годам лишения свободы, включая 7 лет

тюрьмы, и к 5 годам ссылки. «Измена Родине» заключалась в том, что И. В. Огурцов создал и в течение нескольких лет руководил Всероссийским Социал-Христианским Союзом Освобождения Народа — нелегальной противоправительственной организацией. Создание нелегальных политических объединений обычно карается советским судом СЕМЬЮ годами (статьи 70 и 72). Ожесточение наказания (20 лет вместо 7) ленинградские судьи мотивировали тем, что теоретической целью ВСХСОН было — заменить существующий режим иной, социал-христианской системой. По этой причине Огурцову, а также трем его товарищам инкриминировали «ЗАГОВОР С ЦЕЛЬЮ ЗАХВАТА ВЛАСТИ». Никаких связей с советским генералитетом, ни с другими реальными силами члены ВСХСОН не имели. Вся их деятельность ПРАКТИЧЕСКИ свелась к поискам, обсуждению и распространению немарксистской, большей частью философской и религиозной, литературы. Всего в организации было около 20 человек, большинство из них были осуждены по статьям 70 и 72 («Анτισоветская пропаганда» и «антисоветская организация»). И только четверо — Огурцов, Садо, Вагин и Аверичкин — вопреки советскому же закону и здравому смыслу обвинены в «измене» и «заговоре».

Согласно приговору Игорь Огурцов отбыл 7 лет тюремного заключения и 1 марта 1974 г. прибыл из Владимирской тюрьмы в один из политлагерей Пермской области. Однако спустя месяц, 4 апреля 1974 г. Огурцов был ВОЗВРАЩЕН в тюрьму, а именно в Пермский тюремный изолятор. Тюремная администрация заявила Огурцову, что он взят из лагеря для направления на ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ экспертизу.

Таким образом, Огурцову грозит участь генерала Григоренко. До ареста Игорь Огурцов был отличным спортсменом, пловцом, фехтовальщиком. Теперь он гипертоник, инвалид II группы — Владимирская тюрьма довела его до утраты физического здоровья. Ныне над Огурцовым еще более страшная угроза — бесконечная пытка тюремной психобольницы.

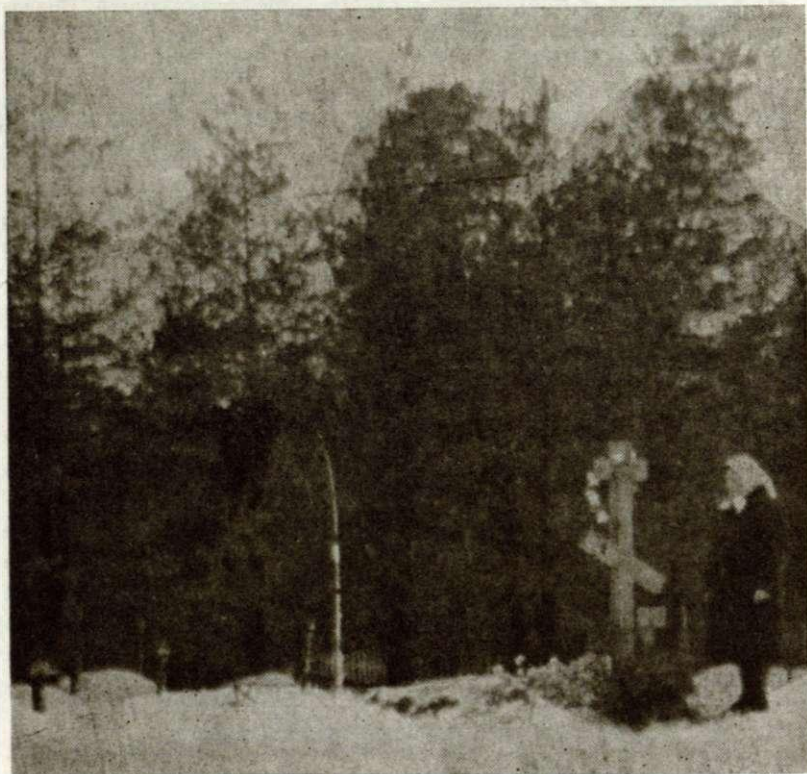
Я прошу Вас попытаться предотвратить новую жестокую расправу над человеком, благородное имя которого широко известно в России и за рубежом.

25 мая 1974 г.

Владимир Осипов
г. Александров

ЗАЯВЛЕНИЕ В СВЯЗИ С 35-ЛЕТИЕМ Ю. Т. ГАЛАНСКОВА

Мать Ю. Галанскова у могилы сына в лагерной зоне
В виде исключения было дано разрешение поставить православный крест.

19 июня 1974 года Юрию Тимофеевичу ГАЛАНСКОВУ, мученику борьбы за права человека в СССР, исполнилось бы 35 лет. Юрий Галансков погиб в лагерной больнице полтора года назад. Его смерть — жестокий итог бесчеловечного режима в тюрьмах и политлагерях СССР. Мы, бывшие узники и друзья Юрия Галанскова, напоминаем всем, в ком живо сострадание, что сегодняшней режим для политзаключенных в СССР есть продуманная система разрушения здоровья и глумления над человеческим достоинством. Циничное истязание генерала Григоренко, домучивание Буковско-

го, Огурцова и сотен других «неисправимых» — вот «практический вклад» Советского Союза в дело международной разрядки. Совсем недавно политзаключенный Александр Романов, — до ареста студент-историк, — доведенный произволом лагадминистрации до отчаянного протеста, бросился в запретную зону. Только случайность спасла его от неминуемой гибели.

В день 35-летия Юрия Галанскова, человека и гражданина, мученика и гуманиста, мы вновь протестуем против варварского режима в политлагерях и тюрьмах СССР. Мы призываем мировую общественность, Международный Красный Крест и организацию «Эмнести интернейшнл» приложить максимум усилий для скорейшего расследования условий содержания политических заключенных в Советском Союзе.

Леонид БОРОДИН
Николай ИВАНОВ
Владислав ИЛЬЯКОВ
Валентина МАШКОВА
Владимир ОСИПОВ
Вячеслав РОДИОНОВ
Станислав СЕРЫЙ.

Москва, 19 июня 1974 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ В. Н. ОСИПОВА

Как мне стало известно, месяц назад, 12 апреля 1974 г. произошло нападение со взломом и грабежом на квартиру моей знакомой, друга А. И. Солженицына — Неоницелы Георгиевны Снесаревой, проживающей в Москве по улице Зорге, дом 18, корпус 120, квартира 14. Литературовед-переводчик, Н. Г. Снесарева занимается изучением творчества Солженицына с 1963 года.

12 апреля около 5 часов вечера Снесаревой позвонил по телефону не назвавший себя субъект, который попросил встретиться с ним «по срочному делу» якобы «ПО ПОРУЧЕНИЮ ОСИПОВА». Зная о том, что на протяжении марта месяца я был открыто блокирован агентами КГБ на своей квартире в Александрове и опасаясь еще более худшего со мной, Неоницелла Георгиевна, несмотря на пожилой возраст и болезнь, поспешила на встречу с «посыльным от Осипова» к одному из выходов станции метро «Аэропорт». Она ждала долго, но никто так и не явился. Заехав еще в одно место, Снесарева к 10 часам вечера вернулась домой. Дверь в квартиру

была взломана, а дверь в комнату — раскрыта настежь. По странному совпадению соседи в этот вечер отсутствовали. Из ящиков стола Снесаревой были украдены ВСЕ БУМАГИ, касающиеся А. И. Солженицына, а именно:

1. Семь папок со всеми произведениями писателя, кроме книги «Архипелаг ГУЛАг», которую Снесарева еще не читала.
2. Объемистая папка со всеми статьями и заметками о Солженицыне в советской печати.
3. Папка со статьями о нем из иностранной печати.
4. Письма Солженицына Неонилле Георгиевне.
5. Девять фотографий Александра Исаевича.

Кроме того, были похищены документы самой Снесаревой: диплом об окончании Литинститута в 1941 г., справка об окончании аспирантуры, а также копировальная бумага. Деньги и одежду, паспорт и трудовую книжку грабители НЕ взяли. На валике пишущей машинки Снесаревой просвещенные взломщики оставили записку:

«Дорогая Неонилла Георгиевна! Давно Вас просили, Вы отказывали. Поверьте, Александр Исаевич нам не менее дорог, чем Вам. Прочтем. Возможно, вернем. Искренне преданные Вам, с совершенным почтением». На подпись, естественно, смелости не хватило.

Я протестую против разбойного нападения на квартиру литературоведа Н. Г. Снесаревой и кражи ее исследовательских материалов.

Я протестую также против вероломного использования моего имени в этом деле и предупреждаю всех своих друзей и знакомых о возможности новых провокаций с использованием моего имени «тайной мафией» и ее агентами.

Владимир Осипов,

редактор девяти номеров журнала «ВЕЧЕ»

10 мая 1974 г.

В последних числах ноября пришло известие об аресте Владимира Осипова.

Из жизни РСХД

РАЗРЫВ С ФЕДЕРАЦИЕЙ

ПИСЬМО СЕКРЕТАРЮ МИРОВОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ХРИСТИАНСКИХ СТУДЕНЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ
(FUACE)

Отцу Эмилио Чиаппи, секретарю Европейского отдела
37 quai Wilson, 1201 Genève, Suisse

Господин Секретарь,

Ваш предшественник, должно быть, поставил Вас в известность о том, что существовавший между нашим Движением и Федерацией ряд разногласий грозил вызвать пересмотр наших отношений с «FUACE».

Вы могли заметить прежде всего, что, в плане практическом, наши взаимоотношения уже с некоторого времени стали слишком вялыми и эпизодичными, чтобы быть успешными. Это положение должно было рано или поздно быть пересмотрено.

Но теперь вопрос уже не только в этом.

Идеологическая эволюция Федерации с 1968 года нас изумила и озаботила, разногласия теперь нам кажутся столь существенными, что мы сочли необходимым пересмотреть наши взаимоотношения.

В нескольких строках не изложить полностью все вопросы, которые нас разделяют. Мы отлично знаем, что они обширны, полны противоречий и парадоксов, и мы вынуждены в этом письме ограничиться лишь несколькими сторонами, которые нам представляются наиболее важными.

Наше разногласие заключается главным образом в основных целях, которые за последние годы поставила себе Федерация: классовую борьбу, борьбу за «социализм» в Западной Европе, и особенно, усиление роли марксистской идеологии в Федерации.

Устав Движения неизменно утверждал, что одной из основных его задач должна быть именно борьба с этой идеологией, которую мы считаем не только несовместимой с Христианством, но и лицемерной, опасной и реакционной.

Мы считаем необходимым со всей определенностью заявить, что марксизм — если изучать объективно историю XX-го века

— не только не был в состоянии разрешить ни одной основной проблемы, которые представляются человечеству, но даже умножил разрушения, нищету, террор и истребления, и был причиной одной из самых кровавых тираний во всей человеческой истории.

Мы вынуждены засвидетельствовать, что Федерация, по необъяснимому и смущающему смешению понятий, практически перестала ссылаться на Писание и на Господа нашего Иисуса Христа, и выражает свои мысли только на языке заимствованном именно из самого примитивного марксизма.

В передовице 6-го номера журнала «WSCF EUROPE» мы читаем: «Если европейские федерации не стремятся больше к открытию нового смысла веры, библии и самого Иисуса Христа, то стоит ли нам ещё обсуждать эти вопросы в течении ближайших четырёх лет?.. Преимущество отдаётся теме «Освобождение», связанной особым образом с классовой борьбой и борьбой против капитализма с его психологическими и культурными последствиями в странах Западной Европы...»

В документах предварительных к конференции Федерации было ясно сказано, что марксизм должен быть не только обличителем капиталистического строя, но и основой для строительства нового типа общества.

Наше Движение не ставит себе целью оправдание капитализма перед лицом социализма, или наоборот, но его задание — стараться, по мере возможности, бороться против всякой тирании или несправедливости.

Таковой должна быть также и цель «FUACE».

Однако «FUACE», всегда готовая разоблачать с крайним возмущением «пороки» капиталистического строя, ни разу не сочла нужным протестовать против событий, происшедших за последние годы в Восточной Европе, а именно: резкое прекращение, в известных всем условиях, попытки создать «гуманный социализм» в Чехословакии, в 1968 г.; подавление танками рабочего восстания в Польше, в 1970 г.; заключение в лагеря и психиатрические лечебницы защитников Прав Человека в СССР; отказ в свободе информации и передвижения для миллионов людей во всей восточной половине нашего континента.

Почему Федерация никогда не протестовала против религиозных гонений в советской России?

Ведь все эти факты, и множество других, вызвали тревогу и недоумение даже в рядах многих коммунистических партий Западной Европы. Почему же Федерация никогда о них не упоминает?

Вы сами, Господин Секретарь, в Вашей передовице 8-го номера «WSCF EUROPE», подробно говорите о Греции, о Чили, но тщательно умалчиваете о репрессиях против интеллигенции в СССР, тогда как это явление привлекло внимание всех общественных кругов в Западной Европе. Не является ли эта проблема хотя бы столь же важной как и эпизоды экзотических революций, или же расовый состав баскетбольной команды в Южной Африке?

Мы читаем там же, что «за последние годы европейские федерации перешли от смутной согласованности, основанной всего лишь на общей христианской традиции, к действительному единству, основанному на общей борьбе против капитализма... Мы отлично знаем, что проповедь любви и примирения является всего лишь мистификацией, позволяющей переносить буржуазный порядок...»

Ещё важнее с нашей точки зрения: в одном из предварительных документов, исходящем из совещания глав университетов, который Вы распространяли по поводу собрания европейского комитета в октябре 1973, было предложено «ради сближения» и «рядки напряжения между народами», попросту исправить исторические книги, содержащие факты неприятные для советского режима 30-х годов.

Таким образом предлагается спокойно подделать исторический факт — сталинский террор — хотя он был разоблачён самим советским режимом!

Наша совесть не позволяет нам больше нести ответственность, хотя бы нашим молчанием, за ваши двусмысленные поступки, и, после долгих размышлений, совет Р.С.Х.Д. постановил, к большому своему огорчению, прервать на неопределённое время свои отношения с Федерацией и снять с себя ответственность за все решения принятые вами за последние 5 лет.

Мы остаёмся конечно внимательны ко всякому возможному объяснению, которое Вы захотели бы нам дать в своё оправдание.

В избежании недоразумений, мы просим Вас принять прилагаемый при сем чек, который Вы любезно прислали нам недавно. Во всяком случае, мы не можем более принимать от Вас никакой помощи.

Примите, Господин Секретарь, уверение в совершенном нашем уважении.

Председатель РСХД прот. А. Князев
Главный секретарь РСХД К. Ельчанинов

Копия этого письма послана всем организациям — входящим в состав Федерации.

ХРОНИКА Р.С.Х. ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ 1973-74

Кинематографический сеанс (18 декабря 1973)

Как каждый год, был устроен, с целью подкрепить финансовую базу, кинематографический сеанс.

В первом отделении был показан самоделишный подпольный фильм заснятый в Москве в 1970 году. В нём зрители увидели и услышали П. Якира, А. Краснова-Левитина, жену Григоренко. Этот фильм, технически, увы, очень несовершенный, был прекрасно прокомментирован его создателем В. Тельниковым.

Во втором отделении была показана драматическая комедия известного режиссера Рене Клер "Моя жена — ведьма".

В этом году спектакль собрал сравнительно мало зрителей и сбор был весьма невелик.

Театральный спектакль (28 апреля 1974)

Возобновленный театральный спектакль прошёл с большим успехом. Театральная группа РСХД под талантливой режиссурой В. Субботина прекрасно справилась с трудной задачей: по случаю юбилейного года Островского было решено поставить пьесу "Волки и овцы". Несмотря на длинноты (особенно в первом действии), молодым и менее молодым актерам удалось передать богатство языка, отдельные, очень удачные композиции, и общую слаженность пьесы. Просторный зал в 1000 мест был почти полон.

Весенний съезд (1-2-3- июня 1974)

Традиционный весенний общий съезд РСХД совпал в этом году с православной Троицей, что многим, задержанным приходскими обязанностями, не позволило приехать в первые два дня, в субботу и воскресенье.

А жаль! Съезд был посвящен различным аспектам христологии. Заменявший в последнюю минуту иеромонаха Льва Жилле, Николай

Анатольевич Куломзин прочел прекрасный доклад об образе Христа в Евангелии, одновременно глубокий, точный и доступный.

Оливье Клеман дал развернутую картину христологии у апостола Павла. Его доклад был чрезмерно насыщен и не всегда доходил до слушателей.

В воскресенье днем, со свойственной ему убежденностью и горячностью, прот. Алексей Князев объяснил выражение "во Христа облестся", и начертал путь вживания во Христа.

Традиционным гвоздём съезда был доклад прот. Александра Шмемана, в этом году на тему "Христос и Церковь". Показав сначала отклонения — как восточные так и западные — в понимании этого краеугольного соотношения, А. Шмеман попытался дать двойное динамическое определение Церкви как: 1) Христа в нас, 2) нас во Христе. Съезд закончился докладом Н. А. Струве на тему "Христос в подсоветской литературе". Докладчик, опираясь на произведения Мандельштама, Ахматовой, Булгакова, Пастернака, Максимова и Солженицына, показал насколько современная литература христоцентрична.

В первый раз после войны, весенний съезд имел место не в традиционном "Биевре", разгромленном "хиппи", а в русском детском приюте в Монжероне под Парижем. Благодаря стараниям Н. А. Андрониковой многолюдный съезд прошел в отличных условиях.

Приходская школа

Приходская школа РСХД при нашем храме существует еще с "Монпарнасских" времен, т. е. около 45 лет. Она принимала разные формы (во время оккупации в виде частных уроков) и разные размеры. Еще десять лет тому назад в ней было около ста учащихся; в этом году в нее записалось всего 45 детей. Еще недавно большинство учащихся настолько хорошо говорили и понимали русский язык, что мы могли, и не без успеха, придерживаться программы средней русской школы. Шесть учеников нашей школы получили первые и вторые призы на Concours général de Russe. Теперешнее поколение детей уже не может без помощи родителей готовить свои уроки и читать книги на русском языке. Будем, однако, продолжать нашу работу, покуда будут родители желающие, чтобы их дети имели представление о православной вере, о русском языке, а также о литературе и истории России.

Вечерние приходские лекции.

В ответ на настоятельные просьбы старых движенцев и пожилых прихожан нашего храма мы устраиваем, с помощью проф. П. Е. Ковалевского (он находит лекторов), вот уже третий год, ежемесячные лекции на религиозные, литературные, художественные и исторические темы. Эти доклады читаются на русском языке и, пока что, касаются исключительно России. Они пользуются большим успехом, увы, почти только у людей "засреднего" возраста; для молодого поколения русский язык, а м. б. и сами темы являются серьезным препятствием.

Упомянем несколько тем и имен докладчиков. На современные темы читал проф. П. Е. Ковалевский о "духовных мотивах в современной русской литературе" и М. Н. Энден о "Значении для современной и буду-

щей России личности и творчества А. С. Солженицына". Б. Н. Лосский прочел несколько лекций о русском искусстве. Его лекции всегда иллюстрированы диапозитивами. С. П. Жаба прочел лекции из истории русской литературы. Уже составлена программа для наступившего "учебного года".

Летний лагерь РСХД (с 3-го июля по 15-ое августа)

Летний лагерь РСХД в 1974 году прошел успешно. Количество участников достигло 140 человек. Присутствие нескольких детей, недавно приехавших из России, содействовало укреплению русской речи в лагере. Как всегда, лагерная программа строилась вокруг усиленной церковной и духовной жизни: богослужения, молитвы, уроки Закона Божьего, паломничество, общее говение всего лагеря за каждой Литургией осмыслили всю нашу работу.

Хорошая погода позволила устроить ряд горных походов. Облегченная общелагерная программа помогла усилению отрядной жизни. Следует упомянуть также о двух важных моментах лагеря: о съезде для старших участников лагеря, посвященном теме святости и счастья, и об исключительно хорошем вечере поэзии, посвященном в этом году теме "ночь".

НЕКРОЛОГ

Памяти З. Г. СЕРИКОВОЙ

Зинаида Григорьевна Серикова родилась в Финляндии 14 октября 1906 г. Она была дочерью известного и всеми любимого в Финляндии прот. Григория Светловского и была воспитана в патриархальной, церковной семье. В Финляндии же она окончила среднее образование и с ранних лет пела на клиросе в церкви отца. Она любила музыку, церковную в особенности, и мечтала о музыкальной карьере. Для осуществления этого З. Г. поехала в Париж, чтобы получить в русской консерватории музыкальное образование. Жизнь в Париже многие годы была очень трудной, надо было учиться и одновременно зарабатывать на жизнь. З. Г. мечтала стать певицей, т. к. имела очень хороший голос, но рано повредила голосовые связки, — и путь этот для нее оказался навсегда закрытым, что было большой драмой для нее.

Однако, ее природная музыкальность оказалась плодотворной в области церковного пения. З. Г. много послужила церкви в качестве регента в храмах Парижа. Она была, по приглашению матери Марии Скобцовой, регентом в Покровской Церкви на rue Lourmel, а затем в Введенском Храме РСХД, а кроме того принимала живое участие в организации хорового пения на французском языке в нижней церкви rue Daru. З. Г. не только адаптировала музыку русских церковных композиторов к французским текстам, но и писала сама. Она написала музыку на французские слова для евхаристического канона и на многие песнопения Страстной Седмицы (Да исправится молитва моя... Ныне силы небесные с нами невидимо служат... Вечеря Твоя Тайная днесь Сыне Божий... Разбойника благоразумного... Чертог Твой вижду, Спасе...).

Глубоко любя церковные службы, ценя все это богатство, она особенно ревновала, чтобы они стали источником духовной жизни каждого христианина. З. Г. всегда горела миссионерским пафосом, всегда защищала творческую инициативу в Церкви и была сторонницей новых форм, которые помогли бы христианам стать активными прихожанами Церкви. В частности, ей была очень дорога идея перевода богослужений на современные языки, поэтому она всегда предлагала свой труд комиссиям, которые вели работу в этой области. Ценила красоту славянского языка, она все же считала, что он для современного человека стал языком полупонятным и полумертвым и всегда горевала, что ничего не понимала из Св. Писания, читанного на паремиях.

Сама будучи укорененной в русской стихии, З. Г. хотела своими переводами и адаптациями литургических текстов и песнопений на французский язык помочь православной молодежи на Западе уже молиться на близком ей языке.

З. Г. всю свою жизнь интересовалась работой РСХД. Вступив в Движение, она до конца дней своих оставалась активным работником РСХД. В 1938 г. она вышла замуж за Георгия Серикова, принявшего затем священный сан, и стала его постоянной помощницей и сотрудницей. В трудных эмигрантских условиях воспитала троих детей.

Последние 15 лет она тяжело страдала от астмы, перенесла несколько операций и, несмотря на испытания, живо интересовалась жизнью РСХД и фактически проводила всю работу по корректуре "Вестника РСХД".

Помимо этого, с 1965 г. по 1974 г. Зинаида Григорьевна корректировала большинство книг, изданных YMCA-PRESS. Эту работу она рассматривала, как служение Церкви и России, и исполняла ее с изумительной тщательностью. Часто типограф, доставляя корректуру, просил сделать ее в кратчайшее время и не было случая, когда его просьба не была бы исполнена. С предельной ответственностью З. Г. относилась к порученной работе, часто срочную корректуру исполняла она работая по ночам. Особенно взыскательной в своей работе она была, когда трудилась над корректурой книг Солженицына. К каждому слову Солженицына она относилась с благоговением и радовалась, что Бог послал такого великого писателя русскому народу в эпоху его тяжелых страданий и испытаний. Каждую новую книгу Солженицына она воспринимала как яркое проявление сострадательной любви автора к своему народу и как зов предостерегающий человечество не повторить ошибок русского народа.

Она особенно следила за всеми документами, свидетельствующими о процессе религиозного возрождения России, и очень радовалась, что дело о. Дмитрия Дудко (1974) показывало, что в настоящее время рус-

ская молодежь уже серьезно интересуется религиозной мыслью и жизнью Церкви, что вера в России крепнет и растет.

Все, близко знавшие Зинаиду Григорьевну в последние годы, когда тяжкая болезнь неотступно умаляла ее силы, не могли не восхищаться ее выдержкой, стойкостью и работоспособностью.

Поистине, мы потеряли не только прекрасную сотрудницу, но и верного друга Издательства и РСХД.

И. В. Морозов

23 октября 1974 г. на 84 году жизни скончался видный религиозный мыслитель Владимир Николаевич Ильин. Статьи о нем будут напечатаны в следующем номере "Вестника РХД".

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

...Журнал из номера в номер становится все более и более интересным и, может быть смело назван самым интересным русским "толстым" журналом. Последний № 111 полон замечательного материала. Взять хотя бы очень умную статью Нелидова, которая вызвала у нас здесь столько дискуссий! Очень интересны были и все отклики на Архипелаг ГУЛАг. Но вот, что удивительно: ни один человек, начиная с самого автора и кончая последним рецензентом, не нашли нужным хотя бы три слова сказать о Иване Солоневиче. Ведь до появления Солженицына с его "лагерными" произведениями был только один случай, когда произведение на эту тему стало всемирным бестселлером. И этим произведением был именно роман Солоневича "Россия в концлагере"! Не даром агенты НКВД посылали Солоневичу в Софию, где он обосновался после бегства с Беломорканала, адскую машину в пакете, которой была убита его жена! Не следует, конечно, сравнивать писательские таланты Солоневича и такого гиганта русской современной литературы, как Солженицын, но отдать должное тому, что сделал первый совершенно необходимо. Тем более, что Солоневич пострадал не только от советской, но и от гитлеровской власти. Ведь за несогласие сотрудничать с немцами он был выслан в Померанию и содержался там под домашним арестом до самого прихода советской армии. Я был одним из тех, кто помог Солоневичу и его сыну когда они бежали в Гамбург и обратились за помощью к английским военным властям.

Мстислав Могилянский

главный редактор Русского отдела Канадского Радио

Исправление

Ошибки в цитатах из Мандельштама в статье Ю. Карабчевского.

стр.	Напечатано	Следует читать
141	Послать хандру к туману, к Богу, к ляду...	к бесу, к ляду...
146	Она у вас бесстыдно прижалась	Она у нас...
153	Над гнойной книгой, над книгой дорогой	над глиной дорогой
156	Ни пиши, ни поденины, ни лжи	Ни хищи,...
156	Чтоб я их предал	Чтоб я теперь их предал
159	Слабогрудая речная волокита	Эта слабогрудая речная волокита
163	Проверенный в чистках как соль	Проваренный в чистках как соль

SOMMAIRE

Liminaire :

1. Encore quelques mots sur l'orientation de la revue.
2. A propos de la lettre d'A. Soljénitsyne au Concile de l'Eglise hors-frontières — N. Struve 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

- Entretiens spirituels (N° 2 et N° 10), extraits du livre « **Rendre compte de notre espérance** » — Père Dimitri Doudko (URSS) 7

- Sermon sur la fête de l'Introduction de Notre-Dame au Temple** — Père Georges Sérikoff 37

- Le sacrement de la parole** — Père A. Schmemmann (USA) 40

- L'héritage de l'école canonique russe** — Mgr Grégoire (Afonski) (USA) 54

CHRISTIANISME ET JUDAISME

- De l'attitude des chrétiens envers le judaïsme** — Gr. N. Z. (URSS) 63

- Commentaires sur deux articles** — Père A. Schmemmann (USA) .. 91

PROBLEMES D'EGLISE

- Lettre d'A. Soljénitsyne au 3e Concile de l'Eglise russe hors-frontières** 99

- Réponse du métropolite Philarète** 111

PROBLEMES SOCIAUX ET POLITIQUES

- Le « Katharsis » des Etats-Unis** — Père C. Fotiev (USA) 116

- En marge d'un jubilé (Centenaire de N. Berdiaev)** — A. Kolessov (URSS) 122

DOCUMENTS (pour servir à l'Histoire de la Culture russe).

- Lettre inédite de V. Rozanov à P.-B. Struve** 142

- Souvenirs sur mon père (extraits)** — T. Rozanova (URSS) 147

LITTERATURE ET VIE

- L'oncle de Tver (chapitre inédit de la version complète du « Premier cercle »)** — A. Soljénitsyne 160

- Vers nouveaux** — J. Brodski 174

- Réflexions sur le « Maître et Marguerite »** — Anatole Béli (URSS). 178

- Résurrection de l'esprit (Archipel Goulag, T. II)** — M. Heller (Paris) 204

LES DESTINEES DE LA RUSSIE

- L'importance internationale de la « Lettre aux dirigeants soviétiques »** — M. Agourski (URSS) 217

- « Sous les décombres »** — Réd. 226

- Personne et conscience nationale** — V. Borissov (URSS) 229

Hommes et faits :

1. **La persécution des croyants.**

- L'affaire du Père D. Doudko** 261

- La situation de la Laure de Potchaev** 282

- Extraits de la Chronique de l'Eglise Lithuanienne** .. 283

- Documents sur la persécution des baptistes et des pentecôtistes** 295

2. **La persécution des dissidents.**

- Lettres de V. Maramzine, V. Ossipov, P. Moroz, etc.** ... 302

LA VIE DE L'ACER

- Rupture avec la FUACE** 309

- Chronique de la vie de l'ACER** 312

- Nécrologie : Z. Sérikova** — J. Morosov 314

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции:

1. Еще о направлении журнала.	
2. По поводу письма А. Солженицына Собору "Синодальной церкви" — Н. Струве	3
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Из книги "О нашем уповании", беседа вторая и десятая — свящ. Дмитрий Дудко (СССР)	7
Слово на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы — прот. Георгий Сериков (Париж)	37
Таинство слова — прот. А. Шмеман (США)	40
Наследство русской канонической школы — епископ Григорий (Афонский) (США)	54
ХРИСТИАНСТВО И ИУДАИЗМ	
Об отношении христиан к иудаизму — Гр. Н. З. (СССР)	63
По поводу двух статей — прот. А. Шмеман (США)	91
ВОПРОСЫ ЦЕРКВИ	
Письмо А. Солженицына Третьему Собору "Зарубежной Русской Церкви"	99
Ответ митрополита Филарета	111
ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ	
Американский катарсис — прот. К. Фотиев (США)	116
Неюбилейные размышления (к 100-летию со дня рождения Н. Бердяева) — А. Колесов (СССР)	122
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
Неизданное письмо В. В. Розанова П. Б. Струве	142
Из воспоминаний об отце — Т. Розанова (СССР)	147
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Тверской дядюшка (неизданная глава из текста полной редакции "В круге первом") — А. Солженицын	160
Из новых стихов — И. Бродский	174
О "Мастере и Маргарите" — Анатолий Белый (СССР)	178
Воскрешение духа (Архипелаг ГУЛАг, т. II) — М. Геллер (Париж)	204
СУДЬБЫ РОССИИ	
Международное значение "Письма к вождям" — М. Агурский (СССР)	217
"Из-под глыб" — Ред.	226
Личность и национальное самосознание — В. Борисов (СССР)	229
Люди и факты:	
1. Преследование верующих	
Дело свящ. Дмитрия Дудко	261
О положении Почаевской Лавры	282
Из хроники Литовской католической Церкви	283
Преследование баптистов и пятидесятников	295

2. Преследование инакомыслящих

Заявление В. Марамзина, письмо Р. Мороз, письмо В. Осипова в «Amnesty International», заявление в связи с 35-летием Ю. Галанскова, заявление В. Осипова 302

ИЗ ЖИЗНИ ДВИЖЕНИЯ РСХД

Разрыв с Федерацией 309
Хроника РСХД за 1973-74 г. 312

Памяти З. Сериковой — И. Морозов 314

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор: Зинаида ШАХОВСКАЯ

РУССКАЯ МЫСЛЬ" - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

« La Pensée Russe », 217, rue du Fg Saint-Honoré, 75008 Paris
Tél. : 824-96-47 ; 766-21-83 ; 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	35	64	116
ЗАГРАНИЦА	39	70	130

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 Paris

Цена отдельного номера 3 фр.

ИЗДАТЕЛЬСТВО YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris

	Фр.
ИЗ-ПОД ГЛЫБ — Сборник статей, Москва 1974. Стр. 280 ..	30,00
Стремя "Тихого Дона" — "Д". Загадки романа.	
Предисловие А. Солженицына. Стр. 193	27,00
СОЛЖЕНИЦЫН А.	
Прусские ночи (поэма) текст и пластинка (читает автор)	25,00
Письмо Вождям Сов. Союза	7,50
Архипелаг ГУЛag. Т. I	40,00
Архипелаг ГУЛag. Т. II	42,00
Август 14. Узел I	45,00
В круге первом	42,00
Раковый корпус	35,00
Один день Ивана Денисовича.	
Матрёнин двор	15,00

ИЗДАТЕЛЬСТВО « LES EDITEURS REUNIS »

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris

	Фр.
СВИРСКИЙ Григорий — Заложники.	
Роман-документ. Стр. 460	48,00
Роман охватывает эпоху с 1924 по 1971 гг., пове- ствует о Советском Союзе под углом зрения наро- стания в нём государственного антисемитизма.	
БЕТАКИ Василий — Замыкание времени. Сборник стихов.	
Предисловие В. Вейдле. С порт. автора. Стр. 176	36,00
БЕРДЯЕВ Н. — О рабстве и свободе человека	27,00
" — Царство Духа и царство Кесаря	20,00
" — Смысл истории (3-е издание)	24,00
БУЛГАКОВ Мих. — Три пьесы:	
Адам и Ева. Багровый остров. Зойкина квартира ..	24,00
БУЛГАКОВ прот. С. — Православие	25,00
ВЕХИ — Сборник статей о русской интеллигенции: Бердяева, Изгоева, Б. Кистяковского (с изд. 1909)	31,00
ИЗ ГЛУБИНЫ:	
Сборник статей о русской Революции (с изд. 1921)	30,00

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

XXXVIII-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

- В Австралии:** — M. Solovey, «Our word», P.O. Box 178, Potts point,
N.S.W. 2111 Sydney, Australie.
— Mrs B. Szobovits, 11 Dianden ave., Marden.
West Australie.
- В Америке:** Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass.
02178, U.S.A.
- San Francisco:** Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Fran-
cisco, Calif., 94122, U.S.A.
- В Англии:** The Centre for the study of religion and communism.
34 Lubbock Road, Chislehurst, Kent BR7 5JJ.
- В Швеции:** Bishop S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19,
Suède.

Directeur responsable: Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.